DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Arsen'eva, S. D.
Razskazy iz istorii zapadnykh okrain Rossii.

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ИСТОРІИ

ЗАПАДНЫХЪ ОКРАИНЪ РОССІИ

ВЫПУСКЪ I

ЛИТВА И БАЛТІЙСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

С. Д. АРСЕНЬЕВОЙ

Съ портретомъ Государыни Императрицы и съ 20-ю рисунками въ текстѣ

ИЗДАНІЕ УЧИЛИЩНАГО СОВѢТА ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СУНОДѢ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СУНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ
1904

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 Іюля 1904 года.

947
A 781R
vyp. 1-2

Ея Императорскому Величеству

Государынѣ Императрицѣ

Маріи Ѳеодоровнѣ

съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

всепреданнѣйше посвящаетъ

авторъ.

БРУТЕНЯ и ВОЙДЕВУТЪ,

легендарные герои древнихъ литовцевъ.

Въ VI вѣкѣ по Р. Х. на западъ отъ славянскихъ земель, по юго-восточному берегу Балтійскаго моря, въ нынѣшней Пруссіи и нашихъ губерніяхъ: курляндской съ частью лифляндской, ковенской, виленской, сувалкской, минской и гродненской, жили мелкія племена благодушныхъ ульмигеровъ *). То воюя, то дружа между собою и съ своими сосѣдями, они иногда сильно бѣдствовали отъ набѣговъ лютыхъ мазовшанъ **), которые, налетая, точно бурный потокъ, предавали огню и разоренію ихъ мирныя жилища! Безпощадно хозяйничали дикія рати по всему низовью, между Вислою и Нѣманомъ, грабили, убивали жителей. Ни старъ, ни малъ не находилъ пощады, и цвѣтъ страны, лучшіе изъ ея юношей, должны были слѣдовать плѣнниками за побѣдоноснымъ

---

*) Они впослѣдствіи стали извѣстны подъ именемъ литовцевъ, которыхъ есть вѣскія основанія считать родственными славянамъ.

**) Одно изъ польскихъ племенъ, жившее по средней Вислѣ, Нареву и Бугу.

врагомъ. Стонъ стоялъ по всей опустошенной мѣстности, и волны Балтики суровой далеко разносили вопли женъ и матерей, не хотѣвшихъ утѣшиться въ разлукѣ съ милыми, теперь вѣчными плѣнниками дикихъ враговъ.

Въ отчаяніи, чувствуя свою безпомощность, бѣдняги оставляли свои жилища и брели, поникнувъ головами, къ берегу родного моря, простирая къ небу трепещущія руки, взывая раздирающими душу воплями къ таинственнымъ силамъ природы, прося помощи въ бѣдѣ.—И вотъ—взмиловалось море, услышало небо ихъ стоны! Въ отвѣтъ на отчаянные вопли явилась имъ помощь изъ мглистой дали! Сквозь слезы показался несчастнымъ бѣднякамъ бѣлый парусъ, хотя еще далеко, очень далеко, тамъ, гдѣ синее небо спускается въ синія волны. За первымъ парусомъ показался другой и третій, наконецъ стала ясно видна цѣлая флотилія легкихъ судовъ, направляющихся къ берегу. Впереди шла большая красная ладья, вся разрисованная по бортамъ пестрыми разводами, съ краснымъ парусомъ на красномъ древкѣ и съ синими веслами.

На носу блестѣлъ двѣнадцати-головый змѣй съ разинутыми пастями и торчащими изъ нихъ копьеобразными жалами; туловище чудовища проходило подъ носомъ, и на кормѣ виднѣлось изображеніе раздвоеннаго, чешуйчатаго рыбьяго хвоста. Ладья была полна витязями въ блестящемъ воинскомъ одѣяніи. Толпа оцѣпенѣла и смолкла отъ удивленія: что за невиданное чудовище приближается къ нимъ изъ пучины морской? Это не были знакомые купцы-скандинавы, ежегодные гости, привозившіе товары для обмѣна.—Это ратные люди: на яркомъ солнышкѣ такъ и блестятъ ихъ воинскіе доспѣхи; на ихъ красивыхъ,

удалыхъ лицахъ чувствовалась мощь и отвага. Струсили бѣдные ульмигеры, пали ницъ передъ незнакомцами, ожидая новой, невѣдомой бѣды, новыхъ насилій, новыхъ страданій. Изъ красной ладьи вышли два статныхъ воина, которые добрымъ взглядомъ и кроткой рѣчью начали ободрять перепуганныхъ туземцевъ. Съ трудомъ удалось имъ успокоить толпу и растолковать ей, что не враги они и прибыли сюда не притѣснять, а мирно и счастливо жить въ обоюдномъ согласіи. Тогда ободренные ульмигеры раскрыли передъ добрыми, привѣтливыми пришельцами свое горе, свои кровавыя раны, моля о защитѣ и покровительствѣ, моля о помощи въ освобожденіи своихъ дорогихъ плѣнниковъ.

Удалымъ пришельцамъ эти рѣчи пришлись по сердцу. Давно искали они славы ратной, а въ дни отдыха—покоя и удобнаго пріюта; давно выжидали случая, подобно варягамъ на Руси, водрузить гдѣ нибудь свое владѣльческое знамя. Мольба о помощи понравилась честнымъ храбрецамъ. Они рѣшили высадиться на гостепріимномъ берегу и, знакомясь съ мѣстностью, стали постепенно влiять на туземцевъ своимъ добрымъ нравомъ, честными обычаями. Успокоилась понемногу злосчастная Ульмигерія: по теченію Вислы и Нѣмана вновь потекла жизнь подъ дружескимъ вліяніемъ пришельцевъ: рать и туземцы сливались въ счастливый народъ; тогда предводители пришельцевъ-скандинавовъ, братья Брутеня и Войдевутъ, рѣшили промежъ себя, что можно уже собрать мѣстныхъ старѣйшинъ, посовѣтоваться съ ними и вмѣстѣ разсудить, какъ вѣрнѣе избавиться отъ сосѣдей-враговъ и оградить себя отъ унизительной дани. Передъ собравшимися на кличъ скандина-

вовъ туземными стариками вышелъ мудрый Войдевутъ и сталъ объяснять имъ, что всѣ бѣды родины происходятъ отъ безпечности жителей. «Всмотритесь внимательно въ жизнь вашихъ любимыхъ многочисленныхъ пчелъ», говорилъ онъ: «и у нихъ есть матка, которой всѣ повинуются, трудясь на общую пользу безъ устали. Послѣдуйте этому мудрому примѣру, выберите себѣ общаго начальника,—пусть онъ защищаетъ васъ отъ враговъ, разбираетъ споры, удерживаетъ отъ грабежа и разбоя и защищаетъ невинныхъ. Пусть въ его рукахъ будетъ власть и законъ!»— По душѣ пришлась старѣйшинамъ эта правдивая рѣчь. Посудили они промежъ себя и рѣшили, что хорошо бы послѣдовать его совѣту,—выбрать старшаго надъ старшими, главу надъ всѣми ими, не исключая и скандинавской дружины, которая также должна признать надъ собою главенство избранника всей страны. Только, кого же выбрать? кому вручить свою судьбу? кому подчинить свою дорогую свободу? Въ своей средѣ имъ не на комъ было остановить выбора, приходилось поклониться одному изъ иноземныхъ предводителей. Вотъ и пошли старики къ старшему брату, всегда молчаливому и кроткому, Брутенѣ. Но какъ ни молили его, какъ ни просили, онъ наотрѣзъ отказался отъ власти: тяжело было бы ему думать о житейскихъ дѣлахъ, неурядицахъ, когда его сердце, его мысли витали далеко надъ землею: онъ весь былъ проникнутъ любовію къ роднымъ богамъ своего далекаго отечества, мечтая когда нибудь посвятить себя исключительному служенію имъ.— «Не хочу вынимать меча изъ ноженъ!» говорилъ онъ: «не хочу поднимать руки даже на недруга! не сумѣю защитить праваго, наказать виновнаго! Просите брата:

онъ храбръ, мужественъ: подъ его сильною защитою будете вы жить безобидно, а недруги ваши почувствуютъ тяжесть его побѣдоноснаго меча!»—Правъ былъ мудрый Брутеня: поняли это старики и пошли съ поклономъ къ Войдевуту.—«Твой братъ», сказали они ему, «любитъ только своихъ, невѣдомыхъ намъ, боговъ, онъ посылаетъ насъ бѣдныхъ, беззащитныхъ къ тебѣ,—взмилуйся, возьми въ руки кормило правленія, избавь насъ отъ нашихъ враговъ и собственныхъ неурядицъ!»—Задумался скандинавскій боецъ,—трудна была задача: ратные товарищи были сварливы, подчасъ буйны; вся его власть основана была на суевѣріи туземцевъ, подчинявшихся ему, какъ носителю мира и утѣшенія въ жестокіе дни печали и страданій. Призвалъ онъ на совѣтъ мудраго брата; они вмѣстѣ принялись измышлять средства, которыми можно освятить въ душахъ ульмигеровъ законы правды и добра, развить въ нихъ религіозныя начала, дать видимыя формы неясному ихъ вѣрованію.

Въ одну тихую безлунную ночь опытные скандинавскіе пловцы доставили на своихъ ладьяхъ изъ родной земли трехъ наиболѣе чтимыхъ боговъ-идоловъ: Перкуна, Атримпоса и Поклуса, выбрали среди прекрасной рощи огромный дуплистый дубъ съ вѣчно зеленѣющею, по преданію, листвой, поставили въ дуплѣ истукановъ, обнесли все пространство изгородью и назвали это мѣсто «Ромове» *), т. е. затишье. Братьямъ посчастливилось выполнить задуманное дѣло. Когда труды ихъ были окончены и жители оповѣщены, что должны собраться около указаннаго мѣста, тогда, точно сама природа сговорилась

*) Теперь на этомъ мѣстѣ стоитъ городъ Полангенъ.

съ ними: пока собирались ульмигеры, изъ-за моря налетѣли черныя, громовыя тучи, небо потемнѣло и всю ночь, по всему побережью, бушевала свирѣпая буря, наводя безумный страхъ на собравшуюся толпу. На утро яркое солнышко выглянуло изъ-за убѣгавшихъ тучъ, ободряя и согрѣвая перепуганный народъ. Вдохновенный Брутеня, принявшій обязанности верховнаго жреца, подъ именемъ «Криве-Кривейто», т. е. судія судей, вышелъ изъ-за стѣнъ «Ромове» и началъ успокоивать народъ такою рѣчью: «Вы слышали громъ, видѣли молнію! это и былъ голосъ боговъ, выбравшихъ именно это мѣсто для своего пребыванія. Здѣсь вы должны клятвенно обѣщать во вѣки вѣчные оставаться вѣрными ихъ поклонниками. Они же будутъ всегда править вами, своимъ возлюбленнымъ народомъ, чрезъ своего служителя, главу жрецовъ.—«Криве-Кривейто!»

На все безъ возраженій согласились кроткіе по природѣ ульмигеры. Они разнесли по всей родной землѣ вѣсть о страшномъ, грозномъ явленіи боговъ, о мудрыхъ рѣчахъ Брутени и данной богамъ клятвѣ.

Долго и мирно управляли братья страною, названною Брутеніею въ честь всеобщаго любимца—Брутени. Народъ привыкъ вѣрить правотѣ и мудрости своихъ правителей, которые неутомимо заботились о его благѣ. Войдевутъ счастливо побѣждалъ сосѣдей, и народъ думалъ, что онъ всегда дѣйствовалъ по указанію боговъ, которые говорили съ нимъ при посредствѣ Брутени.

Достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, братья рѣшили раздѣлить страну между 12-ю сыновьями Войдевута. Народъ собрался по призыву любимыхъ вождей передъ своимъ святилищемъ, открылись ворота «Ро-

Литво положилъ свою правую руку на голову Брутени, а лѣвою прикоснулся къ священному дубу. (Къ стр. 7.)

мове», и благочестивые поклонники были допущены лицезрѣть, какъ «Криве-Кривейто» поставилъ передъ священнымъ дубомъ одного изъ сыновей Войдевута,—Литво,—и приказалъ ему дать клятву въ своемъ полномъ повиновеніи главному жрецу и богамъ. Литво положилъ свою правую руку на голову Брутени, а лѣвою прикоснулся къ священному дубу, произнося торжественно слова требуемой клятвы. Тогда ему отдали во владѣніе всѣ земли между Бугомъ и Нѣманомъ, назвавъ ихъ, въ отличіе отъ остальной Брутеніи, «Литвою». Эта именно мѣстность особенно свято и твердо хранила отцовскія преданія и вѣрованія до самой той поры, когда ее озарилъ свѣточъ христіанскаго ученія.

Брутеня и Войдевутъ не долго жили послѣ земельнаго раздѣла: когда старшему минуло 132 года, а младшему—116, они нашли, что достаточно потрудились на благо основаннаго и благоустроеннаго ими государства, что настало время успокоиться, и потому рѣшили принести себя въ жертву любимымъ богамъ.

Въ присутствіи всѣхъ 12-ти сыновей, правителей и несмѣтной толпы народа, они взошли на костеръ, сложенный передъ священнымъ дубомъ, сами подложили священный огонь подъ сухія дрова и умерли, увѣщевая литовцевъ, съ ихъ князьями, вѣрно хранить родные законы, родныя преданія, оберегая страну отъ неистовыхъ мазовшанъ, живя въ мирѣ и согласіи, по волѣ боговъ, передаваемой смертнымъ чрезъ посредство жреца «Криве-Кривейто».

ИСТОЧНИКИ:

1) Вѣстникъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края.
2) *П. Д. Брянцевъ.* Исторія литовскаго государства.
3) *М. Турцевичъ.* Хрестоматія по исторіи западной Россіи.
4) *А. Соколовскій.* Исторія Польши.

ВОЙТѢХЪ и БРУНЪ,

католическіе миссіонеры въ Литвѣ. 1009 г.

МИРЪ и спокойствіе царили вокругъ языческой святыни «Ромове», на восточномъ берегу Балтійскаго моря. Потомки ульмигеровъ свято хранили свои древніе законы, охотно, съ любовью подчинялись приговорамъ своего верховнаго жреца, вѣщаго Криве-Кривейто, котораго считали толкователемъ законовъ высшихъ боговъ. Священное «Ромове» собирало подъ сѣнь своихъ вѣковыхъ дубовъ безчисленныя толпы поклонниковъ, приносившихъ обильныя жертвы въ даръ своимъ любимымъ богамъ.

Не по сердцу приходились католическому Западу эти языческіе обряды, идолы, капища. Не столько по религіознымъ побужденіямъ, сколько въ погонѣ за владычествомъ и славой земной, римскій папа посылалъ миссіонера даже въ православную Русь, мечтая обратить ее въ католичество. А тутъ, на границѣ съ христіанской Польшей, по всему побережью Балтій-

скаго моря, живутъ цѣлыя поселенія жрецовъ, толпы войделотовъ *) и войделотокъ, разносящихъ повелѣнія своихъ жрецовъ по всей пространной литовской землѣ. Красуется языческое «Ромове» и въ немъ благоговѣйно поддерживается неугасимый священный огонь. Нѣтъ, этого нельзя стерпѣть властолюбивымъ папамъ, надо уничтожить, стереть съ лица земли это идолослуженіе и его полновластныхъ представителей!

Польскій король Болеславъ Храбрый, послушный сынъ римскаго престола, сочувствуя святому дѣлу распространенія Евангелія среди язычниковъ, далъ пражскому архіепископу Войтѣху прекрасное судно и отборныхъ тѣлохранителей. Отплыли изъ Данцига, въ неизвѣстную даль, ревнители западнаго ученія и направили свой путь на востокъ, къ устьямъ рѣки Аа. Тутъ набожный Войтѣхъ, проникнутый святостью своего подвига, отказался отъ всякаго видимаго земного отличія. Онъ отправилъ своихъ блестящихъ спутниковъ обратно на родину, а самъ пошелъ вглубь страны, только съ двумя преданными учениками, монахами. Не мало удивились ихъ появленію въ первомъ прибрежномъ селеніи: это не были обычные гости изъ-за моря, нѣмецкіе или норманскіе купцы!—Чуденъ ихъ видъ, да и мало ихъ!—«Что вамъ нужно отъ насъ? зачѣмъ пришли вы къ намъ? кто вы такіе?» осторожно спрашивали изумленные туземцы, косясь недовѣрчиво на пришельцевъ.

Войтѣхъ умѣлъ говорить на прусскомъ нарѣчіи. Высоко поднявъ надъ головою св. крестъ, онъ вдохновенно сталъ объяснять жителямъ, что пришелъ къ нимъ, какъ Божій посолъ, учить христіанской вѣрѣ,—

*) Служители при капищѣ «Ромове».

что, поклоняясь своимъ истуканамъ, они готовятъ себѣ, за гробомъ, ужасныя нескончаемыя муки.—«Бросьте идоловъ!» воскликнулъ онъ: «поклонитесь единому истинному Богу, Творцу неба и земли! тогда вы будете спасены! будете по смерти наслаждаться вѣчнымъ неописуемымъ блаженствомъ!» Угрюмо встрѣтили пруссы—литовскаго племени эту краснорѣчивую проповѣдь: они любили своихъ идоловъ, жрецы незлобиво правили страною, мирно текла ихъ жизнь въ родныхъ равнинахъ. Чего же хотятъ отъ нихъ пришельцы?—«Мы имѣемъ одну общую вѣру, одни общіе законы во всей странѣ, на границѣ которой вы стоите!» отвѣчали они твердо. «Ваша вѣра намъ чужда, а потому идите прочь, удалитесь отъ насъ. Мы не нуждаемся ни въ васъ, ни въ вашихъ рѣчахъ, ни въ вашей вѣрѣ! уходите только скорѣе, чтобы, когда послѣ ночи, снова взойдетъ доброе солнышко на своей золотой колесницѣ, оно не увидѣло бы васъ на нашей литовской землѣ!»

Нечего было дѣлать, пришлось бѣднымъ монахамъ уходить въ ночную темь, по неизвѣстной мѣстности. Но шли они, творя молитву и прося Господа озарить темныхъ бѣдняковъ свѣтомъ истины евангельской, склонить ихъ сердца къ пониманію правды и добра христіанскаго ученія. Передъ разсвѣтомъ, отъ утомленія, путники рѣшились отдохнуть около какой-то стѣны, окружавшей прекрасную благоухающую рощу. Обезсиленные дальнимъ путемъ и пережитыми волненіями, сотворили они молитву и заснули, предавшись всецѣло покрову святого Промысла.

На разсвѣтѣ пошелъ главный жрецъ «Криве-Кривейто» совершать свое утреннее поклоненіе богамъ въ ихъ священной рощѣ «Ромове» и остолбенѣлъ, уви-

дѣвъ какихъ-то незнакомцевъ, спящихъ у самаго входа въ его святилище. Онъ поднялъ тревогу: сбѣжались служители капища, съ возмущеніемъ разглядывая проснувшихся, ничего не понимавшихъ, чужестранцевъ. По приказу повелителя, они безжалостно умертвили Войтѣха, какъ очистительную жертву для умилостивленія боговъ, обиженныхъ, по увѣренію «Криве-Кривейто», близостью иновѣрныхъ къ стѣнамъ ихъ «Ремове». Умеръ въ страшныхъ страданіяхъ первый христіанскій мученикъ на литовской землѣ, пострадавъ за свое рвеніе къ просвѣщенію язычниковъ свѣтомъ Христова ученія, а его спутниковъ заключили въ оковы, 23 апрѣля 997 г.

Огорчился, обидѣлся Болеславъ, когда дошла до него скорбная вѣсть! Тотчасъ послалъ гонцовъ просить, а если нужно и требовать возвращенія католическому міру останковъ мученика. Дикари охотно согласились, но только назначили выкупъ: столько мѣръ серебра, сколько вѣсило тѣло Войтѣха, христіанскаго «Криве-Кривейто», какъ они говорили. На все согласились искренно огорченные поляки, и пошелъ народъ толпами на встрѣчу своей святынѣ. Болеславъ и духовенство, во главѣ съ саксонскимъ епископомъ Бруномъ, посланцемъ германскаго императора Оттона III, поклонились до земли останкамъ мученика и съ честью погребли ихъ на родинѣ, въ г. Гнѣзднѣ *).

Провожая тѣло служителя алтаря Господня, положившаго жизнь за вѣру Христову, набожный Брунъ рѣшилъ, что грѣшно ему оставаться празднымъ и пользоваться почестями при дворѣ Болеслава. Добросовѣстно донесъ онъ въ Римъ о своемъ путешествіи

*) Въ теперешней прусской провинціи—Познани.

въ православную Русь, хвалилъ благочестіе, вѣротерпимость князя Владиміра, но при этомъ высказалъ свое убѣжденіе, что Западу не одолѣть Востока. Крѣпка на Руси вѣра греческая, твердо внѣдрилось православное незлобіе въ безхитростныя славянскія сердца. «Русь», писалъ онъ, «сильна своимъ православіемъ, ибо князь и народъ по всей землѣ говорятъ и молятся на одномъ языкѣ, духовенство же неустанно трудится, кротко поучая свою паству. Какъ яркій свѣточъ, горятъ дѣла любви и милосердія пастырей церкви, и ихъ горячія молитвы къ Престолу Вседержителя служатъ лучшимъ оплотомъ противъ иноземной проповѣди!» Нѣтъ, не строптивому, хитроумному Западу покорить православный Востокъ! «Потому онъ,—Брунъ,—отказывается проповѣдывать католическое вѣроученіе въ предѣлахъ Русской земли, но смиренно испрашиваетъ позволенія святого отца на новый подвигъ,—продолжать благое дѣло мученика Войтѣха, водрузить крестъ Господень на мѣстѣ его страдальческой кончины».

Благословеніе и разрѣшеніе не заставили себя ждать. И пошелъ кроткій проповѣдникъ святого Евангелія по пути, только что обагренному кровію мученика, въ Пруссію, къ кореннымъ ея жителямъ, язычникамъ—пруссамъ, одному изъ многихъ литовскихъ племенъ.

Мирно, любовно велъ Брунъ свое святое дѣло. Добродушный народъ прислушивался къ его кроткимъ рѣчамъ, случалось ему и вліять на нѣкоторыхъ изъ нихъ кротостію да лаской.

Однажды встрѣтился епископъ съ Нетимеромъ, предводителемъ сосѣдняго округа. Тотъ подвергъ проповѣдника строгому допросу и, выслушавъ, далъ суровый отвѣтъ: «У насъ свои боги, чужихъ намъ не

надо, и потому не хотимъ ни васъ слушать, ни вамъ вѣрить!» Ревнитель правды Божіей не стерпѣлъ дерзости язычника, схватилъ вблизи стоявшаго истукана и повергъ его на горѣвшій костеръ. Испуганно, въ оцѣпенѣніи, смотрѣли язычники, какъ пламя пожирало ихъ мнимое божество. Затрепеталъ отъ злобы Нетимеръ и торжественно воскликнулъ: «Если огонь составляетъ испытаніе правоты вѣроученія, то надо бросить на костеръ дерзкаго иноземца, осмѣлившагося поднять руку на нашу святыню. Сгоритъ онъ,—будетъ наказанъ страданіемъ за лживую проповѣдь; если же онъ останется невредимымъ въ пламени, то, значитъ, онъ правъ, и всѣ мы безпрекословно поклонимся его Богу!» Звѣрское повелѣніе было тотчасъ исполнено. Христіанскій мученикъ, по словамъ его товарища и жизнеописателя монаха Виперта, пробылъ невредимымъ въ пламени, пока вмѣстѣ со своими спутниками не пропѣлъ 7-ми псалмовъ Давида, прося помощи у Господа и восхваляя Его милосердіе. Истуканъ же—былъ пожранъ пламенемъ до основанія. Изумленію язычниковъ не было предѣла.

Нетимеръ и все его племя съ плачемъ пали къ ногамъ христіанъ, моля простить ихъ и научить святой, правой вѣрѣ. Съ восторгомъ принялся ревностный проповѣдникъ учить, крестить и наставлять полюбившихся ему дикарей.

Но, видно, не пришло еще время всеобщаго обращенія литовскихъ племенъ въ христіанскую вѣру. Возмутились сосѣди; отступничество Нетимера отъ вѣры отцовъ привело въ ярость жрецовъ.—Они вступились за идоловъ и напали на вновь обращенныхъ христіанъ, истребили ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ ихъ учителемъ Бруномъ и его сподвижниками, 14 февраля 1009 г.

Дошла новая горькая вѣсть до Кракова! Не стерпѣлъ Болеславъ. Онъ вторгнулся въ страну пруссовъ, по крѣпко замерзшимъ болотамъ прошелъ ее вдоль и поперекъ съ огнемъ и мечемъ: разорилъ священное «Ромове», истребилъ идоловъ, умертвилъ жрецовъ, увелъ въ плѣнъ жителей и тѣмъ наказалъ невѣжественныхъ идолопоклонниковъ за смерть невиннаго христіанскаго мученика.

ИСТОЧНИКИ:

1) Вѣстникъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края.
2) *П. Д. Брянцевъ.* Исторія литовскаго государства.
3) *М. Турцевичъ.* Хрестоматія по исторіи западной Россіи.
4) *А. Соколовскій.* Исторія Польши.

Городня 1125-го года, теперешняя Гродна.

НА КРУТОМЪ берегу Нѣмана гордо высится красивый, деревянный замокъ городненскихъ князей. Ярко отражаются въ тихихъ водахъ широкой рѣки куполы и верхи соборнаго храма и княжескаго терема. Стрѣльчатыя окна терема настежь отворены, и въ одномъ изъ нихъ виднѣется статная русская красавица. Задумчиво смотрятъ въ живописную даль ея чудные голубые глаза, и крупныя слезы текутъ по грустному,—еще не старѣющему лицу. А въ воздухѣ заунывно разносится широкой волной благовѣстъ въ большой колоколъ соборнаго, величественнаго храма, сзывая православный людъ къ сорокодневной молитвѣ за упокой души великаго князя кіевскаго Владиміра Всеволодовича Мономаха. Его дочь, княгиня Агаѳія, отстояла уже раннюю обѣдню въ своей теремной церкви и теперь, глядя на прелестныя окрестности Городни, душой и мыслію переносилась туда, на Днѣпръ, къ Кіеву, гдѣ ея супругъ, князь Всеволодъ Давыдовичъ, вмѣстѣ со всѣми родичами, русскими князьями, хоронилъ у св. Софіи своего великаго тестя.

По тогдашнему обычаю, княгиню Агаѳію въ дѣтствѣ обручили за прекраснаго правнука Ярослава Великаго и дали въ приданое красивую Городню, основанную еще полоцкимъ княземъ Рогволодомъ, отцомъ злосчастной Рогнѣды,—родоначальникомъ полоцкихъ князей, потомковъ старшаго Владимірова сына—Изяслава. Этотъ плодородный, многолюдный удѣлъ по берегамъ Нѣмана и Городничанки граничилъ тогда съ землею ливовъ.

Княгиня мало помнила свою мать, красавицу Гиду, дочь англійскаго короля Гаральда; но часто, за-то, навѣщалъ ее, свою любимицу, князь Владиміръ Всеволодовичъ. Дочь напоминала ему и красотой и умомъ дорогую, любимую подругу. Онъ всегда охотно гостилъ въ родной ему семьѣ, на западной окраинѣ своихъ обширныхъ владѣній. Зять сочувствовалъ всѣмъ благимъ его начинаніямъ и ревностно трудился, выполняя добрыя намѣренія геніальнаго тестя. Западная Русь ширилась, крѣпла, богатѣла въ рукахъ мудрыхъ правителей.

«Что-то будетъ теперь», думала гродненская княгиня. «Братъ Мстиславъ уменъ, добръ, ретивъ,—какъ отецъ, но онъ насъ мало знаетъ, тяготѣетъ къ строптивымъ новгородцамъ. Не будутъ ли тѣ обижать тихихъ, мирныхъ городненскихъ людей? будутъ ли еще оба князя дружить между собою? Оцѣнитъ ли кіевскій властелинъ ея дорогого, любимаго Всеволода?» И слезы еще обильнѣе потекли по блѣднымъ щекамъ. Княгиня такъ углубилась въ свои заботливыя мысли, что не слыхала, какъ отзвонили къ «Достойно», не замѣтила, какъ народъ, приходившій въ церковь съ того берега, сталъ усаживаться въ лодки и переправляться черезъ Нѣманъ. Ее вывелъ изъ задумчивости толчекъ въ

дверь, и два любимыхъ княжича, Борисъ и Глѣбъ, вбѣжали въ опочивальню. Ласкаясь, перебивая другъ друга, они стали разсказывать ей, какъ епископъ служилъ обѣдню, какъ хорошо они пѣли вмѣстѣ съ боярскими дѣтьми на клиросѣ, какъ плакалъ народъ, когда поминали ихъ почившаго дѣда, и показывали, какія большущія просфоры подалъ имъ, по окончаніи службы, о. діаконъ.

Глядя на своихъ красавцевъ, слушая ихъ ласковые голоса, княгиня немного успокоилась, вытерла слезы, улыбнулась той чарующей улыбкой, которую унаслѣдовала отъ матери, и, усадивъ ихъ около себя, по обычаю, очень живо, занимательно стала разсказывать имъ о славномъ прошломъ дорогой родины, о мудромъ дѣдѣ, незабвенной бабкѣ, англійской принцессѣ Гидѣ, дочери несчастнаго Гаральда. Дѣти всегда просили повторять эти грустныя страницы страданій бѣдныхъ англійскихъ принцессъ и неистовствъ Вильгельма, предводителя норманновъ. Отъ нихъ рѣчь перешла къ германцамъ, прибрежнымъ жителямъ Нѣмецкаго моря. Дѣти узнавали, что эти берега были извѣстны съ незапамятныхъ еще временъ, что торговые сыновья юга, древнѣйшіе, неутомимые мореплаватели,—финикіяне,—являлись добывать янтарь на островахъ и по берегамъ нашей Балтики.

Теперь на этихъ родныхъ, славянскихъ водахъ самовластно хозяйничаютъ воинственные датчане, шведы, германцы. Крѣпко засѣли они въ мѣстечкѣ Висби, на о. Готландѣ, все чаще наѣзжаютъ на материкъ; германцы добрались и до Новгорода, скрѣпляя свою дружбу и торговлю съ богатою русской вольницей и ея языческими данниками. Мало было имъ привозить свои товары для обмѣна въ ту же Го-

родню, Новгородъ, Псковъ, Полоцкъ, Смоленскъ,—они начали строить свои дворы, съ амбарами, на городскихъ концахъ, стали обносить ихъ тыномъ, укрѣплять. Тогда на эти поселенія очень миролюбиво смотрѣли благодушныя русь, жмудь и литва, ливы, корсь, емь и корелы. Товары складывали у нихъ, но за то и отъ нихъ брали, хорошо платя за богатое сырье.

Княгиня прекрасно знала исторію, жизнь и своихъ подданныхъ и сосѣдей, данниковъ. Рѣчь ея текла такъ живо, вразумительно. Дѣти слушали съ такимъ вниманіемъ, что и не замѣтили, какъ время пролетѣло до самаго обѣда. Только тогда оба мальчика заволновались и наперерывъ стали разсказывать, какъ въ это утро, послѣ обѣдни, они видѣли на церковной паперти какого-то старика, который, по словамъ ихъ пѣстуна, пришелъ съ сѣверо-запада, съ моря.—«Съ того, значитъ, моря, о которомъ я сейчасъ вамъ говорила»,—замѣтила княгиня.—«Онъ поетъ о быломъ своей родины».—«Да развѣ вы не слыхали», перебила дѣтей княгиня, «какъ поютъ паломники о Палестинѣ, Святой землѣ, горѣ Аѳонской, Царьградѣ?»—«Это все не то, матушка-княгиня, онъ поетъ о какихъ-то Ванемѣ, Имантѣ».—«Помнится, я что-то уже слыхала объ этомъ. Не то жрецъ былъ этотъ Иманта, не то проповѣдникъ. Разсказывали что-то, кажется, о томъ, какъ пришли изъ-за моря купцы, или норманны».—«Ну да, ну да, такъ говорили и бояре съ пѣстуномъ. Только онъ твердитъ, что старикъ—язычникъ, и безъ твоего позволенія мы не смѣемъ его окликнуть».—«Правъ, какъ всегда, вашъ мудрый пѣстунъ». Дѣти перепугались: ну, если совсѣмъ нельзя? а имъ такъ хочется слушать пѣніе. И они снова при-

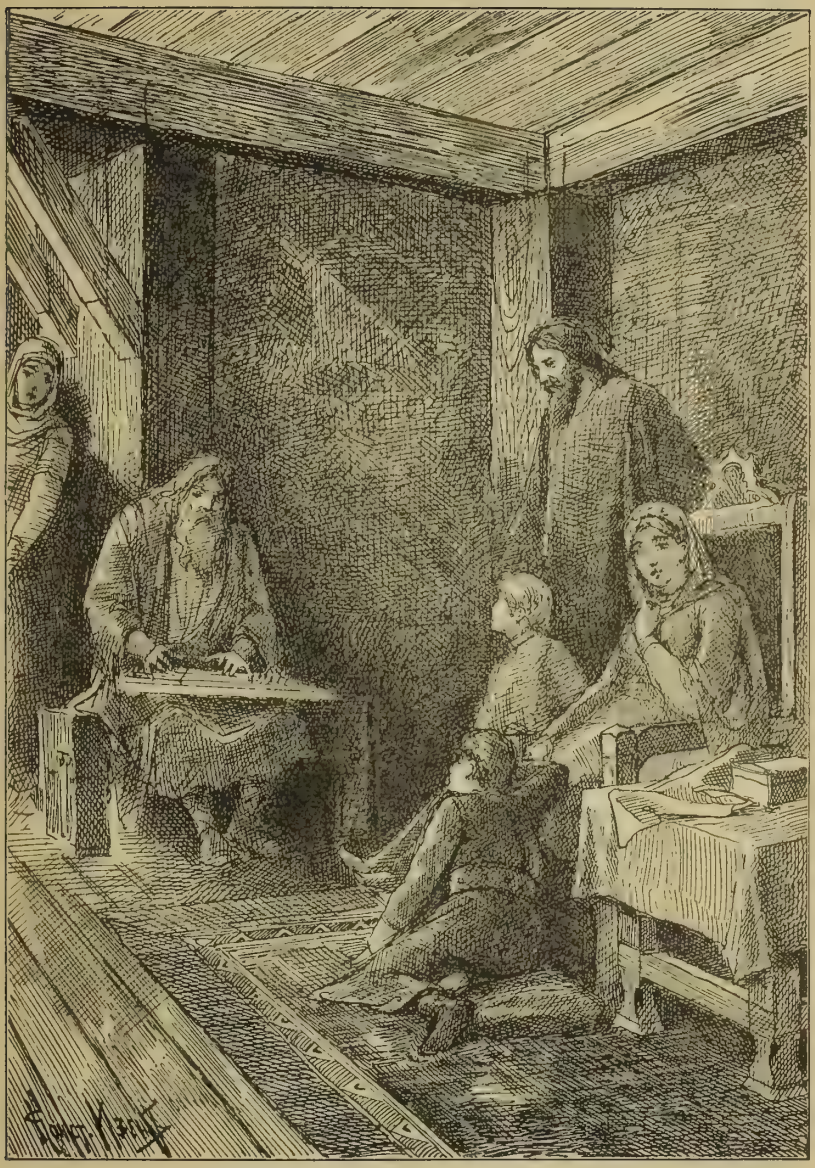
нялись молить княгиню-мать позволить имъ послушать гусляра.—«Видите ли, бояринъ-пѣстунъ не могъ самъ позволить, не испросивъ моего согласія. Теперь мы всѣ соберемся къ трапезѣ, а тамъ посмотримъ,—можетъ, рѣшусь я и сама взглянуть на занятнаго старика».

Дологъ показался, на этотъ разъ, обѣдъ милымъ княжичамъ: приходилось сидѣть чинно, молча слушать разговоры старшихъ. Точно нарочно, духовникъ княгини ужъ очень пространно говорилъ о благомъ обычаѣ поминать усопшихъ. Она же жалѣла, что не могла, по нездоровью, быть въ городскомъ соборѣ, молиться съ дѣтьми и народомъ. Тутъ княгиня взглянула на сыновей, вспомнила ихъ просьбу и спросила: кто видѣлъ стараго странника на паперти? Оказалось, что онъ привлекъ вниманіе очень многихъ, такъ что даже батюшка заинтересовался имъ. Когда прочитали обычныя благодарственныя молитвы послѣ трапезы, княгиня послала, къ всеобщему удовольствію, за пѣвцомъ, котораго сама собралась слушать съ благословенія своего духовника.

Пришелъ, низко кланяясь, невѣдомый странникъ. Угрюмъ онъ на видъ; какъ лунь, бѣла его сѣдая голова, весь точно высохъ онъ въ своемъ сѣромъ зипунѣ. Глубокія морщины исполосовали высокій, открытый лобъ, безысходное горе читалось въ суровыхъ, свѣтлыхъ глазахъ. Онъ сѣлъ на скамью прямо у двери, ударилъ по струнамъ твердой рукой и старческимъ голосомъ, на-распѣвъ, сталъ передавать горькую повѣсть о сѣдой старинѣ своей милой родины. Онъ пѣлъ, какъ росли, цвѣли тамъ могучіе два развѣсистыхъ дуба, на морскомъ берегу, какъ собирались мирные ливы, корсь, эсты справлять подъ ихъ госте-

пріимной тѣнью веселый праздникъ весны. Гусли пѣли, и слышалось въ ихъ грустныхъ звукахъ то безпечное веселье молодежи, то гулъ надвигавшейся бури, вой вѣтра, стоны и вопли тонувшихъ людей, отчаянно взывавшихъ о помощи. Словамъ пѣсни вторили струны. Онѣ ныли подъ искусными пальцами гусляра, который продолжалъ передавать, какъ свирѣпыя волны вынесли на берегъ обломки иноземнаго огромнаго судна, какъ прибрежные добрые жители бросились въ воду спасать утопавшихъ. Обогрѣли ихъ, накормили и призрѣли въ своихъ гостепріимныхъ жилищахъ. Это и были именно нѣмецкіе купцы изъ Бремена, которые хотѣли, миновавъ Висби на Готландѣ, завязать прямыя торговыя сношенія съ славянскими племенами пруссовъ, емью, земголою, летголою.

Долго жили они по-братски на чужой сторонѣ, уча туземцевъ, учась у нихъ понимать другъ друга. На зиму уѣхали подружившіеся чужаки, а тамъ, съ весной, снова явились, привезя еще новыхъ гостей. Но эти уже стали смѣло и неуважительно говорить о богахъ мѣстныхъ, любимыхъ и чтимыхъ, и восхвалять своего Бога. Тогда старцы поморской земли взволновались, стали отстаивать вѣру отцовъ. Женщины-жъ, дѣти, за ними подростки и молодежь, поддавались ученью пришельцевъ, прислушивались къ тихимъ, мудрымъ рѣчамъ, пугавшимъ старѣйшихъ. Съ каждой весною все новые гости прибывали на берегъ. Селились, строили крѣпкіе за́мки, стали завлекать въ нихъ и мѣстныхъ друзей. Ванемъ Иманта, языческій жрецъ, возсталъ съ своими полками, сражаясь за цѣлость боговъ. Но пришлыхъ было уже много, они укрывались за неприступныя стѣны. Умѣлые, смѣлые, привыкшіе къ бою, легко побѣдили они



Плакали струны, плакалъ гусляръ, грустно смотрѣла княгиня. Вздохнулъ и священникъ. *(Къ стр. 21.)*

малочисленныхъ витязей и съ ними Ванема. Посѣкли священную рощу, срубили и дубы, чтобы съ корнемъ стереть ненавистный языческій міръ. Вспомнили люди слова стариковъ, да было ужъ поздно: ярмо рабства, злая неволя царили повсюду. Легковѣрные туземцы были обречены пахать свою же родную землю на пользу пришлыхъ господъ *).

Плакали струны, плакалъ гусляръ, грустно смотрѣла княгиня. Вздохнулъ и священникъ. Конечно, зналъ онъ преданіе, понятенъ ему былъ грустный, правдивый, немудреный разсказъ. Больно сжималось сердце при мысли, что Бога добра, любви, что вѣру Христову мечемъ и насильемъ вносили къ язычникамъ, прибрежнымъ жителямъ Балтійскаго моря, нѣмецкіе крестоносцы, поборники западнаго христіанства.—«Подходятъ они опять и съ этой стороны», сказалъ онъ шепотомъ княгинѣ. Она кивнула головой. Гусляръ же, перебравъ рукой по струнамъ, передохнулъ и снова запѣлъ. Къ срубленнымъ дубамъ пришелъ весь въ слезахъ старѣйшій предводитель покоренныхъ племенъ. Давно перебита его вся семья въ неравномъ бою, за свободу. Пали дѣти, внуки, какъ вѣтви могучаго дуба. Онъ одинъ уцѣлѣлъ и скитался, скрываясь отъ лютыхъ пришельцевъ. Увидя обрубокъ на мѣстѣ священномъ, онъ пуще заплакалъ. Поднявши къ небу дрожащія руки, просилъ отомщенія, кары врагамъ или скорой смерти себѣ. Все тихо было, мертво кругомъ. Только море вторило плачу бѣдняка своимъ ревомъ и воемъ ужаснымъ. Къ нему-то, къ этимъ холоднымъ волнамъ, потянуло бѣднягу. Точно безвольный, забываясь отъ горя, побрелъ убитый

*) Такъ установилось крѣпостное право въ Прибалтійскомъ краѣ.

отчаяньемъ старецъ, желая скорѣе покончить съ постылою жизнью. Но путь преградилъ ему юноша свѣтлый, съ кроткимъ лицомъ, яснымъ ласковымъ взглядомъ. Мягко рукой удержавъ горемыку, онъ, какъ ребенка, увлекъ его снова на старое мѣсто и, усадивъ рядомъ на пнѣ, тихо, да властно сказалъ: «Не плачь, старина, надъ участью братьевъ, дѣтей. Судьбы всѣхъ народовъ въ рукахъ ихъ Творца. Мужайся, крѣпись, иди на востокъ. Тамъ найдутся добрые пастыри, тамъ много умныхъ князей. Тамъ научатъ тебя безъ огня и меча вѣрить въ Того, Кто вѣчно живетъ, Кто любитъ, прощаетъ всѣхъ грѣшныхъ, смиренныхъ. Ему не нужны ни богатства, ни царства. Онъ самъ ихъ даетъ безъ боя, безъ слезъ тому, кто вѣритъ, кто любитъ, прощаетъ вражды. Иди, старина, на востокъ. Тебя тамъ пригрѣютъ, устроятъ, поймутъ. Когда же настанетъ желанное время, помогутъ и родинѣ милой твоей. Богъ не безъ милости, займется заря, поднимется правда съ востока въ защиту страдальцевъ твоихъ!» Сказалъ, указалъ на востокъ онъ рукою и сталъ невидимъ. Струна задрожала, оборвался и звукъ; безжизненно, какъ плети, повисли игравшія руки. Умолкъ надтреснувшій голосъ. Горячія, крупныя слезы текли по щекамъ. Растроганные княжичи бросились къ нему, обняли, стали утѣшать, увѣряя, по-своему, что пойдутъ, когда выростутъ, разбивать крѣпости пришельцевъ, высвобождать отъ рабства его родичей. Подошелъ и батюшка съ словами утѣшенія. Онъ положилъ свою руку на сѣдую голову гусляра, и видно было, какъ его добрыя уста шептали молитву объ успокоеніи его измученной души. Княгиня приказала накормить пришельца, одѣть, удобно устроить въ людскихъ горни-

цахъ и заботиться о немъ такъ, чтобы слова его видѣнія осуществились на яву.—«Пусть онъ, безъ малѣйшаго давленія, подъ впечатлѣніемъ окружающаго мира и добра, подъ конецъ своей многострадальной жизни успокоится въ нѣдрахъ истинной православной Церкви», повторяла сердечная правительница.

Часто милые княжичи навѣщали гусляра. Сидя на дубовой скамьѣ, подъ окномъ своей уютной горенки, онъ не уставалъ пѣть имъ про сѣдую старину. Перебиралъ сказочныя преданія про Святополка, князя поморскаго, язычника-славянина, его жену Властимилу, кроткую, добрую, которая, — страшно вымолвить! — не вѣрила силѣ боговъ.—«Вѣрно, она была христіанка?»—«Охъ, ужъ, пожалуй, и такъ, мои яркія звѣздочки», отвѣчалъ старикъ, поглаживая своей черствой рукой свѣтлыя кудри князей.—«И князь Святополкъ вѣрилъ по-нашему?» спросилъ Борисъ.—«О, нѣтъ», блеснувъ изъ-подъ нависшихъ бровей своими, еще яркими, глазами, сказалъ старикъ: «Святополкъ, князь старгородскій, поморскій, всѣхъ кошубовъ, даже до Свѣчи, Хельмна и Жника, былъ славный витязь, любимецъ боговъ, водилъ рати на датчанъ, бралъ Бургундорхольмъ и Зеландію, собирался разрушить Раскильду. Однажды, такъ говорятъ старики, собралъ онъ своихъ друзей-сосѣдей, и вмѣстѣ пошли черезъ море запугивать злѣйшихъ враговъ,—датчанъ. Въ гавань собрали суда. Изъ княжихъ конюшенъ вывели коней. Ихъ чистили, мыли, убирали на брань и сводили въ огромные баркасы съ люками, гдѣ могло помѣститься отъ 30-ти до 40 животныхъ. Обыкновенно, эти морскіе короли налетали на приморскія селенія, лошадей выводили, садились на нихъ, и всадники грабили, жгли все кругомъ, а потомъ

возвращались съ добычей домой».—«Да это же грѣхъ нападать на мирныхъ?» сказалъ княжичъ Глѣбъ.—«Вѣрно, того заслужили, такъ восхотѣлъ Святополкъ».—«Ну, и что же,—побѣдилъ?» спрашивали, перебивая, нетерпѣливые юноши.—«Не то», таинственно отвѣтилъ старикъ, «приключилося чудо».—«Какое, скажи скорѣе, милый, добрый старикъ, говори, не томи», умоляли княжичи.—«Ну, ну, это не спроста было, не спроста можно и говорить». И, подперевъ свою умную, старую голову крѣпкими, жесткими руками, почти шепотомъ, медленно, точно чего-то боясь, сталъ повѣствовать гусляръ.

«Побѣдоносный князь Святополкъ, по сказанію, уже возвращался съ богатой добычей и плылъ мимо нѣмецкой земли. Вдругъ ему слѣдомъ показались датчане на своихъ великанахъ морскихъ. Славянскія лодки были слабѣе, приходилось бѣжать. Летѣли онѣ, что чайки морскія, и вовѣкъ не догнать бы ихъ. Да боги другого хотѣли. Поднялася буря, тьма нависала все болѣ и болѣ, только молнія озаряла враговъ, указуя ихъ путь славянамъ. Страшно свирѣпствовалъ вѣтеръ, разнося ладьи Святополка. Люди выбились изъ силъ. Уже много дней носились они безъ парусовъ, безъ руля. Вдругъ Святополкъ встрепенулся. Что-то знакомое освѣтила блеснувшая молнія. Князь указалъ Моймиру туда и крикнулъ: «По мѣстамъ, всѣ на весла, туда, въ Ремское море направьте ладьи». Поняли князя. Напрягли всѣ усилія, и что же? Передъ ними—утесъ, ихъ прямо несло на него. Поблѣднѣлъ Святополкъ, струхнули храбрѣйшіе мужи, и тутъ»,—гусляръ совсѣмъ зашепталъ, а князьки, въ волненьи, даже перекрестились,—«онъ, нашъ храбрый князь, тронулъ рукою маленькій свѣт-

ленькій крестикъ, надѣтый ему любимой княгиней, и самъ про себя прошепталъ, поднявши къ небу глаза: «Помоги намъ Ты, Великій Богъ христіанскій! Ты, Котораго призвала Властимила, Кому и я хочу поклониться». И поднявъ руку, князь широко истово перекрестился. Буря же вотъ такъ и утихла, чуть не мгновенно. Видѣли люди, точно рукой кто сдержалъ всѣ вѣтры. Съ шипѣніемъ разступилась вода, и струги пролетѣли въ Перкупскую гавань. А датскія суда налетѣли на скалы, разбилися въ щепки. и люди всѣ, до единаго, погибли въ водной пучинѣ».

Княжичи пришли въ восторгъ, они расцѣловали старика и принялись объяснять ему всю силу, всю благость Истиннаго Бога. Имъ не долго пришлось уговаривать его. Пришлецъ и самъ въ душѣ ужъ вѣрилъ. Онъ понималъ, что такіе добрые, мудрые правители, какъ князь и княгиня, такіе всепрощающіе, кроткіе пастыри, какъ тотъ священникъ, котораго онъ узналъ въ Городнѣ,—не могли ошибаться. И онъ запросилъ, какъ милости, святого крещенія. Княжичи сами выучили его читать молитвы, понимать богослуженіе и безгранично радовались, когда, при обрядѣ святого крещенія, ихъ ученикъ внятно, торжественно произнесъ сѵмволъ вѣры.

Вернувшись съ похоронъ тестя, князь Всеволодъ радостно заявилъ своей дорогой княгинѣ, что братъ ея Мстиславъ твердо взялъ въ руки мечъ Мономаха; что онъ понимаетъ и цѣнитъ мирную дѣятельность своей сестры и зятя на отдаленной окраинѣ,—только считаетъ нужнымъ предупредить ихъ, что вліяніе папизма сильно растетъ на Западѣ. Князь разсказалъ, что нѣмцы во имя милосердаго Христа немилосердно преслѣдуютъ устойчивыхъ пруссовъ, живущихъ по

берегамъ Сѣвернаго моря,—что они добираются до Жмуди и Литвы, что отъ устья Двины все дальше на востокъ, все ближе къ Русской землѣ селятся пришельцы. Мудрая княгиня слушала внимательно своего супруга и, вмѣстѣ съ нимъ трудясь на пользу края, строго воспитывала своихъ сыновей въ духѣ христіанской любви и милосердія, внушая имъ святой долгъ: служить родинѣ и защищать ее отъ нашествія западныхъ находниковъ.

Изъ лѣтописей видимъ мы, что внуки благочестивой Мономаховны остались вѣрны преданіямъ своей мудрой бабки. Они энергично отстаивали русскіе интересы, даже вступали въ тѣсные союзы съ Литвою, лишь бы защититься противъ нѣмцевъ. Такъ Володарь Глѣбовичъ въ 1162 г. «ходяше съ Литвою въ лѣсѣхъ» противъ своего родича, полоцкаго князя Рогволода Борисовича, когда узналъ о его союзѣ съ ненавистными рыцарями.

ИСТОЧНИКИ:

1) *П. Бобровскій.* Историческая монографія въ Вѣстникѣ Западной Россіи (Вильна, 1866 г. кн. 7, т. III).

2) *Е. В. Чешихинъ.* Исторія Ливоніи.

3) *Н. Н. Филипповъ.* Сказаніе о Святополкѣ, князѣ Поморскомъ.

МЕЙНГАРДЪ († 1196) и БЕРТОЛЬДЪ († 1198),

первые католическіе епископы Ливоніи.

ДРЕВЛЕСЛАВЯНСКІЯ урочища—Бремя, Гамбогъ, Любечъ, Жданскъ или Гданскъ, Щетинъ—разрослись и разбогатѣли на славу подъ управленіемъ своихъ владыкъ, правившихъ ими, подъ верховнымъ покровительствомъ германскихъ императоровъ, съ титулами имперскихъ князей, епископовъ и архіепископовъ. Они вели обширную торговлю съ Кельномъ, Даніей, Швеціей и далекой Англіей. Ихъ уже звали Бременъ, Гамбургъ, Любекъ, Данцигъ и Штетинъ. Къ нимъ-то и являлись за товаромъ удалые варяги, чудь морская да славяне. Случалось мѣняли, а то и силой брали храбрецы все то, что приходилось имъ по нраву, по вкусу. Чрезъ нихъ же неслась и ширилась среди имперскихъ князей краснорѣчивая молва о богатствѣ невѣдомыхъ еще племенъ, живущихъ дальше за моремъ, на востокъ. Слышно было, что съ ними выгодно дружить, вести мѣновую торговлю. Только не легко до

нихъ добираться, такъ какъ по морю то и дѣло сновали удалые морскіе короли, догоняя, на своихъ легкокрылыхъ ладьяхъ, грузныя купеческія суда, грабя и забирая все, что попадалось на пути. Настойчивые нѣмцы все же стали упорно двигаться по морскому берегу, не спуская глазъ съ заманчиваго востока. Заселили островъ Рюгенъ, древнюю Винету, добрались и до Готланда, гдѣ было такъ много удобныхъ пристаней и откуда уже туманилась русская даль.

Они подружились съ отважными, умными островитянами, построили города, обнесли ихъ красивыми стѣнами съ высокими башнями и неутомимо работали надъ развитіемъ своей силы, своего торговаго могущества. Норвежскій король Олафъ, уже христіанинъ, и любекскій герцогъ Генрихъ, прозванный Львомъ, были вѣрными покровителями нарождавшейся германской силы на славянскомъ морѣ.

Время летѣло, года проходили, росла, ширилась торговая сила. Сдружились готландцы съ далекимъ, богатымъ Новгородомъ, проложивъ себѣ къ нему дорогу по широкой Невѣ, Ладожскому озеру и бурному Волхову. Ихъ плѣнилъ вѣчевой порядокъ властныхъ славянъ, самостоятельность вольныхъ людей, ихъ строгая набожность, суровая честность въ торговыхъ дѣлахъ, богатство, живописная архитектура строеній,— особенно храмовъ. Постепенно, очень настойчиво скрѣпляли они свои отношенія съ родиной Гостомысла. Поставили даже мѣновую контору на нѣмецкомъ концѣ, подъ сѣнью св. Софіи.

Торговцы изъ-за моря пришлись такъ по сердцу Новугороду, что въ годину кровной обиды, нанесенной Мономахомъ, въ Кіевѣ, ихъ излюбленнымъ посадникамъ,

строптивые граждане съ семьями и сокровищами отплыли къ знакомымъ берегамъ о-ва Готланда и поселились въ Висби у дружелюбныхъ купцовъ. Ихъ не забывала родная сторона. Друзья сносились постоянно и щедро помогали переселенцамъ выстроить православный храмъ во имя св. Николая Чудотворца. Бременъ, Любекъ, Готландъ, сплоченные общими выгодами, общимъ вѣроученіемъ, родные по крови и духу, стали съ годами еще завистливѣе заглядываться на богатый, самобытный востокъ. Эта неизмѣримая, какъ море, славянская ширь неотразимо тянула ихъ къ себѣ. Языкъ одинъ у всѣхъ и вѣра та-же; промежъ себя дерутся, ссорятся, а какъ дойдетъ до общаго врага, такъ, пожалуй, встанутъ твердо, отъ моря и до моря. Съ ними надо умѣло, осторожно, половчѣе ладить!—Совсѣмъ иное дѣло язычники, ихъ данники,—ливы, эсты, венды. Вотъ какъ бы къ нимъ пробраться, сблизиться, конечно, помимо властныхъ новгородцевъ. Какъ бы надъ ними попробовать силу евангельской проповѣди, о которой такъ настойчиво толкуютъ краснорѣчивые монахи! Весь западъ горитъ теперь жаждой просвѣщенія язычниковъ! И вотъ, точно сама благодѣтельная судьба способствовала осуществленію завѣтныхъ думъ, стремленій набожныхъ латынянъ.

Тихо было море, ясно небо. Покойно вели опытные мореходы свои суда по направленію къ знакомымъ, Невскимъ берегамъ, неся въ славянскія земли обычный богатый товаръ. Ночь наступила, стемнѣло кругомъ. Какъ вдругъ потянуло тревогой съ тихой выси. Зыбь начала понемногу крѣпчать. Пронеслась по воздуху острая струйка! Еще и еще. Все выше, сильнѣе вздымаются волны, вѣтеръ крѣпчаетъ, пучина встаетъ.

На зарѣ разразилась сильнѣйшая буря. Корабли сбились съ пути, ихъ, какъ щепки, трепало славянское море! Высоко вздымались валы за валами, точно прочь отгоняли нѣмецкихъ пловцевъ, злобно разбивая ихъ ладьи объ острыя скалы. Самые опытные мореходы растерялись, не узнавая береговъ, не видя, куда ихъ несетъ. Спасительный совѣтъ подалъ одинъ изъ путниковъ. Умѣлой рукой двинулъ онъ рулемъ большого корабля къ югу и сталъ путь держать, на сколько было возможно, въ широчайшее устье какой то рѣки, прямо на отлогій, песчаный берегъ. Съ ужаснымъ трескомъ врѣзался корабль въ сыпучую землю. Вопли и стоны несчастныхъ вызвали на берегъ жителей сосѣдняго лѣса. Бѣжали ливы, леты, приморская чудь и корсь, какъ разъяренные звѣри, съ своимъ первобытнымъ оружіемъ, убивать пришельцевъ, грабить выброшенное на ихъ землю добро. Даже съ противоположнаго берега торопливо подплывали сердитые туземцы на своихъ рѣчныхъ лодченкахъ, надѣясь предварительно перебить нежданыхъ гостей и затѣмъ поживиться ихъ невѣдомымъ добромъ. Не тутъ-то было! Нѣмцы не струсили: подняли бердыши, мечи, да съ такой отвагой стали косить направо да налѣво, защищая свое добро и самую жизнь, что нетолько остановили дикій натискъ, но и навели страхъ и ужасъ на растерявшихся дикарей. Понуря головы, опустили они свои дубины, топоры и пошли на мировую. Христіане очень ловко воспользовались своей удачей и спасеннымъ имуществомъ, чтобы, подѣлясь имъ, завести дружбу и умаслить расходившихся дикарей. Отличную помощь сослужили также вино да старый медъ.

Съ этого началось первое знакомство, а затѣмъ

постепенно пошло и сближеніе. Ужъ сами жители стали ожидать пріятныхъ, почти полезныхъ заморскихъ гостей. Тѣ уѣзжали каждую осень, появлялись съ весной, учились прилежно мѣстному говору. Стали мало по малу двигаться внутрь страны. Туземцы благодушно помогали имъ селиться, даже просили возвращаться, не покидать ихъ. Верстахъ въ шести отъ берега выросъ цѣлый городокъ на горѣ, а въ немъ амбары для склада товаровъ, и кругомъ крѣпкія стѣны для защиты,—не всѣ же туземцы будутъ такъ сговорчивы, какъ первые! И выросъ Икскуль въ 1143 году, первый оплотъ осторожныхъ находниковъ на полюбившихся имъ мѣстахъ.

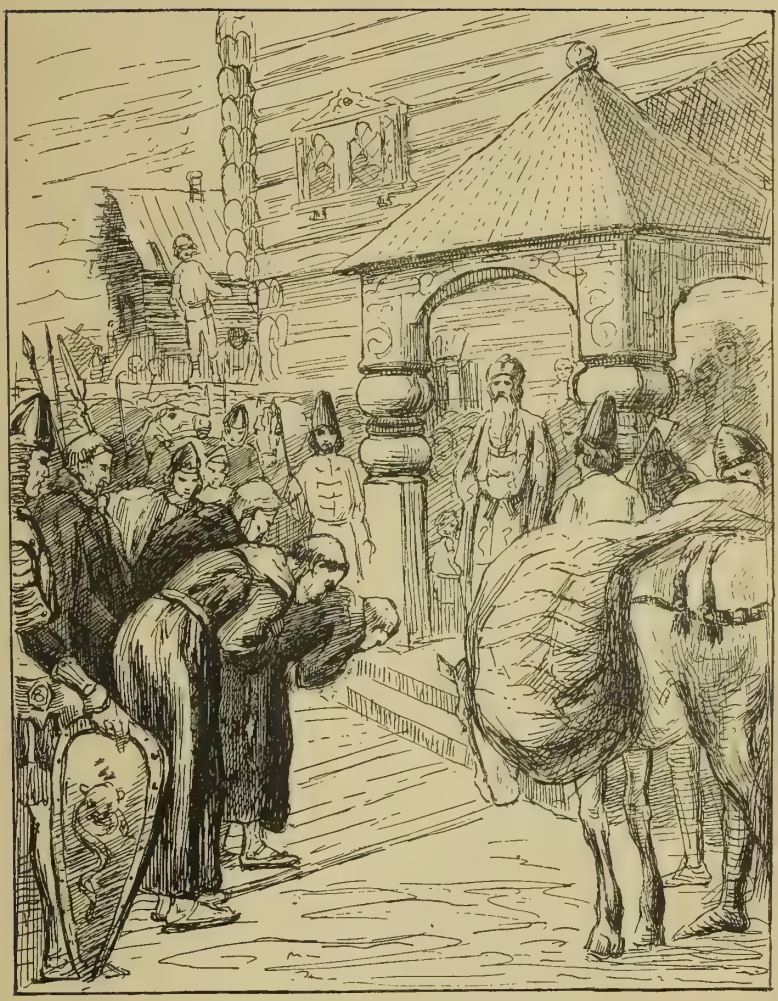
Число новыхъ поселенцевъ видимо росло. Въ 1187 году направился въ ту сторону и священникъ бременской епархіи, Мейнгардъ. За нимъ потянулись по стихшему морю къ облюбованнымъ берегамъ одинъ за другимъ караваны судовъ изъ нѣмецкихъ земель.

На этотъ разъ не погоня за славой, не жажда торговыхъ выгодъ руководила ими. Подъ давленіемъ строгихъ приказовъ изъ Рима, слѣпо вѣруя въ непогрѣшимость желаній папы, своего духовнаго вождя, собрались они въ походъ. Мощная идея, твердая воля несла съ купцами и фанатическаго монаха и храбраго воина! Они стремились въ чужой, невѣдомый край, виднѣвшійся за волнами знакомаго моря, къ тому мѣсту, гдѣ широчайшая Двина торжественно и плавно сливаетъ свои могучія воды съ морскою волною. Монахъ Мейнгардъ скромно поселился на рѣчномъ берегу, въ мѣстечкѣ Рюггѣ, уча сосѣднихъ жителей начаткамъ христіанства, евангельскимъ заповѣдямъ любви, милосердія, правды, добра. На-

саждалъ онъ среди нихъ постепенно христіанское просвѣщеніе, заботился о смягченіи ихъ нравовъ и старался дружить, сживаться съ мѣстнымъ населеніемъ. Знакомился и съ сосѣднею, православною Русью.

Полоцкъ, наслѣдіе Владиміра-Краснаго Солнышка и его строптивой, несчастной супруги Рогнѣды, былъ свидѣтелемъ по-истинѣ чуднаго зрѣлища. Къ его крѣпкимъ городскимъ воротамъ смиренно подъѣхалъ однажды малочисленный караванъ. Шли ратные люди, закованные въ блестящія латы, за ними вьючныя лошади, обремененныя тюками. Впереди же всѣхъ выступали смиренные чернецы въ темныхъ одеждахъ невѣдомаго покроя. Князь Владиміръ Глѣбовичъ въ недоумѣніи смотрѣлъ съ Краснаго крыльца на иноземныхъ гостей. Любопытно толпились полочане, все тѣснѣе и тѣснѣе окружая невѣдомыхъ пришельцевъ.—То былъ самъ Мейнгардъ, скромный нѣмецкій монахъ. Онъ шелъ, низко кланяясь и принося къ ногамъ русскаго князя драгоцѣнные подарки, обѣщая впередъ полную покорность тѣхъ народцевъ, которые искони платили дань полоцкому столу. Взамѣнъ же всего этого усердно молилъ объ одной милости,—добивался для себя права учить дикарей любви и послушанію, говорить имъ о Богѣ правды и добра.

Легко попались на хитросплетенную удочку довѣрчивые славяне. Смирененъ видъ гостей, тиха ихъ рѣчь, богаты многочисленные дары. И князь Владиміръ Глѣбовичъ, безхитростный потомокъ свирѣпаго Всеслава, охотно, благодушно, даже съ благодарностью разрѣшилъ кроткому чернецу учить дикарей, проповѣдывать св. Евангеліе язычникамъ,—полоц-



Мейнгардъ, католическій священникъ бременской епархіи, приходитъ съ поклономъ къ полоцкому князю Владиміру Глѣбовичу.

(Къ стр. 32.)

кимъ данникамъ. Торжествуя побѣду надъ мракомъ язычества и невѣжества, папа возвелъ Мейнгарда въ санъ епископа. Въ г. Икскулѣ былъ учрежденъ его дворъ и клиръ. Къ нему стремились и смиренные монахи и храбрые воины, да въ такомъ множествѣ, что встревожили даже недалекихъ дикарей *).

Заволновались старики среди корси, ливовъ, эстовъ. «Чего же, наконецъ, хотятъ отъ насъ непрошеные гости? Языкъ ихъ непонятенъ намъ. Не нуженъ ихъ старикъ-отецъ, весь въ черномъ. У насъ свой жрецъ и судія,—Ванемъ Иманта **). Онъ войны не хочетъ, онъ добромъ ихъ проситъ удалиться. Они жъ свое толкуютъ, совершенно намъ непонятное». И все чаще да чаще стали собираться старцы подъ сѣнь священной рощи, вокругъ вождя.

Усѣвшись въ тѣни священнаго дуба, Ванемъ Иманта старался успокоить раздраженные умы.— «Пусть молятся они своему Богу», говорилъ онъ перепуганнымъ главарямъ, предсказывавшимъ скорую, общую гибель. «Наши боги любятъ насъ и намъ помогутъ». Старики не унимались. — «Да посмотри ты только, какъ много понаѣхало новыхъ-то пришельцевъ! Есть между ними и молодые, да такіе смѣшные. Съ ласковой рѣчью, съ легкой поступью обходятъ они нашу землю. Толкуютъ съ дѣтьми, ихъ матерями. Изъ хижины въ хижину бродятъ; все говорятъ о своемъ Богѣ. И Дѣву, Матерь Его, поминаютъ. И такъ хороша, умильна ихъ рѣчь! Молиться учатъ, когда кто отъ нашихъ болѣетъ. Матери начинаютъ со слезами просить о здо-

*) Литовскія и финскія племена.

**) Имя главнаго жреца.

ровьи дѣтей,—и точно бы уходитъ болѣзнь, встаютъ малолѣтки, на радость семьи».

Ванемъ упорно молчалъ, слушая рѣчи чудныя. Не по душѣ была ему ссора. Что добраго, если дойдетъ до кровавой расправы! Снова являются вѣщіе старцы: «Вонми, отецъ и вождь нашъ! Смотри! Они водой насъ кропятъ. Наши дѣти надѣваютъ какіе-то знаки, что раздаетъ черный отецъ».—«Не вижу бѣды никакой!» твердилъ миролюбивый Ванемъ. «Пусть ваши жены и дѣти внимательно слушаютъ кроткія рѣчи. Уѣдутъ пришельцы, останется память о мудрыхъ, добрыхъ совѣтахъ. Кромѣ пользы не вижу въ нихъ ничего тутъ дурного. Только ссоръ берегитесь! Не надо нашимъ богамъ крови пришельцевъ. Они мира требуютъ, война имъ претитъ». Качали сѣдыми головами вѣщіе старцы, страшно боялись за будущность родины милой, но спорить не смѣли.

На горе бѣдныхъ ливовъ, дикіе земчане *) напали на нихъ: разорили селенія, уничтожили нивы, сожгли все добро, забрали жителей въ плѣнъ. Нѣтъ силъ справиться съ ними, даже корсь и эсты безсильны помочь. Вступились пришельцы: имъ вѣдомо искусство и побѣждать и защищаться! Ловко устроили они засаду, отбили всѣхъ плѣнниковъ, далеко отогнали земчанъ. Упрямые старики почувствовали благодарность за услугу. Они собрали богатую дань, поднесли освободителямъ, упорно твердя свою завѣтную думу-мечту: «уходите теперь домой, на родину, на западъ, отъ насъ подальше, за широкое море». Но тутъ ужъ завопили женщины, матери, жены. Имъ страшно было оставаться однимъ безъ сильной защиты,

*) Литовское племя.

безъ помощи пришельцевъ. Имъ вторили мужья и братья. Помимо Ванема, помимо старѣйшинъ земли, они помогали пришельцамъ укрѣплять прежнія селенія, Икскуль и Кирхгольмъ, строить въ нихъ церкви, обѣщая креститься!

Толковые находники поняли, въ чемъ дѣло, и все сильнѣе и сильнѣе стали забирать власть въ свои руки. На Западѣ, въ Римѣ, такъ рѣшили,—и нѣмецкій топоръ мигомъ снесъ съ лица земли священные дубы язычниковъ, а рощи пошли на постройку христіанскихъ церквей.

Поздно поднялся Ванемъ,—его сила ослабла! Онъ и старѣйшины всѣ перебиты въ неравномъ бою, а мѣстные жители, не успѣвъ опомниться, втянулись въ ярмо: какъ рабы, стали они трудиться на своихъ же собственныхъ нивахъ, для пришлыхъ господъ! противъ воли стали молиться невѣдомому Богу, съ трудомъ начали повторять слова молитвы на чуждомъ нарѣчіи.

Изъ-за моря же къ Мейнгарду прибывало все больше и больше усердныхъ сотрудниковъ, добрыхъ помощниковъ. Личное его кроткое вліяніе тянуло въ школу дѣтей, за ними стали показываться матери, старшія сестры, потомъ братья-подростки. Кромѣ Икскуля и въ другихъ поселкахъ стали строить христіанскіе храмы и школы. Настойчивые пришельцы умѣло развивали торговлю. Богатѣла округа. Ее уже начали звать на западѣ Ливоніей, Мейнгарда же чествовали прозвищемъ ея апостола. Дѣло просвѣщенія пошло бы блестящимъ образомъ, да повредила ему непомѣрная жадность пришельцовъ. Угрюмые, молчаливые дикари, сначала такъ равнодушно, потомъ съ возрастающимъ вниманіемъ слушавшіе своихъ

учителей, встревожились, увидавъ, что, кромѣ обычной дани русскимъ князьямъ, съ нихъ стали собирать десятину въ пользу христіанскихъ проповѣдниковъ. Да и этого еще мало. Они наконецъ поняли, что, кромѣ Мейнгарда и его клира, тамъ гдѣ-то, за моремъ, есть другой, бременскій архіепископъ, и ему они должны покориться и ему платить дань!—Это уже слишкомъ! Какъ одинъ человѣкъ, возстали ливы, корсь и эсты,—точно потокъ, ринулись опустошать и дворъ и имѣнія епископа. На глазахъ своихъ опѣшившихъ крестителей, съ воплемъ и стономъ погружались они въ родныя волны, омываясь и очищаясь отъ чуждаго ученія, отъ латинскаго помазанія.—«Прочь отъ насъ», кричали они на волны, катившіяся въ море, «неситесь скорѣе, подальше, унося все чужое туда, откуда оно пришло!» Такимъ образомъ вся страна отдала свое крещеніе назадъ нѣмецкимъ учителямъ, латинскому монаху. Перепугались, растерялись находники, задумались, но не надолго. Помощникъ Мейнгарда, монахъ Теодорихъ поднялъ голосъ проповѣди въ другой мѣстности, у торейдскихъ ливовъ. Къ нему опять начали прислушиваться: его краснорѣчіе стало привлекать любопытныхъ дикарей, благо, онъ не заговаривалъ еще ни о покорности, ни о дани, ни о работахъ. На бѣду, во время одной его очень краснорѣчивой бесѣды, 24 іюня 1191 года, среди дня сдѣлалось затменіе. Солнце затуманилось, тьма покрыла землю. Страхъ обуялъ слушателей. Да и было съ чего. Дикарямъ показалось, что пришелецъ монахъ всему виною, что онъ затмилъ, пожалуй, проглотилъ доброе солнышко. Они бросились, порываясь растерзать чуженина. И только чудесная случайность спасла его отъ лютой смерти.

Мейнгардъ понялъ, что его святое дѣло не двинется впередъ мирнымъ путемъ, что кромѣ силы проповѣди нужна сила оружія, что слова должны опираться на мечъ, и онъ рѣшился воспользоваться отплытіемъ купеческаго каравана на Готландъ, чтобы оттуда, на одномъ изъ судовъ, самому съѣздить въ Бременъ, поговорить о встрѣчающихся затрудненіяхъ. На бѣду онъ вздумалъ взять съ собою клиръ и братьевъ-монаховъ. Ливы смекнули, въ чемъ дѣло. Прикинулись кающимися. Ужъ очень боялись привоза новыхъ ратниковъ съ запада. Обѣщали даже всѣ креститься, лишь бы не уѣзжалъ добрый Мейнгардъ. Онъ уступилъ. Купцы поплыли своей дорогою,—онъ остался, вернулся въ Икскуль и снова принялся за проповѣдь. Дѣло, однако, не спорилось. На этотъ разъ угрюмый людъ не поддавался, не крестился. Мейнгардъ снова задумалъ удалиться, держа путь черезъ Эстонію, оттуда ужъ на Готландъ. Въ Тройденѣ его нагналъ крещеный ливонецъ Анно.—«Не ѣзди дальше, отецъ святой!» взволнованно молилъ онъ.—«Побереги себя. Я слышалъ тамъ, въ лѣсу, за пнями, на болотѣ сидѣли наши. Они знаютъ, что ты уѣзжаешь, боятся, что привезешь полки изъ-за моря! Имъ страшно! Не хотятъ они чужихъ ратей. Всѣ поклялись скорѣй убить тебя, чѣмъ выпустить изъ нашихъ мѣстъ». Смутился инокъ; сосредоточился въ молитвѣ: «О Боже милосердый!» твердили запекшіяся губы, «вразуми, подкрѣпи, научи меня служить Тебѣ! Учить невѣжественныхъ дикарей святымъ Твоимъ велѣніямъ!» Долго молился, думалъ, просилъ у Господа вразумленія и, наконецъ, тихо покорно поплелся назадъ въ свой замокъ, обратившійся по волѣ полудикихъ туземцевъ въ настоящую тюрьму. Тамъ, въ мрачныхъ унылыхъ

переходахъ, встревоженно ходили монахи. Весь клиръ жилъ подъ страхомъ погрома отъ туземцевъ. Мейнгардъ молился, постился, наконецъ, собралъ каноников къ себѣ на совѣтъ. Едва мерцаютъ свѣтильники въ покоѣ епископа. хмуры изможденныя лица; потуплены взоры. Владычный Римъ прислалъ ихъ съ береговъ привѣтнаго теплаго моря на унылое побережье сердитой Балтики. Они призваны трудиться среди дикарей, во славу имени Христова, а дѣло просвѣщенія язычниковъ такъ и не двигается впередъ, несмотря на всѣ ихъ усилія.—«Отцы и братія!» кротко взываетъ Мейнгардъ, «намъ надо мѣры принять!» Всѣ возрились,—ожидая, что придумалъ мудрый учитель.—«Да какія?» читался у каждаго въ глазахъ вопросъ.—«Ближній нашъ начальникъ, бременскій архіепископъ такъ бѣденъ», заговорили нѣкоторые, «что нечего и дожидаться отъ него.»—«Полагаю, вѣрнѣе обратиться къ самому источнику всѣхъ благъ, всего движенія».—тихо заговорилъ епископъ.—«Прямо въ Римъ къ ногамъ владыки западнаго міра понесемте нашу сердечную скорбь и заботу», энергично высказался суровый, худой чернецъ Теодорихъ.—«А какъ пробраться?» заговорили чуть ли не всѣ разомъ.—«Ливы зорко стерегутъ ворота замка»—говорилъ одинъ,—«лучше насъ знаютъ они всѣ дороги, тропинки».—«Отъ нихъ не ускользнуть намъ, какъ ни ухитряйся!» перебивали одинъ другого перетрусившіе клирики. Мейнгардъ оглядывалъ всѣхъ испытующимъ, тревожнымъ взглядомъ. Изъ темнаго угла снова поднялась высокая, худая фигура. Суровый инокъ твердо глядѣлъ на епископа изъ-подъ нависшихъ складокъ капуцинскаго покрывала. Онъ былъ покоенъ въ своей рѣшимости, тонкія губы разжались, и средь гробового

Чернецъ Теодорихъ выѣзжаетъ за ворота Икскуля.

(Къ стр. 39.)

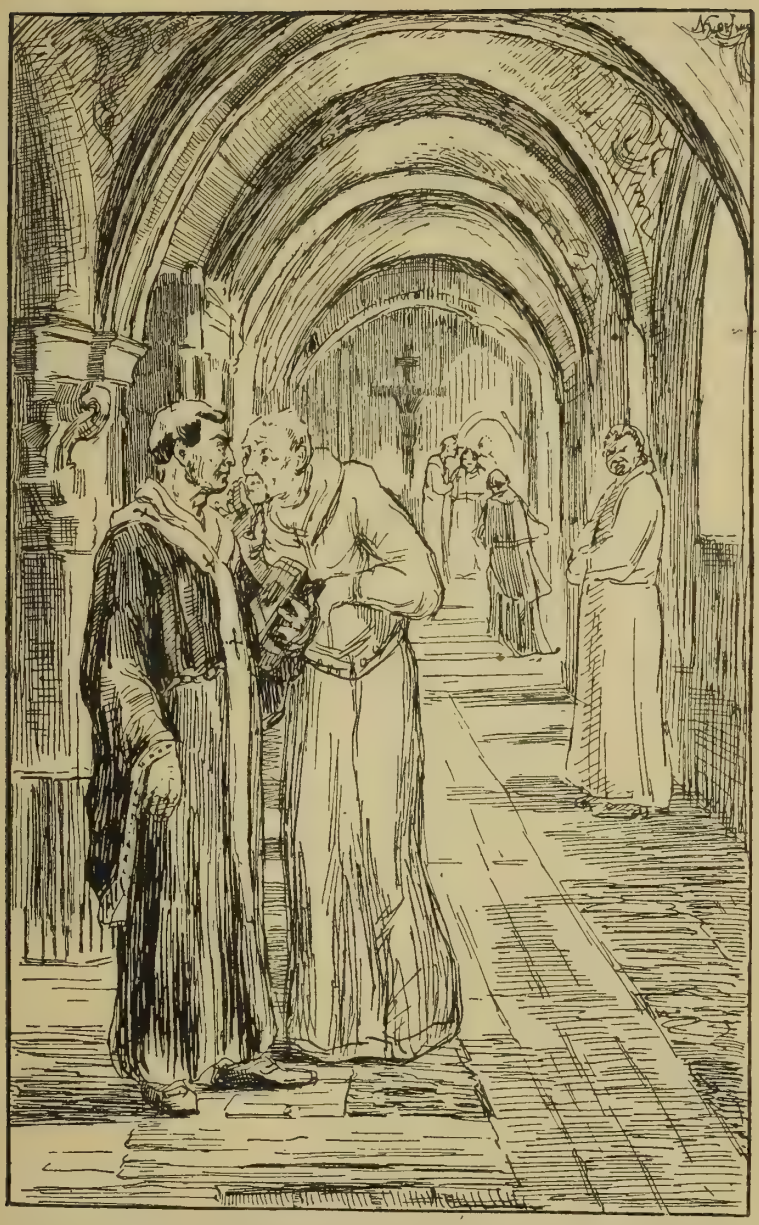
молчанія ясно послышался его голосъ: «святая цѣль оправдываетъ ли обманъ, святой отецъ?» Епископъ наклонилъ голову. Клирикъ продолжалъ: «Замокъ можно покинуть только хитростью, и я берусь обманомъ добраться до подножія престола его святѣйшества».—«Обманомъ!..» Не нравилось это слово Мейнгарду. Онъ былъ хорошій человѣкъ: трудился по совѣсти, самъ не обманывалъ. Поднявъ главу, онъ милостиво распустилъ своихъ совѣтниковъ.—«А братъ Теодорихъ пусть идетъ въ каплицу, тамъ, въ исповѣдальнѣ, повѣдаетъ онъ намъ, какимъ путемъ послужитъ святому дѣлу проповѣди, какъ спасетъ дѣло порученное намъ святѣйшимъ нашимъ отцемъ, римскимъ папою».

Казалось, слѣдующая ночь была еще темнѣе. Жители замка стояли на молитвѣ, каждый въ своей кельѣ, и ихъ лампадки, слабо мерцая изъ узкихъ оконъ, казались точно затерявшіяся звѣздочки, ошибкой спустившіяся съ черныхъ небесъ. Осенній дождь такъ и пронизывалъ каждаго, кто рѣшался выбраться изъ теплаго жилья, а вѣтеръ завывалъ на дворѣ и порывисто носился по равнинѣ кругомъ Икскуля. Привратникъ только-было началъ дремать, какъ къ нему подъѣхалъ съ внутренняго епископскаго двора высокій всадникъ на старой разъѣздной лошади.—«Въ такую-то непогодь, отецъ святой, зачѣмъ васъ несетъ?» ворчалъ ключарь, отпирая громадные засовы.—«Долгъ несетъ меня, братъ привратникъ, помогать немощнымъ братьямъ», былъ двусмысленный отвѣтъ. И во мракѣ бурной дождливой ночи выѣхалъ за ворота Икскуля чернецъ Теодорихъ въ священническомъ облаченіи, неся въ рукахъ молитвенныя книги, какъ бы для утѣшенія болящихъ, пожалуй, умирающихъ христіанъ за

замковою стѣною. Смиренно творя молитвы, пробирался Теодорихъ изъ села въ село, произнося, гдѣ могъ, по дорогѣ слова утѣшенія, напутствія, поддержки. Наконецъ, добрался онъ благополучно до Эстоніи, а тамъ, уже съ облегченнымъ сердцемъ, попалъ въ Бременъ, проѣхалъ Германію и явился въ Римъ.

«Востокъ отпадаетъ! Пропали труды нашихъ братій! Ихъ поглотили волны Двины! Отмылись варвары отъ святого крещенія! Отринули крестъ,—знаменіе нашего спасенія! Держатъ въ плѣну епископа и весь клиръ!» Вотъ что повторялось на всѣ лады въ прихожихъ папскаго дворца. Перепуганные прелаты сновали по всѣмъ его переходамъ и выжидали со страхомъ, что послышится изъ внутреннихъ покоевъ, какое слово пронесется съ высоты апостольскаго престола. А между тѣмъ, кто былъ подогадливѣй да поумнѣй, съ опаской, на ухо передавали другъ другу: «Не спроста было это движеніе! Понятно, дыму не бываетъ безъ огня. Съ Востока, все съ Востока идетъ на насъ напасть. Намъ и тутъ вредитъ вліяніе восточнаго христіанства! Многіе изъ насъ слыхали, что корсь, чудь и ливы съ эстами сами собой идутъ креститься на Востокъ. Имъ понятнѣе языкъ сосѣдей русскихъ, молитвы, обряды греческаго вѣроученія». И не могли надивиться эти горячія южныя головы на равнодушіе, безпечность и лѣнь русскихъ.

Изъ внутреннихъ покоевъ властелина католическаго Запада вышелъ маститый кардиналъ и громогласно возвѣстилъ велѣніе всесильнаго владыки: «Святѣйшій нашъ отецъ и повелитель даруетъ отпущеніе всѣхъ прежнихъ и будущихъ грѣховъ тѣмъ вѣрнымъ чадамъ своего апостольскаго трона, которые съ мечемъ въ рукахъ и местью въ сердцѣ пойдутъ за



Перепуганные прелаты сновали по переходамъ папскаго дворца.

(Къ стр. 40.)

море спасать гонимыхъ, угнетенныхъ братьевъ-проповѣдниковъ».

Изъ папскаго дворца, изъ стѣнъ царственнаго Рима понесся воинственный кличъ по всей Германіи, Франціи, по всему христіанскому Западу. Только этого счастья, торжества любимаго дѣла не дождался первый ливонскій епископъ, вѣрный слуга бременскаго архіепископа, орудіе папской властолюбивой политики. Самъ по себѣ онъ былъ кроткій смиренный монахъ. Глубоко, неизмѣнно вѣровалъ въ силу добра и правды христіанскаго ученія. Его проповѣдь любви и мира дѣйствовала всегда благотворно. Онъ любилъ тихихъ, покойныхъ язычниковъ. Носитель строптивыхъ велѣній Запада, онъ исполнялъ ихъ съ христіанской мудростью. Дикое возмущеніе любимыхъ имъ дикарей сразило дряхлѣвшія уже отъ времени силы. Бурное дыханіе бунта потушило мирно догоравшую лампаду его жизни.

Въ октябрѣ 1196 г. умеръ Мейнгардъ. Лучшіе изъ его учениковъ съ молитвами предали землѣ бренные останки своего мудраго учителя. Были на похоронахъ и ливы; многіе изъ нихъ вопили по своему, жалостно оплакивая кроткаго пастыря, перваго икскульскаго епископа, громко выражая пожеланіе найти въ его замѣстителѣ такого же отца, радѣтеля, учителя. По окончаніи похоронъ, собрался капитулъ въ опустѣлыхъ покояхъ толковать о выборѣ новаго епископа. Всѣ единодушно остановились на одномъ имени. Миссіонеръ Бертольдъ былъ выдающимся сотрудникомъ почившаго, много положилъ сердечнаго рвенія, труда и кропотливой твердости въ дѣлѣ проповѣди. Лично онъ очень не хотѣлъ брать на себя эту тяжелую обузу и слезно молилъ бременскаго архіепископа не утверждать выборовъ. Но монахъ долженъ пови-

новаться, у него нѣтъ своей воли. Исполняя обѣтъ послушанія, Бертольдъ былъ обязанъ принять лестный, но не легконосимый титулъ икскульскаго епископа, и безъ охраны, какъ смиренный воинъ кроткой Христовой церкви, явился въ 1197 году на ливонскомъ берегу передъ своею паствой. Сбѣгались любопытные жители смотрѣть на своего новаго отца. Знатнѣйшихъ изъ нихъ Бертольдъ щедро одарилъ, другихъ угостилъ, всѣхъ обласкалъ добрымъ словомъ, сказавъ, что прибылъ на ихъ зовъ и наслѣдуетъ любимому усопшему со всѣми его правами и стремленіями къ обоюдному миру, любви, единенію. Конечно, все бы шло гладко, пожалуй, даже успѣшно, не будь вѣчной задоринки—«дани», которую приходилось собирать для бременскаго архіепископа. Пошелъ глухой ропотъ по языческой землѣ. А тутъ еще христіане торжественно праздновали освященіе своего кладбища. Зарывать покойниковъ куроны, эстонцы считали позорнымъ, они привыкли сжигать своихъ мертвецовъ. «Что дѣлать съ новымъ епископомъ? Какъ наказать? Сжечь развѣ въ его-же церкви? или убить, или въ Двинѣ утопить?» Дошли слухи объ этихъ переговорахъ до самого Бертольда. Ему посчастливилось обойти бдительность сердитыхъ враговъ. Онъ бѣжалъ на Готландъ, оттуда въ Саксонію, гдѣ горько жаловался на свое безсиліе поддержать распадающуюся христіанскую церковь въ Ливоніи. Онъ взывалъ о помощи и къ папѣ, и къ бременскому архіепископу, и ко всѣмъ христіанамъ.

Опять зашевелился папскій Римъ. Опять написана отъ имени его святѣйшества грамота, обѣщающая отпущеніе грѣховъ всякому, кто возложитъ на себя крестъ,—вооружится противъ ливовъ. Точь-въ-точь

писалось то же самое, что и при покойномъ Мейнгардѣ. Вставала буйная, драчливая молодежь. Точилось оружіе, сѣдлали коней, отважно собирались въ кровавый походъ ревностные сыны католической церкви.

Датскій флотъ понесъ изъ Любека къ Готскому берегу епископовъ и войско,—вновь подчинять непокорную страну. Плыть въ Ливонію, и тѣмъ смывать свои грѣхи, сдѣлалось любимой мечтой великаго множества безпріютныхъ удальцовъ.

Злобно глядѣли изъ своей сѣрой дали хмурые ливы, эсты, корсь. Они уже не были такъ благодушны, какъ прежде. Страшна была имъ западная рать! Въ шлемахъ, забралахъ, кованныхъ изъ стали уборахъ, въ желѣзѣ съ ногъ до головы, съ увѣсистыми мечами при бедрѣ, а на перевѣсъ съ длиннѣйшими копьями, они внушали трепетъ и ужасъ туземцамъ.

Старики задумали попробовать хитрость. Выбрали мудрѣйшихъ изъ своей среды и послали къ Бертольду спросить,—изъ-за чего онъ привелъ войска?—«Изъ-за того», отвѣтилъ епископъ, «что васъ надо наказать: вы и вѣроотступники и клятвопреступники».—«Если ты удалишь свои полки, вернешься въ свое епископство, тогда можешь приневоливать тѣхъ, кто прежде былъ крещенъ, ну, а вновь ты никого не насилуй, бери лаской, добрымъ словомъ». Бертольдъ потребовалъ заложниковъ въ знакъ ихъ покорности. Но тутъ поднятъ былъ вопросъ о перемиріи,—ливы не сдержали своего слова, убили епископскаго слугу,—онъ же двинулъ войско. 24 іюля 1198 года съ развѣвающимися знаменами, подъ гербами всѣхъ западныхъ государствъ, ринулись нѣмцы на толпы дикарей. Сразу струсили ливы, корсь и эсты, дрогнули ихъ

ряды. Топоры и дубины, поднимавшіяся на латниковъ, сыпались вмѣстѣ съ руками на землю. Долго кололи, рубили рыцари, прокладывая себѣ дорогу среди бѣгущей толпы. Они не могли остановиться. Самъ Бертольдъ скакалъ впереди. Въ горячей сѣчѣ, увлекаясь жаждой крови преслѣдуемаго врага, онъ не умѣлъ справиться съ своимъ конемъ. Ретивое животное вынесло его далеко за ряды своихъ. Увидя всадника одного, ливы опѣшили, кой-кто остановился, узнали епископа и бѣшено кинулись на него. Одинъ повисъ на поводу лошади, другой замахнулся топоромъ, третій—его имя перешло на страницы исторіи—Имантъ пронзилъ его копьемъ въ спину, остальные разорвали на куски тѣло ненавистнаго просвѣтителя. Въ отмщеніе рыцари съ новой яростью бросились истреблять не только ливовъ, но и жилища ихъ и поля. Огонь и мечъ прошелъ по всей странѣ безъ малѣйшей пощады.

Запросили мира оставшіяся въ живыхъ горсти туземцевъ; рѣшили креститься, поселить въ своихъ городкахъ христіанскихъ священниковъ, стали имъ платить налоги. Войско удовольствовалось такими благими намѣреніями и собралось въ обратный путь.

Торжественно похоронивъ Бертольда въ икскульскомъ храмѣ, рядомъ съ его предшественникомъ Мейнгардомъ, ливы даже отправили отъ себя выборныхъ мужей въ Бременъ просить новаго епископа. И поплыли, довольные своимъ походомъ, своей добычей, своими ратными подвигами, ретивые германцы внизъ по Двинѣ къ роднымъ нѣмецкимъ берегамъ. А имъ во слѣдъ съ воплемъ и крикомъ, туземцы бросались въ чистыя воды родной своей Двины, смывая съ кровью и крещеніе, отсылая его вмѣстѣ со

своимъ проклятіемъ во слѣдъ удалявшимся находникамъ. Они напали на оставшихся клириковъ, разграбили епископское имущество, казну, увели лошадей, поклялись истребить всѣхъ иноземцевъ, даже купцовъ. Кто могъ, откупился, дорого платя за спасеніе жизни. Другіе уплыли на родину, далеко разнося страшныя вѣсти объ уничтоженіи всѣхъ трудовъ христіанскихъ миссіонеровъ, такъ добросовѣстно, покорно исполнявшихъ на крайнемъ Востокѣ велѣнія западнаго духовнаго владыки, римскаго папы.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Е. В. Чешихинъ.* Исторія Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ.
2) *Н. М. Павловъ.* Русская исторія отъ древняго времени.
3) *Эр. Серафимъ.* Исторія Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи. Ч. I.
4) *П. Дм. Брянцевъ.* Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ.

Основаніе датчанами Ревеля.

1219 г.

СУРОВЪ на видъ маститый, сѣдой великанъ Калевъ, легендарный герой древнихъ эстонскихъ преданій. Мудро правилъ онъ съ незапамятныхъ временъ своими соотечественниками, обитавшими на живописномъ сѣверо-восточномъ берегу Балтійскаго моря. Его силы непомѣрной, храбрости неустрашимой, непобѣдимаго счастья привыкли бояться сосѣди. Его непогрѣшимой мудрости, безграничной добротѣ-слѣпо повиновались преданные эсты, эти беззавѣтно-удалые разбойники, наводившіе страхъ и трепетъ на купеческіе караваны, переплывавшіе Варяжское море съ запада на востокъ. Время текло. Счастливо жилось эстонцамъ подъ охраной мудраго великана, на своемъ родимомъ побережьи. Храбро отбивались они отъ непрошеныхъ нападеній, предводимые роднымъ неустрашимымъ богатыремъ. Наконецъ пробилъ тяжелый часъ! Настала роковая минута! Подкосились силы великана. Слегъ

Калевъ на ложѣ упокоенія, а неутѣшная Линда, вѣрная его подруга, любящая супруга, въ слезахъ и моленіи призывала на помощь всѣхъ народныхъ жрецовъ, кудесниковъ, волхвовъ. Никто ничѣмъ не могъ помочь! «Что затуманилъ блѣдный мѣсяцъ, что завяло отъ солнечныхъ лучей, поникло передъ свѣтомъ звѣздъ небесныхъ, то не можетъ уже подняться, не можетъ снова расцвѣсть яркимъ цвѣтомъ зеленой муравы».

Подъ гнетомъ этого приговора поникла, закручинилась неутѣшная Линда, склонясь надъ холодѣвшими останками великаго эстонскаго вождя. Семь ночей провела она безъ сна, семь дней безъ пищи. Семь разъ видѣла солнечный восходъ и семь разъ его заходъ, омывая горячими слезами тѣло дорогого мужа. Потомъ обмыла его, одѣла въ блестящія дорогія одежды и положила въ могилу, на самомъ берегу моря.—«Пусть родныя волны своимъ немолчнымъ плескомъ оглашаютъ мѣсто вѣчнаго покоя великаго Калева!» Сама-же, неустанно, изо-дня въ день носила камни на священное мѣсто его послѣдняго отдохновенія. Надъ морской пучиной сталъ подниматься курганъ. Года проходили. Морскія волны заносили пескомъ и иломъ каменную груду. Постепенно крѣпла земля, выростала твердыня. Берегъ поднялся изъ моря, волны уступили скалѣ,—и она величаво подняла свою вершину, господствуя надъ ширью морскою и живописной долиной, далеко уходившей въ глубь материка.

Эсты, соотчичи Калева, любовно селились по сосѣдству съ этимъ памятникомъ, неизгладимымъ ни изъ памяти, ни изъ сердца народныхъ. Мало по малу на морскомъ берегу образовался городъ Линда-

нисса *), извѣстный у древнихъ русскихъ лѣтописцевъ подъ именемъ Колывани. Какъ и сосѣдніе ливы, корсь и дальніе поморяне,—эсты любили свое родное море. Безъ устали плавали по немъ, ведя мѣновую торговлю и съ о. Эзелемъ, и съ дальнымъ Готландомъ, и съ приморскими странами: Скандинавіей, Даніей, славянскими племенами. Природная удаль эстонцевъ, ихъ храбрость и упрямство выработали изъ нихъ страшныхъ для всѣхъ, скорѣе разбойниковъ, чѣмъ торговцевъ. Ихъ легкія суда летали по волнамъ родного моря, нападая то на вражьи корабли, то на нелюбимыхъ сосѣдей. Съ ними считались даже отважные скандинавскіе храбрецы. По древнимъ сказаніямъ, норвежскій принцъ Гаральдъ и шведскій король Нигварь поплатились жизнію въ схваткахъ съ эстонцами. Торговые готландцы и боялись, и любили своихъ храбрыхъ сосѣдей. Ихъ собственность, о. Эзель богатѣлъ на славу и дѣлался завидной приманкой для воинственныхъ западныхъ сосѣдей. Еще датскій король Канутъ Святой, его предшественники, а главное—наслѣдникъ, Олафъ III, въ 1093 г., дѣлали опустошительные набѣги на Эстонію, пробуя овладѣть и удобной гаванью, и богатствомъ острова. Но это имъ плохо удавалось. Такъ отважны и неукротимы были чудскіе удальцы! Они даже захватывали чужія, отдаленныя земли. Устроили свое разбойничье гнѣздо у самыхъ береговъ Скандинавіи, на островѣ Оландѣ, наводя оттуда страхъ на торговыхъ мореплавателей. Съ трудомъ, наконецъ, датскій король Вальдемаръ I, въ 1171 г. собравъ многочисленный флотъ, выгналъ ихъ оттуда. Но не прошло и двадцати

*) Впослѣдствіи Ревель.

1500 датскихъ военныхъ судовъ, распустивъ по вѣтру свои бѣлоснѣжные паруса, подплываютъ къ берегу, гдѣ и основываютъ городъ Ревель, въ 1219 году. *(Къ стр. 49.)*

лѣтъ, какъ они сдѣлали новый набѣгъ на берега озера Мелара и ограбили богатый городъ Сигтуну.

Канутъ VI, продолжая завоеванія своихъ предшественниковъ, овладѣлъ большей частью Помераніи, Мекленбурга, Голштейна, городами Любекомъ и Гамбургомъ. Съ нимъ считался, въ немъ заискивалъ, къ нему на поклонъ ѣздилъ даже Альбертъ, знаменитый рижскій епископъ. Но и онъ, храбрый предводитель датчанъ, ограничивался только одними набѣгами на Эстонію. Братъ Канута, славный Вальдемаръ II, Побѣдоносный, прислушавшись къ просьбамъ Альберта и пораскинувъ своимъ свѣтлымъ умомъ, рѣшилъ вооружиться не только для усмиренія Чуди, но и для покоренія всей Эстоніи. 9 октября 1218 года папа Гонорій III издалъ буллу, предоставлявшую во власть датскаго короля всѣ покоренныя имъ земли, жители которыхъ имъ будутъ обращены въ христіанство. Вальдемаръ поклялся предпринять походъ на Эстонію въ честь Пресвятыя Дѣвы и ради прощенія своихъ безчисленныхъ грѣховъ.

Вскрылось море весною 1219 года, растаялъ сѣверный ледъ у подножія великана-скалы, гдѣ живописно раскинулся эстонскій городокъ Линданисса, и по дѣвственнымъ волнамъ показался съ запада цѣлый караванъ датскихъ военныхъ судовъ. Величаво близились 1500 кораблей, распустивъ по вѣтру свои бѣлоснѣжные паруса. Какъ жаръ, блеститъ на яркомъ солнышкѣ оружіе воинственныхъ датчанъ. Вмѣстѣ съ королемъ Вальдемаромъ выходятъ на землю и лундскій архіепископъ Андрей, и шлезвигскій Николай, и аргунскій Петръ и канцлеръ Теодорихъ, будущій эстонскій епископъ. За ними подплываетъ на своихъ ладьяхъ Венцеславъ, князь славянскій, другъ-

союзникъ Вальдемара II. Всѣ сходятъ на берегъ, и по мановенію руки Побѣдоноснаго датчанина бросаются на баззащитный городокъ. Уничтожаютъ его въ одно мгновеніе и тутъ-же, сразу, приступаютъ къ возведенію твердыни на гребнѣ скалы-великана. Такъ поднялась надъ пучиной морской крѣпость, теперешній нашъ Ревель.

Не теплыя вѣсти понесъ весенній вѣтеръ съ морского берега въ глубь страны къ ошеломленнымъ чудь-ревельцамъ и чудь-горрійцамъ. Призадумались горемыки подъ тѣнью своихъ дремучихъ лѣсовъ, прислушиваясь къ мрачнымъ, тревожнымъ вѣстямъ. Безчисленныя суда покрываютъ родныя воды, несмѣтныя полчища враговъ расположились на берегу. Высятся златоверхія ставки иноземныхъ державцевъ. Блеститъ крестъ Христовъ надъ палатками епископовъ. Хоругвь Пречистой Дѣвы развѣвается среди стана. Нѣтъ! не одолѣть въ правильномъ бою такую громаду! Не осилятъ эстонская пищаль да топоръ въ броню закованныхъ латниковъ! Надо обдумать, какъ бы избавиться отъ бѣды, какъ бы справиться съ сильнымъ недругомъ. Думали, гадали, порѣшили отрядить во вражій станъ, съ поклономъ къ датскому королю, мудрѣйшихъ изъ племенныхъ старшихъ. Они должны были заявить ему поголовную готовность чуди принять крещеніе отъ христіанскихъ священниковъ. Обрадовался Вальдемаръ такой легкой удачѣ. Повѣрилъ на слово маститымъ старшинамъ, одарилъ ихъ богатыми подарками. Епископы окрестили ихъ по католическому обряду и съ великимъ почетомъ отправили домой. Весь датскій станъ былъ въ полномъ ликованіи. Шумно, весело, безпечно праздновали безкровную побѣду, и, конечно, въ го-

лову никому не приходило разставлять часовыхъ или посылать дозорныхъ на развѣдки.

Наступилъ уже вечеръ. Войско, поужинавъ, готовилось къ ночному покою. Кое-кто изъ болѣе набожныхъ кончалъ день теплой молитвой къ Всевышнему. Какъ вдругъ, съ пяти сторонъ, ворвалась въ лагерь незамѣтно подкравшаяся освирѣпѣвшая чудь. Свалка была ужасная! Къ королевской ставкѣ ринулись смѣльчаки и однимъ ударомъ топора положили на мѣстѣ епископа Теодориха, по ошибкѣ принявъ его за короля Вальдемара. Датчане валились, какъ мухи, подъ неожиданными ударами. Они дрогнули и попятились къ берегу, ища спасенія на судахъ. Выручилъ отъ неминучей гибели славянскій князь, стоявшій въ сторонѣ съ своею дружиною. Замѣтивъ издали приближеніе эстонцевъ, онъ кинулся изъ своего лагеря, атаковалъ наступавшую толпу, смялъ ее, опрокинулъ и началъ ожесточенно преслѣдовать. Дрогнули, замялись эстонцы. Датчане ободрились, примкнули къ славянской дружинѣ и перешли въ наступленіе. Нестройныя толпы ревельцевъ дали тягу. Ихъ болѣе 1000 легло далеко за полемъ битвы, а на мѣстѣ нельзя было и пересчитать безжизненныхъ тѣлъ. Опытные датчане легко одержали верхъ. Король, князь, епископы возблагодарили Бога за дарованную побѣду надъ язычниками.

Вмѣсто убитаго Теодориха эстонскимъ епископомъ былъ поставленъ королевскій капелланъ Вессель. Постройка замка была окончена, изъ него сдѣлали сильную крѣпость съ большимъ гарнизономъ. Самъже побѣдоносный Вальдемаръ II торжественно вернулся въ Данію, прибавивъ ко всѣмъ прежнимъ завоеваніямъ еще и Эстонію съ островомъ Эзелемъ.

Ревель сдѣлался епископальнымъ городомъ, подчиненнымъ, конечно, уже не рижскому, а лундскому архіепископу. Протестовалъ Ливонскій орденъ! Да не было силы поддерживать оружіемъ свои притязанія.

Тогда началось, поистинѣ, любопытное зрѣлище. Миссіонеры обоихъ властителей, не переводя духа, крестили сѣверную, еще языческую Эстонію, чтобы тѣмъ самымъ закрѣпить за собою власть надъ обращеннымъ краемъ. При этомъ нѣмцы, ради скорости, совершали обрядъ крещенія надъ жителями цѣлыхъ деревень заразъ и спѣшили дальше крестить другихъ, третьихъ. У датчанъ было мало священниковъ. Они еще упростили свои пріемы: просто посылали служителей съ освященною водою покропить язычниковъ. Случалось, крестители сталкивались въ своихъ ревностныхъ набѣгахъ въ одной и той же деревнѣ. Тогда между ними возникали ссоры, драки. Бывало и такъ: являлся миссіонеръ, собиралъ жителей, торжественно готовясь совершить надъ ними священный обрядъ. Толпа смотрѣла косо, пятилась—онъ наступалъ. Наконецъ изъ толпы выдѣлялся самый старый, уважаемый поселянинъ. Степенный видъ и голова покрыта сѣдыми кудрями. Съ достоинствомъ останавливалъ онъ расходившагося находника, заявляя, что еще наканунѣ, его и его односельчанъ датчане уже кропили своею святою водою. Гнѣвался ливонецъ, глаза бросали молніи, онъ скрежеталъ зубами и все-же долженъ былъ отступать передъ совершившимся фактомъ. Ни добраго совѣта, ни примѣра, ни слова любви и правды не было слышно отъ этихъ духовныхъ отцовъ западнаго вѣроученія. Ливонцы закидывали своего епископа Альберта жалобами на помѣхи, творимыя датчанами. Онъ бросился въ Римъ, съ жало-

бой на Вальдемара. Но тотъ его предупредилъ. Папа Гонорій III былъ на сторонѣ датскаго короля, и въ концѣ концевъ, для удержанія своей же силы, ловкій рижскій архіепископъ покорился обстоятельствамъ и призналъ короля датскаго Вальдемара II Побѣдоноснаго верховнымъ владѣтелемъ Эстоніи и Ливоніи въ 1222 г.

Обстоятельства оправдали тактичность Альберта. Прошелъ годъ и въ 1223 году славный датскій король былъ измѣннически плѣненъ своимъ вассаломъ Генрихомъ, графомъ мекленбургъ-шверинскимъ. Ожили всѣ его враги. Мгновенно Ливонскій орденъ свергъ ненавистное датское иго. Это ему удалось тѣмъ легче, что несчастная Русь должна была сосредоточить все свое вниманіе на востокѣ, откуда поднималась страшная туча—татарщина. Новгородцы заступались за датчанъ, дошли до Колывани, но не могли поддерживать напряженной борьбы. Свои невзгоды поглощали и силы и вниманіе.

Пользуясь холодною зимою 1227 года, когда ледяныя оковы сковали прибрежное море, орденскія рати прошли по льду до острова Эзеля,—послѣдняго убѣжища эстонской независимости. Самъ Альбертъ и магистръ ордена-Вольквинъ—шли впереди. Какъ послушное стадо, слѣдовали отряды ливовъ и латышей. Несчастный островъ былъ разоренъ изъ конца въ конецъ. «Моне», главное мѣстное укрѣпленіе, пало, причемъ было разрушено и святилище тамошняго божества—Тарапилла. Сожгли священное изображеніе птицы-дракона, съ незапамятныхъ временъ служившаго побѣдоносной хоругвью эзельскихъ удалыхъ мореходцевъ.

Черезъ годъ Орденъ осадилъ и взялъ Ревель, съ

помощью самихъ-же эстонцевъ. Послѣ этого слабые остатки датской военной силы были изгнаны изъ страны. Орденъ взялъ себѣ провинцію Гаррію, Ервію и Веррію. Епископу-же Альберту предоставилъ только Викъ, т. е. самую западную окраину Эстоніи.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Д. Иловайскій.* Исторія Россіи. Ч 2.
2) *Іорданъ.* Исторія Ревеля во время владычества датчанъ.
3) *Чешихинъ.* Исторія Ливоніи съ древнихъ временъ.

Гибель Юрьева.

15 августа 1224 г.

НЕ БРОСАТЬ же святое дѣло, начатое на дальнемъ сѣверѣ! Отступимся мы, тогда непремѣнно обрусятъ все языческое побережье Балтійскаго моря смиренные іереи православнаго Востока! — говорили, промежъ себя, гордые сановники духовнаго владыки Запада.— «Умеръ Мейнгардъ, убитъ Бертольдъ,—такъ не гибнуть же изъ-за этого начатому дѣлу! Не допускать же развитія русской вѣры и русской народности на облюбленныхъ нами берегахъ! Торговыя сношенія на наше дѣло не вліяютъ. Временные наѣзды благочестивыхъ проповѣдниковъ— воинственныхъ рыцарей не достигаютъ намѣченныхъ нами цѣлей,—надо, значитъ, завести постоянную о Христѣ братію, создать на языческихъ земляхъ постоянное мѣстопребываніе «благородно владѣющаго мечемъ сословія». Оно должно безъ устали разить туземцевъ, огнемъ, мечемъ распространять латинскую вѣру, крестить язычниковъ въ потокахъ человѣческой крови».— Крѣпкую руку, сильную волю, жестокое сердце надо

было найти, чтобы основать такое могущество на чужой сторонѣ, среди враждующаго населенія. Божій дворянинъ, Альбертъ фонъ-Апельдернъ Буксгевденъ, пользовавшійся славою твердаго «на брани и въ совѣтѣ», мужъ добрый, былъ выбранъ бременскимъ архіепископомъ и возведенъ въ санъ епископа всей Ливоніи въ 1198 г. Настоящій рыцарь-епископъ, онъ ни въ чемъ не уступалъ князьямъ германской имперіи. Имѣлъ право бить монету, раздавать земли, строить города, заводить и содержать войско. Отъѣзжая на сѣверъ къ новому своему назначенію, Альбертъ фонъ-Апельдернъ собралъ въ Германіи многочисленныя дружины и щедрыя приношенія своихъ доброхотовъ на «патріотическое дѣло». Заѣхавъ по дорогѣ на Готландъ, вывезъ оттуда еще 500 рыцарей, да еще мастеровыхъ, каменщиковъ, купцовъ, чтобы какъ можно тверже упрочить торжество христіанства и нѣмецкой народности на суровомъ побережьи.

Покорно несутъ угрюмыя волны не родныя суда. Чужая сила плыветъ, разсѣкая славянскую воду умѣлой, но ей чуждой рукой. Замолчали, присмирѣли стихіи. Вѣтеръ не рвется, волна не бушуетъ, смиренно покоряясь своему злому року. Торжественно, гордо подошли находники на своихъ 23 корабляхъ къ устьямъ Двины и тутъ же толково принялись за дѣло. Выстроили острожекъ, стали его укрѣплять и основали Устьдвинскую крѣпость, по ихъ зову, Дюнамюндъ.

Двухъ лѣтъ не прошло, какъ по близости, на холмѣ, вмѣсто латышской деревушки «Ригге», гдѣ скромно живалъ, проповѣдывалъ покойный Бертольдъ, гордо высился уже каѳедральный соборъ во имя Богоматери *),

*) Санктъ Маріенъ Домъ—храмъ святой Маріи.

вокругъ него надежная крѣпость, и положено было основаніе теперешней красивой Ригѣ въ 1201 г. Такъ, по словамъ историка, мгновенно уразумѣлъ положеніе дѣлъ Альбертъ фонъ-Апельдернъ Буксгевденъ и нашелъ вѣрныя средства упрочить торжество христіанства и своей народности въ устьяхъ Двины на берегу Балтійскаго моря.

Гнутся передъ его давящей силой язычники. Знакома имъ тяжелая рука, рука находниковъ. То тутъ, то тамъ вооружались ожесточенные бѣдняги, пробовали нападать, напрягали свои слабыя силы,—напрасно! Ихъ легко смиряли, разгоняли, по-одиночкѣ перебивали всѣхъ до единаго или въ плѣнъ забирали. Кого голодомъ морили и заставляли безъ отдыха работать на своихъ же притѣснителей, а кто помоложе, посмышленѣе, того отправляли за море, на чужбину, учиться, образовываться и возвращаться домой уже онѣмеченными борцами, рьяными помощниками пришлыхъ господъ, просвѣтителями еще не допокоренныхъ родичей.

Нѣмецкія силы росли и крѣпли на взморьѣ, въ устьяхъ Двины. Рыцарскія рати такъ увеличивались, что имъ уже захотѣлось отдѣлиться изъ-подъ строгой руки рижскаго епископа. Самостоятельности требовали онѣ въ награду за свой трудъ, свои ратные подвиги. Не о небесномъ воздаяніи за распространеніе христіанства въ языческой землѣ мечтали воины Христовой рати, а желали обладать ею, искали правъ, преимуществъ, земной власти, земного почета. Ихъ ссоры съ рижскимъ епископомъ Альбертомъ неслись къ престолу римскаго папы. Инокентій III долженъ былъ вмѣшаться, разсудить обоюдныя недовольства. Римъ рѣшилъ отдѣлить управленіе Орденомъ ливон-

скихъ рыцарей отъ рижской епископіи. Во главѣ Ордена поставилъ самостоятельнаго вождя съ титуломъ магистра. Орденъ состоялъ изъ братьевъ-рыцарей, братьевъ-священниковъ и братьевъ-служащихъ. Они обязательно, какъ монахи, должны были ежедневно присутствовать при богослуженіяхъ. Имъ не разрѣшались никакія развлеченія, даже охота. Вмѣстѣ съ уставомъ была присвоена ливонскимъ рыцарямъ отличительная одежда: бѣлый плащъ съ изображеніемъ на лѣвомъ плечѣ краснаго креста и меча. Оттуда и пошло прозваніе Меченосцевъ. Земли же, уже покоренныя и «имѣющія быть завоеванными», должны были дѣлиться на три части: 1-я по праву идетъ епископу, 2-я каѳедральному городу Ригѣ и 3-я Ордену ливонскихъ рыцарей. Туземцевъ, природныхъ жителей какъ бы и не существовало. На ихъ землѣ Меченосцы, не желавшіе жить въ епископской Ригѣ, воздвигли свою столицу—Венденъ. Тамъ поселилися магистръ, командоръ, и былъ учрежденъ конвентъ капитула, т. е. совѣтъ братьевъ. Крѣпкой, неприступной твердыней сдѣлался Венденъ. Вокругъ него стали возвышаться укрѣпленные за́мки—усадьбы рыцарей. Кто больше награбилъ, тотъ шире раскидывалъ свои владѣнія. Графскія и баронскія помѣстья росли, точно грибы, на завоеванныхъ земляхъ. Рабочія силы для трудныхъ работъ были подъ рукою. На это годились закрѣпощенные, вновь окрещенные туземцы—невольники. А кто упорствовалъ, того обрекали на смерть. Цѣлыя селенія исчезали подъ нѣмецкой сѣкирой.

Пробовали бѣдняги вопить о помощи къ полоцкому державцу, князю Владиміру, моля защитить отъ утѣснителей, пришлыхъ мучителей. Растроганный

Епископу Ливоніи Альберту Буксгевдену рыцари подносятъ голову послѣдняго латышскаго вождя—Ако. *(Къ стр. 59.)*

жалобами несчастныхъ сосѣдей, онъ собрался на брань съ «заморской нечистью». Бояре твердили:—«самимъ, княже, плохо будетъ отъ находниковъ, если не поддержимъ своихъ же данниковъ».—Полочане вооружились, вышли въ поле, да такъ неумѣло, неудачно бились, что и ихъ самихъ нѣмцы разбили, да и бѣдные туземцы подпали подъ худшій гнетъ.

Замолкла языческая корсь и ливы... Альбертъ создалъ изъ нихъ Курляндію и Лифляндію. Послѣдній боецъ за родную свободу, латышъ Ако палъ, былъ обезглавленъ въ кровавомъ Гольмскомъ сраженіи. Рижскій епископъ Альбертъ даже не присутствовалъ на полѣ битвы. Онъ молился въ выстроенномъ имъ храмѣ, когда къ нему съ громкими криками побѣды явились рыцари и поднесли окровавленную голову послѣдняго вражьяго вождя. Нѣмецъ не поморщился, его сердце не дрогнуло! Онъ смотрѣлъ на свою жертву,—на душѣ была другая забота, въ умѣ серьезныя думы, ловкія предположенія.

Мало по-малу рыцари Ливонскаго ордена удачно стирали съ лица земли послѣдніе слѣды умирающей народности и крестили въ латинскую вѣру всю мѣстность до самаго озера Вирцъ-Ерве по сосѣдству съ Юрьевымъ. Пока сильный, но неумѣлый полоцкій врагъ—отступалъ, ничего не выигравъ, въ сущности, даже не вполнѣ потерявъ сраженіе, епископъ Альбертъ сосредоточивалъ свое вниманіе на другой сосѣдкѣ—тогда еще языческой—Литвѣ. Она злобно вредила его торговлѣ по теченію Двины. Постоянно тревожила развивавшееся могущество гордыхъ пришельцевъ. Чтобы справиться съ Литвою, Альбертъ придумалъ не продолжать вражды съ русскимъ княземъ. Онъ отправилъ въ Полоцкъ пословъ съ бога-

тыми дарами. Давалъ торжественное обѣщаніе слѣдить за точной уплатой установленной полочанами дани съ крещенныхъ уже народцевъ.—«И ваша и наша торговля страдаютъ отъ неугомонныхъ хищныхъ литовцевъ! Соединимся силами, оттѣснимъ, ослабимъ ихъ!» твердили нѣмецкіе послы. И вѣрны были ихъ доводы. Благодушному же Владиміру совсѣмъ не въ домекъ, что для него куда сподручнѣе было бы за одно съ литовцами встать противъ находниковъ. Онъ же довѣрчиво пообѣщалъ свою мощную помощь «ловкимъ въ совѣтѣ и брани» пришельцамъ. Такъ поладилъ рижскій епископъ съ стольнымъ городомъ кривской земли и ея благодушнымъ княземъ. Но на завоевательномъ его пути оставались все еще два враждебные удѣла: Кукейносъ и Герсике. Ихъ державцы продерзостно дружили съ Литвой и укрывали преслѣдуемыхъ ими бѣглецовъ летголы и зимголы. Съ ними надо ему такъ или иначе уладить отношенія. Какъ разъ по сосѣдству съ Кукейносомъ красовался замокъ рыцаря Леневердена. Злобно смотрѣлъ онъ съ высоты своихъ бойницъ, какъ вдали извивался дымокъ надъ жилищами мирныхъ рутеней *). До его чуткаго слуха ясно доносился, на утренней зарѣ, благовѣстъ православныхъ русскихъ церквей, сзывавшій набожный людъ къ ранней обѣднѣ.—«Надо порѣшить съ этимъ русскимъ гнѣздомъ!»—все чаще да громче твердилъ благородный баронъ и, собравъ своихъ латниковъ, ночью ворвался въ беззащитный городъ. Ограбилъ до-чиста растерявшихся жителей, перебилъ ихъ и перерѣзалъ безъ милосердія. Князя заковалъ въ кандалы, храмы

*) Русскихъ.

обобралъ, колокола разбилъ. Замолкла служба Божія въ православныхъ церквахъ. Испепеленъ Кукейносъ! Жители разбѣжались по сосѣднимъ лѣсамъ. Только умный Альбертъ оказался очень недовольнымъ. Ему не понравилось самоуправство Леневердена. Онъ поспѣшилъ вмѣшаться въ дѣло; умиротворилъ князя, вернулъ ему его сокровища, его земли, обѣщалъ помочь скорѣе обстроить бѣдныхъ жителей и, для большей безопасности князя, чтобы увѣрить его въ своей преданности, оставилъ въ стѣнахъ обновлявшагося Кукейноса—свой нѣмецкій гарнизонъ. Затѣмъ, по обычаю, поплылъ въ Германію, къ друзьямъ, хвалиться успѣхами своихъ воинскихъ и дипломатическихъ подвиговъ, да замѣнить окончившихъ срочную службу рыцарей свѣжими новобранцами. Безъ него зашевелились пригнетенные дикари. Летгола, корсь, ливь, емь и поморы забѣгали другъ къ другу, стали совѣщаться и, хоть очень неумѣло, но все же съ ожесточеніемъ напали на Ригу. Сами собой жители и гарнизонъ не могли отбиться отъ яростнаго приступа. Кровь текла, стонъ стоялъ надъ епископской столицей. Пощады, конечно, нельзя было и ожидать отъ мстительной стихіи. Весь день прошелъ въ отчаянной бойнѣ. Только къ вечеру стали прибывать спасительные отряды. Подъ начальствомъ Конрада Мейендорфа стали стекаться рыцари изъ Вендена и всей округи, торопясь на помощь столицѣ епископіи. Ихъ латы, панцыри, кольчуга всегда наводили неотразимый страхъ на дикарей. Наскоро подобрали они своихъ убитыхъ товарищей и вмѣстѣ съ ранеными и умирающими побросали въ пылающій костеръ, разложенный на берегу Двины. Сами же, вскочивъ въ ладьи, скрылись подъ покровомъ темной ночи,

уносимые родными волнами подальше отъ свирѣпыхъ враговъ.

Слухъ объ отчаянномъ набѣгѣ озлобленныхъ туземцевъ, точно вѣтромъ, разнесло по округѣ. Забрался онъ въ самыя тайныя логовища обездоленныхъ народцевъ, проникъ въ лѣсныя дебри, непроходимыя трущобы. Зашевелилась зимгола, летгола—остатки несчастной корси и ливи. Повыползли изъ своихъ логовищъ и начали осаждать князя Вячко мольбами о защитѣ, поддержкѣ. «Епископъ уѣхалъ. Рига разграблена, убито множество жителей. А рыцари пируютъ, забываютъ о насъ! Воспользуйся, княже, добрымъ временемъ, помоги и намъ и себѣ, освободись отъ ихъ опеки! Мы тебя не выдадимъ, ляжемъ за тебя костьми! Да и не справиться имъ съ нами! безъ головы они безсильны,—мы же встанемъ всѣ до единаго!»—твердили бѣдняги, моля неотступно. По душѣ приходились кукейносскому державцу эти рѣчи. Онъ и самъ тяготился—и дружбой и опекой сосѣдей. И ему время казалось благопріятнымъ. На случай послалъ онъ въ Полоцкъ къ родичу Владиміру за подмогой. Самъ же съ своими войсками попробовалъ раздѣлаться съ ненавистной охраной, поставленной Альбертомъ для его безопасности. Нѣмецкій отрядъ былъ занятъ возведеніемъ крѣпостныхъ укрѣпленій. Кукейносцы удачно накрыли команду и вырѣзали всѣхъ,—только трое спаслись и помчались въ Ригу, жалуясь, требуя мести. На грѣхъ же, бури задержали плаваніе Альберта. Онъ былъ уже дома. Отъ злости свѣта не взвидѣлъ храбрый епископъ. Собралъ полки и двинулся въ походъ, грозно требуя отчета въ вѣроломствѣ. О полоцкой же рати и слыхомъ не слыхать.

Понялъ Вячко, кукейносцы и бѣдняги туземцы, что пришелъ ихъ послѣдній день. Сбѣжавшаяся Русь и сосѣди язычники выручили, какъ могли, любимаго державца. Спѣшно вынесли все его добро, сокровища, казну свалили въ лодки и перевезли въ ближайшіе лѣса за непроходимыя болота. Родной же свой городъ, достояніе предковъ, пустили «на дымъ» *), лишь бы не отдать въ руки ненавистныхъ враговъ.

Досада взяла нѣмцевъ. И поживиться-то нечѣмъ! Пепелъ, развалины, горящіе уголья,—вотъ все, что оставилъ имъ ненавистный русскій народъ! Сдѣлали облаву въ сосѣднихъ трущобахъ, кой-кого изъ запоздалыхъ кукейносцевъ поймали, звѣрски мучили и умертвили, въ отместку за пожаръ. Но, конечно, рыцарямъ было этого мало. Положимъ, изъ развалинъ русскаго Кукейноса они сразу стали выводить надежное укрѣпленіе Кохенгаузенъ, во славу Ордена, на посрамленіе враговъ. Это уже большой шагъ впередъ, въ глубь страны, по дорогѣ къ кореннымъ русскимъ владѣніямъ. Крѣпость воздвигнута уже на полоцко-русской землѣ.—«Ну, а дальше-то что будетъ? Тамъ, вверхъ по теченію Двины, стоитъ еще удѣльный городокъ, Герсики. Онъ нуженъ. Глаза мозолитъ этотъ вражій уголокъ!»—Ужъ не разъ грозилъ епископъ Альбертъ князю Всеволоду за его дружбу съ литовцами. Вмѣсто того, чтобы стоять за Ригу, онъ, когда только могъ, укрывалъ за Двиной несчастныя жертвы рыцарской кровавой расправы.—«Долой его! Прочь съ дороги, изъ глазъ благочестивыхъ воиновъ Ливонскаго ордена, этого заступника языческой Литвы, православнаго герсиковскаго державца!»

---

*) Сожгли.

Опытный военачальникъ воспользовался темнотою ночи, искусно повелъ свой набѣгъ, напалъ нежданно-негаданно на сонный городъ. Врасплохъ захваченные жители могли только поджечь свои жилища, да увезти, чуть не насильно, князя, схоронивъ его за рѣкой въ родныхъ лѣсахъ. Но княгиня, родомъ литвинка, семья, домашніе, большинство жителей попали въ плѣнъ. Цѣлый день хозяйничали рыцари въ захваченномъ городѣ. Казну, сокровища, все добро жителей, всю святыню, утварь церковную, колокола,— все, что только нашли, уложили въ ладьи и при яркомъ заревѣ пожара повезли внизъ по теченію Двины, въ епископскую Ригу.

Горемычный Всеволодъ бродилъ, какъ убитый. Ни крова, ни жены, ни близкихъ! Все отняла злая судьба. Все забрали находники-нѣмцы! Хоть самъ умирай въ чащѣ непроходимыхъ, дремучихъ лѣсовъ! Напуганные сосѣди разбѣжались. Примолкла Литва. А Полоцкъ, Псковъ, Новгородъ? Имъ бы догадаться помочь, вступиться за родича. Точно не видятъ, что вражья сила шагъ за шагомъ двигается на нихъ, подходитъ все ближе и ближе, уничтожая, давя все по дорогѣ! Но горе! имъ не до Герсике, не до Кукейноса, не до западныхъ границъ! Полоцкій князь Владиміръ труситъ, молчитъ. Со страху онъ даже дружитъ съ Ригой. Псковъ же и Новгородъ враждуютъ, по обычаю, другъ съ другомъ и съ Суздалемъ, и съ Тверью, и съ Смоленскомъ. Они близоруки, не чуютъ бѣды отъ морского берега.

Безпомощенъ, одинокъ князь испепеленнаго Герсике. И вотъ въ его тайникъ доходитъ лучъ свѣта— добрая вѣсть. Слыхать, его ищетъ самъ Альбертъ и не съ грозой, не съ враждой, а добрымъ словомъ

хочетъ перемолвиться. Любовь къ семьѣ пересилила всѣ страхи Всеволода. Онъ довѣрчиво ринулся въ Ригу. Его обласкали, вернули княгиню, семью, пожалуй, обѣщали вернуть и добро, но съ условіемъ.— «Поклонись своимъ удѣломъ рижскому каѳедральному собору, и тогда мы возвратимъ тебѣ—твое. Не то!..» Ничего не понималъ ошеломленный князь. Жену, семью хотятъ отдать, а жить-то какъ же безъ удѣла? Тогда ему растолковали, что онъ будетъ управлять своей отчиной, дѣдиной и прадѣдовской землею, только долженъ признать надъ нею и надъ собою верховную власть рижскаго епископа. Счастье вернуться съ семьею во-свояси отуманило князя Всеволода настолько, что онъ клятвенно, подъ присягой, утвердилъ свой договоръ съ рижскимъ епископомъ.

И второй вѣрный, твердый шагъ былъ сдѣланъ нѣмцами на полоцко-русской землѣ. Теперь передъ ними твердыни—Псковъ, Новгородъ! Это не чета Полоцку и его удѣльнымъ державцамъ. Эти старѣйшіе города Русской земли сильны, богаты! Съ ними не надежно мѣряться ратями. Положимъ, они постоянно враждуютъ промежъ себя и съ единородными, сосѣдями, но это до поры, до времени. Прійдетъ бѣда, встанутъ крѣпко; съ ними тогда не сдобровать! Надо дѣйствовать осмотрительно, потихоньку, въ тихомолку, черезъ своихъ закрѣпощенныхъ, подъяремныхъ и окрещенныхъ туземцевъ. Начали рыцари постепенно волновать новгородскихъ и псковскихъ данниковъ. Имъ обѣщали, опять же въ глубокой тайнѣ, поддержку, облегченіе дани и всѣ блага своего покровительства, лишь бы они чаще, настойчивѣе безпокоили стольный, древній Новгородъ. Недальновидные народы очела и ерева стали шевелиться, дѣлали

набѣги то на Медвѣжью Голову (Оденпе), то на Юрьевъ, пытались добираться чуть не до самаго Пскова. На счастье нашего сѣвера, Великій-Новгородъ и св. Софію любилъ галицкій князь, русскій богатырь Мстиславъ Удалой. Налетѣлъ онъ съ юга къ берегамъ родного Волхова, услышавъ объ обидахъ, творимыхъ Новгороду ослушниками—данниками. Созвавъ свою дружину, прошелъ съ нею весь край до самаго Балтійскаго моря, собралъ новгородскую дань и, не встрѣтивъ нигдѣ ни единаго рыцаря, усмирилъ мятежные народы и навелъ такой страхъ, что притихли сами крестоносцы. Кто знаетъ, какъ бы пошло онѣмеченіе прибалтійскихъ окраинъ, если бы не испортилъ дѣла самъ Великій Новгородъ да его вѣчевое правленіе.

Этотъ древній городъ, столица Рюрика, любимый Ярославомъ Мудрымъ и Мстиславомъ Удалымъ, сдѣлался настоящимъ виновникомъ окончательнаго водворенія рыцарей и нѣмецкой народности на Балтійскомъ побережьи. Вѣчныя ссоры новгородцевъ съ прирожденными князьями Рюрикова дома, которыхъ они то призывали, то вѣроломно прогоняли, ихъ вѣчевое правленіе, увлеченіе личными сварами, а не пользою родины, погубили русское православное дѣло на сѣверо-западной границѣ.

Къ новгородцамъ за помощью, осенью 1224 года, и послалъ князь Вячко. Обездоленный Кукейносскій державецъ нашелъ себѣ пріютъ въ древнемъ Юрьевѣ, основанномъ въ 1035 г. Ярославомъ Мудрымъ на возвышенномъ лѣвомъ берегу Эмбаха, въ финской землѣ *). Съ тѣхъ поръ онъ служилъ оплотомъ нашихъ западныхъ

*) Въ Унганіи (область чуди тормы).

границъ. Второй вѣкъ стоитъ эта твердыня. Крѣпко построенъ княжескій дѣтинецъ. Надежны дубовыя стѣны. Довѣрчиво хоронились за ними несчастные народцы—очела, талова, ерева и русь, ища защиты у храбраго русскаго князя, не боявшагося тревожить нѣмецкіе отряды своими постоянными, лихими набѣгами. Черезъ лазутчиковъ, отъ вѣрныхъ друзей узналъ Вячко, что Альбертъ сильно разгнѣванъ его безпримѣрною удалью, постоянными набѣгами. «Встанутъ русскіе крѣпко на этомъ рубежѣ»,—говорили нѣмцы промежъ себя,—«тогда намъ ничего не подѣлать. Всѣ берега Двины останутся на вѣки въ ихъ рукахъ». И начали совѣщаться въ стѣнахъ своей Риги. Узналъ объ этомъ, понялъ важность минуты русскій князь-богатырь—и послалъ все сказать богатому, славному, да на бѣду вольному, Новгороду.—«Встаньте крѣпко, соберите дружины, идите намъ въ помощь, а мы ужъ не выдадимъ, не посрамимъ родной земли, вѣры дѣдовъ и отцевъ», вѣско передавали новгородцамъ послы вождя—князя его рѣчи.

Ударили въ вѣчевой колоколъ. У св. Софіи собралась вольница,—готовы были дружины. А тутъ старѣйшіе, умнѣйшіе рѣшители судебъ, мужи именитые свое заговорили.—«Зачѣмъ разбирать чужую бѣду? До насъ еще далеко. Нѣмцы и то намъ отдаютъ ту дань, что бѣднота сосѣдняя намъ прежде собирала. Погодимъ, посмотримъ, потолкуемъ». Кричали, шумѣли, рядили, судили у св. Софіи, а тѣмъ временемъ въ Ригѣ собрался рыцарскій совѣтъ. Обсуждалась необходимость «предпринять чрезвычайныя мѣры противъ Виссики *), не перестающаго причинять нѣмцамъ всякое зло,

*) Такъ называли нѣмцы нашего кн. Вячеслава-Вячко.

какое только было въ его власти. По ихъ словамъ, за стѣнами Юрьева, этой неприступной крѣпости, были собраны всѣ злодѣи, измѣнники, враги ливонцевъ, ими начальствовалъ тотъ князь, который изстари былъ корнемъ всѣхъ золъ для Ливоніи.

Подъ вліяніемъ разумной, твердой воли властнаго епископа Альберта, собрались нѣмецкія силы со всей завоеванной земли и единогласно рѣшили предпринять походъ на Юрьевъ соединенными общими силами, подъ начальствомъ самого епископа. Даже изъ Западной Европы шли къ нимъ на помощь толпы вольныхъ рыцарей. Герцогъ саксонскій, именитый гость Ордена, и тотъ пожелалъ лично участвовать въ походѣ. Оба епископа, крестоносцы, орденская братія, дружины епископскія, купцы и граждане—всѣ пошли съ Альбертомъ. Повели съ собою и крещенныхъ туземцевъ, злѣйшихъ враговъ своихъ несчастныхъ соотичей. Подойдя къ Юрьеву, нѣмцы стали возводить самые страшные окопы, приспособляя новѣйшія орудія осады. Русскіе, съ своей стороны, оборонялись съ остервенѣніемъ. Ночь и день съ обѣихъ сторонъ работали безъ устали.

Альбертъ попробовалъ сначала мирно переговорить съ Вячкомъ: «пусть князь со своею Русью, конями, оружіемъ и всѣмъ имѣніемъ выйдетъ изъ крѣпости, лишь бы сдалъ городъ и всѣхъ сидѣвшихъ въ немъ изъ корси, ливи, чуди». Передъ свои очи даже и не допустилъ такихъ пословъ отважный Вячко.— «Пусть Господь разсудитъ насъ, но живыми мы не отдадимся!» Разсвирѣпѣли нѣмцы отъ этого «наглаго и дерзкаго—имъ не обычнаго—отвѣта русскихъ». Поклялись съ лица земли стереть продерзостныхъ защитниковъ родного очага. Все, что нѣмцамъ удавалось уничтожить въ теченіе дня,—за ночь осажденные успѣ-

вали вновь воздвигнуть. Только что начинало темнѣть, крестоносцы разводили костры и при ихъ яркомъ пламени возводили торопливо новыя осадныя приспособленія. Они сопровождали свой разрушительный трудъ громкимъ пѣніемъ псалмовъ, при звукахъ трубъ и литавръ. Тогда на городскія стѣны выходили дудочники, отвѣчавшіе въ ладъ иностранной музыкѣ на своихъ народныхъ дудкахъ и балалайкахъ.

Осада тянулась. Вячко все ждалъ помощи отъ св. Софіи.

На горе, объ этомъ провѣдали нѣмцы. Собрался военный совѣтъ, сошелся весь цвѣтъ именитаго рыцарства. Магистръ Ордена и герцогъ саксонскій засѣдали по обѣимъ сторонамъ рижскаго епископа. «Надо торопиться, покончить съ осадой, до прихода новгородцевъ! У этихъ славянскихъ купцовъ сильные, славные полки! ловкій, привычный народъ! Къ тому жъ еще и свѣжая будетъ, не утомленная рать. Намъ необходимо, до ихъ прихода, сдѣлать рѣшительный приступъ».—«Не такъ-то легко сдадутся злодѣи, все новое зло вымышляютъ на насъ»—сказалъ Іоаннъ фонъ-Апельдернъ.—«Рѣшайтесь на приступъ»,—твердили кругомъ.—«Сжечь до тла всю твердыню», вторили другіе.—«И перерѣзать до единаго весь ненавистный притонъ»,—подтверждали третьи.—«Вотъ мой совѣтъ», заговорилъ, поднявшись, предводитель иностранныхъ рыцарей: «для того, чтобы храбрые крестоносцы веселѣе шли на приступъ, положимте, господа, уговоръ между собой. Кто изъ насъ первый взойдетъ на стѣну, тому, кромѣ самаго лучшаго коня, достанется и самый знатный плѣнникъ-Виссики! Никто да не убьетъ его; никто, кромѣ перваго храбреца, не будетъ имѣть права повѣсить нашего врага на

макушкѣ самаго высокаго дерева. И будемъ всѣ мы вокругъ него торжествовать побѣду, превознося передового храбреца».—Рѣшеніе закрѣпили клятвою, и всѣ положили въ душѣ быть первыми.

Занялась заря, юрьевцы увидѣли, какъ со всѣхъ сторонъ несмѣтныя полчища, стягиваясь, окружали ихъ послѣдній оплотъ. О помощи же не было и слышно. Заблаговѣстилъ къ обѣднѣ соборный колоколъ, ему завторили остальные православные храмы, воздвигнутые еще Ярославомъ. Язычники въ роковую минуту слились съ боевыми товарищами въ единой предсмертной православной молитвѣ. Духовенство безъ устали напутствовало на неизбѣжную смерть съ вѣрою притекавшихъ воителей за родную церковь, за отчій домъ. Князь Вячко подалъ примѣръ,—за нимъ послѣдовали всѣ двѣсти русскихъ воиновъ, а тамъ и остальные, и женщины и дѣти. Никто не захотѣлъ ни умереть безъ пріобщенія Св. Таинъ, ни живымъ отдаться въ плѣнъ свирѣпымъ Меченосцамъ. Изъ храмовъ прямо шли на городскія стѣны. Мѣткія стрѣлы, смертоносные камни косили наступавшихъ. Земля покрылась ихъ тѣлами. Но за строемъ новый строй, какъ морская волна, вздымался безконечно. Рыцари тѣснились все ближе, суживая все сильнѣе смертоносное кольцо. Спасенья не было! Какъ ни били крестоносцевъ, все же, они дошли до стѣнъ. Верхъ взяло множество. Городъ запылалъ со всѣхъ сторонъ. Нѣмцы проникли черезъ горѣвшія бреши. Жители бросались на нихъ, утопая въ потокахъ своей и вражьей крови. Другіе задыхались въ дыму пожара или бросались въ пылающее пламя. Никто не уцѣлѣлъ. На своемъ бѣломъ конѣ князь Вячко не переставалъ биться. Ни стрѣлы враговъ, ни пламя пожара не трогали его!

Князь Вячко умираетъ въ пламени, защищая свой Юрьевъ. *(Къ стр. 71.)*

Какъ ангелъ смерти, носился русскій витязь по морю крови и огня, уничтожая всѣхъ попадавшихъ подъ руку враговъ. Имъ онъ не достался даже мертвый! Послѣдній живущій, среди осажденныхъ, русскій богатырь—сбросился съ кручи въ зіявшую пропасть и вмѣстѣ съ конемъ исчезъ изъ глазъ враговъ своей родины и вѣры православной.

Сами нѣмцы подтверждаютъ, что юрьевцы всѣ похоронили себя вмѣстѣ съ своимъ княземъ подъ пепломъ и развалинами русской твердыни. Единственнаго живого отысканнаго ими человѣка они нарядили въ свое платье, дали крѣпкаго коня и послали въ Новгородъ возвѣстить про свою славную побѣду надъ храброю русскою силой.

Епископы, все войско, всѣ нѣмцы восторженно праздновали удачу, и имѣли на это полное право. По своимъ послѣдствіямъ, эта побѣда была самая важная изъ всѣхъ, какія только католики-крестоносцы одерживали до сихъ поръ. Послѣдній оплотъ туземцевъ—русская крѣпость пала. Вся Чудь, которая еще держалась, не покоряясь находникамъ, погибла, и съ этого времени нѣмцы могли съ полной увѣренностью говорить, что подчинили себѣ сначала литовцевъ, потомъ русскихъ и финновъ.

На развалинахъ Юрьева, ихъ заботами, былъ скоро основанъ многолюдный городъ, обнесенный крѣпкою стѣною. Вмѣсто православныхъ храмовъ, въ городѣ и во всей округѣ стали воздвигаться костелы, къ которымъ ставили выписанныхъ изъ Западной Европы католическихъ священниковъ.—И епископская каѳедра была основана во вновь воздвигнутой твердынѣ, извѣстной въ исторіи подъ именемъ Дербота или Дерпта.

Причиной этого народнаго горя былъ вѣчевой безпорядокъ вольнаго Новгорода! Личные счеты и вѣчныя распри новгородцевъ помѣшали имъ прійти во-время на помощь Литвѣ и финнамъ.

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. М. Соловьевъ.* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ.
2) *Д. И. Иловайскій.* Исторія Россіи. Т. II.
3) *С. В. Чешихинъ.* Исторія Ливоніи.
4) *Эрнестъ Серафимъ.* Исторія Лифляндіи, Эстляндіи, Курляндіи.
5) *Турчиновичъ.* Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи.

Первое вторженіе шведовъ въ Россію.

1240 годъ.

ШВЕДСКІЙ король Эрихъ IX, прозванный Святымъ за свое ревностное стремленіе распространять христіанскую вѣру среди язычниковъ, рѣшилъ, подъ вліяніемъ властолюбиваго Рима, отправиться для проповѣди слова Божія къ заморскихъ дикарямъ. Онъ зналъ, что на востокъ отъ Швеціи проложенъ морской путь датскими и германскими купцами и что туда во множествѣ переплываютъ и мирные и воинствующіе нѣмцы, чтобы привить дикарямъ и свою вѣру и свое образованіе. Его тянуло въ ту-же даль, на такіе же подвиги! Собравъ благочестивую рать, сопутствуемый упсальскимъ епископомъ Генрихомъ и духовенствомъ, сѣлъ онъ на свои легкокрылыя суда и поплылъ на востокъ, по теперешнему Ботническому заливу, въ 1157 году.

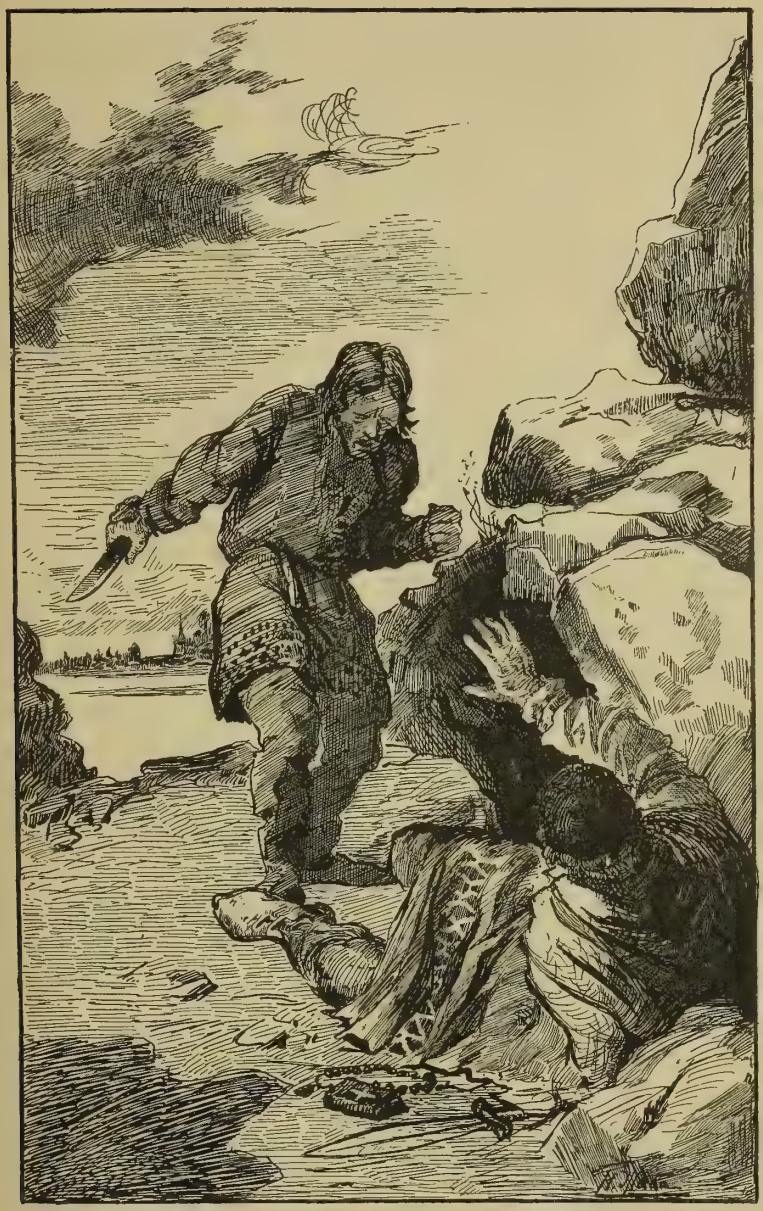
Изъ-за волнъ показался скалистый берегъ, такой же угрюмый, какъ и молчаливые его жители, враж-

дебно встрѣтившіе непрошеныхъ гостей. Но, видно, ужъ такъ было предопредѣлено судьбою! Огонь да мечъ и тутъ проложили путь кроткому Евангельскому ученію. Не хотѣли жители нынѣшняго Або *) покориться шведамъ добровольно, отказывались креститься,—ихъ принудили къ этому силой. Послѣ геройскихъ подвиговъ насилія, злодѣйствъ, мученій, король Эрихъ вернулся въ Швецію, дѣло же проповѣди и притѣсненій надъ финнами продолжалъ исполнитель его приказовъ, епископъ Генрихъ, съ своими военными отрядами. Цѣлый годъ, съ 1157 по 1158, прокладывалъ онъ себѣ путь на востокъ отъ моря, въ глубь теперешней Финляндіи. Дошелъ уже до Кокемы, но тутъ смерть остановила его подвиги! Финскій ножъ попробовалъ избавить родину отъ шведской жестокости!

Туго усваивали христіанское ученіе упрямые сыны суровой Финляндіи. Шведскіе миссіонеры Рудольфъ и Фальквинъ почти безуспѣшно трудились двадцать лѣтъ, съ 1158 по 1178 годъ, надъ порученнымъ имъ дѣломъ. Эрихъ терялъ терпѣніе, посылалъ на подмогу новыя силы, и все безуспѣшно. Дикари скрывались въ своихъ трущобахъ, за родными озерами, лѣсами, скалами, шагъ за шагомъ отстаивая наслѣдіе отцевъ, священныя преданія предковъ. Наконецъ они обратились за помощью къ великому Новгороду, которому емчане привыкли искони платить немудреную дань. Услышали на берегахъ Волхова, что стонутъ на сѣверѣ ихъ угрюмые, но всегда миролюбивые данники, и что изъ-за моря, проникли туда воинственные свеи **) со своими проповѣдниками. Слыхать, что рати

*) Городъ на западномъ берегу Финляндіи.

**) Шведы.



Финнъ убиваетъ епископа Генриха, предводителя шведскихъ войскъ, подъ Або, въ 1157 году. *(Къ стр. 74.)*

за ратями двигаются, какъ потокъ! Несутъ знамена, украшенныя кроткимъ ликомъ Богоматери, на щитахъ изсѣченъ крестъ святой, а въ рукахъ мечъ смертоносный! Горе, разореніе, муки и насиліе вносятъ въ мирную страну непрошеные проповѣдники!

Заволновались у св. Софіи, не хотѣли въ обиду давать сѣверныхъ сосѣдей. Старики судили, рядили. Молодежь собиралась точить мечи, какъ вдругъ явились къ князю гонцы отъ посадника Нѣжатаго.— «Шведъ Ладогу обложилъ!»—«Что? Какъ? нашу родную Ладогу? Да какъ онъ смѣлъ! Кто допустилъ продерзостныхъ находниковъ затронуть отчину всесильнаго Новгорода?»—«Добрался Шведъ» продолжалъ гонецъ въ перепугѣ, «по топкимъ финскимъ берегамъ до самаго города! Горятъ всѣ пригороды! Ладожане сами жгутъ свои дома, все, что не схоронено за городской стѣной. Ихъ отстаиваетъ храбрый посадникъ! онъ лихо дерется! врагъ пятится, русскія рати тѣснятъ его къ берегамъ Сальмы (Вороной). Но все же онъ не хочетъ уходить. Безъ помощи Ладогѣ не сдобровать!» Тогда княжилъ у св. Софіи князь Святославъ Ростиславичъ *). Во главѣ своихъ и новгородскихъ дружинъ, съ смѣлыми удальцами на подмогу, выступилъ онъ съ посадникомъ Захаріей выручать родную Ладогу. Сразу разбилъ врага, забралъ безъ счета плѣнныхъ и уничтожилъ чуть не всѣ вражьи корабли! Изъ 55 судовъ спаслось только 12. Это было въ 1164 году.

Но миссіонеровъ не охладило такое пораженіе. Они такъ настойчиво продолжали свое дѣло, такъ раздражительно приставали къ финнамъ, что тѣ под-

*) Его отецъ, Ростиславъ Мстиславичъ Схимолюбивый, былъ тогда в. к. кіевскимъ.

стерегли Рудольфа, забрали его въ плѣнъ и мученически умертвили въ 1178 г.

Наказать ихъ за такое преступленіе явился самъ благочестивый Эрихъ и учинилъ жестокую расправу. Упорство шведовъ сильно раздражало новгородскую вольницу. У св. Софіи властно задержали ихъ купцовъ и слышать не хотѣли о миролюбивыхъ сдѣлкахъ, которыя имъ предлагали скандинавы. Напротивъ, посадники, старѣйшіе, обдумавъ, обсудивъ на вѣчѣ, рѣшили сговориться съ корсью, поднять эстовъ и финновъ и общими силами, однимъ рѣшительнымъ ударомъ усмирить неугомонныхъ.

На этотъ разъ не морскіе короли, не датчане или варяги, а сами именитые дѣти великаго Новагорода, посадивъ свои удалыя дружины на суда, поплыли по волнамъ широкой Балтики, прямо въ озеро Меларъ, неся страхъ и трепетъ въ вражью землю. 14 іюля высадились добрые молодцы въ окрестностяхъ Стокгольма, разоряя, уничтожая все, что попадалось на пути. Убили упсальскаго архіепископа Іоанна. Разрушили до основанія богатый, торговый городъ Сигтупу, да такъ, что онъ ужъ навсегда утратилъ свое значеніе. Разграбили всѣ его сокровища. Увезли все, что могли забрать, въ томъ числѣ чудо тогдашняго искусства, церковныя двери, которыми и украсили свою соборную церковь. Только это былъ еще не конецъ.—Въ 1191 году новгородскія дружины снова ходили на Емь—биться со Шведомъ. Въ 1198 году сожгли Або и, наконецъ, хоть на время, охладили пылъ вооруженныхъ проповѣдниковъ западно-католическаго христіанства, среди своихъ исконныхъ данниковъ и друзей-финновъ.

Не мало помогли затишью и неурядицы на Скандинавскомъ полуостровѣ. Готская и шведская партіи

ссорились изъ-за власти. Папы настаивали на скорѣйшемъ возстановленіи сильной королевской власти, этой преданнѣйшей союзницы римско-католическаго первосвященника. Но борьба усилила власть вельможъ, и выдающимся исполнителемъ велѣній запада оказался не король, а зять его, представитель вліятельной шведской фамиліи Фолькунговъ, ярлъ Биргеръ. Искусный полководецъ, онъ считался непобѣдимѣйшимъ рыцаремъ на всемъ свѣтѣ. Гдѣ бы, съ кѣмъ бы онъ ни воевалъ, вездѣ и надъ всѣми онъ одерживалъ побѣды. Вотъ на него-то и палъ жребій выполнить завѣтныя мечты римскихъ первосвященниковъ: не только покорить сѣверныхъ русскихъ данниковъ, финновъ, но и всѣхъ невѣрныхъ рутеновъ *) обратить въ католичество. Это было въ 1238—39 г.

Время для выполненія задуманнаго плана было выбрано самое удачное. Съ востока Русь православную душили монголы. Земля была растерзана, разграблена, обезсилена. Съ запада напирали рыцари, вооружая прежде мирныхъ ливовъ. На берегахъ Шелони не умолкали звуки брани. Послушные эстонцы шли за нѣмцами, которые заносчиво грозились добраться до самаго Пскова, а тамъ, чего добраго, дойти и до Новагорода. Шведамъ все это было на руку. По волѣ римскаго первосвященника, слѣпо вѣруя въ силу его благословенія, святость своихъ кровавыхъ цѣлей и личную непобѣдимость, явился Биргеръ къ устьямъ Невы, на безчисленныхъ судахъ, во главѣ пресильнаго отряда. Шведы, норвежцы, финны, сумь и емь, всѣ шли подъ его хоругвью—прямо къ устьямъ Невы. Заперли исконный славянскій путь «изъ варягъ въ

*) Такъ звали русскихъ въ Римѣ.

греки», грозили снова Ладогѣ, полонили безпомощную ижору и чудь.

— «Если смѣешь,—приходи! Я ужъ здѣсь и полонилъ твою землю!»—послалъ сказать надменный Биргеръ юному новгородскому князю Александру Ярославичу. Тотъ только что отпировалъ въ Торопцѣ свою свадьбу съ княжной Вассой, дочерью полоцкаго князя Брячеслава, 1239 г. Въ Новгородъ же пріѣхалъ съ молодою княгиней продолжать свадебное веселье. Въ самый разгаръ пира явился лихой вѣстникъ съ этой продерзостной рѣчью. Взъѣлась строптивая вольница. «Кто тотъ дерзкій, что смѣетъ такое слово молвить ихъ молодому державцу?» Не до пира стало гражданамъ! Были и такіе, что послали за помощью во Владиміръ, только-что до тла испепеленный татарами.

За мечъ и кольчугу схватился юный князь. Могучій кличъ его раздался среди общаго смятенія. Дружину храбрыхъ удальцовъ сзывалъ вокругъ себя державецъ, чтобы съ нею выступить въ походъ. Передъ походомъ пошелъ онъ въ Софійскій храмъ, гдѣ слушалъ напутственный молебенъ. Тамъ, на колѣняхъ, передъ гробницею своего прадѣда, храбраго Мстислава, слезно молилъ онъ Господа силъ спасти родину отъ нашествія лютыхъ иноплеменниковъ, охранить Русь православную отъ властолюбивыхъ притязаній западныхъ иновѣрцевъ.

Владыка и весь «освященный соборъ», благословивъ князя на брань, вышли съ крестами, иконами на соборную площадь. Народъ любовно окружилъ своихъ защитниковъ. На паперти въ блестящихъ доспѣхахъ, аломъ корзнѣ *) черезъ плечо, съ непокры-

*) Княжеская мантія.

той головою показался высокій, статный, красивый князь Александръ. Какъ утренняя заря, сіяли его большіе голубые глаза. Надъ ними густыя черныя брови сходились, какъ тучки на небѣ. Свѣтлыя кудри кольцами спускались до плечъ, окаймляя величественное, вдохновленное чело благочестиваго воина, стремившагося сложить свою голову, лишь бы спасти ввѣренныя ему новгородскія земли. «Не Богъ-ли Самъ, создавъ небо и землю, поставилъ предѣлы языкамъ и не велѣлъ переходить чужія части!»—заговорилъ онъ, повелительно поднявъ руку,—благоговѣйно смолкла толпа.—«Суди Онъ Самъ, Господь, обидящихъ насъ и возставшихъ на насъ неправою бранью! Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ!» повторилъ онъ слова Мстислава Удалого: «вспомнимъ, братія, слова царя Давида: «Сіи во оружіи, а сіи на коняхъ, мы же имя Господа Бога нашего призовемъ!»—Народъ слушалъ вѣщія слова и, проникаясь вѣрою въ успѣхъ, усердно крестился. Вѣра въ правоту дѣла, въ несокрушимость рати православной наполняла души набожныхъ новгородцевъ.

Дома остались только больные, старики, женщины и дѣти. Кто только могъ, стремился въ походъ съ вдохновеннымъ вождемъ. На пути къ устьямъ Невы, по мѣрѣ приближенія русскихъ ратей, поднимались мѣстные жители. Вооруженные, чѣмъ и какъ могли, они густою, надежною стѣною окружили любимыя, православныя дружины своихъ избавителей. Горячо ненавидя свейскихъ *) нѣмцевъ, мирные отъ природы, хотя и упрямые чудь и нарова, всей душей льнули къ Православной Руси.

---

*) Такъ звали финны шведовъ.

Еслибы не постигло нашу родину въ XIII вѣкѣ страшное несчастіе, еслибы дикіе монголы не придавили тяжкимъ игомъ народъ и князей русскихъ, никогда бы коварнымъ сынамъ властолюбиваго католичества не пустить цѣпкихъ корней на нашемъ сѣверо-западѣ. Шведскія войска были расположены на южномъ берегу Невы, тамъ, гдѣ маленькая Ижора вливается въ многоводную свою сосѣдку. Сильны были вражьи рати, не перечесть полковъ. Среди стана возвышался златоверхій шатеръ предводителя, а позади гордо поднимались къ небу мачты безчисленныхъ шведскихъ кораблей. Конечно, нельзя было и сравнивать силы воюющихъ сторонъ. Собственныя новгородскія и княжескія дружины были малочисленны, несмотря на всеобщія усилія ихъ пополнить. Главная опора русскихъ была въ сочувствіи къ нимъ мѣстныхъ народцевъ. Они поднимались сплошною стѣною и шли, какъ стихійная сила, уничтожать ненавистныхъ находниковъ. Объ этомъ-то шведы и не подумали. Они увѣренно ждали врага, не предчувствуя въ ночь съ 14 на 15 іюля никакой опасности. Новгородцы же готовились къ отчаянному нападенію. За ними шевелилась емь, чудь, водь и корела. Они искусно высматривали расположеніе вражьихъ полковъ, соображая, при знаніи мѣстности, какъ ловчѣе обойти врага и удачнѣе нанести ему тяжкій ударъ. Среди нихъ особой бдительностью отличался Пелгусій, въ св. крещеніи Филиппъ.

Державный вождь поручилъ ему производить развѣдки, такъ какъ онъ былъ начальникомъ приморской стражи и ижорскимъ старшиною; князь лично зналъ старика, какъ ревностнаго, добродѣтельнаго христіанина, пользовавшагося большимъ вліяніемъ между язычниками, своими грубыми соотечественниками.

Видѣніе Пелгусію, старшинѣ ижорскому, начальнику приморской стражи.

(Къ стр. 81.)

Среди глубокой тишины, къ ставкѣ князя осторожно пробирался сѣдой высокій старикъ.—«Нужда мнѣ до князя», шепотомъ заговорилъ онъ съ дѣтскимъ *). Хотя тотъ и узналъ начальника приморской стражи, но, оберегая покой любимаго вождя, такъ же тихо замѣтилъ, что слѣдовало бы пообождать, хоть малость.—«Кажись, започивалъ болѣзный».—«Время дорого, не терпитъ», задумчиво ворчалъ старшина. А въ ставкѣ уже шевелились. Александръ самъ стоялъ на порогѣ, и сна какъ не бывало на его ясномъ челѣ. Пелгусій, отдавъ земной поклонъ, сказалъ, что нужда великая принудила его прійти до свѣта.

Князь распахнувъ коверъ, ввелъ начальника стражи въ шатеръ и съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ словомъ умнаго, толковаго старика. Окончивъ докладъ касательно расположенія шведскихъ войскъ, Пелгусій продолжалъ: «Всю прошлую ночь стоялъ я вскрай **) моря, при устьѣ Невы, оглядывая оба берега. Стоялъ неподвижно, какъ вдругъ, при восходѣ солнечномъ, услышалъ шумъ страшенъ по морю и увидѣлъ гребную лодку,—«насадъ» гребущъ. Посреди насада стояли св. мученики Борисъ и Глѣбъ, положивъ другъ другу на рамена руки. Гребцы же, сидѣвшіе въ насадѣ, были точно мглою покрыты. И сказалъ кн. Борисъ: «Братъ мой, Глѣбъ, вели грести скорѣе, да поможемъ сроднику своему Александру Ярославичу!»—Увидавъ такое явленіе, услышавъ гласъ таковой отъ святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, стоялъ я въ страхѣ и трепетѣ до самыхъ тѣхъ поръ, какъ уплылъ насадъ отъ моихъ очей и исчезло все видѣнное, замолкло все слышан-

*) Ближайшій къ князю воинъ изъ его охраны.

**) Морское побережье.

ное», твердилъ Пелгусій, набожно крестясь. Радостно забилось сердце героя. Взволнованно выслушалъ онъ вѣщія слова. Онъ зналъ, что Пелгусій пользовался доброй славой, почетомъ среди соплеменниковъ за свою благочестивую, воздержную жизнь. Чудный разсказъ укрѣпилъ его вѣру, поддержалъ прирожденную бодрость, и, когда взошла заря, разсѣялся утренній туманъ, Александръ Ярославичъ, полный надежды на помощь небесную, двинулся въ бой.

Лѣтописцы говорятъ, что сѣча была ужасная. Обоюдное ожесточеніе не имѣло предѣловъ. Шведы крѣпко стояли, дружно напирая на новгородскія дружины. Но за православныхъ были безчисленныя толпы мѣстныхъ жителей, да еще ихъ вѣра и надежда на крѣпкую помощь Божію! Какъ геній побѣды, носился князь среди своихъ полковъ. Новгородцы рубились отчаянно. Головы шведскихъ вождей такъ и падали отъ ударовъ русскихъ топоровъ. Въ самый разгаръ сраженія оба войска увидѣли, какъ поколебался златоверхій шатеръ магистра Биргера и палъ подрубленный смѣльчакомъ Саввой, однимъ изъ княжескихъ отроковъ. Въ пылу схватки, самъ князь остріемъ своего копья нанесъ ударъ Биргеру въ лицо. Шведы были разбиты на голову. Они бѣжали, спасаясь, какъ могли, на свои суда и уплыли къ себѣ за море.

Счастливые новгородцы торжествовали полную побѣбу, и имя «Невскаго» заслуженно отмѣтило храбраго князя, вдохновеннаго предводителя православныхъ ратей, бившихся за землю родную, за вѣру православную.

Славная побѣда на берегахъ Невы была одержана 15 іюля 1240 года. Когда обходили поле сраженія, то не могли не подивиться, какое множество вра-

жьихъ тѣлъ покрывало не только поле сраженія, но наполняло и сосѣдніе лѣса и болота... Конечно, шведы были истреблены озлобленными мѣстными жителями, вымещавшими, подъ крыломъ русскихъ войскъ, свою ненависть, накопившуюся къ непрошеннымъ свейскимъ проповѣдникамъ. Благодаря беззавѣтной храбрости новгородскихъ дружинъ и военнымъ способностямъ ихъ князя-вождя, напуганные шведы затихли на время и оставили въ покоѣ финскія племена, мирныхъ данниковъ великого Новгорода.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Н. М. Карамзинъ.* Исторія Государства Россійскаго.
2) *Н. М. Павловъ.* Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ.
3) *С. В. Чешихинъ.* Исторія Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ.
4) *Д. И. Иловайскій.* Исторія Россіи.

МИНДОВГЪ,

князь литовскій. † 1264 г.

ВЪ ТЕПЕРЕШНЕЙ минской губерніи, въ 30 верстахъ отъ судоходнаго Нѣмана, у подошвы большой горы, живописно пріютился маленькій городокъ Новогрудокъ. Лѣтомъ онъ весь утопаетъ въ зелени фруктовыхъ садовъ, изъ-за которой чуточку виднѣются то тутъ, то тамъ низенькіе, немудреные домишки. Одни лишь храмы Божіи, съ высокими колокольнями, красиво поднимая въ небесную высь свои блестящія главы и разнося по округѣ призывный звонъ благозвучныхъ колоколовъ, могутъ остановить на себѣ вниманіе путника. На самой вершинѣ горы, точно вѣнчая ее, виднѣются красивыя развалины древняго дѣтинца, долговѣчный памятникъ славнаго прошлаго великихъ предковъ.

Въ 1040 г. сынъ Владиміра Святого, кіевскій великій князь Ярославъ, возвращаясь отъ своихъ данниковъ-литовцевъ, сидѣвшихъ на Нѣманѣ, тамъ, гдѣ съ нимъ сливаются тихія воды веселой Виліи, раски-

нулъ свой станъ въ этой долинѣ. На самой вершинѣ горы отроки поставили шатеръ, водрузивъ около него княжескій стягъ. Мѣстность понравилась мудрому устроителю русской земли. Понялъ онъ, что тутъ удобно основать оплотъ православію, по сосѣдству съ мирными литовскими племенами: жмудью, земголой, летголой, чтобы держать въ опаскѣ драчливую корсь и пруссовъ до самаго Янтарнаго моря *). Уже при немъ бывали нерѣдко примѣры, какъ охотно, безъ принужденія, среди этихъ народцевъ цѣлыя селенія просили св. крещенія, убѣжденно оставляя отеческія вѣрованія, и принимали православіе. Конечно, вѣщій кіевскій державецъ и не думалъ, не гадалъ, созидая этотъ мирный, сторожевой, скорѣе соединительный пунктъ, что пройдетъ не болѣе двухъ вѣковъ и его любимый, православный Новгородокъ сдѣлается столицею Литовскаго государства, что въ немъ будутъ хозяйничать языческіе кунигасы **)—Рингольдъ и его великій сынъ, Миндовгъ, объединитель Черной Руси ***), гроза сосѣдей,—католическихъ рыцарей.

Воинственный, властолюбивый, онъ не разбиралъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей: жестокость, ложь, злодѣйство, все было съ руки храброму варвару-воителю! Онъ не жалѣлъ даже близкихъ родственниковъ: пробовалъ измѣной убить брата Выконта и племянниковъ—Тевтивиля и Едивила. Изъ чувства самосохраненія и мести, они бросились къ своему шурину, галицкому князю Даніилу. Плакали, стонали, просили заступничества своей сестры, по-

*) Одно изъ древнихъ названій нашей Балтики.

**) Правители, князья.

***) Такъ называли область по верхнему теченію Нѣмана и его притоку Шоря.

мощи великаго Галича противъ усиливавшейся Литвы. Понимали Даніилъ и братъ его Василько всю силу доводовъ, выгоду припугнуть Миндовга, вернуть такъ или иначе Россіи отнятую имъ Черную Русь. Храбры галицкіе князья, но однимъ имъ не справиться, на рукахъ свои смуты да еще татарщина. Не покойно ни въ Галичѣ, ни въ Перемышлѣ, ни во Владимірѣ Волынскомъ. Они дали князьямъ совѣтъ идти звать на Миндовга его западныхъ сосѣдей, находниковъ-нѣмцевъ, кровожадныхъ рыцарей Тевтоно-Ливонскаго ордена.

Пошли горемыки собирать на свою родину вражьи полчища, извѣстныхъ лютыхъ рыцарей! Отъ излишняго усердія, Тевтовилъ принялъ даже католичество, чтобы только привлечь нѣмцевъ на свою сторону. Тѣ же упрямо твердили свое: «Идти—пойдемъ, какъ не идти на помощь храброму славному князю Галицкой земли! Но только знайте, что мы идемъ бить Миндовга вовсе не изъ радости, что одинъ изъ васъ сдѣлался нашимъ братомъ по вѣрѣ, а единственно изъ любви къ князю Даніилу Романовичу!» А онъ ужъ и самъ пошелъ на Здитовъ *), брата же Василька послалъ на Волковыскъ,—сына—на Слонимъ.

Затуманился Миндовгъ, привадумался. На его горе, еще ятвяги тогда набѣжали и порядкомъ погромили его владѣнія. Съ другой стороны поднимались жемойта, пруссы, поляки,—бѣда погоняла бѣду,—не разорваться во всѣ концы! Какъ ни храбръ, какъ ни уменъ литовскій державецъ, а все же негдѣ ему набраться силъ ратныхъ противъ всѣхъ надвигавшихся враговъ! Приходилось додумываться до другихъ

*) Городъ.

средствъ. Тамъ, гдѣ не доставало ратной мощи, приходилось помогать себѣ умѣньемъ, хитростью, уловкой! Литву пугали враги со всѣхъ сторонъ! страхъ разбиралъ несчастный народъ. Всѣ трепетно ждали войны, разоренья, погрома,—и вдругъ!—въ самомъ Новгородкѣ, вмѣсто того, чтобы дѣлать запасы, готовиться на брань съ безчисленными врагами, княжескіе отроки щедрой рукой стали раздавать бѣдному люду и хлѣбъ, и съѣстные припасы. Дивятся жители, въ толкъ ничего не возьмутъ. Князь же даже и подручныхъ вождей распустилъ, далъ вволю отдохнуть, поохотиться въ дебряхъ родныхъ. Замковая прислуга, оруженосцы, тѣлохранители, вмѣсто оружія, доспѣховъ бранныхъ, преусердно чистили столовое серебро: кубки, жбаны, мисы, блюда. Разливали заморскія вина, родные меда.

Что за притча такая? ничего не понимаетъ народъ. Да и гдѣ сообразить такую премудрость? Въ тайнѣ глубокой, сокрыто отъ всѣхъ, задумалъ Миндовгъ свое трудное дѣло. Донесли ему его надежные люди, что дядя Выконтъ и племянники,—Тевтивилъ и Едивилъ,—точатъ противъ него ковы, просятъ помощи у злѣйшихъ его враговъ—галицкаго князя Даніила и тевтонскихъ рыцарей! Надо обезсилить вредныхъ родичей въ глазахъ ихъ друзей. Надо ихъ перехитрить. Надо сумѣть самому попасть въ дружбу къ врагамъ. Не медля ни минуты, собираетъ онъ груды своихъ сокровищъ и отправляетъ съ вѣрными послами въ Ригу, къ Андрею Стирландъ, магистру Ливонскаго ордена. Проситъ его бросить прежнія распри, забыть вражду, отвернуться отъ друзей-союзниковъ и предпочесть его цѣнную дружбу, принять его привѣтъ, его приглашеніе въ Новгородокъ, на братскій

пиръ. Щедро уплачиваетъ языческій князь христіанскимъ воинамъ за миръ, любовь, обоюдное дружество!

Хоть и храбры братья Ордена, хоть слава о нихъ и гремитъ во вселенной, но все жъ имъ приходится терпѣть большую нужду и лишенія въ новой родинѣ. Нищи благочестивые рыцари и падки на богатыя подачки! Не легко пускать корни въ чужой сторонѣ. Сокровища Миндовга ярко блестѣли передъ ихъ жадными глазами.—«Литвинъ намъ шлетъ и золото, и серебро, онъ зоветъ насъ на пиръ! Идти бы? А папа? А римскіе наши друзья?»—говорятъ, думаютъ, перебираютъ тяжелыя нѣмецкія головы. Наконецъ рѣшили:—дары, золото—брать безусловно. Увѣрить въ своей дружбѣ, почтеніи, даже удивленіи передъ языческимъ сильнымъ правителемъ. Но на пиръ къ нему не идти, въ оплаченный союзъ не вступать. Они, вѣдь, христіане, воины римской церкви, а онъ—поклонникъ идоловъ, діавола—врага христіанства! Пусть онъ отступится отъ своихъ боговъ, пусть приметъ ихъ вѣру! Въ отвѣтъ литовскій князь шлетъ новые дары, новый усердный зовъ на дружескій пиръ! Къ удивленію бѣдныхъ туземцевъ, мимо нихъ проходятъ ихъ недавніе заклятые враги-мучители, не въ боевомъ, а въ праздничномъ настроеніи, приближаясь къ Новогородку. Съ почетомъ, съ царственной роскошью принялъ Миндовгъ новыхъ друзей и торжественно пригласилъ къ своему княжему столу; но хитрый магистръ не шевельнулся. «Я клялся», торжественно поднимая руку, сказалъ онъ: «что не раздѣлю трапезы съ врагомъ креста Господня! Согласись креститься, великій князь и полководецъ! Познай Истиннаго Бога! и тогда, назвавъ тебя братомъ, я поклянусь на вѣки быть твоимъ союзникомъ!»

Прекрасно понялъ Миндовгъ, что не интересы неба, а земная алчность руководила рыцаремъ. Данникомъ своимъ хотѣлъ онъ имѣть литовскаго князя и только для отвода глазъ говорилъ о крещеніи. Но бровью не повелъ смѣтливый литвинъ и самымъ ласковымъ образомъ отвѣтилъ: «Великій магистръ! Ты безъ оружія побѣдилъ меня однимъ убѣжденіемъ. Я вѣрю въ твоего Бога, будь моимъ посредникомъ передъ верховнымъ священникомъ Рима, и я крещусь вмѣстѣ со своимъ народомъ!»

Блестящія пиршества послѣдовали за этимъ торжественнымъ признаніемъ. Посольство тотчасъ же было послано въ Римъ съ актомъ договора и безцѣнными дарами. Великій магистръ оставилъ Новгородокъ, отягченный великолѣпными приношеніями, а при Миндовгѣ остался набожный монахъ—Христинъ—научать его правиламъ святой Христовой вѣры. Римъ ликовалъ! Папа Иннокентій IV принялъ литовскихъ пословъ съ безпримѣрнымъ почетомъ и обратно отослалъ съ подарками къ ихъ князю. Рыцарямъ же и полякамъ отправилъ строгій приказъ не смѣть болѣе силой захватывать литовскія земли, такъ какъ ихъ князь, молодой сынъ христіанской церкви, поступаетъ съ этихъ поръ подъ особое покровительство св. апостола Петра и его намѣстника, римскаго первосвященника.

Одновременно съ этимъ распоряженіемъ изъ Рима потянулось особое посольство на востокъ, въ Литву, неся золотыя короны для вѣнчанія благочестиваго христіанскаго князя и его супруги Марѳы. Изъ Ливоніи и Пруссіи присоединились къ римскимъ посламъ рыцари, имѣя во главѣ своего великаго магистра и рижскаго епископа. Согласно приказанію папы, съ

ними ѣхалъ и кульмскій епископъ, Гейденрейхъ. Всѣ эти иноземные гости собирались въ Новгородкѣ; въ замкѣ и кругомъ его стало такъ тѣсно, что пришлось раскинуть станъ среди живописной долины. Въ центрѣ стана на возвышеніи воздвигли тронъ, чтобы со всѣхъ сторонъ и всѣмъ былъ онъ виденъ. Литовскія и нѣмецкія войска стояли кругомъ, а за ними тѣснились безчисленныя толпы народа, желавшаго видѣть рѣдкое событіе.

Только толпа эта была мрачна и молчалива. Миндовга съ супругой привели начальники нѣмецкихъ рыцарей и поставили на приготовленномъ тронѣ. Епископъ Гейденрейхъ возлилъ на ихъ головы св. муро, рижскій же епископъ Альбертъ короновалъ княжескую чету золотою короною. За этой церемоніей послѣдовало общее крещеніе 600 литовцевъ—знатнѣйшихъ семействъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья новообращенныхъ. Въ 1251 г. стѣны древней русской твердыни и земля дреговичей узрѣли снова сіяніе креста надъ языческимъ капищемъ. Но, увы!—это не было полное торжество христіанскаго вѣроученія. Мірскія выгоды не могутъ быть надежнымъ основаніемъ евангельскихъ истинъ! Рыцари-монахи домогались только благъ земныхъ и грѣховной корысти. Миндовгъ же шелъ къ своей цѣли съ языческимъ безстыдствомъ, не разбирая средствъ. Онъ создалъ Литву христіанскую безъ христіанъ. Ему необходимо было вернуть себѣ прежнее могущество, и для того онъ щедро надѣлялъ дарами гостей, рыцарей, учителя Христина, Бургарда фонъ-Горнгузена, великаго магистра Ливонскаго ордена. Даже уступалъ своимъ новымъ союзникамъ небольшіе земельные участки, постоянно обѣщая еще большіе. Дружба казалась неразрывною! Папа

Александръ IV благословилъ Миндовга «воевать противъ южной Руси и ея обитателей, остающихся въ восточномъ невѣріи. Онъ даже напередъ утверждалъ подъ скипетромъ литовскаго короля всѣ новыя области, которыя онъ присоединитъ къ своему королевству».

Въ свою очередь Миндовгъ соглашался послѣ смерти сдѣлать рыцарей наслѣдниками всѣхъ своихъ владѣній, а пока уступалъ имъ частички то ятвяжской, то жмудской земли. Ему все еще надоѣдали недруги, разоряя все ближе и ближе его владѣнія. Даніилъ галицкій отнялъ уже Гродно, грозилъ даже самому Новгородку. Прощай великая объединенная Литва! Нѣтъ! надо пускаться на новыя хитрости. Рыцари же выводили его изъ терпѣнья. Ятвяги и жмудь вопили, стенали подъ мучительнымъ игомъ Ордена. Ихъ приводили въ христіанство огнемъ, мечемъ, безчеловѣчными муками и насиліями всякаго рода. Дошло до того, что даже Миндовгъ сжалился и, чтобы помочь имъ, послалъ своего сына, Войшелка, мириться съ Даніиломъ. Онъ отдавалъ Черную Русь въ управленіе старшему сыну Даніила, князю Роману, поручая его покровительству и защитѣ землю ятвяговъ и пинское княжество, лежавшія между Галиціей и Литвой,—именно тѣхъ, кого такъ обижали нѣмцы. За младшаго сына князя Даніила,—Шварна,—онъ выдалъ дочь свою, христіанку, поселивъ ихъ въ христіанскомъ Новгородкѣ.

Усилившись, сплотившись такимъ образомъ, литовцы и русскіе дружно встали на общаго врага,—рыцарскій Орденъ. Тѣ, въ свою очередь, бросились за помощью къ своимъ вѣрнымъ союзникамъ, жителяхъ Куявіи и Мазовіи, нынѣшнимъ полякамъ, обѣщая кровавую расправу невѣрному другу! Но не

тутъ-то было. Въ первой же битвѣ Миндовгъ съ своими союзниками жестоко разбилъ и рыцарей, и поляковъ. Торжествующій, гордый, онъ приказалъ приготовить огромный костеръ, и на немъ, въ честь древнихъ языческихъ боговъ родной Литвы, было сожжено множество коней, воловъ, плѣнниковъ, подъ конецъ же возвели на костеръ и одного изъ именитыхъ рыцарей въ латахъ и полномъ вооруженіи, верхомъ на боевомъ его конѣ! Огонь пожралъ все,—язычникъ торжествовалъ!

Изъ Рима понеслись громы проклятій на отступника, варвара, измѣнника папскому престолу, римской церкви. Но окрѣпнувшій литовскій князь былъ неуязвимъ! Съ облегченнымъ сердцемъ, сбросивъ всѣ неудобь носимые обычаи и условія новой жизни, онъ вернулся къ отеческимъ богамъ, въ языческій Керновъ, подъ сѣнь языческой святыни «Ромове» съ его жрецами-войделотами и вѣщимъ Криве-Кривейто.

Туда, къ храброму князю, подъ его побѣдоносныя знамена, собирались вѣрные язычники, упорно чуждавшіеся христіанства, ненавидѣвшіе особенно лютыхъ провозвѣстниковъ чуждой имъ вѣры, жестокихъ, коварныхъ находниковъ-нѣмцевъ. Упорно держались литовскія племена своихъ языческихъ вѣрованій, преданій отцевъ, обычаевъ дорогой старины. Съ беззавѣтной храбростью шли они противъ недруговъ въ рядахъ полчищъ Миндовга. Онъ надежно опирался на ихъ преданность. Неумолимо громилъ бывшихъ союзниковъ, жестоко отплачивая за мимолетное подчиненіе.

Дважды—отступникъ, несомнѣнно храбрый, литовскій князь былъ страшенъ врагамъ, тяжелъ для своихъ. Не было преградъ его жестокости. Дошло до того, что самыя близкія, довѣренныя лица озлобились противъ

Торжествующій Миндовгъ сжигаетъ на кострѣ рыцарей. (Къ стр. 92.)

него, заступились за свои личныя, попранныя права и въ 1264 году измѣннически убили, забывая его заслуги и подвиги на благо государству.

Обширное-же Литовское государство, скрѣпленное, сплоченное воедино цѣною неисчислимыхъ преступленій, сдѣлалось надолго жертвою смуты, усобицъ, борьбы трехъ началъ: литовско-языческаго, нѣмецко-католическаго и православно-русскаго.

ИСТОЧНИКИ

1) *П. Дм. Брянцевъ.* Исторія Литовскаго государства.
2) *Н. М. Павловъ.* Русская исторія отъ древнихъ временъ.
3) *Антоновичъ.* Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи.

ВОЙШЕЛКЪ,

КНЯЗЬ ИНОКЪ. † 1271 г.

ПОКИНУТЪ древній, сварливый Галичъ. Въ новой своей столицѣ живетъ храбрый Даніилъ, гроза враговъ, любимецъ народный. На славу воздвигъ онъ красивый Холмъ. Храмы въ немъ всѣ величественны, богаты, разукрашены безчисленными сокровищами, спасенными изъ разрушеннаго Кіева. Гордо высятся княжескія палаты. Въ нихъ любовно размѣстилъ храбрый воитель свою семью,—любимую княгиню и княжичей. Старшіе изъ нихъ—Романъ и Шварнъ,—уже совсѣмъ возмужали, не отходили отъ отца ни въ ратномъ дѣлѣ, ни въ совѣтѣ. И теперь сидятъ они рядомъ съ родителемъ на совѣтѣ въ высокой гридницѣ. Ихъ окружаютъ вельможи, соратники бранные, съ полонинскимъ игуменомъ Григоріемъ во главѣ.

Собралъ ихъ князь, чтобы вмѣстѣ обсудить дѣла правленія, потужить надъ судьбою русскихъ православныхъ земель. Великія бѣды одолѣвали бѣдную родину. Времена наступили трудныя. Даніилъ пока

счастливо защищалъ свои владѣнія отъ натиска съ сѣвера литовскихъ ратей: вернулъ отнятое было ими гродненское княжество, собирался идти на Новогрудокъ, когда пришли страшныя вѣсти о грозныхъ татарахъ. «Помолимся», заговорилъ набожный князь, «чтобы Господь умудрилъ насъ въ трудномъ дѣлѣ служенія Церкви и родинѣ». Игуменъ и за нимъ всѣ присутствующіе набожно закрестились, кладя поклоны передъ княжеской божницей, потомъ разсѣлись, дожидаясь дальнѣйшихъ рѣчей князя. Онъ продолжалъ: «Душа не даетъ мириться съ языческою Литвою, пока Червонную Русь не вернемъ, а страшные слухи несутся съ востока, будто Батыевы рати идутъ не только за Днѣпръ, но и за Карпаты!»—«Прощай тогда, наша Русь православная!» заговорили хоромъ витязи.—«Никакъ ихъ не осилить, такъ хоть ляжемъ костьми за Церковь, за родину, за нашего князя!»—«Господи, спаси насъ отъ этакой скорби, отстрани кровопролитіе!» воскликнулъ игуменъ.—«И я съ вами лягу охотно», заговорилъ Даніилъ, «да не спастись намъ отъ бѣды и этимъ путемъ!» Слушатели насторожились.—«Вотъ, у княгини въ свѣтлицѣ сидитъ мужъ кроткій и мудрый, посолъ могучаго Запада. Онъ обѣщаетъ помощь и деньгами и войскомъ; въ замѣнъ же проситъ только одного: признанія главенства папы».—«Его щадитъ самъ Батый побѣдоносный!» раздалось громкое заявленіе изъ среды витязей.—«Онъ и насъ не тронетъ, если, княже, ты примешь королевскую корону!» заговорилъ другой.—«Не можетъ тако быти, не римскому архіепископу вѣнчать православнаго галицкаго владыку!»—грозно возразилъ Григорій, поднявшись во весь свой величавый ростъ:—«зови своихъ братановъ, князь, со всей Руси,

зови, пусть съ тобою выйдутъ противъ языческихъ полчищъ».—«Кому идти-то?» вздохнувъ, отвѣтилъ Даніилъ.—«Всѣ плачутъ о своихъ невзгодахъ», послышалось снова въ толпѣ, «лежатъ подъ пепломъ города и села! кого просить, къ кому идти?»—«Вотъ, слыхать, могучъ—славенъ литовецъ-Миндовгъ, да и тотъ короновался отъ римскаго епископа въ нашемъ же Новгородкѣ, хотя вся округа была нами испепелена, разорена!» возразилъ бояринъ Пакославъ.—«Такъ тому то приходилось креститься въ христіанскую вѣру, чтобы помощь получить отъ рыцарей нѣмцевъ!»—«А получилъ ли онъ вправду все, что было обѣщано?»—вѣско спросилъ княжичъ Шварнъ. Даніилъ поднялъ на него проницательный взглядъ.—«Надо бы просить матушку-княгиню *) доподлинно узнать,—крѣпко ли держатъ слово воины латинскаго Запада?» Игуменъ собирался-было говорить, какъ дверь гридницы съ шумомъ распахнулась, и вбѣжалъ княжій отрокъ съ докладомъ, что съ Литвы явился именитый посолъ, отъ самого великаго Миндовга и спрашиваетъ князя.—«Суровъ съ лица, хмуренъ, сердитъ на видъ и ростомъ великанъ!»—прибавилъ, видимо, испуганный отрокъ. Диву дался весь княжескій совѣтъ.—«Кто бы могъ быть этотъ нежданый посолъ? что нужно врагу отъ опаснаго противника?» Князь велѣлъ ввести незнакомца и встрѣтилъ съ почетомъ, какъ посланца владѣтельнаго князя.

Предъ удивленнымъ собраніемъ явился, дѣйствительно, великанъ, въ воинскихъ доспѣхахъ. Гордый, мрачный былъ у него видъ. Косясь враждебно на образа, на Григорія, онъ надменно повелъ рѣчь съ

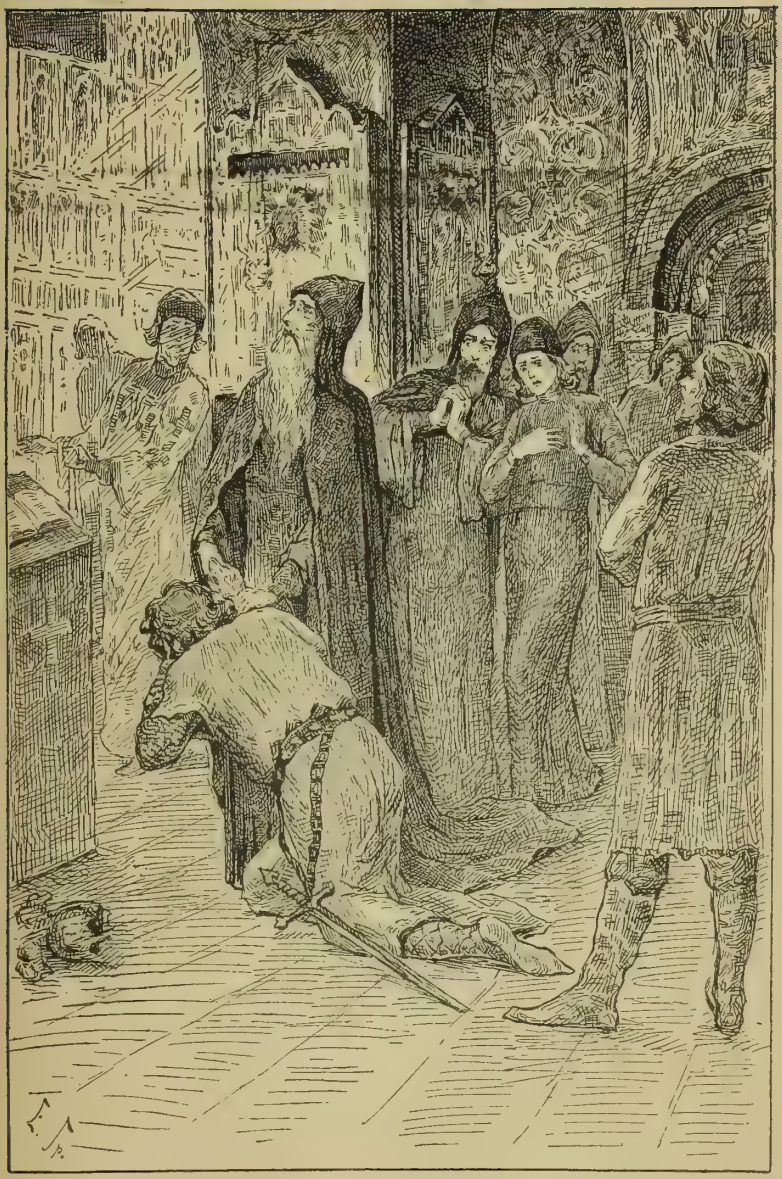
*) Она была родомъ литвинка.

княземъ отъ имени своего отца, князя Миндовга. Дрогнуло собраніе. Такъ вотъ кто передъ ними!— князь Войшелкъ, извѣстный кровожадный литвинъ, сынъ и даже соправитель Миндовга, такъ какъ часто, во время отлучекъ отца, правилъ за него Литвою. Было слышно, что онъ каждый день убивалъ по три, по четыре человѣка. себѣ въ пищу, а когда это ему не удавалось, то ходилъ сумрачный и злой, пока не промыслитъ любимой снѣди. Войшелкъ говорилъ неохотно, сердито: «Отецъ послалъ меня къ тебѣ, князь, хочетъ мириться съ тобою, зла не помнитъ!» Даніилъ, Григорій, Романъ, Шварнъ и все собраніе перекрестились. Посолъ пуще прежняго насупился. Съ большимъ достоинствомъ повелъ галицкій державецъ мудрыя рѣчи съ нежданымъ-негаданымъ, къ тому же дикимъ и угрюмымъ вѣстникомъ мирныхъ рѣчей. Ему рѣзко отвѣчалъ литвинъ, что Миндовгъ передавалъ старшему сыну Даніила, княжичу Роману, въ управленіе свои русскія замли,—всю Черную Русь: Новгородокъ Литовскій, Слонимъ, Волковыскъ «и вси городы» съ условіемъ, чтобы юный князь, все же, признавалъ надъ собою власть Миндовга по отношенію къ этимъ землямъ. — «Значитъ миръ, возможенъ!» воскликнулъ Шварнъ.—«А зависимость отъ иновѣрца?» — спросилъ игуменъ. — «Онъ христіанинъ», уклончиво отвѣчалъ Романъ.—«Въ этомъ то и горе, что родителя обманомъ заманили въ свою вѣру эти грабители. мучители, вѣроломные ратники!» вспыхнулъ Войшелкъ. — «Не богохульствуй, языческій княжичъ!»—остановилъ его маститый игуменъ: «вѣра Христова—правая вѣра! Господь не допускаетъ безнаказанно поносить ее!»—«Во имя вашей вѣры, мой бѣдный народъ грабятъ, мучатъ и убиваютъ!»

воскликнулъ запальчиво литвинъ, грозно сверкнувъ глазами и скрежеща зубами со злости, пораженный храбростью сѣдого чернеца. Краснорѣчиво заговорилъ въ отвѣтъ служитель Христовъ передъ дикимъ язычникомъ. Въ почтительномъ молчаніи внимали святой рѣчи князь и бояре. А Даніилъ все держалъ про себя свою завѣтную думу: его злѣйшій врагъ, Миндовгъ, завистникъ, мириться хочетъ, русскія земли уступаетъ,—было, надъ чѣмъ призадуматься. Наконецъ, онъ отпустилъ Войшелка отдохнуть послѣ долгаго пути, предложивъ ему самое радушное гостепріимство. Совѣтниковъ своихъ тоже распустилъ, порѣшивъ послать за своимъ братомъ,—княземъ волынскимъ Василькомъ, и, съ его мудраго совѣта, начать выгодные переговоры.

Стали расходиться бояре, толкуя промежъ себя о всемъ приключившемся на княжемъ совѣтѣ. Велико же было ихъ удивленіе, даже испугъ, когда они увидѣли, что Войшелкъ, выйдя изъ терема, не пошелъ за отрокомъ въ отведенныя ему палаты, а шелъ по стопамъ Григорія, удалявшагося въ свою обитель. Но старецъ ничуть не смутился: ласково смотрѣлъ онъ на своего страннаго спутника и привѣтливо направилъ его прямо къ вратамъ храма. Встрѣтившемуся иноку приказалъ собрать братію и начать служить молебенъ Пресвятой Богородицѣ, а самъ, опустившись на колѣни и воздѣвъ свои старческія руки горѣ, сталъ горячо молиться, прося у Господа милости на всѣхъ молящихся, терзаемыхъ сомнѣніями и укорами совѣсти.

А въ церкви дымъ висѣлъ
Густой отъ ладана,
И заходящими



Литовскій князь Войшелкъ принимаетъ православіе. *(Къ стр. 99.)*

Лучами сильными,
И вкось блестящими
Столбами пыльными
Отъ солнца Божій храмъ
Горитъ и свѣтится.

Вдругъ раздались подъ сводами громкія рыданія, и братія увидѣла распростертымъ на полу, рядомъ съ Григоріемъ, литовскаго кровожаднаго князя. За него горячо молился смиренный православный инокъ, прося прощенія его черной душѣ. Клиръ служилъ молебенъ, и чудно разносились сладостныя слова молитвы подъ сводами величаваго храма. Съ трудомъ пробовалъ подняться обезсиленный новыми ощущеніями, ничѣмъ до тѣхъ поръ не смущавшійся воинъ. Съ отеческой нѣжностью поддерживалъ его старецъ. а потомъ увелъ въ свою келію. Постъ, молитва, затворничество!—вотъ чего желалъ и на что обрекъ себя недавній смертельный грѣшникъ, людоѣдъ. Онъ принялъ св. крещеніе по глубокому убѣжденію, не изъ расчета, не на время, какъ его отецъ, а чистосердечно, изъ глубины просвѣтленной души, со всею страстностью своей впечатлительной, пылкой природы. Галицкіе князья, друзья-братья, Даніилъ и Василько Романовичи приняли предложеніе Миндовга, заключили съ нимъ миръ, на его условіяхъ, и въ подкрѣпленіе союза согласились на бракъ княжича Шварна Даниловича съ дочерью Миндовга, уже христіанкой.

Войшелкъ не удовольствовался крещеніемъ, онъ постригся въ монахи и, мечтая о томъ, чтобы посвятить себя вполнѣ отшельнической жизни, провелъ нѣкоторое время на Аѳонѣ, въ молитвенномъ уединеніи. Возвратившись въ отечество, основалъ монастырь на живописномъ берегу Нѣмана и, несмотря

на укоры отца, весь предался подвигамъ поста и покаянія. Слезами, бдѣніемъ, строгими монашескими подвигами хотѣлъ замолить православный отшельникъ грѣхи своей бурной языческой молодости. Когда умертвили отца, онъ долженъ былъ оставить монастырь и бѣжалъ въ Пинскъ, подъ охрану галицкихъ князей, гдѣ и оставался зрителемъ событій, происходившихъ въ Литвѣ, до самой смерти Товтивила. Но когда языческая партія взяла верхъ въ лицѣ Стройната, православный инокъ-князь Войшелкъ грозно поднялся на защиту русской народности и Церкви православной!

Въ 1265 г., въ союзѣ съ пинскими князьями, вооруженный побѣднымъ мечомъ, вышелъ на брань смиренный воинъ Христовъ. Овладѣлъ Новгородкомъ, призвалъ на помощь своего зятя Шварна Даниловича и вмѣстѣ съ нимъ учинилъ кровавую расправу со строптивыми бунтарями. Стройнатъ погибъ отъ руки убійцъ. Въ литовскія области вступили стройныя, отлично вооруженныя русскія дружины. Гибли подъ ихъ ударами враги русско-литовскаго государственнаго начала. Желая упрочить его и послѣ своей смерти, Войшелкъ дѣйствовалъ, считая себя какъ бы усыновленнымъ волынскимъ княземъ Василькомъ Романовичемъ. Въ свою очередь, онъ усыновилъ зятя своего Шварна Даниловича и передалъ ему, еще при жизни, русско-литовскій престолъ, которому въ то время уже принадлежала вся полоцкая земля, Новгородокъ, Пинскъ и Черная Русь.

ИСТОЧНИКИ:

1) *В. Б. Антоновичъ.* Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи.
2) *П. Дм. Брянцевъ.* Исторія Литовскаго государства.

Основаніе Вильны Гедиминомъ.

† 1341 г.

ГОРЬКО плакали литва, жмудь и ятвяги въ живописной долинѣ, при сліяніи р. Вилеи съ Вилейкою, въ 1270 г., среди чуднаго дубоваго лѣса, окружая костеръ, на которомъ ихъ князь Гермундъ, исполняя отчій завѣтъ, сжигалъ съ большимъ почетомъ тѣло своего покойнаго отца славнаго князя Свенторога. Изъ Полангена былъ привезенъ идолъ Перкунъ и поставленъ надъ могилой въ великолѣпномъ капищѣ, воздвигнутомъ сыновней любовью и трудами осиротѣлыхъ печальныхъ подданныхъ. Съ тѣхъ поръ долина Свенторога сдѣлалась мѣстомъ погребенія именитыхъ литовцевъ, священной рощей; сюда-же перенесъ, подъ тѣнь вѣковыхъ деревьевъ, и свое «Ромове» Криве-Кривейто, съ сонмомъ жрецовъ, когда рыцари Ливонскаго ордена вытѣснили ихъ съ береговъ р. Дубиссы въ 1294 г.

Въ эту-то долину часто пріѣзжалъ изъ Кернова *), окруженный дворомъ и витязями, юный князь литовскій Гедиминъ молиться въ «Ромове» и охотиться въ окружныхъ чудесныхъ лѣсахъ, полныхъ дичи и всякаго звѣря. Не было витязя удалѣе, охотника счастливѣе Гедимина! Мудрый въ совѣтѣ, добрый на судѣ, онъ былъ безстрашенъ въ битвахъ и неутомимъ на охотѣ. Однажды, въ пылу счастливой травли, онъ отдѣлился отъ окружающихъ и въ бѣшеной скачкѣ несся за дикимъ быкомъ **), не замѣчая препятствій, весь отдавшись наслажденію травли. Лихой конь вынесъ его на крутую гору, гдѣ, несмотря на сумерки, ему удалось приколоть рѣдкаго звѣря. Впервые раздался торжествующій повелительный звукъ рога побѣдителя на Турьей горѣ, сзывавшій товарищей-охотниковъ на веселый пиръ. Слетѣлись ясные соколы, добрые молодцы, и полились рѣкою вина заморскія, рѣчи горячія о силѣ литовской земли, о кровожадности лихихъ недруговъ—ливонскихъ рыцарей, о дружбѣ сосѣдей, русскихъ князей! Весело вторили своему князю литовскіе витязи. Но громче другихъ раздавались рѣчи, выше всѣхъ поднимались кубки зелена вина Давида Довмонтовича, гродненскаго князя-старосты, да Василія, князя минскаго. Всю ночь пировали охотники, только подъ утро заснули богатырскимъ сномъ, тутъ же, на мѣстѣ, среди гаснущихъ костровъ.

Чуть начала заниматься заря, проснулся Лиздейко, тогдашній Криве-Кривейто, и направился въ «Ромове» просить у боговъ счастья, долгоденствія юному князю, не забывавшему щедро одаривать боговъ и ихъ

*) Первая столица Литвы.

**) По-литовски—туръ.

служителей-жрецовъ, съ Криве-Кривейто во главѣ. Путь его лежалъ мимо стана спящихъ охотниковъ; среди нихъ онъ узналъ красавца Гедимина, и послышалось ему, что тотъ вскрикнулъ во снѣ. Моля боговъ о спящемъ, вдохновенный кудесникъ прошелъ, какъ тѣнь, среди стана и направился къ священному дубу, за таинственную стѣну, окружавшую «Ромове».

Безпокойный сонъ не долго смежалъ ясныя очи Гедимина. Онъ поднялся, точно въ испугѣ, и сейчасъ собралъ охотниковъ, чтобы повѣдать имъ о страшномъ сновидѣніи. «Мнѣ снилось», говорилъ онъ, «что на самой вершинѣ горы, тамъ именно, гдѣ я сразилъ тура, стоитъ желѣзный волкъ и воетъ такимъ страшнымъ голосомъ, точно внутри его сидѣло еще сто волковъ!» Призадумались витязи, спросонья и не разберутъ, что значитъ такой диковинный сонъ? Въ недоумѣніи рѣшили позвать мудраго старца, Лидзейко, прося разъяснить таинственный смыслъ сновидѣнія. Медленно подошелъ къ князю вѣщій служитель боговъ, почтительно выслушалъ разсказъ, припомнилъ безпокойный сонъ и слышанный имъ крикъ Гедимина, призадумался, раскинулъ своимъ опытнымъ умомъ и объяснилъ, что желѣзный волкъ означаетъ столичный, великій городъ, который долженъ возникнуть на этомъ самомъ мѣстѣ, а громкій вой звѣря предвѣщаетъ всемірную славу столицѣ Литвы! Въ восторгѣ поднялся весь станъ вслѣдъ за своимъ княземъ. Гедиминъ ликовалъ: такое разъясненіе сулило ему славу. Тутъ же разослалъ онъ гонцевъ во всѣ концы литовской земли, чтобы собрать рабочихъ и скорѣе приступить къ постройкѣ города въ Свенторогoвой долинѣ, вокругъ Турьей горы, на вершинѣ которой онъ и воздвигъ свой княжескій замокъ. Его послы ѣздили въ Штетинъ

и Любекъ за искусными мастерами, чтобы достойно разукрасить новую столицу. И возникла въ XIV столѣтіи красавица Вильна въ одной изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей Русской земли, на гордость тогдашнихъ литовцевъ, на славу своего основателя, на зависть сосѣдямъ, прусскимъ крестоносцамъ Тевтоно-Ливонскаго ордена.

Будучи великимъ княземъ Литвы и Жмуди, Гедиминъ носилъ въ то же время и титулъ великаго князя русскаго, потому что уже тогда русскія земли, подвластныя ему, были по крайней мѣрѣ вдвое обширнѣе собственно литовскихъ владѣній; побѣдоносныя же его дружины пополнялись преимущественно русскими удальцами. Въ новой столицѣ была построена его православной супругой, княгиней Ольгой *), церковь во имя св. чудотворца Николая. Тамъ же одновременно поселились и католическіе миссіонеры доминиканскаго и францисканскаго ордена. Счастье, богатство подданныхъ были постоянной заботой умнаго, дѣятельнаго князя. Злостной помѣхой на его дорогѣ стояли лютые крестоносцы. Подъ видомъ проповѣди, они безпрерывно вторгались съ огнемъ и мечемъ въ его владѣнія, разоряли, убивали несчастныхъ язычниковъ. Покоя не давали они литвѣ и жмуди. Съ перемѣннымъ счастьемъ велъ борьбу славный Гедиминъ, то отбиваясь, то, въ свою очередь, нападая на западныхъ недруговъ. Случалось, удачно проникали далеко въ глубь страны отряды кровожадныхъ нѣмцевъ. Однако осада сильной Меднинской крѣпости имъ не удалась. Несмотря на всѣ ихъ усилія, Гедиминъ разбилъ рыцарей на голову. Самъ магистръ Генрихъ Пляцке былъ

*) Вторая супруга, мать Ольгерда.

убитъ, а товарищъ его,—Герардъ Роде,—взятъ въ плѣнъ и, торжественно, живой сожженъ на кострѣ въ честь литовскихъ боговъ.

Осмотрительный рижскій епископъ, самъ недовольный рыцарями, которые удачно клеветали на него передъ папою, задумалъ ловкій пріемъ. Онъ послалъ въ Вильну замѣчательно умныхъ монаховъ и далъ наставленія, какъ обойти языческаго правителя, какъ сдѣлать его могучимъ орудіемъ къ достиженію своихъ выгодныхъ цѣлей въ борьбѣ съ единовѣрными противниками.

Рижскіе монахи явились въ Вильну, къ своимъ собратіямъ, смиреннымъ инокамъ доминиканцамъ и францисканцамъ. Думали, гадали и, наконецъ, понесли въ княжескій дворецъ мудрый совѣтъ,—предложили свои услуги—избавить любимую Гедиминомъ Литву отъ разорителей, мучителей—рыцарей.

Жаловаться папѣ совѣтовали князю ловкіе монахи. Пусть всесильный глава западной церкви защититъ литовскаго князя отъ набѣговъ, грабежей, насилій христіанскихъ воинствъ! Въ замѣнъ, Гедиминъ обѣщалъ свое мощное покровительство всѣмъ христіанамъ, живущимъ въ его владѣніяхъ. Не дастъ онъ ихъ въ обиду никому на свѣтѣ, лишь бы его то оставили въ покоѣ. Обѣщалъ онъ свою дружбу и рижскому епископу и поддержку развитію торговыхъ сношеній съ Европой,—лишь бы спасли его жмудь и литву отъ злыхъ, невѣрныхъ рыцарей, дали рости, крѣпнуть, развиваться любимой обширной Литовско-Русской землѣ.—Любовно принялъ Гедиминъ такой видимо—добрый совѣтъ. Извѣстнымъ ему монахамъ—Бертольду и Генриху—поручилъ написать посланіе къ папѣ.

Тихо мерцаютъ свѣтильники въ суровой келіи фран-

цисканскихъ братьевъ. Сосредоточены умныя лица, напряженно работаютъ головы. И рижскіе послы и мѣстные чернецы соединенными силами разбираютъ многознаменательное посланіе. Взвѣшиваютъ каждое слово литовскаго державца, переводятъ, оттѣняютъ, истолковываютъ, согласно съ предписаніемъ свыше. Выраженія слагались одно за другимъ, мысли сплетались сначала невнятно, отдѣльно, потомъ постепенно сливались въ одну общую твердую рѣчь. Другъ другу поясняя, другъ другу помогая, опытные отцы составили мудрѣйшую грамоту. Торопливо бѣгали ихъ ловкія руки, покрывая пергаментъ четкими латинскими письменами и въ изысканныхъ выраженіяхъ передавали святому отцу чувства преданности, покорности восточнаго гордаго владыки. По смыслу рѣчи было ясно, что храбрый воитель, языческій князь, склоняясь передъ папскимъ престоломъ, выражалъ желаніе креститься и сдѣлаться послушнымъ сыномъ западной латинской церкви! Окончивъ свой таинственный трудъ, смиренные сыны францисканскаго ордена, набожно перекрестясь съ лѣваго плеча на правое, спѣшно поплелись къ Гедиминовымъ палатамъ, думая въ этотъ ранній, утренній часъ незамѣтно пробраться по улицамъ столицы. Недружелюбнымъ, злостнымъ взглядомъ провожалъ ихъ Криве-Кривейто, степенно отправлявшійся въ свое капище. Маститый вождь языческихъ жрецовъ особенно не любилъ пришлыхъ чернецовъ, не довѣрялъ имъ; чуяло сердце будущую ихъ силу и свое скорое умаленіе. Пугливо обернулся и кроткій православный батюшка, поглядѣлъ, куда спѣшатъ не родственные ему по духу западные монахи. «Къ князю, въ его палаты», пробормоталъ онъ и, набожно крестясь, вошелъ въ свой храмъ, чтобы воз-

Францисканскіе монахи идутъ въ палаты Гедимина. *(Къ стр. 106.)*

нести горячія молитвы къ престолу Вседержителя о милостивомъ правителѣ-язычникѣ, заботящемся и о своихъ православныхъ подданныхъ.

Нисколько не сомнѣваясь, поставилъ правдивый Гедиминъ свою княжескую подпись подъ хартіей, обѣщавшей миръ и благоденствіе его государству, строгое взысканіе съ враговъ, обидчиковъ—разорителей.

Свободно вздохнули францисканцы, горячо закрестились, самодовольно улыбаясь, и вернулись въ монастырь, гдѣ стояли на молитвѣ ихъ собратья, просившіе удачи своимъ ловкимъ замысламъ.

Послушные сыны умнаго епископа, смиренные гонцы-монахи понесли черезъ Ригу грамоту литовско-русскаго державца въ Авиньёнъ, къ подножію папскаго престола. Въ Ригѣ продолжались по старому распри среди рыцарей и между рижскимъ епископомъ и магистромъ. Къ папѣ летѣли доносы, партіи разрывали другъ друга на части. Брали верхъ то тѣ, то другіе: кто ловчѣе дѣйствовалъ. Посланіе Гедимина, гдѣ онъ горячо жаловался на обидчиковъ рыцарей, просилъ мира, покоя, единенія, было съ руки рижскому епископу.

Отвѣтъ не заставилъ себя ждать. Папа, католическій міръ ликовали побѣду надъ востокомъ, язычествомъ,—а современемъ, кто знаетъ, пожалуй и надъ православіемъ. Спѣшные приказы были отправлены въ Ригу, къ тамошнимъ рыцарямъ: «Не обижать литовцевъ; тишина полная; миролюбіе безграничное». Отправлены чуть не отряды доминиканцевъ и францисканцевъ для мирной проповѣди среди новыхъ друзей-язычниковъ.

Торжественное посольство отправилось отъ его свя-

тѣйшества папы—черезъ Ригу—въ Вильну, къ могучему новому союзнику, литовско-русскому князю.

Безпрекословно, единодушно исполнили волю святѣйшаго отца епископы рижскій, эзельскій, дерптскій, ревельскій и магистръ Ливонскаго ордена. Миръ съ Литвой былъ крѣпко-накрѣпко заключенъ въ концѣ 1323 года, а въ началѣ слѣдующаго въ Ригу уже прибыли папскіе легаты для слѣдованія въ Вильну.

Великолѣпно принялъ ихъ въ стѣнахъ своей новой, красивой столицы мудрый Гедиминъ. Торжественна была встрѣча въ княжескихъ палатахъ. Окруженный сыновьями, вельможами, храбрыми вождями-соратниками, стоялъ литовско-русскій князь. Привѣтная и добрая улыбка сіяла на умномъ лицѣ, пока шли обычныя привѣтствія, поклоны, вѣжливыя изліянія.—«Пребываешь ли, великій властелинъ, въ своемъ достохвальномъ намѣреніи принять святое крещеніе?» спросилъ старѣйшій легатъ. Удивленно воззрился языческій князь! Гнѣвомъ вспыхнули умныя очи.—«Не приказывалъ писать ничего такого», размѣренно отвѣтилъ онъ. «О мѣрахъ къ водворенію мира говорилъ я, жаловался на обиды, чинимыя крестоносцами моимъ подданнымъ. Обѣщалъ съ своей стороны дозволять христіанамъ молиться, по обычаямъ ихъ вѣры: русскимъ по ихъ обряду, полякамъ по своему. Сами же мы будемъ молиться по нашему обычаю». Ему начали приводить мѣста изъ его посланія къ папѣ.—«Пусть и дастъ отвѣтъ братъ Бертольдъ за свое писаніе и за такое толкованіе моихъ мыслей. Я, дѣйствительно, говорилъ, какъ стоитъ въ грамотѣ, что буду почитать папу за отца, зная, что папа старше меня. Всѣхъ стариковъ,—и папу, и рижскаго архіепископа, и другихъ, я почитаю, какъ отцевъ. Сверстниковъ своихъ люблю, какъ

братьевъ, тѣхъ-же, кто меня моложе,—готовъ любить, какъ сыновей. Но если бы я когда либо имѣлъ намѣреніе креститься, то пусть меня самъ дьяволъ креститъ!»—запальчиво сказалъ язычникъ,—властитель дикой Литвы. Ни съ чѣмъ вернулось посольство. Но рижане приняли и считали для себя выгодными, во всѣхъ отношеніяхъ, договоры, утвержденные съ Гедиминомъ, крѣпко держались ихъ въ епископской столицѣ и твердо опирались на нихъ въ постоянныхъ ссорахъ, возникавшихъ съ рыцарями.

Свое политическое искусство великій Гедиминъ особенно ярко проявилъ въ цѣломъ рядѣ родственныхъ связей. Опираясь на нихъ, онъ или самъ производилъ, или подготовлялъ присоединеніе къ Литвѣ сосѣднихъ русскихъ и польскихъ земель. Такъ витебская земля отошла, за неимѣніемъ мужского наслѣдства, къ женѣ его сына Ольгерда,—княжнѣ витебской—Маріи Ярославнѣ. Другому сыну, Любарту, женатому на дочери волынскаго князя Льва Юрьевича, досталась Волынь,—послѣ смерти этого князя. Дочерей онъ тоже выдалъ хорошо: Августу—за сына московскаго князя Ивана Калиты; Марію—за его соперника, тверского князя Димитрія Михаиловича; третью—Альдону—за Казимира, сына польскаго короля Владислава Локетка, а четвертую—за мазовецкаго князя, Болеслава Тройденовича. Особенно выгодными оказались для Литвы два послѣдніе брака. Изъ прежнихъ враговъ Гедиминъ сдѣлалъ ихъ самыми надежными своими союзниками въ борьбѣ съ общимъ, постояннымъ противникомъ—нѣмецкими крестоносцами. Этотъ союзъ далъ возможность полякамъ и литовцамъ дѣйствовать наступательно и наносить ощутительный ущербъ ненавистнымъ находникамъ.

Наконецъ утомился маститый вождь литовско-русскихъ земель! Рѣшилъ успокоиться отъ многочисленныхъ и плодотворныхъ трудовъ въ величественныхъ стѣнахъ своего замка на Турьей горѣ. Только будущее счастье, цѣлость возвеличеннаго имъ государства безпокоила Гедимина! Чувствовалъ онъ, что одному человѣку не справиться съ разнородными, часто враждебными племенными отношеніями подданныхъ. Подумалось ему, для большей вѣрности, еще до смерти какъ бы закрѣпить будущее благосостояніе государства, призвавъ себѣ въ помощники и соправители своихъ прекрасныхъ сыновей, юныхъ княжичей; изъ нихъ пять были—дѣти православныхъ матерей и воспитывались въ лонѣ христіанской Церкви.

Разсудительный князь не хотѣлъ однако принять окончательнаго рѣшенія, не посовѣтовавшись съ жрецомъ своихъ языческихъ боговъ, престарѣлымъ Криве-Кривейто. Явился на княжескій зовъ старикъ, убѣленный сѣдинами. Неохотно покинулъ онъ «Ромове», тихое, мирное убѣжище! Чуяло сердце, что недоброе слово придется ему услышать.

Пока въ гриднѣ еще никого не было, Гедиминъ удостоилъ жреца особой чести; бесѣды съ глазу на глазъ.—«Старъ становлюсь я!» началъ онъ: «и призвалъ тебя, судія-судей, чтобы первому повѣдать мою княжескую волю,—взять въ помощь себѣ, на благо государства, моихъ добрыхъ сыновей, храбрыхъ витязей, послушныхъ дѣтей!» Хотя и ждалъ кудесникъ чего-то недобраго, но все-жъ остолбенѣлъ отъ такого удара. Сыновья Гедимина явно покровительствовали православію! Прощай, сила язычества! прощай, господство капища! прощайте, богатыя жертвы, безпечаль-

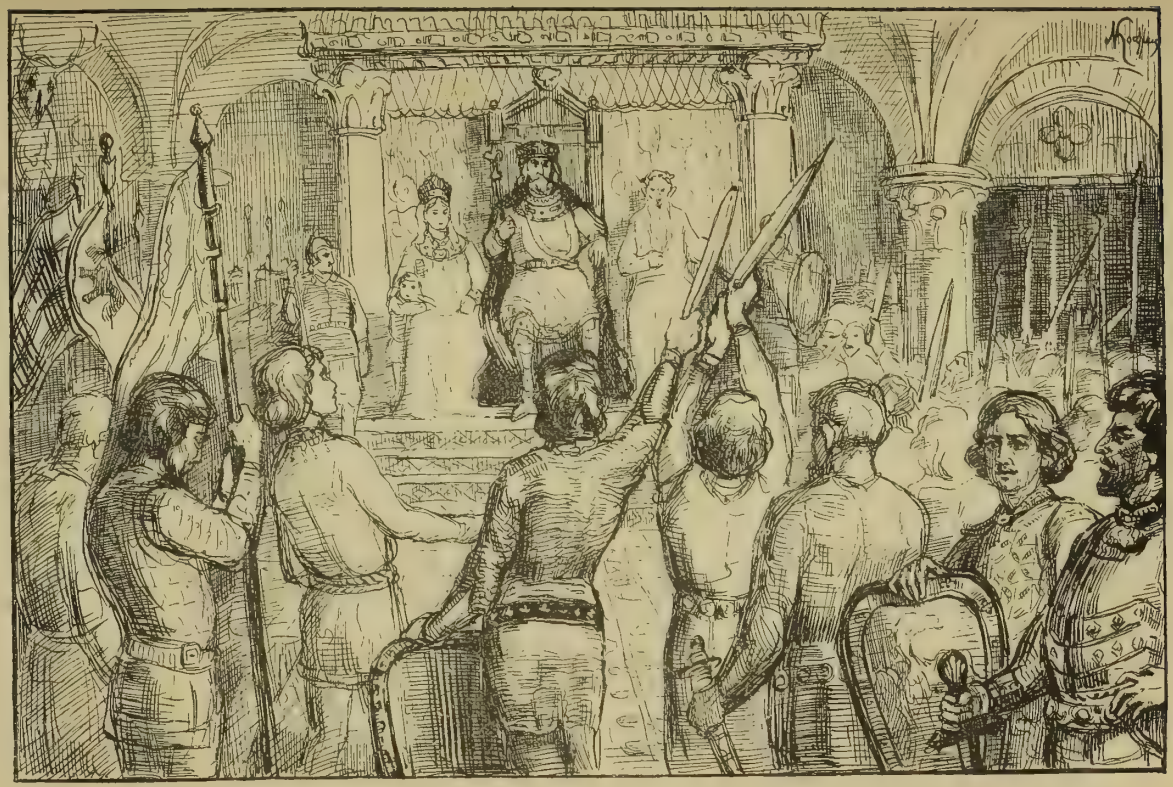
ная жизнь за стѣнами священнаго «Ромове!» — «О, милосердные боги ульмигеровъ! зачѣмъ хотѣли вы расширенія своего царства? Куда исчезла Найто, наша древняя столица? Зачѣмъ допустили вы хищниковъ выгнать ваше «Ромове» съ морского берега? Великіе Перкунъ, Поклусъ и Антримпосъ! что будетъ теперь съ вашими вѣрными поклонниками?» — «Успокойся, мудрый старецъ! Именно въ защиту боговъ нашихъ я и думаю взять себѣ въ помощники моихъ сыновей: они держатся добрыхъ русскихъ началъ, никогда не станутъ преслѣдовать старые обычаи. Намъ надо бояться лютыхъ нѣмцевъ, давно заполонившихъ древнюю Ульмигерію *) и оттѣснившихъ насъ къ востоку, ближе къ славянамъ. Противъ ливонскихъ рыцарей пойдутъ мои сыновья съ русскими и литовскими полками. Защищая православные храмы, они уберегутъ и наше «Ромове».

Долго сидѣлъ жрецъ, понуря сѣдую голову, и тихія слезы текли по его морщинистымъ щекамъ.— «Такъ завѣщай же имъ, князь!» — заговорилъ онъ, наконецъ: «строго завѣщай своимъ сыновьямъ, правитель, убѣленный сѣдиной мудрости и опыта, чтобы они свято берегли наши священные, дремучіе лѣса! Въ нихъ живетъ прекрасная Летува **), оберегающая свободу литовцевъ, пекущаяся о ихъ благосостояніи, и Летуванисъ ***), постоянно слезно молящій Атримпоса о счастіи Литвы. Его слезы обращаются въ обильные потоки дождя, почти ежедневно орошающіе растенія и плоды древесные; они наполняютъ наши родныя рѣки и озера священною водою, даютъ жизнь

*) Теперешняя Пруссія.
**) Богиня свободы.
***) Богъ дождя.

рыбамъ, которыя составляютъ нашу главную пищу! Но если на мѣстѣ тѣнистыхъ лѣсовъ останутся только голые пни, и вѣтеръ будетъ гулять между ними, какъ по чистому полю, тогда улетитъ Летува въ лазуревое небо, унесетъ съ собою счастье, свободу литовцевъ, замолкнетъ Летуванисъ, и боги, переставъ слышать его сладкія пѣсни, забудутъ бѣдную нашу родину. Высохнутъ озера, измельчаютъ рѣки, придутъ чужіе люди и навѣки-вѣчные поработятъ нашу землю. Польется тогда кровь отъ ударовъ, потъ отъ тяжкихъ трудовъ несчастныхъ литовцевъ!»—«Да замолчи же, старикъ! Не предвѣщай погибели! Пойми, что я такъ же, какъ и ты, смотрю въ даль вѣковъ, и, для спасенія отъ сосѣдей-латинянъ, хочу опереться на своихъ сыновей, русскихъ по сердцу и по крови матерей! Пусть они оберегаютъ Литву отъ поляковъ и нѣмцевъ!» Съ этими словами Гедиминъ послалъ оруженосца оповѣстить княгиню Еву, княжичей, бояръ, витязей, что хочетъ видѣть ихъ у себя, говорить съ ними.

Собрались одинъ за другимъ ясные соколы. Пришла благовѣрная княгиня съ младшимъ своимъ сыномъ — Явнутомъ. Потянулись вереницей думные бояре. Идутъ и разсуждаютъ промежъ себя: «Куда идти прикажетъ князь-родитель? кого спасать? къ кому летѣть на помощь?» Княгиня творила молитву. Въ тайникѣ своей кроткой души она все плакала о язычествѣ милостиваго господина, князя Гедимина и просила Господа вразумить его, просвѣтить свѣтомъ христіанской вѣры. И обѣщалъ онъ это ей, въ минуты ихъ уединенныхъ бесѣдъ, да все откладывалъ:—совѣстился огорчить стариковъ—своихъ единовѣрцевъ. Увидя Криве-Кривейто, княгиня поняла, что



Гедиминъ распредѣляетъ между своими сыновьями земли Русско-Литовскаго княжества. *(Къ стр. 113.)*

не пришелъ еще часъ ея, и, вздохнувъ, сѣла на свое мѣсто, по правую руку супруга; по лѣвую возсѣдалъ жрецъ. Сыновья размѣстились по старшинству, за ними бояре, думные люди и стража.

Точно предчувствуя скорую кончину, Гедиминъ приступилъ къ дѣлежу государства, мудро распредѣляя страну по способностямъ своихъ сыновей. Мрачно, нахмуривъ строгое чело, слушалъ жрецъ. Со слезами на глазахъ, крестясь, сидѣла княгиня. Сыновья, молча выслушивая волю князя-отца, почтительно принимали завѣщаніе, въ душѣ же каждый молилъ у Бога одного: какъ можно дольше не нуждаться въ его примѣненіи и самостоятельномъ управленіи назначенными удѣлами. Старшій сынъ—Монвидъ—получилъ языческую часть Черной Руси съ городами Керновъ и Слонимъ. Ольгердъ, сынъ православной, умершей княгини Ольги, въ крещеніи Андрей, долженъ былъ править наслѣдіемъ матери, витебскимъ княжествомъ и городомъ Крево. Кейстуту достались Береста, Гродно и Жмудь: онъ самъ былъ язычникъ. Наримунду (въ крещеніи Глѣбъ) православные русскіе города: Пинскъ, Туровъ, Минскъ. Любарту (Θеодоръ въ крещеніи) досталась Волынь. Коріату (Михаилу) православная часть Черной Руси. Младшему—Явнуту—досталась Вильна. Изъ этого перечня видно, какъ велика была доля владѣній Гедимина, составленная изъ русскихъ земель. Обливаясь слезами, твердо и ясно клялись сыновья исполнить свято отцовскую волю, положить жизнь за ввѣренные имъ удѣлы, не выходить изъ его повиновенія и безъ его приказа не отлучаться изъ Вильны. Недовольно смотрѣлъ жрецъ, но не смѣлъ болѣе поднимать голоса: такъ привыкли всѣ, даже

жрецы. преклоняться передъ волей премудраго Гедимина!

Не успѣли еще замолкнуть послѣднія слова княжеской клятвы, не успѣлъ Гедиминъ добрымъ словомъ отвѣтить своимъ сыновьямъ, юнымъ соколамъ. Еще держался въ воздухѣ гулъ радостныхъ кликовъ витязей, привѣтствовавшихъ молодыхъ правителей,—какъ за дверью послышалось необычное движеніе и слабый, но твердый стукъ. По знаку князя, отроки бросились къ дверямъ, и предъ удивленнымъ собраніемъ предсталъ запыленный, незнакомый гонецъ.—Стража не впускала его, но онъ былъ такъ настойчивъ, такъ дико озирался, что ему невольно дали дорогу.—Пилленъ! Маргеръ! рыцари!» твердилъ онъ едва внятно, падая ницъ передъ княземъ,—по русскому обычаю. Блѣдный съ лица, въ изодранной одеждѣ, онъ вызвалъ всеобщее участіе. Княгиня, видя, что онъ съ трудомъ можетъ подняться, съ позволенія супруга приказала сначала усадить его, поднесла чарку стараго меда изъ своихъ княжихъ рукъ, а потомъ уже, когда онъ перевелъ духъ, самъ князь сталъ выспрашивать пришельца. Оказалось, что онъ оруженосецъ князя Маргера, чудомъ спасшійся отъ новаго погрома, учиненнаго нѣмцами на западѣ Литвы. «Услышали мы»,—такъ началъ пришлецъ свою плачевную повѣсть,—«что къ магистру Тевтонскаго ордена наѣхало изъ Германіи въ Пруссію до двухсотъ гостей, тоже воиновъ Креста. Ихъ чествовали веселыми пирами, охотами, праздниками: наконецъ, придумали устроить небывалое еще развлеченіе,—охоту на насъ, бѣдныхъ жмудиновъ!» Такъ и дрогнуло все собраніе. Зловѣщимъ огнемъ блеснули глаза стараго вождя.—Молодые схватились за рукоятки мечей. Безотрадно

вздохнулъ жрецъ. Набожно крестилась княгиня, творя теплую молитву, а около нея горько плакалъ, прижимаясь къ матери, княжичъ Явнутъ.

Гедиминъ сдѣлалъ знакъ; разсказчику дали еще вина; онъ выпилъ, пріободрился и продолжалъ, низко поклонившись князю: «Въ твои владѣнія, государь, вторглись наши заклятые вороги! Гости и хозяева, кичась звѣрствомъ другъ передъ другомъ, опустошали селенія на твоей землѣ, гоня передъ собою бѣдное населеніе, безъ оглядки бѣжавшее передъ огнемъ и мечемъ разорителей. Заперлись несчастные въ крѣпости Пилленъ съ женами, дѣтьми, уцѣлѣвшимъ добромъ, подъ покровительствомъ князя Маргера. Мы защищались отчаянно: нѣмцы закапывали наши рвы, били стѣны осадными машинами; кровавая борьба шла на жизнь и на смерть. Наконецъ, злодѣи измыслили надежное средство: пустили въ крѣпость нѣсколько стрѣлъ съ горючимъ составомъ; деревянный городъ вспыхнулъ яркимъ пламенемъ, и мы увидѣли, что нѣтъ больше спасенья,—умереть же отъ руки грабителей никому не хотѣлось!»—При этихъ словахъ Криве-Кривейто выпрямился, даже привсталъ.—«Поэтому, разложивъ на площади костеръ, жители умертвили сначала всѣхъ своихъ дѣтей, бросая трупы въ огонь». Помертвѣла бѣдная княгиня, въ ужасѣ прижала къ себѣ дрожавшаго сына; вниманіе возбуждалось все больше и больше. Разсказчикъ продолжалъ упавшимъ голосомъ: «Затѣмъ взрослые поручили одной старухѣ рубить имъ головы и бросать на костеръ. На сотомъ убійствѣ она изнемогла, не въ силахъ была дальше рубить; тогда оставшіеся въ живыхъ раздѣлилися на пары и вонзали другъ другу мечи въ сердца. Наконецъ, въ

живыхъ остался одинъ князь Маргеръ съ женою; они дождались, когда рыцари ворвались въ городъ, и на глазахъ у нихъ вошли на костеръ; князь убилъ княгиню, потомъ себя, и оба они умерли съ своими подданными, не отдавшись живыми въ руки побѣдителей!»—«А ты зачѣмъ здѣсь?» грозно воскликнулъ жрецъ, взглядомъ поражая и безъ того горемъ убитаго, растерзаннаго, измученнаго разсказчика.—«Мнѣ пары не нашлось»,—смиренно отвѣчалъ онъ.—«Я лежалъ раненый, въ своей хатѣ, у самой городской стѣны, и выбрался въ проломъ, сдѣланный рыцарями, какъ только пришелъ въ чувство и увидѣлъ, что они разбрелись по горящимъ развалинамъ». Тутъ опять вступилась княгиня. Съ разрѣшенія супруга, она приказала проводить несчастнаго на свою половину и поручила своимъ придворнымъ лѣчить его и ухаживать за нимъ. А Гедиминъ въ томъ же совѣтѣ сталъ дѣлать распоряженія, собирать свои побѣдоносные полки, чтобы двинуться на рыцарей вмѣстѣ съ своими сыновьями, рѣшивъ напрячь всѣ силы и навсегда вытѣснить ихъ изъ своего сосѣдства. Въ этой борьбѣ Литвы съ ея злѣйшими врагами,—прусско-тевтонскими рыцарями,—длившейся нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, погибъ великій Гедиминъ, послѣ славнаго 25-ти лѣтняго княженія.

Неподалеку отъ западной границы Литвы и Жмуди, на правомъ берегу Нѣмана стоялъ крѣпкій литовскій замокъ Велона. Онъ защищалъ страну отъ постоянныхъ набѣговъ рыцарей Тевтонскаго ордена. Силою нѣмцы не могли его взять и рѣшились выморить голодомъ. Чтобы достигнуть своей цѣли, они возвели по близости два замка, изъ которыхъ и вели свою осаду. Провѣдалъ объ этомъ Гедиминъ, устре-

мился съ своими сыновьями спасать литовскую твердыню и, въ свою очередь, осадилъ нѣмецкіе замки. На горе Гедимину, нѣмецкій гарнизонъ былъ снабженъ новоизобрѣтенными огнестрѣльными орудіями, неизвѣстными еще литовцамъ. Пули казались имъ стрѣлами самого Перуна-громовержца. Такая-то пуля и унесла славнаго князя! Поразилъ его на смерть выстрѣлъ изъ ружья, самаго неуклюжаго, первобытнаго устройства, въ 1341 г.

Умеръ мудрый Гедиминъ, князь литовскій, собиратель западной Руси, покровитель православія, заклятой врагъ нѣмецкихъ рыцарей и ихъ жестокаго, насильственнаго обращенія въ латинство не только язычниковъ, но и православныхъ русскихъ и литовцевъ.

Тѣло доблестнаго вождя, павшаго за родину, за подданныхъ, перенесли въ Вильну, его любимую столицу, имъ же основанную и разукрашенную.

Около города, въ долинѣ Свенторога, мѣстѣ сожженія труповъ литовскихъ правителей, надъ могилою, глубиною въ полтора человѣческихъ роста, былъ сложенъ высокій костеръ изъ сухого дерева. На него, въ княжескихъ доспѣхахъ, положили тѣло Гедимина, поставили при немъ вѣрнаго слугу—лучшаго боевого коня, трехъ плѣнныхъ нѣмецкихъ рыцарей, много добычи, пару борзыхъ и пару лягавыхъ собакъ, положили рысью и медвѣжью лапы и охотничью трубу.— Криве-Кревейто воспѣлъ подвиги великаго вождя литовскаго народа. Вайделоты зажгли костеръ, вспыхнуло смолистое дерево и поднявшееся къ небу яркое пламя, при горькихъ вопляхъ опечаленнаго народа, уничтожило дорогіе останки славнаго литвина. Сыновья его присутствовали при народномъ обрядѣ, а неутѣшная супруга, княгиня Ева, съ дочерьми,

молилась въ церкви св. Николая, изливая передъ престоломъ Божіимъ великую скорбь своей неутѣшной души. Она вымаливала у Милосердаго Господа прощеніе грѣховъ супругу, хотя и язычнику, но всегда милостивому, справедливому покровителю православной вѣры и ея смиренныхъ послѣдователей,—русскихъ и литовцевъ.

Границы великаго княжества Литовскаго при Гедиминѣ соприкасались на сѣверѣ съ владѣніями Ливонскаго ордена, по границамъ Корси и Ливоніи. Затѣмъ, перейдя западную Двину выше Динабурга, граница шла вдоль южныхъ предѣловъ псковской земли, до рубежа смоленскаго княжества. Восточную границу составляли, по теченію Днѣпра до устья Припети, сѣверскія и черниговскія земли. На югѣ южнѣе Припети, границы соприкасались съ сѣверными предѣлами кіевской и волынской земли, до западнаго Буга. На западѣ вдоль Буга, по Нѣману гродненская область граничила съ Польшей, Мозовіей до самыхъ владѣній прусскихъ крестоносцевъ. Такимъ образомъ Литва временъ Гедимина захватывала безъ малаго почти весь юго-западъ Россіи.

Это—такъ называемое—Русско-Литовское государство составилось постепенно: 1) счастливыми войнами, 2) удачными браками дѣтей Гедимина и 3), главное, полнымъ ослабленіемъ разрозненныхъ, измельчавшихъ русскихъ пограничныхъ княжествъ. Они искали единенія съ сильнымъ сосѣдомъ, чтобы спастись отъ своихъ распрей, междоусобицъ, главнымъ же образомъ отъ страшнаго татарскаго ига, придавившаго весь славянскій Востокъ. Тогдашняя Литва,—по своему государственному строю, по православному вѣроученію, котораго держалось большинство населенія, по

русскому строю боевыхъ силъ, которыя состояли большею частью изъ чисто русскихъ людей, по языку, употреблявшемуся и князьями, и народомъ, и въ судахъ, и въ законодательствѣ всей страны,—было вполнѣ русское княжество.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Иловайскій.* Исторія Россіи. Т. II.
2) *Брянцевъ.* Исторія Литовскаго государства.
3) *Чешихинъ.* Исторія Ливоніи.

Плѣнъ Кейстута.

1361 г.

ОКОЯ не давали католическому Западу языческія страны, лежавшія на сѣверо-востокъ отъ нихъ, на пути къ православной Русской землѣ. Крестовые походы въ Палестину развили и безъ того воинственный духъ предпріимчивыхъ германцевъ. То тотъ, то другой лихой наѣздникъ набиралъ подходящихъ друзей-товарищей, составлялъ отряды такихъ же удальцовъ и, подъ благочестивымъ предлогомъ распространенія христіанства среди язычниковъ, старался съ ними вооруженною рукою помогать державцамъ Мозовіи, Куявіи и теперешней Холмской Руси. Случалось частенько и такъ, что они вполнѣ самостоятельно нападали на угрюмыхъ, дикихъ пруссовъ, упрямо прятавшихся, какъ и наши сосѣди-латыши, емь и ливы, за свои родные лѣса да болота. Часто язычникамъ удавалось прогонять ненавистныхъ находниковъ, тревожившихъ такъ назойливо ихъ мирное житье. Но еще чаще на-

стойчивые, ловкіе, предпріимчивые нѣмцы брали верхъ, захватывали въ свои цѣпкія руки удобныя мѣстности по теченію и при сліяніи рѣкъ, особенно Вислы; строили замки, обводили ихъ надежными стѣнами и, уже усѣвшись крѣпко въ мѣстности, шагъ за шагомъ твердо двигались впередъ.

Римъ поддерживалъ ихъ, называлъ крестоносцами, давалъ одинаковыя права съ рыцарями, отправлявшимися въ Палестину. Изрѣдка случалось, что нѣмецкіе воины-проповѣдники, встрѣчали сочувствіе и между зажиточными пруссами, считавшимися князьями среди своихъ. Они добровольно соглашались принимать христіанство, даже дарили полюбившимся пришельцамъ свои земли, отдавали богатства во славу католической церкви. Тогда нѣмцы воздвигали богатые монастыри на подаренныхъ и отвоеванныхъ земляхъ, созывали съ запада монаховъ во вновь воздвигнутыя роскошныя твердыни, и множились одинъ за другимъ оплоты находниковъ, двигавшихся на востокъ.

Но бывало и такъ, что освирѣпѣвшіе язычники въ свою очередь предпринимали походы противъ нѣмцевъ, осаждали, даже сжигали ненавистныя твердыни. Ужасы кровавой междоусобицы, или лучше партизанской войны, вездѣ предшествовали насажденію христіанства у нашихъ языческихъ сосѣдей. Дѣло проповѣди среди пруссовъ двигалось, но все же медленнѣе, чѣмъ у ливовъ, нашихъ данниковъ по берегу Балтійскаго моря.

Завидовали нѣмецкіе рыцари своимъ собратьямъ-меченосцамъ. Они стали придумывать средства отличиться и рѣшились справиться съ тѣми язычниками, которые производили яростные натиски на обратившіяся въ католичество части Мозовіи, Куявіи, кульм-

ской земли и плоцкой епископіи. Давно, еще въ 1222 году, мазовскій князь Конрадъ и плоцкій епископъ Гюнтеръ обращались съ просьбой о помощи къ магистру Тевтонскаго ордена, знаменитому Генриху Зальца. Но тому было не до нихъ. Онъ сопутствовалъ, со своими храбрыми полками, императору Фридриху II Побѣдоносному, въ его походѣ въ Палестину. Только вернувшись въ 1229 г. и помиривъ своего друга-императора съ папой Григоріемъ IX, умный магистръ нашелъ возможнымъ вникнуть въ прусскія дѣла.

Осторожный, предусмотрительный, онъ обставилъ очень независимо свой Орденъ на берегахъ Вислы. Недальновидный Конрадъ мазовецкій отдалъ ему въ полное владѣніе часть своей прадѣдовской отчины, всю кульмскую землю. Рыцари же обѣщали сдерживать язычниковъ, защищать христіанъ. Огнемъ, мечемъ, страхомъ и трепетомъ принялись они распространять евангельское ученіе среди пруссовъ. Ихъ начальникомъ былъ магистръ Ордена, вовсе не подчиненный мѣстнымъ епископамъ. Они, вмѣстѣ съ нимъ, склоняли свои гордыя головы только передъ св. отцомъ всѣхъ католиковъ,—римскимъ папою.

Григорій IX издалъ буллу, въ которой ясно объявилъ всему христіанскому міру, что князь Конрадъ мазовецкій принесъ въ даръ Тевтонскому ордену кульмскую землю съ другими городами.—Магистръ же, обязуясь защищать Конрада и его владѣнія отъ языческихъ набѣговъ, будетъ покорять дикихъ пруссовъ только подъ власть своего Ордена. Заручившись такими правами и договорами, Зальца отправилъ въ Мозовію, къ берегамъ Вислы, значительный отрядъ рыцарей, подъ начальствомъ Германа Балка, перваго магистра Тевтонскаго ордена въ Пруссіи. Искуснѣй-

шій правитель и беззавѣтно храбрый воинъ Германъ взялся энергично за излюбленное Западомъ дѣло просвѣщенія восточныхъ язычниковъ и онѣмеченія ихъ родовыхъ земель. Получивъ отъ Конрада городокъ Нессау, съ округою, по куявской границѣ, онъ сталъ твердою ногою на берегу Вислы, въ мѣстечкѣ, прозванномъ рыцарями «Фогельзангъ», и укрѣпилъ его на славу. Отсюда начались походы тевтоновъ, или вѣрнѣе ихъ набѣги, какъ въ партизанскихъ войнахъ, на мѣстныхъ жителей,—пруссовъ. Постепенно двигаясь на востокъ, находники строили свои орденскія твердыни—Торунъ, Хельмно, Кульмъ, Маріенверденъ, Эльбингъ,—и, день за днемъ, шагъ за шагомъ, напирали, отнимая родную почву изъ подъ ногъ мѣстныхъ уроженцевъ. Тѣ, скрываясь за прадѣдовскими лѣсами и болотами, не легко уступали свое исконное достояніе, свои преданія, вѣрованія отцевъ!

Во второй половинѣ XIII вѣка, послѣ того, какъ въ Палестинѣ турки одержали верхъ надъ христіанскими войсками, рыцарямъ негдѣ было выказать свою удаль и страсть къ воинскимъ подвигамъ. Они фанатично ринулись на Пруссію, чтобы съ корнемъ истребить язычество. Дѣлали облавы на мѣстныхъ жителей, какъ на дикихъ звѣрей, съ полною вѣрою, что этими подвигами пріобрѣтаютъ отпущеніе грѣховъ еще при жизни и райскія отрады послѣ смерти. Во многихъ мѣстахъ, во вновь завоеванныхъ земляхъ тевтоны воздвигали священныя убѣжища, въ родѣ монастырей или пріютовъ, для молитвеннаго отдохновенія ихъ многочисленныхъ благочестивыхъ гостей съ запада, и прозвали ихъ малыми Іерусалимами. Помолившись, ознакомившись съ мѣстными условіями, паломники шли дальше подкрѣпленные и обновлен-

ные. Подвигаясь вглубь страны, даже за Нѣманъ, они все сильнѣе и упорнѣе напирали на Литву,— тогда еще вполнѣ языческую.

Одинъ изъ такихъ набѣговъ на Пилленъ, который такъ отчаянно пробовалъ защитить храбрый князь Маргеръ, мы изобразили въ предшествующемъ разсказѣ.

Съ 1340 года смѣняются дѣйствующія лица въ исторіи восточной Европы. Во главѣ Тевтонскаго ордена является великій магистръ Рудольфъ Кенигъ Ванцау, во главѣ Ливонскаго—Боргардъ Дрейлевенскій. Оба они воодушевлены были вѣковыми преданіями своихъ предшественниковъ, прежними задачами своихъ орденовъ: съ одной стороны,—завладѣть Жмудью и Литвою, а съ другой—тѣснить, насколько возможно, Псковъ, отнимать постепенно у Новгорода, одну за другою, его пятины. Противъ нихъ, съ востока, поднимались во всеоружіи своей народной правоты и силы наслѣдники двухъ великихъ державцевъ: московскаго—Іоанна Калиты и литовскаго—Гедимина. Они свято хранили преданія славныхъ родителей! Твердо, разумно шли по намѣченному пути—собиранія восточной и западной Россіи въ обширныя, сильныя величины.

Мѣсто Калиты на московскомъ престолѣ занялъ сынъ его Симеонъ, по прозванію Гордый. Наслѣдіе Гедимина осталось въ рукахъ его сыновей, изъ которыхъ особенно выдѣлялись два брата—друга: Ольгердъ и Кейстутъ. Рожденные отъ одной матери, связанные самой крѣпкой, теплой дружбой, они пополняли другъ друга. Умный, предусмотрительный, осторожный Ольгердъ былъ надежной опорой безумно-храбраго, честнаго, способнаго полководца—Кейстута.

Живя въ своей столицѣ—Трокахъ, правя Жмудью, частью Черной Руси съ Городней и Берестьей, онъ стоялъ какъ бы на стражѣ литовскихъ интересовъ, защищая ихъ отъ захватовъ тевтонскихъ рыцарей. Ольгердъ владѣлъ другою частью Литвы съ городомъ Крево и витебскимъ княжествомъ, доставшимся ему отъ православнаго его тестя.

Узнавъ въ 1345 году, что къ рыцарямъ пришла громадная помощь съ запада, и они собираются напасть на Вильну, оба друга, соединенными силами, удалили оттуда младшаго своего брата, слабаго Явнута, дали ему въ кормленіе Заславль Литовскій, а Ольгердъ сѣлъ твердо на виленскомъ столѣ. Это удобное перемѣщеніе очень укрѣпило оборонительныя дѣйствія обоихъ князей—братьевъ. Несмотря на всѣ усилія, рыцари не могли одолѣть ихъ стойкую оборону. Какъ ни старались жадные нѣмцы, имъ не удавалось, ни на шагъ, раздвинуть свои владѣнія на счетъ литовскихъ земель. Въ этой тяжелой постоянной борьбѣ, предводимые своими удалыми героями-князьями, литвины стояли твердо передъ врагомъ. Ожесточенно нападали они на рыцарскіе замки: жгли, грабили, убивали все, что попадало подъ руку. Подъ-часъ имъ приходилось и платиться за свою удаль. Такъ, однажды, въ 1361 году неукротимый Кейстутъ Гедиминовичъ, въ челѣ отважной дружины, пробовалъ пробраться черезъ орденскую границу. Подъ мракомъ ночи онъ думалъ добраться до самаго Маріенбурга, гдѣ, по дошедшимъ до него вѣстямъ, пировали тевтоны съ наѣхавшими къ нимъ именитыми гостями. Родимый вѣтеръ уныло завывалъ, щедрая Литува не скупилась поливать лѣсную глушь обильными потоками дождя съ хмураго литовскаго

неба. Казалось, природа любовно покровительствовала родному герою. А вышло не такъ. На первой же проталинкѣ, въ самой топкой грязи, его отрядъ окружили не подмѣченные враги. Какъ злыя тѣни, отдѣлились отъ березовыхъ пней вооруженные латники, схватили подъ устцы испуганныхъ коней и вцѣпились въ литовскихъ всадниковъ. Ожесточенно бились съ обѣихъ сторонъ. Литовцы не сдавались живыми,—противники рѣшили никого не выпускать изъ рукъ. И тьма, и дождь, и топкая почва—все обрушилось на Кейстута! Его товарищей, уже мертвыхъ, или замертво поверженныхъ, оставили въ лѣсу; а его связаннаго, раненаго, истекающаго кровью, взвалили на его же добраго товарища-коня и безъ чувствъ увезли, какъ блестящую, нежданую-негаданую, драгоцѣнную добычу!

Съ дикимъ восторгомъ вскочили изъ-за столовъ пировавшіе, когда услышали лязгъ цѣпей спускаемаго моста у крѣпостной стѣны, конскій топотъ и крики побѣды обрадованныхъ часовыхъ.—«Живой или мертвый онъ нашъ!» кричали тевтоны.—«Нашъ онъ, и мы его теперь не выдадимъ! не увидятъ больше ненавистные литовцы даже трупа своего любимаго вождя!»—«Литва теперь наша! виватъ!» кричали другіе, поднимая заздравные кубки, чуть не считая себя уже обладателями Жмуди.

Безъ чувствъ, за-мертво лежалъ связанный Кейстутъ на полу той же залы пира. Его, виновника своей радости, рыцари даже забыли. Прислужники же, кнехты, и не замѣчали. Только изъ темнаго угла, изъ-за двери, точно огоньки, свѣтились два глаза, слѣдя за брошеннымъ героемъ. Начинало уже свѣтать; рыцари, постарше, вспомнили, что пора на по-

кой. Тогда поднялась веселая ватага и, проходя, одинъ да другой, разсѣянно задѣвали за безчувственное тѣло.—«Выбросить его!»—ругнулся кто-то изъ храбрецовъ. Двинулись кнехты, съ ними изъ-за дверей показался и старикъ.—«А если онъ еще не умеръ?» спросилъ онъ почтительно господъ рыцарей.—«Тогда бери его къ себѣ, за крѣпкіе запоры, да смотри, не зѣвай!—головой своей отвѣтишь за него».—Старикъ презрительно усмѣхнулся, крутя свой длинный сѣдой усъ.—«У меня и живые ни разу еще не уходили, а тутъ совѣтуютъ беречь чуть не мертваго! Онъ мой теперь! Я съ нимъ развѣдаюсь по своему». И по голосу, по манерѣ, и по тому, какъ небрежно, повидимому, взялъ онъ за голову то, что еще звали Кейстутомъ, можно было подумать, что это его злѣйшій врагъ. Прислужники помогли отнести безчувственное тѣло въ замковую тюрьму. Имъ вслѣдъ слышались злорадные возгласы. Рыцари собирались послать въ Римъ гонца съ радостною вѣстью, что Жмудь уже полонена.

Въ мрачномъ подземельи, вдали отъ глазъ людей, на сколоченныя доски положили великаго литвина. Кругомъ все тихо, сыро, холодно, точно въ могилѣ. Тускло мерцаетъ въ углу свѣтильникъ. Ушли рыцарскіе кнехты, одинъ остался старый Альфъ. Онъ прислушался къ послѣднимъ звукамъ удалявшихся шаговъ и тогда, спѣшно снявъ обувь, неслышно бросился самъ въ проходъ, откуда скорешенько вернулся, неся въ охапкѣ солому, медвѣжьи шкуры, покрывало. Кейстутъ не шевелился. Старикъ опять исчезъ, опять вернулся съ какимъ-то ковчежцемъ, склянками и мелкими вещами. Прибавивъ масла въ свѣтильникъ, онъ поставилъ его ближе къ страдальческому ложу.

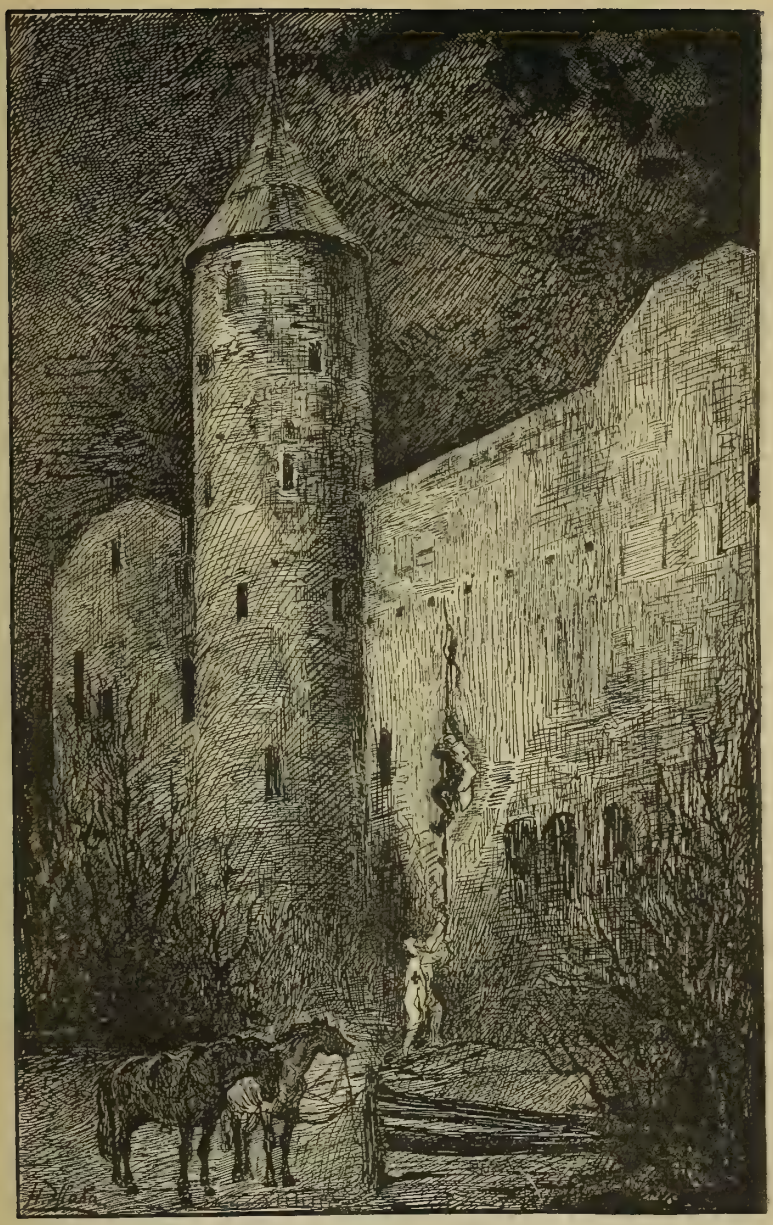
Потомъ осторожно, даже нѣжно, сталъ раздѣвать израненнаго воина. Протяжный, душу раздирающій стонъ заставилъ его остановиться. Кейстутъ открылъ глаза, но, видимо, ничего не понималъ. Даже, когда Альфъ влилъ ему въ ротъ нѣсколько капель живительной влаги, онъ не очнулся. Казалось, еще съ большей осторожностью торопился старикъ высвободить изъ одежды израненое тѣло. Больной стоналъ, приходилъ въ себя, потомъ опять забывался, пока опытная, любовная рука обмывала и перевязывала раны. Подъ страдальца, на доски, была подложена солома, на ней разостланы медвѣжьи шкуры; тогда, при слабомъ свѣтѣ ночника, Альфъ вынулъ какія-то снадобья изъ ларца, налилъ въ приготовленный кубокъ и подалъ раненому, прося все выпить. Послушно проглотилъ плѣнникъ лѣкарство. Выходило, что явный тюремщикъ Кейстута—былъ тайный его другъ, врачъ, и пестунъ; онъ не отходилъ отъ страдальца ни днемъ, ни ночью. Наконецъ, его труды увѣнчались успѣхомъ. Однажды, подъ утро, когда трепещущіе лучи зажигавшейся зари трусливо заглянули сквозь узкое оконце въ мрачное подземелье, Кейстутъ открылъ глаза и вздохнулъ свободно, полной грудью. Спавшій на полу около него Альфъ перекрестился и радостно забормоталъ молитвы. Крестное знаменіе не было чуждо Кейстуту. Онъ приподнялся на локоть:—«Меня плѣнили?»—ясно, относительно твердо, спросилъ онъ своего тюремщика, сразу понявъ въ немъ друга.—«Воздай, князь, славу Богу! ты спасенъ!» радостно воскликнулъ тотъ.—«Спасенъ отъ смерти, но не отъ срама! Зачѣмъ, старикъ, ты спасъ меня?» И въ голосѣ слышалось безграничное отчаяніе.—«Выздоравливай толь-

ко скорѣе, и не будетъ никакого срама, князь любимый!» внушительно твердилъ старикъ.

По мѣрѣ того, какъ выздоравливалъ князь, тюремщикъ разсказывалъ, какъ онъ вызвался стеречь его въ замковой тюрьмѣ и помѣстилъ именно въ той кельѣ, гдѣ ему была извѣстна трещина въ наружной стѣнѣ. Во время болѣзни узника, онъ самъ тщательно ее расширялъ, а чтобы работа не была замѣтна, развѣсилъ по тому мѣсту всѣ доспѣхи своего великаго плѣнника; камни же и штукатурку осторожно выносилъ по ночамъ и пряталъ въ темные низкіе проходы. Дни шли за днями. Рыцари рыскали по сосѣднимъ лѣсамъ, творя свои обычныя облавы на мѣстныхъ горемыкъ, убѣжденные, что злостный тюремщикъ, дикообразный Альфъ бдительно сторожитъ ихъ драгоцѣнную добычу. Онъ, дѣйствительно, былъ очень бдителенъ, даже догадливъ. Узнавъ навѣрное, какъ далеко и въ какую именно сторону уѣхали его повелители, онъ осторожно принесъ въ тюрьму бѣлый рыцарскій плащъ съ нашитымъ на немъ чернымъ крестомъ. Вздрогнулъ Кейстутъ, вся кровь закипѣла. Вернувшіяся силы заволновались.—«Къ чему это вражье одѣяніе?»—брезгливо спросилъ онъ.—«Не сѣтуй, княже мой великій! Самъ Господь повелѣваетъ намъ быть мудрыми, оберегать Имъ же намъ дарованную жизнь. Укрытый этимъ плащемъ, ты, не узнанный, пройдешь по вражьиму стану, и тебя не примѣтятъ! Одѣнь его, прошу тебя именемъ твоей любимой княгини, молю именемъ моего Господа Вседержителя, Всемогущаго!» Не легко было честному литвину укрыться плащемъ своихъ злѣйшихъ враговъ. Но и влачить дни въ постыдномъ заточеніи было невыносимо славному герою. Надѣвъ кольчугу,

опоясавъ свой побѣдный мечъ, Кейстутъ, съ помощью Альфа, вылѣзъ изъ отверстія, спустился по стѣнѣ, укутался въ бѣлый плащъ, и оба вмѣстѣ, вскочивъ на приготовленныхъ заранѣе скакуновъ самого командора, никѣмъ не остановленные, не узнанные часовыми, благодаря спасительной тьмѣ, выѣхали изъ замка. Начинала уже заниматься заря, они увидали вдали встрѣчнаго всадника-рыцаря. Догадливый Альфъ, поровнявшись съ княземъ, показалъ ему условный знакъ, которымъ рыцари привѣтствуютъ другъ друга.—Чуть-чуть не опоздалъ! Для виду, онъ началъ оправлять лошадиную уздечку. Ничего не подозрѣвая, встрѣчный рыцарь обмѣнялся съ Кейстутомъ братскимъ привѣтомъ и поѣхалъ дальше. Нашъ же герой съ своимъ спутникомъ-спасителемъ пришпорили прекрасныхъ скакуновъ и направились въ самую чащу сосѣднихъ лѣсовъ. Тамъ отдохнули въ надежномъ убѣжищѣ, а запасливый Альфъ подкрѣпилъ силы князя. Съ наступленіемъ ночи они снова пустились въ путь, направляясь къ Мозовіи, гдѣ княжилъ Янушъ, зять Кейстута.

Подъ надежнымъ, родственнымъ кровомъ, любимый князь литовскій братски благодарилъ вѣрнаго Альфа.—«Не меня, княже любимый, благодарить надо. Я ничтожный рабъ, недостойный служитель Бога правды, добра, милосердія. Его, Всемогущаго, надо ежечасно благодарить со смиреніемъ, любовью и вѣрою. Онъ благословилъ твой исходъ, спасъ отъ рукъ злыхъ, кровожадныхъ недруговъ.»—Горячая рѣчь христіанина озадачила Кейстута. Въ глубокую думу погрузился храбрый воитель, головою поникъ и долго молчалъ. Видимо, душа боролась подъ наплывомъ противоположныхъ чувствъ—«Нѣтъ!» вырвалось наконецъ



Кейстутъ спасается изъ плѣна. *(Къ стр. 130.)*

изъ его мощной груди,—«не могу поклоняться Богу рыцарей, мучителей моей родины!» Потомъ, глубоко передохнувъ, махнулъ рукою и проговорилъ: «А до русскаго, добраго Бога мнѣ не добраться. Я долженъ сторожить родную окраину, мое мѣсто здѣсь, не на Руси!»—Грустно слушалъ Альфъ своего любимаго державца. Онъ не былъ краснорѣчивъ отъ природы. Умѣлъ преданно любить, вѣрить, молиться, твердя слова теплыхъ молитвъ, затверженныхъ еще въ домѣ матери, русской по вѣрѣ и народности. Онъ понялъ, что не ему влiять на могучаго правителя, и удалился въ Вильну, гдѣ могъ безпрепятственно молиться, по греческому обряду, въ православныхъ, русскихъ церквахъ.

Кейстутъ же, возвращая магистру взятыхъ у него коней, письменно, въ самыхъ изысканныхъ выраженiяхъ, благодарилъ его за прекрасную пищу и помѣщенiе, прибавляя, что, если милосердые боги помогутъ ему поймать самого магистра или кого-нибудь изъ орденскихъ сановниковъ, то онъ, Кейстутъ, такъ же хорошо будетъ содержать своего плѣнника, какъ и его содержали въ замкѣ Ордена, только покрѣпче будутъ стѣны, да понадежнѣе слуги.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Д. Иловайскiй.* Исторiя Россiи. Т. II.
2) *П. Д. Брянцевъ.* Исторiя Литовскаго государства.

Православные мученики въ Вильнѣ.

1347—1364 гг.

НЕПРОГЛЯДНО-ТЕМНАЯ ночь спустилась надъ замковой горою въ Вильнѣ, столицѣ литовскаго княжества, окутывая своимъ непроницаемымъ покровомъ и теремъ княжескій, и дворъ, а за стѣною вѣковую дубовую рощу, языческое святилище «Ромове». Густыя облака повисли низко надъ землею, точно хотѣли придушить ее своимъ таинственнымъ покровомъ. Всѣ уже покоились сладкимъ сномъ въ княжескихъ палатахъ, только въ открытыхъ стрѣльчатыхъ окнахъ верхняго терема свѣтился еще огонекъ, напоминая, что не всѣмъ дано, вмѣстѣ съ природой, отдохнуть въ эту темную лѣтнюю ночь.— Душно литовскому князю Ольгерду въ его опочивальнѣ; ночной воздухъ, пропитанный благоуханіемъ цвѣтовъ, ничуть не освѣжаетъ его пасмурнаго чела. Сидитъ онъ одинъ въ просторной, продолговатой горницѣ. Ея стѣны обиты разноцвѣтными тканями, а по мѣстамъ пушистыми медвѣжьими шкурами, поверхъ которыхъ

красиво развѣшено дорогое оружіе: самопалы нѣмецкіе, луки, стрѣлы половецкія, мечи русскіе, сабли польскія. Противъ двери стоитъ божница, въ ней до самаго верха помѣщаются св. иконы. Всѣ онѣ въ ризахъ, блестящихъ серебромъ, золотомъ, камнями самоцвѣтными. Красивыя лампады висятъ передъ ними, и привѣтно теплятся ихъ огоньки, озаряя темные лики св. угодниковъ. Видна заботливая рука покойной княгини Маріи, которая оставила, умирая, свои родныя святыни охранять любимаго супруга въ его тревожной, тяжелой жизни. Рядомъ съ кіотой стоитъ столъ, на немъ свѣтильники ярко освѣщаютъ кипы исписанныхъ хартій, а за столомъ, низко опустивъ свою умную голову на скрещенныя руки, сидитъ самъ князь Ольгердъ въ разстегнутомъ парчевомъ полукафтаньи. Тяжко ему въ эту душную, жаркую ночь. Темными пятнами смотритъ она въ его опочивальню чрезъ открытыя узкія окна, пропуская струи легкаго ночного вѣтерка. Какъ ни нѣжно играетъ онъ прекрасными слегка сѣдѣющими кудрями героя, какъ ни сладко—благоуханіе цвѣтовъ заснувшаго сада, ничто не можетъ разсѣять невеселыя думы мудраго литовскаго владыки. Преслѣдуютъ его угрызенія совѣсти, не съ кѣмъ подѣлиться тяжелыми думами.... Нѣтъ уже княгини Маріи Ярославны, рожденной витебской княжны, кроткой, разумной подруги! Все рѣже да рѣже заглядываетъ въ княжьи палаты недовольный, скорбный ея духовникъ, о. Несторъ! Послѣдній завѣтъ умершей подруги князя не покидаетъ его сердца. Какъ умоляла она своего царственнаго супруга заступиться за южную Русь, облегчить участь православныхъ, стенавшихъ подъ ненавистнымъ игомъ татаръ! А ему приходится тутъ, въ Вильнѣ, бороться съ лютостью кровожадныхъ жрецовъ. Вотъ они подня-

лись съ новою силою. Съ утра являлись цѣлой толпой, назойливо, громко требуя казни отступниковъ отъ вѣры отцовъ, его любимыхъ бояръ-христіанъ, которыхъ онъ, поддавшись ихъ первымъ требованіямъ, годъ тому назадъ заключилъ въ темныя подземелья своего замка. Тамъ ихъ пытали, подвергали ужаснымъ мученіямъ; они же непоколебимо твердо продолжали исповѣдывать единаго истиннаго Бога. Тогда самъ князь призвалъ страдальцевъ, прося хоть для него поступиться лишь одними внѣшними проявленіями христіанства: не отпускать волосъ, не постничать, какъ полагается у православныхъ.

Куменецъ,—по-христіански Антоній,—вернулся въ свое заточеніе, на новыя пытки, не желая и слушать увѣщаній. Нежило же,—Іоаннъ въ св. крещеніи,—не устоялъ передъ просьбами любимаго князя. Оставаясь въ душѣ вѣрнымъ христіаниномъ, онъ остригъ волосы и при постороннихъ сталъ употреблять въ пищу мясо. Ольгердъ началъ уже успокоиваться, жрецы пріумолкли. Но о. Несторъ и братъ мученикъ подняли голосъ, совѣсть вторила имъ, и Іоаннъ не долго могъ выдержать двуличное поведеніе. Онъ вымолилъ прощеніе брата и духовника и, мужественно представъ предъ Ольгердомъ, выразилъ желаніе снова подвергнуться всѣмъ ужасамъ мученій. За личную обиду принялъ князь поступокъ любимца и приказалъ крѣпко держать его подъ стражею.

Съ радостью принялъ Антоній своего брата, когда тотъ вернулся къ нему въ тяжелыхъ оковахъ, съ успокоенной совѣстью, счастливый, что можетъ снова раздѣлить страдальческую участь родного брата. Народъ сталъ проникаться благоговѣніемъ къ такому подвигу. Тюрьма христіанскихъ мучениковъ обратились въ

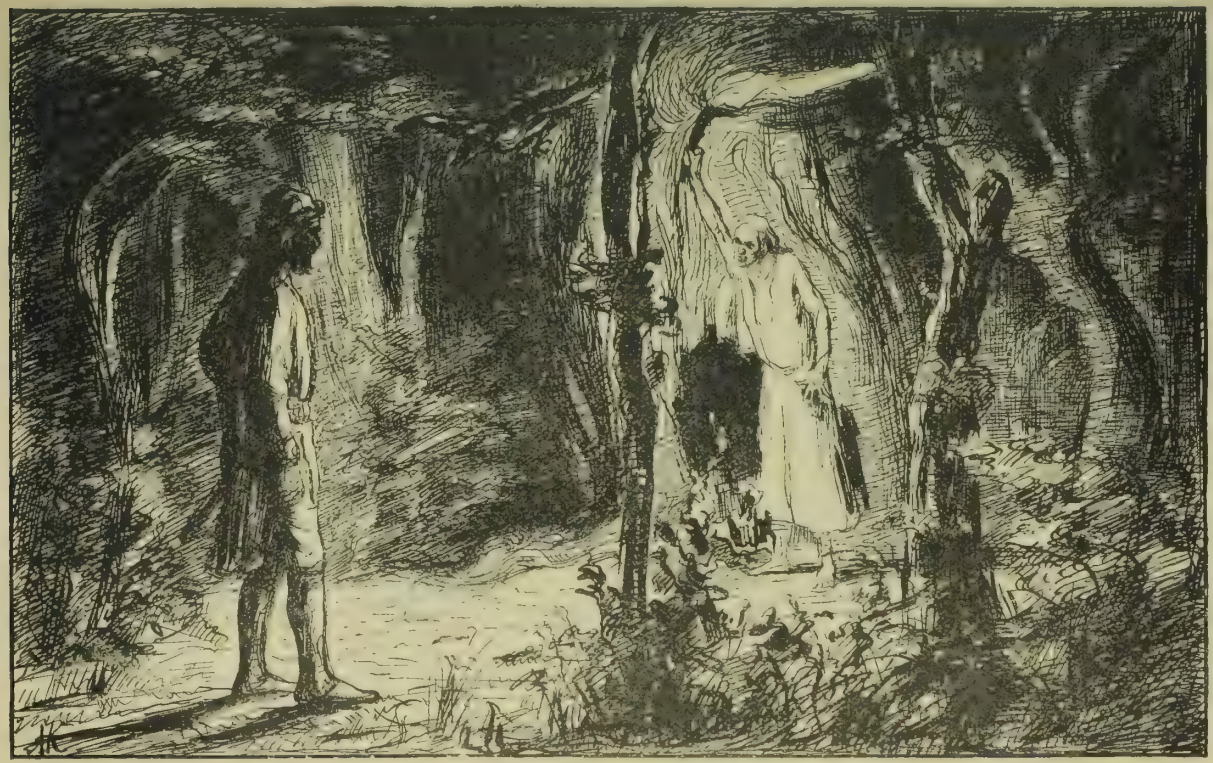
мѣсто проповѣди. Толпы собирались подъ ея окнами, привлекаемыя удивленіемъ и сочувствіемъ къ страдальцамъ. Многіе возвращались домой убѣжденные, вѣрующіе въ единаго истиннаго Бога, проповѣдуемаго православными христіанами. Послѣдовали новыя обращенія, запечатлѣваемыя свѣтомъ крещенія. Жрецы взволновались пуще прежняго. Пытокъ, казни повѣшенія, поруганія изступленно требовали они; грозились поднять преданную имъ чернь, вернуть на виленскій столъ своего любимца Явнута. Не понимали они въ своей безумной ярости, что тѣмъ самымъ неминуемо открываютъ путь въ столицу прирожденнымъ врагамъ родины,—нѣмецкимъ рыцарямъ. При одномъ этомъ соображеніи, Ольгердъ содрогнулся. Мысль: «а что сказала бы на это его Марія, его православная княгиня?» заставила его взглянуть на образа. Горько, болѣзненно вздохнулъ мудрый князь литовскій и взялся за кипы бумагъ, лежавшихъ передъ нимъ.—«Ну, что-то пишетъ братъ Кейстутъ изъ своихъ любимыхъ Трокъ?»—поставилъ онъ себѣ мысленно вопросъ. «И онъ безпокоится участью моихъ бояръ! И онъ изъ двухъ христіанскихъ ученій предпочитаетъ вѣру восточную. Вонъ пишетъ, что и жмудь и литовцы охотнѣе уживаются съ греческой вѣрой! Противъ латинскихъ грабителей возстаетъ мой великій братъ! Ему стало извѣстно, что ихъ монахи опять, тайкомъ, селятся въ моей Вильнѣ. Онъ предупреждаетъ, что это—хищные ястребы, что ихъ надо уничтожать, жилища ихъ стереть съ виленской земли! А что я подѣлаю, когда меня не слушаютъ жрецы, подтачиваютъ любовь и довѣріе ко мнѣ народное?»

Измученный думами, онъ, наконецъ, оттолкнулъ хартіи, потушилъ свѣтильники, всталъ и, при слабомъ мерцаніи лампадъ, направился къ широкой ле-

жанкѣ, гдѣ изъ пушистыхъ звѣриныхъ шкуръ было приготовлено ему роскошное ложе. Высоко взбиты лебединыя подушки, раскинуто красивое одѣяло изъ краснаго бархата, подбитое горностаемъ. Но покоя не могъ найти онъ и на пышномъ ложѣ! Ужъ слабый свѣтъ зари начиналъ пробиваться сквозь тучи, а сонъ все бѣжалъ очей Ольгерда; думы, одна другой тревожнѣе, такъ и тѣснились въ его головѣ. Вдругъ онъ вскочилъ,—точно что-то вспомнилъ,—застегнулся, взялъ мечъ, шапку и вышелъ спѣшно, не оглядываясь, даже не перекрестясь, въ узкій, еще совсѣмъ темный проходъ. Спустясь по тіунову *) крыльцу, прошелъ дворомъ и, вынувъ изъ-за пазухи ключъ, отперъ имъ потайную дверь, продѣланную въ стѣнѣ, чтобы можно было изъ княжескихъ палатъ незамѣтно проходить въ священную рощу, къ языческому капищу. Торопливо, хотя чуть не ощупью, пробрался онъ по извѣстной тропинкѣ, терявшейся между вѣковыми дубами. Точно крадучись, тайкомъ, спѣшилъ храбрый витязь въ логовище невѣрныхъ. Въ немъ еще разъ сказался язычникъ! Въ жаждѣ найти рѣшеніе своимъ сомнѣніямъ, покой своимъ мыслямъ, онъ забылъ молитву, отвернулся отъ св. иконъ, и теперь несся, точно на преступленіе, къ жилищу языческой колдуньи.

Вотъ и оврагъ, заросшій густымъ кустарникомъ. Спустившись на дно, онъ подвигался все съ бо́льшимъ трудомъ, раздвигая сплетавшіеся сучья. Запыхавшись, добрелъ, наконецъ, до подножія величаваго дуба, на верхушкѣ котораго виднѣлось опустѣлое гнѣздо аиста. Внизу, подъ дубомъ, сидѣлъ черный воронъ, спрятавъ въ перья свой толстый клювъ. Заслышавъ шаги, хотя и очень осторожные, пернатый стражъ встрепенулся,

*) Для прислуги или воиновъ.



Ольгердъ въ языческой священной рощѣ. (Къ стр. 137.)

отчаянно каркнулъ и взлетѣлъ на самую высокую вѣтку лѣсного великана, а изъ ствола послышался хриплый голосъ и литовская рѣчь.—«Кто до зари тревожитъ покой бѣдной старухи? Лютый звѣрь, иль лихой человѣкъ?»—«И не лютый звѣрь, и не лихой человѣкъ говоритъ съ тобою!»—Сперва показалась изъ-за дуба, точно выросла изъ-подъ земли, голова, потомъ появилась рука съ зажженой головней, и послѣ того выступила сгорбленная старуха, покрытая лохмотьями.—«Здравствуй, князь литовскій! зачѣмъ пожаловалъ? Аль запамятовалъ, что я не христіанская жрица, не монахиня, какъ ихъ тамъ называютъ! Пѣть молебновъ не умѣю!.. Да ужъ не извести ли ты меня собрался? Ну, не великъ почетъ славному воину, князю великому, упиться кровью нищей, одинокой старухи!»—«Кто говоритъ о твоей крови?» въ сердцахъ отвѣтилъ Ольгердъ.—«Пришелъ я къ тебѣ узнать, какимъ бы способомъ успокоить Криве-Кривейто и всѣхъ единомышленныхъ ему жрецовъ,—уговорить, чтобы не требовали бояръ изъ темницы, изъ-подъ стражи, а отперли бы двери своего капища да перестали возмущать народъ.»—«Зачѣмъ же съ такимъ дѣломъ идешь ты ко мнѣ?» рѣзко крикнула вѣдьма, «шелъ бы самъ въ подземелье къ своимъ соглядатаямъ—Куменцу и Нежилѣ—или къ ихъ названному отцу, старому Нестору. Пусть они разсудятъ, посовѣтуютъ тебѣ, какъ править Литвою, мирить своихъ подданныхъ».—«Нечего мнѣ спрашивать у нихъ,—зачѣмъ Криве-Кривейто запирается въ своемъ Ромове?»—огрызнулся Ольгердъ.—«Хочу я отъ тебя знать, что сбудется вскорѣ со мною? Ты—колдунья, знаешься съ нечистымъ, можешь сказать мнѣ всю правду».—«Зачѣмъ нечистаго звать?—его я не знаю. А вотъ вѣрный мой другъ, правдивый вѣщунъ!» гово-

рила старуха, указывая на ворона, который отчаянно каркалъ на всю рощу. «Не разъ и не два проситъ онъ крови, давно ждетъ себѣ въ пищу христіанскія тѣла!»—«Такъ что-жъ? отдаться мнѣ на съѣденіе твоему ворону, что ли?» крикнулъ все болѣе раздражавшійся князь.—«Зачѣмъ тебѣ? О, нѣтъ! повелитель литовскихъ земель, живи, воюй, одолѣвай враговъ родины! Но, чу! слышишь? онъ опять, мой воронъ дорогой, свое все кричитъ! Дай ты ему своихъ вельможъ! Пусть вайделоты заколютъ Куменца и Нежилу во славу боговъ, тѣла же ихъ отдадутъ моему ворону! О, тогда, князь, смѣло подчиняй себѣ всѣхъ враговъ родины! не одолѣть имъ твоей Литвы!»—Съ этими словами колдунья исчезла за дубомъ, какъ и пришла, точно сквозь землю провалилась. Воронъ же слетѣлъ на плечо Ольгерда, каркнулъ ему прямо въ ухо еще разъ: «крови. крови!» и усѣлся въ травѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ явилась колдунья.

Оставшись одинъ, Ольгердъ стоялъ, точно ждалъ еще чего-то особеннаго, рѣшающаго. Отвѣты старой колдуньи пуще прежняго взволновали его измученную душу. Уныло поникнувъ головой, тихо брелъ онъ по священной рощѣ, куда привлекло его суевѣріе окружающей среды, и откуда онъ не выносилъ ни одной путеводной мысли. Привязанность мудраго правителя къ честнымъ, надежнымъ боярамъ, христіанамъ, боролась со страхомъ потерять власть. Призракъ рыцарей, водворяющихся въ его родномъ гнѣздѣ, приводилъ его въ трепетъ. Далеко отбѣгали, завидя хмураго князя, вайделоты и вайделотки, боясь попасться на глаза сердитому владыкѣ. Онъ же брелъ, шепча себѣ подъ носъ: «Купить покой, удовлетворить злыхъ ненадежныхъ служителей мнимыхъ боговъ цѣною

жизни вѣрныхъ, доблестныхъ христіанъ? Нѣтъ, не могу, не хочу!» Съ этимъ не мирилась его честная душа!—«А благо родины? А спокойствіе всей Литвы, которую такъ тѣснятъ кровожадные рыцари? Если еще зашевелятся поляки, провѣдавъ, что языческую чернь возбуждаютъ противъ меня жрецы?—Тогда,—все равно,—пропадетъ мое княжество и съ нимъ восточное христіанство! Латинство одолѣетъ! Или Явнутъ, или рыцари! Пожалуй и Кейстуту не помочь!»

Въ эту минуту медленно, величаво подошелъ къ нему Криве-Кривейто и, поклонившись чуть не до земли, промолвилъ таинственно, что знаетъ о его внутренней борьбѣ, о мученіяхъ.—«А! колдунья успѣла донести!»—«Нѣтъ, князь, ошибаешься: боги отцовъ послали меня къ тебѣ!»—«Ну, старикъ! О богахъ, ихъ всевѣдѣніи и силѣ говори невѣжественной толпѣ, а со мной не лукавь!» Еще ниже поклонился жрецъ. Сталъ восхвалять мудрость Ольгерда, но, какъ и колдунья, грозилъ смутой, бѣдой, если великій правитель не поступится своимъ сердечнымъ влеченіемъ къ христіанскимъ узникамъ.—«Княжескій столъ твой хочу поддержать, славный князь Литвы и Руси!»—восклицалъ языческій жрецъ.—«Побереги отчее наслѣдіе, священные курганы предковъ, достояніе дѣтей и внуковъ—изъ рода въ родъ!»

Измученный сомнѣніями, угрызеніями совѣсти, какъ затравленный звѣрь, Ольгердъ потерялъ голову и, наконецъ, согласился на казнь своихъ любимцевъ. Торжествовалъ злобный жрецъ! Онъ поставилъ на своемъ, сломилъ волю строптиваго повелителя, забралъ въ свои кровожадные когти ненавистныя жертвы. Но, какъ хитроумный царедворецъ, онъ прикинулся безпристрастнымъ, правдивымъ судіею въ глазахъ Ольгерда. Сдѣлалъ еще одну лишнюю попытку—уго-

ворить мучениковъ отказаться отъ православія и возвратиться къ вѣрѣ отцевъ. Святые страстотерпцы остались, конечно, непреклонны, и тогда уже, точно вынужденный ихъ упорствомъ, ловкій жрецъ предалъ своихъ враговъ страшнымъ истязаніямъ, а потомъ и смерти.

На концѣ города, на взгорьѣ росъ огромный дубъ,— на немъ обыкновенно вѣшали преступниковъ. Жрецы рѣшили на немъ же повѣсить и христіанскихъ мучениковъ, бояръ-братьевъ Іоанна и Антонія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на томъ же мѣстѣ пострадалъ и ихъ родственникъ, бывшій прежде вайделотомъ, Евстаѳій, обвинявшійся жрецами въ исповѣданіи русской вѣры и совращеніи въ нее другихъ литвиновъ. Всѣ три первые великіе страдальца за православіе въ литовскомъ княжествѣ были съ благоговѣніемъ преданы землѣ единовѣрными христіанами близъ церкви святителя Николая, какъ гласитъ русская лѣтопись, въ 1347 г.

Но торжество язычества въ Вильнѣ продолжалось не долго. Въ 1349 году Ольгердъ женился вторично, опять на православной княжнѣ, Іуліаніи, дочери тверскаго князя Александра Михаиловича. По этому браку, онъ породнился съ великимъ княземъ московскимъ Симеономъ Іоанновичемъ *).

Дворъ молодой княгини въ Ви́льнѣ сдѣлался снова средоточіемъ и опорою православія. Ея дѣти воспитывались не только въ русскихъ нравахъ, но и въ вѣрованіяхъ православной Церкви. Подъ сомнѣніемъ остается только старшій княжичъ,—Ягайло. Еще очень

*) Симеонъ Гордый былъ женатъ въ первый разъ (1332 г.) на дочери Гедимина—Авгу́стѣ, во святомъ крещеніи Анастасіи; послѣ ея кончины, въ 1345 году женился на смоленской княжнѣ Параскевіи, а въ 1347 году—на княжнѣ тверской Маріи Александровнѣ; ея сестра—Іуліанія Александровна—вышла за Ольгерда литовскаго.

свирѣпствовали жрецы во время его малолѣтства. Но мало-по-малу умная, сердечная Рюриковна покорила совершенно сердца своихъ угрюмыхъ подданныхъ. Окруженная дѣтьми, роднею, боярами, слугами, Іуліанія Александровна вела жизнь дѣятельную, благочестивую въ своемъ роскошномъ виленскомъ за́мкѣ. Есть у насъ свидѣтельство одного рыцаря-нѣмца, навѣстившаго Ольгерда въ тѣ времена. Онъ пришелъ въ восторгъ, увидя, какъ мудро воспитывала русско-литовская княгиня своихъ дѣтей, какъ усердно занималась душеспасительнымъ чтеніемъ и полезными, весьма изящными работами среди своихъ боярынь и боярышень.

Князь показывалъ гостю и свою придворную церковь и православное богослуженіе. Латынянинъ обратилъ вниманіе на большую галлерею, отдѣленную отъ церкви повѣшенною занавѣсью изъ зеленой матеріи. За нею, вмѣстѣ съ княгинею, молился ея многочисленный придворный штатъ, но видѣть можно было только однѣ ихъ тѣни.

Такъ шли года. Благочестивая Іуліанія поднимала своихъ сыновей, строила православныя церкви въ Вильнѣ и хотя никогда не упрекала своего августѣйшаго супруга за попустительство, оказанное имъ извергамъ-жрецамъ, но въ душѣ не могла не плакать объ участи невинно-замученныхъ страдальцевъ. Слѣдя за жизнью Русской земли, она скорбѣла о тяжеломъ гнетѣ, давившемъ родину. Весь югъ православный стоналъ подъ игомъ лютой татарщины, и если ея родичи, московскіе князья, старались укрѣпляться противъ дикарей, собирая во едино подъ свою руку сѣверъ Руси православной,—ея душа рвалась поддерживать въ князѣ-супругѣ его мечты—объединить,

укрѣпить, поддержать православный югъ. Имя Ольгерда, покрытое славою, внушало довѣріе. Его собственная совѣсть подсказывала ему необходимость искупить великій грѣхъ борьбы съ вѣрою православною, которую исповѣдали такъ неустрашимо первые виленскіе мученики.

Сначала ему пришлось вступиться за своихъ тверскихъ родственниковъ, въ 1359 году, и воевать счастливо съ Москвою. Онъ одолѣлъ ея союзника, смоленскаго князя, и взялъ отъ него Мстиславль, Брянскъ, Ржевъ, т. е. западныя земли, которыя съ тѣхъ поръ уже не отдѣлялись отъ Литвы. Въ Ржевъ, на княженіе, Ольгердъ перевелъ изъ Полоцка сына своего Андрея; самъ же, собравъ многочисленное войско, подручныхъ князей и всѣ свои прекрасно обученныя рати, въ рядахъ которыхъ русскихъ бойцовъ было не менѣе литовцевъ, пошелъ на югъ. Туда влекли его укоры совѣсти, стремленіе спасти православіе отъ татарскаго ига и молитвенное благословеніе любимой супруги—ревностной христіанки Іуліаніи. На его счастье, смуты поднялись въ Золотой Ордѣ,—самомъ сердцѣ татарскаго величія. Междоусобныя распри подтачивали силы мощнаго врага, облегчая литовскому князю дѣло освобожденія православныхъ обитателей юго-западной Руси. Побѣдоносно дошелъ онъ до берега Днѣпра и достигъ, наконецъ, величавой колыбели русской государственности,—древняго Кіева,—матери городовъ русскихъ, полоненнаго его отцомъ, славнымъ Гедеминомъ въ 1321 году *).

Широко раскинулась на живописныхъ холмахъ древняя русская столица, вся разукрашенная золо-

*) Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнихъ временъ. Т. 3, гл. 5, стр. 932. Изданіе общества «Польза».

Восторженный, восхищенный стоялъ Ольгердъ передъ Кіевомъ. *(Къ стр. 143.)*

тыми главами своихъ многочисленныхъ церквей. Ни кровавыя распри междоусобицы, ни погромы печенѣговъ, ни огонь и мечъ татарскихъ разореній не могли умалить величавой красоты православной святыни. Печерская обитель, храмы и терема княжескіе возростали изъ пепла, чтобы свидѣтельствовать изъ рода въ родъ о величіи православнаго вѣроученія, о силѣ, никѣмъ и ничѣмъ не уничтожаемой, благодушнаго, подъ часъ и слабаго, но искренно, безхитростно вѣрующаго, православнаго русскаго народа.

Восторженный, восхищенный стоялъ литовскій князь-полуязычникъ, уничтоженный въ своей гордынѣ величіемъ памятниковъ православія и русской народности. У ногъ его бурлилъ широкій Днѣпръ, его сѣдыя волны шумѣли, воспѣвая минувшую славу и память героевъ, сражавшихся на его крутыхъ берегахъ. Душа героя рвалась къ молитвѣ, покаянію у этой святыни православной Церкви. Но долгъ полководца и правителя тянулъ его дальше—очищать земли христіанскія отъ нечестивыхъ угнетателей. Онъ оставилъ въ Кіевѣ своего сына Владиміра, а самъ, преслѣдуя уходившаго врага, дошелъ до Синихъ Водъ, гдѣ разбилъ окончательно татарскія силы, предводимыя Котлубеемъ и Хаджибеемъ, и, дошедъ до самаго Чернаго моря, присоединилъ освобожденныя имъ православныя земли къ великому княжеству Литовскому.

Съ восторгомъ встрѣтила Вильна своего державнаго героя. Христіанскіе подданные Ольгерда съ княгиней Іуліаніей благословили освободителя христіанъ, ихъ доблестнаго защитника. Къ общей радости супруги, семьи и многочисленной части вѣрныхъ подданныхъ, Ольгердъ приказалъ исполнить завѣтнѣйшее желаніе своего сердца—уничтожить дубовую рощу, притонъ

вайделотовъ и Криве-Кривейто, требище языческаго идола Перкуна, передъ которымъ, на жертвенникѣ, неугасимо теплился священный огонь Зничъ. Рухнуло языческое святилище, и на его мѣстѣ былъ воздвигнутъ храмъ во имя Св. Троицы. Зданіе было такъ искусно заложено, что престолъ главнаго алтаря поставили какъ разъ на мѣстѣ, гдѣ стоялъ дубъ, на которомъ приняли мученическую смерть св. страдальцы. Кругомъ церкви поселились православные съ ихъ любимымъ духовнымъ пастыремъ, кіевопечерскимъ архимандритомъ Давидомъ, духовникомъ княгини Іуліаніи. Тогда же было положено основаніе и Свято-Духову монастырю. Князь Ольгердъ, его бояре, подручные князья жертвовали на украшеніе храма всѣ сокровища, привезенныя ими изъ похода. Рядомъ съ монастыремъ воздвигнуты были великолѣпныя деревянныя стрѣльчатыя ворота *), и надъ ними водружена, въ знакъ благословенія всѣмъ идущимъ и ѣдущимъ чрезъ нихъ, по русскому обычаю, св. икона Божіей Матери Одиги́тріи,—Путеводительницы. Это былъ даръ благочестивыхъ иноковъ изъ Корсуня, въ память всѣмъ вѣкамъ, что, благодаря побѣдоносному оружію Ольгерда, вся Русская земля, отъ Балтійскаго моря до Чернаго и отъ Западнаго Буга до верховьевъ Оки, признала его своимъ княземъ избавителемъ о́тъ ига язычниковъ и охранителемъ отъ находниковъ—нѣмцевъ.

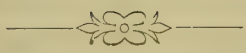
Московскій князь Дмитрій Іоанновичъ Донской, въ знакъ своей дружбы съ Ольгердомъ, прислалъ къ нему въ Вильну, въ 1364 году, митрополита Алексія.

Такъ какъ русско-литовская церковь зависѣла тогда отъ московской митрополіи, то первосвятитель всей право-

*) Острая брама.

славной Русской земли самъ привезъ грамоту восточныхъ патріарховъ о причисленіи къ лику святыхъ— трехъ виленскихъ мучениковъ: Антонія, Іоанна и Евстаѳія, указавъ чтить ихъ св. память 14-го апрѣля, день мученической смерти Антонія.

Съ тѣхъ поръ, несмотря на безчисленныя гоненія, злобу католиковъ, ухищренія уніатовъ, мощи св. виленскихъ мучениковъ служили и служатъ вѣрнымъ оплотомъ православія, нерушимою святыней прекрасной Вильны, утѣшеніемъ, надеждой и укрѣпленіемъ всѣхъ притекающихъ съ молитвою и вѣрою къ ихъ цѣлительной помощи.



ИСТОЧНИКИ:

1) *П. Д. Брянцевъ.* Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ.

2) *П. Н. Батюшковъ.* Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ.

3) *Д. Иловайскій.* Исторія Россіи. Ч 2.

Смерть великихъ литвиновъ.

1377 † г., 1382 † г.

МУДРЪ былъ Ольгердъ, литовскій князь, говорившій на многихъ языкахъ, превзошелъ всѣхъ сосѣднихъ державцевъ саномъ и властью, воздерживался отъ всякихъ увеселеній, празднествъ, развлеченій,—посвящая дни и ночи заботамъ о своемъ государствѣ. Ни вина, ни пива, ни меда не пилъ онъ. Чувствовалъ отвращеніе отъ пьянства, оттого и отличался обширнымъ умомъ, свѣтлымъ взглядомъ на государственныя дѣла и твердою волею. Мудро собиралъ подъ свою власть многочисленные города, земли́, цѣлыя княжества, усиливая, расширяя свои владѣнія. Такими не были ни его отецъ, ни дѣдъ!

«У него былъ обычай—никогда ни съ кѣмъ не дѣлиться своими намѣреніями. Ни родичи, ни дружинники, ни гости не знали, куда и зачѣмъ онъ ведетъ свои побѣдоносные полки, и это давало ему преимущество надъ врагами, славу среди друзей, могущество въ государствѣ».

Такъ отзываются о литовскомъ владыкѣ враждебные ему русскіе лѣтописцы.

Постоянно занятый своими отношеніями къ сосѣдней Россіи, расширяя, увеличивая, обогащая родную Литву за счетъ захудалыхъ русскихъ державцевъ, онъ упорно стремился прочно утвердить среди нихъ свой непоколебимый авторитетъ. Умѣло вмѣшивался въ дѣла Пскова, Новгорода, Смоленска; удачно поддерживалъ своихъ свойственниковъ,—тверскихъ князей,—въ борьбѣ съ Москвою; присоединилъ къ своей державѣ Брянскъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Кіевъ, Подолію; счастливо велъ борьбу съ Польшей, изъ-за Волыни. Никого не щадилъ, лишь бы его Литва крѣпла, цвѣла и ширилась. Всѣ друзья и недруги преклонялись передъ обаяніемъ его величія.

Что же должны были почувствовать литовцы, когда, изъ конца въ конецъ ихъ обширной державы, разнеслась горестная вѣсть о болѣзни великаго князя! Вильна въ горѣ! Христіане и язычники съ одинаковымъ отчаяніемъ готовятся къ незамѣнимой утратѣ. Боленъ, умираетъ русско-литовскій великій князь Ольгердъ Гедиминовичъ. Жрецы собираютъ за городомъ своихъ вѣрныхъ сыновъ, чтобы по возможности торжественно почтить память мудраго правителя, обогатившаго, укрѣпившаго, расширившаго предѣлы своего родного княжества. Они давно простили ему его православіе. Мирились съ распространеніемъ кроткаго, не властнаго христіанскаго ученія. Только католичество оставалось имъ неизмѣнно чуждо, враждебно.

Лѣтъ за десять до рокового 77-го года, одинъ изъ бояръ, близкій, любимый княземъ, Гоштольдъ, женившись на католичкѣ, вздумалъ поселить около своего дома ненавистныхъ литовцамъ францисканскихъ мо-

наховъ. Народъ, не сочувствовавшій своимъ роднымъ жрецамъ, убившимъ православныхъ бояръ—Іоанна, Антонія и Евстаѳія, очень возбужденно косился, глядя на водвореніе въ своей столицѣ западныхъ черноцовъ, такъ схожихъ съ рижскими монахами. Не успѣлъ тогда Ольгердъ уйти въ походъ, а съ нимъ, конечно, и Гоштольдъ, какъ яростныя толпы напали на монастырь, убѣжище францисканцевъ. Семерыхъ изъ нихъ убили на мѣстѣ, а другихъ, бѣжавшихъ, поймали въ горахъ, на берегу Веліи, неистово мучили, потомъ пригвоздили къ крестамъ и пустили, внизъ по теченію рѣки, приговаривая: «Вы пришли къ намъ съ заката солнечнаго, на западъ же и ступайте!» Та масса населенія, которая не обнаруживала и тѣни вражды къ православнымъ мученикамъ, скорѣе даже сочувственно относившаяся къ невиннымъ жертвамъ своихъ жрецовъ, теперь поднялась сама, безъ ихъ вѣдома, выгнала и неистово мучила не полюбившихся ей латинянъ. Видимо, католическое исповѣданіе продолжало быть для литовцевъ ненавистною нѣмецкою вѣрою. Русскіе же, православные сосѣди считались какъ бы единоплеменниками. Незамѣтно для самихъ себя, оба народа,—литовцы и русскіе,—сливались въ одно государство.

Когда разнеслась тяжелая вѣсть,—горе литовцевъ было неутѣшно. Въ палатахъ же княжескихъ царило полное отчаяніе. Врачи тѣла уже не могли найти средствъ помочь державному страдальцу. Наука безмолвствовала! Человѣческій умъ не могъ отвѣтить на сердечные вопросы близкихъ. Въ пламенной молитвѣ у подножія святыхъ иконъ искала набожная княгиня Іуліанія помощи своей любящей душѣ. Врачи были безсильны измѣнить смертельный ходъ недуга. Ея супругъ долженъ умереть! Ей же такъ пламенно

хотѣлось видѣть его примиреннымъ вѣрою, любовью, готовымъ къ переходу въ вѣчность. Помощи православной Церкви просила ея душа болѣющему другу! Какъ заговорить съ нимъ? Есть ли у него достаточно силы понять ея рѣчи? Бывало, она пользовалась своимъ безграничнымъ на него вліяніемъ! Іуліанія перекрестилась. Ей вспомнилось, какъ еще недавно, она, вопреки праву и обычаю, дѣйствовала въ пользу своего сына, въ ущербъ старшихъ князей. Среди ночной тишины послышались тяжелые вздохи.—Одинъ, другой, легкій шорохъ, и плачущая супруга стояла уже у изголовья больного, держа въ рукахъ свѣтильникъ, стараясь улыбнуться сквозь слезы. Какъ измѣнился могучій князь литовскій! Какъ похудѣло, осунулось его прекрасное лицо! Глаза потускнѣли, щеки ввалились, голосъ упалъ. Любовно вслушивалась княгиня.—«Хочу видѣть о. Давида. Тянетъ душу облегчить».—Она шевельнулась. Больной продолжалъ: «только согласится ли? Я такъ много согрѣшилъ». Отъ радости, не сразу сообразила она,—старалась понять! Вдругъ все лицо ея преобразилось, счастьемъ блеснули глаза.—«По обычаю русскихъ князей, желаешь принять ангельскій образъ, супругъ ты мой любимый?» воскликнула Іуліанія, крестясь и крестя дорогого больного. «Господь грѣшниковъ милуетъ. Пріемлетъ всѣхъ, прибѣгающихъ къ Нему съ вѣрою и надеждою! Разбойника, покаявшагося на крестѣ, тутъ же простилъ». Больной перекрестился, благодарно глядя на любимую спутницу своей долгой, трудовой жизни, и опустился на подушки. Но глаза блестѣли радостью, точно въ нихъ загорались новыя силы, новая жизнь.

Въ сосѣднихъ покояхъ съ сыновьями и ближайшими друзьями, соратниками литовскаго князя, нахо-

дился и духовникъ его супруги, архимандритъ Давидъ, только что отслуживший заздравную литургію въ придворной церкви. Всѣхъ ихъ до боли угнеталъ приговоръ врачей.—«Господь да пошлетъ ему облегченіе», говорилъ инокъ.—«По всей дорогѣ видѣлъ, какъ православный людъ наполняетъ храмы, молясь день и ночь за князя-отца», сказалъ кіевскій державецъ Владиміръ.—«Въ Трокахъ язычники идутъ въ свои капища, приносятъ жертвы», сквозь слезы вымолвилъ старый Кейстутъ.—«А я въ окно видѣлъ францисканцевъ, спѣшившихъ въ свой монастырь!» громогласно заявилъ юный Явнутъ. На него—не то враждебно, не то небрежно—руками замахали.

Княгиня, вся въ слезахъ, но, точно окрыленная какимъ-то внутреннимъ чувствомъ, показалась въ дверяхъ и направилась прямо къ архимандриту подъ благословеніе, со словами: «Онъ зоветъ тебя къ себѣ, святой отецъ». Инокъ двинулся. Но Іуліанія властно остановила его.—«На святой Руси князья соблюдаютъ обычай отцевъ, — принимаютъ великій, ангельскій образъ?» Вопросъ, мольба, оттѣнокъ сильнаго, властнаго желанія послышался въ этихъ немногихъ словахъ. Слезы полились рѣкою по грустному лицу. На образъ поднялъ глаза служитель Божій,—ища вразумленія, какъ и что отвѣчать.—«Да почіетъ надъ всѣми нами воля Царя Небеснаго», послышался его задушевный отвѣтъ. И онъ пошелъ въ опочивальню болящаго правителя. Княгиня крестилась. Пасынки подошли къ ней и, что рѣдко случалось съ ними, почти нѣжно выражали ей свою благодарность за доброе ея вліяніе на душевное настроеніе любимаго отца. Вся изнемогая отъ внутренняго волненія, благочестивая Іуліанія направилась къ себѣ, прося всѣхъ ихъ молиться,

чтобы Господь умилосердился надъ горюющей княжескою семьею.

По чину православныхъ службъ полагается, прежде чѣмъ исполнить сердечное желаніе мірянина—облечься въ ангельскій образъ, подвергнуть его испытанію подъ руководствомъ старца-наставника, для упражненія въ подвигахъ молитвы и покаянія. И только по истеченіи извѣстнаго времени искуса, убѣдившись, что ученикъ достоинъ воспринять иноческій образъ, старецъ объ этомъ докладывалъ настоятелю монастыря и допускалъ его до облаченія въ мантію и клобукъ. Затѣмъ слѣдуетъ второй, строжайшій искусъ, и уже тогда, если наставникъ отвѣчаетъ за покаянное настроеніе своего ученика, его признавали достойнымъ принятія малаго, а потомъ уже и великаго ангельскаго чина, называемаго схимою.

Конечно, весь этотъ освященный Церковью духовный порядокъ прекрасно знала княгиня Іуліанія и ея пасынки, православные правители литовскихъ земель. Многіе изъ ихъ предковъ, по матерямъ и бабкамъ, кіевскіе, черниговскіе, смоленскіе Рюриковичи, свято держались этого святого обычая и, чувствуя болѣзнь, приближеніе смерти, смиренно молили православныхъ пастырей удостоить ихъ ангельскаго чина.

Какъ поступитъ Ольгердъ? Не обыченъ онъ Евангельскому смиренію, да и ослабъ сильно отъ тяжкаго недуга. Врачи уже приговорили его къ переходу въ вѣчность. Какъ поступитъ о. архимандритъ, всегда мудрый, сердечный, милостивый?

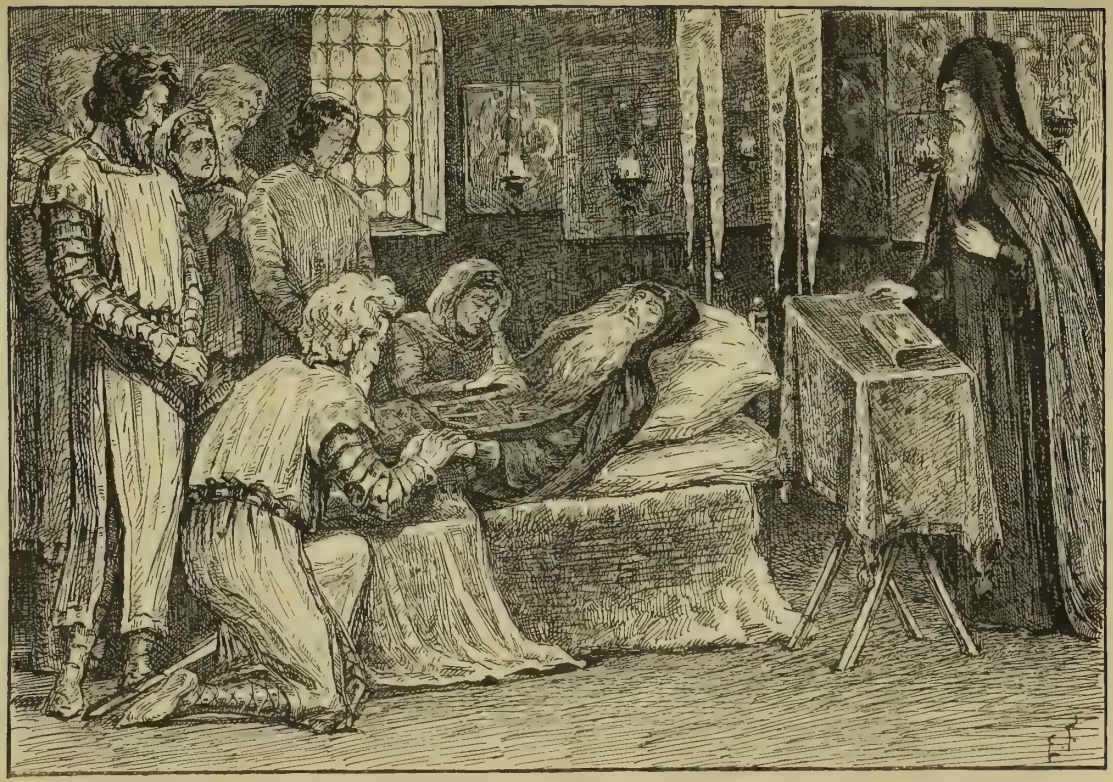
Долго оставался служитель Божій въ опочивальнѣ, наединѣ съ кающимся княземъ, смиренно прибѣгавшимъ къ заступничеству, утѣшенію Церкви православной. Всегда скрытный, молчаливый, сдержанный, Оль-

гердъ приступилъ къ святой исповѣди съ полнымъ умиленіемъ смиренно кающагося христіанина. Всѣ религіозныя сомнѣнія, всѣ грѣховныя движенія души,— нечистоты чувствъ и помышленій открылъ онъ своему внимательному, но и строгому духовнику. Конечно, никто никогда не узналъ хода собесѣдованія. Можно предполагать, что только послѣ горячихъ, продолжительныхъ моленій Ольгердъ получилъ желаемое разрѣшеніе. О архимандритъ, суровый инокъ, но полный христіанской любви, милосердія, Евангельской мудрости, принялъ искреннее, пламенное покаяніе умирающаго князя-страдальца и благословилъ его облечься въ рясу.

Такъ подумали всѣ, когда медленно пріотворились двери опочивальни, и духовникъ, подозвавъ своего келейника, негромко далъ ему нѣсколько приказаній.

Младшій княжичъ, съ юношескимъ любопытствомъ, сумѣлъ подслушать слова: «ризничій, власяница, Святые Дары!» и побѣжалъ передать ихъ матери. Лучъ надежды блеснулъ въ глазахъ княгини. Набожно, вся въ слезахъ, она преклонила колѣни передъ божницею.— По улицамъ же Вильны, къ палатамъ княжескимъ торопливою смиренной походкой шли старцы Духова монастыря.

И въ замкѣ и во всей Вильнѣ православный людъ провелъ въ постѣ и молитвѣ эту многознаменательную ночь. Смолкли даже язычники, притихли латыняне, проникнутые уваженіемъ къ благочестивому рѣшенію любимаго вождя. Казалось, вся природа въ торжественномъ спокойствіи ожидала великаго событія. Чуть началъ заниматься день, зазвонили церковные колокола, и понеслись къ престолу Вседержителя теплыя молитвы о подкрѣпленіи силъ умираю-



Смерть Ольгерда, въ иноческой схимѣ брата Алексія. *(Къ стр. 153.)*

щаго князя, пожелавшаго отбросить все мірское величіе и въ смиренномъ ангельскомъ образѣ предстать на судъ Всемилостиваго, Благого Судіи царей и народовъ.

Духовенство съ образами, хоругвями, зажженными свѣтильниками направилось крестнымъ ходомъ въ палаты русско-литовскихъ князей. О. архимандритъ благоговѣйно совершилъ надъ умирающимъ обрядъ посвященія въ великій ангельскій образъ. Умилительна была служба. Весь преобразившійся, сосредоточенный лежалъ, обложенный подушками, великій вождь Русско-Литовской земли. Онъ вполнѣ отрѣшился отъ земныхъ заботъ, волненій. Умъ его виталъ уже высоко. Съ глубокою вѣрою и любовью отвѣчалъ онъ на вопросы, предлагаемые ему предстоящимъ Божьимъ служителемъ и вполнѣ сознательно слѣдилъ за обрядомъ. Глубокая тишина царила кругомъ. Слышались только вздохи, видны земные поклоны. На св. Евангеліи лежатъ ножницы. Настоятель беретъ ихъ, любовно склоняется передъ больнымъ братомъ съ тихимъ вопросомъ, потомъ на крестъ отрѣзаетъ сѣдые волосы. Клиръ продолжаетъ пѣть, а настоятель снова говоритъ и, послѣ должныхъ отвѣтовъ, съ помощью старцевъ, облачаетъ больного въ одежды схимника, неустанно читая положенныя молитвы.

По окончаніи обряда, о. архимандритъ и всѣ старцы даютъ братское цѣлованіе вновь посвященному брату Алексѣю, пріобщаютъ его Св. Даровъ, и тогда уже вся семья, всѣ близкіе прощаются съ нимъ, такъ какъ онъ для нихъ, для всего земного пересталъ уже существовать. У изголовья остался лишь духовникъ княжескій. Княгиня, князья съ маститымъ Кейстутомъ во главѣ, и вся благоговѣйная толпа, запружавшая хоромы кня-

жескія, дворъ и улицу кругомъ за́мка, стали расходиться по домамъ, благодаря Бога, что Онъ сподобилъ умирающаго достойно приготовиться къ отходу въ вѣчность и въ чинѣ ангельскомъ предстать предъ престоломъ Всевышняго Судіи.

Скончался русско-литовскій князь Ольгердъ Гедиминовичъ, въ схимѣ братъ Алексѣй, и, только благодаря честности его брата Кейстута, не сразу загорѣлись семейные раздоры въ любимой ими Вильнѣ. Образованный, человѣколюбивый, честный, онъ былъ выше по уму и сердцу всѣхъ своихъ родичей. «Кейстутъ былъ мужъ воинственный, правдивый.—Если онъ заключалъ миръ, то соблюдалъ его крѣпко». Такъ отзываются о трокскомъ князѣ лѣтописцы даже вражьяго стана. Они не стѣсняются передавать потомству и тѣ случаи, когда онъ своей честностью превосходилъ рыцарей. И такого-то князя обошелъ Ольгердъ, передавшій незадолго до своей смертной болѣзни виленскій великокняжескій столъ Ягайлѣ, неопытному, безпечному юношѣ, своему сыну отъ брака съ княгиней Іуліаніей.

Князь Андрей, державецъ кіевскій, возмутился. Но великій литвинъ остался вѣренъ себѣ. Онъ безусловно покорился волѣ почившаго. Продолжалъ, какъ и при немъ, мирно поддерживать славу, спокойствіе, неприкосновенность русско-литовскаго княжества. Зорко слѣдилъ за сосѣдями. Горе рыцарямъ—нѣмцамъ, когда они вторгались въ предѣлы Литвы! Предупредивъ, по древнему славянскому обычаю, что идетъ бить врага, онъ выступалъ и геройски отражалъ находниковъ.

Трусливый, лѣнивый Ягайло былъ равнодушенъ къ судьбамъ родины. Пожалуй, самъ онъ и готовъ бы былъ предоставить славному дядѣ борьбу съ врагами,

для защиты Литвы, даже участіе въ управленіи страною. Охотно являлся въ Вильну маститый герой и вмѣстѣ съ старыми совѣтниками почившаго брата думалъ и судилъ о дѣлахъ правленія. Но это вмѣшательство дяди было не по душѣ молодымъ любимцамъ великаго князя. Старики загораживали имъ дорогу къ власти,—молодежь же этого не допускала ни въ какія времена. Кромѣ того, Ягайло согласился на бракъ своей сестры Маріи съ нѣкіимъ Войдылло. Этотъ человѣкъ самаго низкаго происхожденія былъ любимецъ князя, породнившись же съ нимъ, онъ сдѣлался всемогущъ. Кейстутъ возмутился и бракомъ племянницы съ «холопомъ», какъ онъ выражался, и заносчивостью Войдылло. Временщикъ поклялся отомстить за обидныя слова. Его, дѣйствительно, холопская душа не могла понять величія геройской души Кейстута. Не могла цѣнить его значенія для счастья родины. Рыцари же поняли Войдылло. Трокскій князь былъ имъ рѣшительно невыносимъ. Они ясно понимали, что,—пока онъ живъ,—имъ не справиться съ языческой Жмудью, не уничтожить послѣднихъ идоловъ въ Литвѣ, не выполнить велѣній святѣйшаго отца и желаній всего католическаго міра! Монашествующіе воины, между заздравнымъ кубкомъ и молитвеннымъ гимномъ, среди своихъ пировъ и воинственныхъ прогулокъ по сосѣднимъ землямъ, рѣшили дѣйствовать не прямо, открыто, а обходцемъ, тайкомъ.

Самъ великій командоръ, Вильгельмъ Гельфенштейнъ взялся за перо и настрочилъ вдовствующей великой княгинѣ Іуліаніи, матери Ягайло, очень трогательное письмо, въ которомъ восхвалялъ всѣ доблести ея сына и изъ особенной преданности, по сердечной дружбѣ, предупреждалъ ее объ опасности,

грозившей бѣдному Ягайлѣ отъ его сердитаго дяди, котораго не иначе звалъ, какъ «бѣшеной собакой». Переполошился виленскій дворъ. Юный князь еще слабою, неокрѣпшею рукою держалъ бразды правленія, дядя же былъ силенъ опытомъ, страшенъ врагамъ, даже друзьямъ! Да какъ еще считались сосѣди съ литовскимъ великаномъ! Не малодушному князьку схватиться съ нимъ въ единоборствѣ! Нельзя ему разсчитывать на преданность народа! Кейстутъ безусловно любимъ всею Литвою. Ему слѣпо преданы и вѣрятъ безъ разбора и христіане и язычники! Противъ него нужна не только сила, но и умѣнье! За кого же браться въ такомъ опасномъ дѣлѣ, какъ не за друзей, пріятелей, такъ ласково предупреждающихъ о бѣдѣ?

Никто изъ совѣтниковъ Ягайлы, ни онъ самъ, ни на минуту не остановились на мысли:—да зачѣмъ же рыцари, такъ яро ненавидимые всею Литвой, протягиваютъ дружескую руку литовскому же князю? Никому изъ нихъ не приходилъ на умъ весь вредъ, который они наносили родинѣ дружбою съ ея прирожденными врагами. Только мести жаждалъ Войдылло! Защиты отъ своего охранителя искалъ Ягайло! Историческія преданія, интересы и чувства народныя—все было принесено въ жертву личному самодурству. Литовскій великій князь и недруги его подданныхъ съѣхались, какъ бы на пиръ, на веселую охоту, а для отвода глазъ пригласили съ собою сына и внука трокскаго державца: князей Витовта и Ивана.

Весело жилось подъ Давидишками. Сказочные, роскошные пиры слѣдовали за блестящими охотами. Великій командоръ съ рыцарями такъ и рвались доказать свою безграничную дружбу литовскимъ князь-

ямъ: довѣрчиво, беззаботно братались бывшіе недруги, закрѣпляя безконечными клятвами новую дружбу, не затуманенную никакими дѣловыми заботами.

Не то творилось въ отдаленныхъ покояхъ рыцарскаго за́мка. Схоронившись отъ шумнаго веселья, отъ смѣтливыхъ, пожалуй, и нечаянныхъ взглядовъ, сидѣли воинствующіе братья Ордена. Сосредоточенъ ихъ видъ, нахмурены лица. Они внимательно слушаютъ холопскія разглагольствованія Войдылло. Злобой дышетъ преступный литвинъ! Непонятенъ его низкой душѣ весь ужасъ предательскихъ рѣчей! Союзъ съ врагами родины устраиваетъ его недальновидный умъ. Монахи же все взвѣшиваютъ, все подсчитываютъ, изъ всего извлекаютъ для себя выгоды. Пока князь Витовтъ съ сыномъ летаютъ, въ погонѣ за звѣремъ, по полямъ и лѣсамъ своихъ же прежнихъ земель, или осушаютъ кубки средь братскихъ изліяній дружбы съ родичемъ Ягайлой и командоромъ рыцарскаго Ордена,—ихъ отца предаютъ на съѣденіе тому же вражескому Ордену. Союзъ заключенъ между Литвою и Тевтонскимъ орденомъ! Только въ этотъ договоръ не включены земли Кейстута! Литва не поможетъ Жмуди, когда наступитъ брань съ находниками, обидчиками, завоевателями. Для виду, Ягайлѣ позволили выйти въ поле со своими дружинами; когда же рыцари нападутъ на дядю,—помогать ни, ни, не смѣть!!! Маститый вождь земли родной долженъ быть оставленъ на съѣденіе чужеземной силѣ! Прекрасно выполнили рыцари свою историческую задачу. Ловко, хитро, незамѣтно никому устранили своего самаго страшнаго, непобѣдимаго, неподкупнаго и непримиримаго врага,—«великаго литвина». Недальновидный Ягайло вѣрилъ на слово Войдылло, что, когда

рыцари разобьютъ Кейстута, ему безъ затрудненія достанется единодержавная власть надъ всей Литвой. Не смекнулъ онъ, что никогда рыцари не допустятъ, чтобы кто-нибудь другой воспользовался ихъ трудами. Малодушный юноша до смерти боялся стараго вождя; молодой же, но сильный духомъ Витовтъ, внушалъ ему такое отвращеніе, что онъ, закрывъ глаза, ринулся въ сдѣлку съ нѣмцами, лишь бы избавиться отъ страшныхъ родичей.

Въ слѣдующемъ же году, рыцари поспѣшили воспользоваться выгодами союза съ Ягайлой. Пять разъ нападали они на Жмудь и кончили тѣмъ, что обезсилили Кейстута. Бранное счастье измѣнило ему! Подозрѣніе закралось въ его честную душу. «Какъ это рыцари нападаютъ только на него, не трогая Ягайло?» Не хотѣлось все еще вѣрить очевидности. Горькія думы мучительно тревожили великаго старца. Сынъ любимаго брата, другъ его первенца—Витовта! Юноша, обязанный ему престоломъ, возстаетъ на него! За что? зачѣмъ? Онъ же крѣпко поддерживаетъ великаго князя?—Рѣшительно душа героя отказывалась вѣрить тому, что было. Онъ зоветъ сына, хочетъ съ его помощью разсѣять сомнѣніе. Вдвоемъ они рѣшаютъ напасть на нѣмецкую крѣпость Бауербургъ, потребовавъ помощи у родича. Тотъ самъ не пошелъ, послалъ брата Корибута съ малочисленнымъ отрядомъ. Крестоносцы явились на помощь своимъ, и Кейстутъ былъ разбитъ. Нельзя уже больше сомнѣваться. Къ тому же во вражьемъ станѣ нашелся пріятель, который, какъ впрочемъ и все рыцарство, преклонялся передъ литовскимъ героемъ. Онъ письменно предупредилъ его о союзѣ Ягайлы съ Орденомъ при посредствѣ Войдылло. Тутъ ужъ и дружба Витовта не по-

могла! Кейстутъ ринулся на Вильну, безъ сопротивленія овладѣлъ городомъ и захватилъ Ягайло со всѣмъ его дворомъ. Въ бумагахъ измѣнника нашелся подлинный договоръ съ прирожденными врагами бѣдной Литвы. Витовтъ былъ пораженъ. Нельзя было оспаривать очевидности!

Вполнѣ наглядно убѣдившійся въ виновности племянника, Кейстутъ, все же, поступилъ съ обычнымъ своимъ великодушіемъ. Онъ не сумѣлъ наказать виновнаго. Не коснулся его имѣній, его добра, не заключилъ въ темницу, не наложилъ оковъ, не лишилъ даже свободы; только отправилъ княжить въ прежнюю отчину Ольгерда—Витебекъ и Крево, да вмѣнилъ въ обязанность въ случаѣ войны приходить на помощь Литвѣ. Клялся, божился перепуганный Ягайло, что будетъ вѣренъ, послушенъ, что ему великаго княженія совсѣмъ не нужно, что во всемъ повинны рыцари и злой совѣтникъ Войдылло! Этого измѣнника родины, какъ искупительную жертву, повѣсилъ Кейстутъ, довольный, что можетъ снова вѣрить племяннику, другу любимаго сына Витовта.

Въ 1382 году новгородъ-сѣверскій князь Дмитрій Корибутъ, не желавшій признавать верховнаго водительства стараго князя, поднялся на дядю Кейстута. По договору, Ягайло долженъ былъ привести свои войска подъ стягъ дяди, обуздать непокорнаго. Онъ и вооружился, и пошелъ, только не въ Новгородъ-Сѣверскій, а въ Вильну,—не за дядю, а противъ него. Его друзья-рыцари съ многочисленными отрядами поспѣшили его поддержать. Пользуясь отсутствіемъ князя, соединенныя силы Ягайлы и рыцарей напали и полонили его столицу, ограбили всѣ имъ собранныя сокровища, чуть не плѣнили княгиню Беруту

и ея сына Витовта. Поздно было оплакивать свое ослѣпленіе. Бѣдный юноша едва успѣлъ спасти мать въ крѣпкихъ стѣнахъ Гродны. Но и тутъ враги могли ихъ настигнуть. Кейстутъ прилетѣлъ изъ-подъ Новгородъ-Сѣверска, перевелъ семью въ Берестье, подъ защиту зятя,—мазовецкаго князя Януша; самъ же отправился на Жмудь собирать войска на новый бой. Подъ Ковной онъ соединился съ сыномъ и вмѣстѣ пошли отнимать свои любимые Троки.

Ягайло, несмотря на сильную помощь рыцарей, струсилъ и предпочелъ случайностямъ откровеннаго боя свои излюбленные пріемы: хитрость, коварство, измѣну. Онъ обратился къ старой дружбѣ Витовта: сталъ умолять уладить дѣло, безъ пролитія крови любимыхъ подданныхъ. Посломъ-примирителемъ отправился княжичъ Скиргелло. Онъ звалъ Витовта въ лагерь, къ Ягайлѣ, клялся, божился въ его полной безопасности. Встрѣча двоюродныхъ братьевъ была самая родственная, казалась самою искренной, горячей. Ягайло увѣрялъ въ своемъ раскаяніи, предлагалъ всѣ важные вопросы, клонившіеся ко благу дорогой родины, рѣшить по указаніямъ старѣйшаго князя, во всемъ подчиняться волѣ Кейстута, лишь бы тотъ простилъ, повѣрилъ, пріѣхалъ къ нему, въ его станъ. Витовтъ былъ въ страшномъ волненіи: по старой дружбѣ, ему хотѣлось вѣрить Ягайлѣ, его искренности, его раскаянію, несмотря на недавнее вѣроломство. Но сыновняя любовь, страхъ за дорогого отца, но благоразуміе, осторожность—мѣшали соглашаться на льстивыя рѣчи. Молодость Витовта, великодушіе, прямота, честность Кейстута погубили великаго борца! Отецъ и сынъ согласились пріѣхать въ логовище коварнаго родича, лишь бы Скиргелло остался заложникомъ въ ихъ станѣ.

«Не мѣсто здѣсь, среди поля, вести рѣчь о важныхъ дѣлахъ», замѣтилъ внушительно Ягайло, при встрѣчѣ съ родичами, провожая ихъ къ своей ставкѣ. Ужъ этотъ привѣтъ былъ необыченъ. Ряды его полковъ разступались не то что враждебно, но какъ-то мрачно. Зловѣщая таинственность точно тяготѣла кругомъ. И не успѣлъ именитый вождь жмудиновъ переглянуться съ несчастнымъ сыномъ, какъ имъ надѣли кандалы. «Измѣной ли платишь ты за свободу, мною тебѣ дарованную въ Вильнѣ?»—укоризненно спросилъ старецъ и поднялъ на Ягайло свои честные глаза, полные скорѣе сожалѣнія, чѣмъ упрека. Злорадный хохотъ былъ наглымъ отвѣтомъ вѣроломнаго племянника.

Слишкомъ 80-ти лѣтній старецъ, посадившій и Ягайло и его отца на виленскій великокняжескій престолъ, былъ, какъ преступникъ, брошенъ въ темное, смрадное подземелье кревскаго замка. Четыре ночи держали его тамъ подъ стражею, а на пятую удавили каморники великаго князя Ягайлы.

Такъ покончилъ славную жизнь честнѣйшій, благороднѣйшій литвинъ! Хотя онъ былъ и язычникъ, но отличался рѣдкими качествами великодушія, незлобія, любви къ родинѣ, семьѣ, подданнымъ. Неустрашимый въ бояхъ, честный, правдивый въ совѣтѣ, онъ былъ послѣднимъ языческимъ княземъ Литвы и лучшимъ украшеніемъ ея древней исторіи.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Д. Иловайскій.* Исторія Россіи. Т. II.
2) *В. Г. Васильевскій.* Очеркъ исторіи г. Вильны.
3) *М. Смирновъ.* Ягелло-Яковъ-Владиславъ.
4) *П. Д. Брянцевъ.* Исторія Литовскаго государства.
5) *Соколовскій.* Исторія Польши.

Ягайло и Ядвига.

1378—1386 гг.

ВЪ ДНИ послѣднихъ звонкихъ пѣсенъ соловья, когда вся природа торжествуетъ въ полномъ блескѣ своей расцвѣтающей красы, весною 1378 года, на берегу величественнаго Дуная сіялъ яркими, праздничными огнями австрійскій городокъ, Гаймбургъ. И далеко разносила могучая рѣка веселый звонъ колоколовъ, радостныя пѣсни многочисленнаго народа и звуки музыки, оповѣщая весь крещеный міръ, что венгерскій и австрійскій царствующіе дома закрѣпляютъ свою старую дружбу обрученіемъ двухъ младшихъ отпрысковъ обоихъ славныхъ родовъ,—австрійскаго принца Вильгельма и венгерской королевны Ядвиги. Малютки стояли въ своихъ блестящихъ нарядахъ предъ разукрашеннымъ алтаремъ, произнося обѣтъ вѣрности другъ другу до гробовой доски! Царственнымъ дѣтямъ было только по семи лѣтъ, но честолюбивые родители жениха, нѣмцы, съ восторгомъ закрѣпляли

сдѣлку съ венгерскимъ королемъ, такъ какъ въ будущемъ рука Ядвиги могла принести имъ, кромѣ несмѣтныхъ богатствъ, еще и корону Пястовъ (польскихъ королей), красовавшуюся пока на челѣ ея родителя, венгерскаго короля Людовика, изъ Анжуйскаго дома *).

Самая расточительная роскошь сопровождала свадебныя торжества. Народъ благословлялъ прелестныхъ виновниковъ раздаваемыхъ милостей и сулилъ имъ всевозможныя земныя благополучія. На страницахъ исторіи остались самыя сказочныя описанія двухнедѣльныхъ гаймбургскихъ торжествъ, послѣдовавшихъ за церковнымъ обрядомъ. Прелестнымъ малюткамъ нравилось быть вмѣстѣ, и они горько расплакались, когда король Людовикъ взялъ съ собою въ Буды **) малолѣтняго принца Вильгельма, маленькую же Ядвигу увезли въ Вѣну, центръ тогдашняго образованнаго міра.

Такъ, вдали отъ Кракова, слагалось, по человѣческому разуму, прочное будущее счастье Польскаго государства и его правителей. Совершенно равнодушный къ благу Польши, король Людовикъ обыкновенно предпочиталъ привольную, покойную жизнь въ красивыхъ Будахъ—вѣчнымъ распрямъ кичливыхъ ляховъ; онъ рѣдко заглядывалъ въ Краковъ,—столицу Пястовъ, предковъ своей супруги, королевы Елизаветы Владиславовны ***).

Какъ хмурая ночь, стояла насупившись около своего супруга королева Елизавета: не нравился кичливой полькѣ предстоящій бракъ дочери съ нѣмецкимъ принцемъ! Но, хитрая и ловкая, она мол-

*) Былъ королемъ польскимъ 1370—1382.

**) Венгерскій городъ.

***) Дочь Владислава 1, сестра Казиміра III—королей польскихъ.

чала передъ мужемъ и властолюбивой свекровью. Пять лѣтъ терпѣливо выносила она разлуку съ любимой дѣвочкой, страдая при мысли, что ее воспитываютъ въ ненавистной ей нѣмецкой средѣ. Пять лѣтъ венгерская королева, съ удивительною осторожностью, втайнѣ отъ мужа и свекрови, сносилась съ своими личными друзьями изъ малопольскихъ магнатовъ, которые, какъ и она, ненавидѣли предполагаемый нѣмецкій бракъ. Въ 1382 году умеръ Людовикъ. Не имѣя сыновей, онъ назначилъ наслѣдникомъ по себѣ въ Польшѣ и Галиціи мужа старшей своей дочери Маріи, Сигизмунда, маркграфа бранденбургскаго. Но такъ какъ Марія не хотѣла оставить Венгрію, то (1383 г.) вельможи изъ Великопольши постановили присягнуть второй, пятнадцатилѣтней дочери короля Людовика, Ядвигѣ, и выбрать князя ей въ мужья, на всей своей волѣ. Нашелся и женихъ: то былъ князь отъ крови Пяста, Семовитъ Мазовецкій, котораго и выбрали по согласію большинства. Послѣ этого началась война между Семовитомъ и Сигизмундомъ. Въ Польшѣ наступило междуцарствіе, сопровождавшееся ожесточенною борьбою враждовавшихъ между собою партій. На ступеняхъ опустѣлаго трона дерзновенно завязали борьбу кичливые представители разныхъ политическихъ партій.—«Наленчъ!»—«Гржимайло!» восклицали шайки, собравшіяся подъ знамена каждаго изъ этихъ знатныхъ родовъ. Наступила ужасная анархія,—безначаліе и неповиновеніе,—кровь лилась, горѣли села, города; бѣдный людъ стоналъ отъ произвола, насилія, поборовъ!

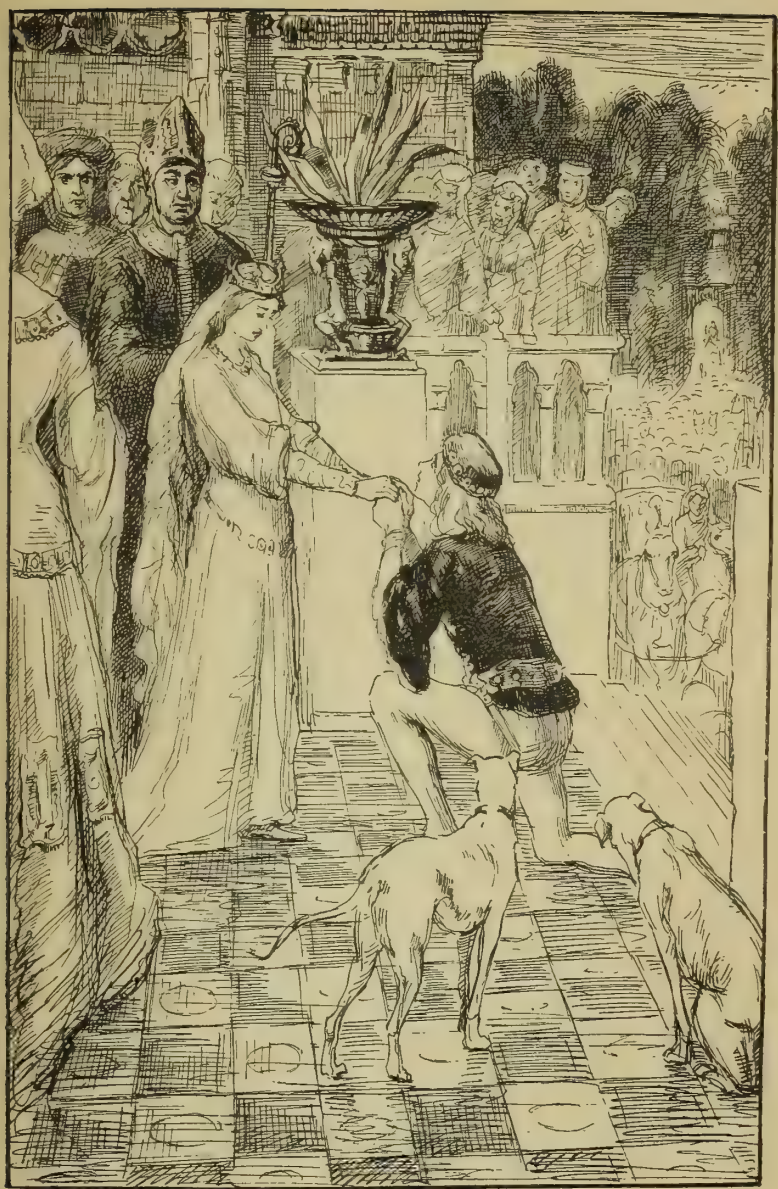
Къ довершенію бѣдствія, нагрянулъ Ягайло съ литвою. Онъ предалъ опустошенію всю восточную часть королевства. Наконецъ, депутаты изъ

Малопольши, безъ вѣдома Великопольши, признали Ядвигу королевой, по договору съ Венгріей (1383 г.), предоставивъ себѣ выборъ ея супруга. Они не желали видѣть въ Краковѣ, на престолѣ Пястовъ, рядомъ съ королевой Ядвигой, незначительнаго нѣмецкаго принца Вильгельма, потому что отъ него нельзя было ожидать скорой помощи государству.—«Ужъ лучше позвать литвина Ягайло!» кричали малопольскіе паны.—«Мы этимъ самымъ спасемъ отечество отъ вѣчныхъ грабежей и набѣговъ полуязыческой Литвы».—«Благородные братья», слышались голоса благоразумныхъ польскихъ пановъ: «Ягайло—язычникъ, дикарь! убійца дяди, великаго Кейстута! Не торопитесь рѣшаться на такой ужасный шагъ! Должны же мы быть вѣрными присягѣ? Передъ лицомъ всего міра, не можемъ же мы сразу измѣнить дочери короля Людовика? Потерпимъ, пошлемъ къ ней и къ ея матери, королевѣ Елизаветѣ, именитыхъ пословъ, спросимъ, желаютъ ли онѣ сдержать обѣщаніе? Пріѣдетъ ли королева Ядвига въ свое государство,—ну, хотя бы къ празднику Св. Троицы? Подождемъ, съ достоинствомъ, отвѣта ихъ величествъ, нашихъ пресвѣтлѣйшихъ королевъ!»—Этимъ настроеніемъ воспользовалась ловкая мать. Пренебрегая любовью дочери, данными клятвами, государственными актами покойнаго мужа, она сошлась съ малопольской партіей—въ стараніяхъ избавить и ихъ—и себя отъ ненавистнаго нѣмца. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она сумѣла сохранить и престолъ для дочери, согласившись на ея бракъ съ литовскимъ княземъ—Ягайломъ.

И пошли изъ Кракова кичливые ляхи, за лѣса и болота, въ дикую, мрачную полуязыческую Литву поклониться древнимъ вѣнцомъ своихъ славныхъ

королей, рукою принцессы, красивѣйшей, по тогдашнимъ сказаніямъ, во всей Европѣ, полудикому баловню судьбы—язычнику, Ягайлѣ Ольгердовичу. Они просили его соединить свою родовую землю съ христіанской Польшей въ одной мощной рукѣ, подъ хоругвью одной католической вѣры. Креститься просили его и крестить всю Литву безразлично, со всѣми православными и языческими подвластными ей землями, въ единую—спасительную по ихъ понятіямъ,—и выгодную для нихъ, польскую вѣру, состоящую подъ защитою Рима и его повелителя—папы.

Въ своемъ сѣромъ мѣховомъ кафтанѣ, подпоясанный золотымъ кушакомъ, лысый, грубый Ягайло лѣниво принялъ польскихъ пословъ. Но онъ хорошо понималъ, что послы польскіе своимъ прибытіемъ спасали его отъ невыносимаго давленія рыцарей, несли ему силу справиться съ этимъ исконнымъ, ненавистнымъ врагомъ, выполняли его завѣтную мечту! Уже не разъ завистливымъ окомъ посматривалъ онъ на сосѣднюю Польшу! Но признаться посламъ въ этомъ—онъ не находилъ возможнымъ, тѣмъ болѣе, что личныя его симпатіи склонялись къ православному вѣроученію, пустившему корни въ Литвѣ и исповѣдуемому всѣми его подданными въ обширныхъ русскихъ земляхъ, составлявшихъ не менѣе двухъ третей подвластныхъ ему областей. Однако, блескъ короны Пястовъ затмилъ всѣ душевныя движенія Ягайло. Повидимому, равнодушно, не признаваясь во внутреннемъ удовлетвореніи, онъ обѣщалъ явиться въ Краковъ, вернуть Польшѣ 20.000 плѣнныхъ, уведенныхъ имъ въ послѣднюю войну, и креститься самому, а также крестить всю Литву въ католичество.



Прощанье Ядвиги съ Вильгельмомъ, принцемъ австрійскимъ.

(Къ стр. 167.)

Между тѣмъ, Ядвига, горько оплакавъ смерть любимаго отца, собиралась покинуть блестящую Вѣну, чтобы вмѣстѣ съ любимымъ женихомъ ѣхать въ Краковъ и поселиться тамъ, во славу Божію, на счастье подданныхъ! Только осторожный австрійскій дворъ медлилъ отпускать на далекую чужбину своего блестящаго Вильгельма: очень ужъ хмурился политическій горизонтъ восточныхъ сосѣдей! Кромѣ того, родителямъ юной четы не нравился грозный нравъ королевы-матери, ненавистницы нѣмцевъ, а также условія, предлагаемыя поляками и смутно доходившія до Вѣны. Всего же страннѣе,—въ неразъяснимомъ еще туманѣ, виталъ призракъ какого-то дикаго, грознаго соперника. Осторожный нѣмецъ, отецъ жениха, разсчиталъ, что блескъ польской короны не выкупаетъ тяжести заботъ, которыя она съ собою приноситъ. Поэтому онъ принялъ сдержанно польскаго пана Сендзивоя изъ Шубина, пріѣхавшаго отъ имени королевы-матери и краковскаго сейма, звать свою юную королеву, пока одну, на ея прародительскій престолъ. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, было рѣшено принца Вильгельма оставить пока на родинѣ, въ семьѣ, а 15-ти лѣтнюю его невѣсту съ почетомъ и блестящей свитой отпустить въ свое королевство (въ октябрѣ 1384 года).

На высокомъ крыльцѣ вѣнскаго дворца, въ глазахъ всего рыцарства, двора, народа, Вильгельмъ, преклонивъ колѣно передъ своей невѣстой, поклялся пріѣхать вслѣдъ за нею въ Краковъ: «Не зацвѣтутъ еще разъ розы, не успѣютъ распуститься листья, не запоютъ соловьи, какъ я уже буду съ тобою, моя Ядвига, моя королева!» — «Клянусь моей любовью, клянусь будущимъ безсмертіемъ души, что буду

ждать тебя, мой женихъ, ждать до гробовой доски!» Горькія слезы всей блестящей толпы вызвало это теплое, сердечное прощаніе.

Вся Вѣна, чуждая политическихъ расчетовъ своихъ правителей, герцоговъ и ксендзовъ, съ рыданіями провожала прелестную, добрую, милую иностранку. А польскій народъ, живой и вѣтреный, толпами бросился на старинную дорогу черезъ Татры, дорогу своей древней, святой королевы—Книги, чтобы скорѣе взглянуть и восторженно встрѣтить красавицу Ядвигу. Непроглядный рядъ подводъ и фуръ тянулся по пути, перевозя сокровища, полученныя въ приданое юною королевой. Для вящаго почета, ее сопровождали самъ папскій легатъ въ Польшѣ и чанадскій епископъ Янъ.

Подъ опекою этихъ духовныхъ сановниковъ, окруженная блестящей свитой благородныхъ дамъ и дѣвицъ, ѣхала Ядвига то верхомъ, на богато убранномъ «бахматѣ» *), то въ большой, вызолоченной колыбели, поддерживаемой (лучше, — несомой) съ обѣихъ сторонъ «наюками», т. е. прислужниками.

Ядвига, прекрасно воспитанная въ Вѣнѣ, была на высотѣ своего положенія: милостиво глядѣла на раболѣпную толпу, привѣтливо отвѣчала на ея восторженные крики. Любопытнымъ, внимательнымъ взглядомъ обозрѣвала она раскинувшуюся у подножія Карпатъ живописную долину ея новой родины и любовалась красавицей Вислой, извивавшейся блестящею лентой до самаго Кракова,—будущей ея столицы. По сторонамъ дороги, издалека, виднѣлись ей

*) Широкоплечая лошадь, на короткихъ ногахъ, съ татарскимъ шагомъ.

столбы на границахъ сосѣднихъ государствъ: Силезіи, Моравіи, Венгріи, Руси, а тамъ, въ концѣ пути, возвышался Краковъ съ своимъ царственнымъ за́мкомъ, точно орелъ, раскинувъ могучія крылья, по берегу Вислы, среди рвовъ и валовъ своихъ укрѣпленій.

У воротъ этого величественнаго города, на Лысой горѣ, Ядвигу встрѣтила торжественная процессія духовенства, гражданъ и жителей. За хоругвями капитула и монастырей тянулись, подъ своимъ собственнымъ знаменемъ, ратманы въ шелковыхъ богатыхъ кафтанахъ съ серебряными поясами и бархатныхъ колпакахъ. За ними шли консерсы и знамена всѣхъ цѣховъ *). На хоругвяхъ были вышиты золотые городскіе ключи. До земли склонились знамена и хоругви передъ королевой. На колѣни встали граждане, поднося дорогіе подарки. Музыка гремѣла со всѣхъ сторонъ. Клики радости и восторга росли по мѣрѣ приближенія царственной красавицы. Фокусники, шуты и музыканты, нанятые городомъ, тѣшили толпу и величали королеву. За духовенствомъ и знаменами стоялъ сонмъ красивѣйшихъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ съ цвѣтами на головѣ и съ зажженными свѣчами въ рукахъ, въ знакъ радости и ликованія. За ними стояли городскія школы; ихъ стройное пѣніе придавало встрѣчѣ много торжественности; вся толпа держала въ рукахъ зажженныя свѣчи. Дома были убраны разноцвѣтными фонарями, и повсюду пылали торжественные костры; картина была восхитительная! Отъ городскихъ воротъ королева отправилась прямо въ храмъ покло-

*) Шли разныя товарищества ремесленниковъ съ соотвѣтствующими значками.

ниться мѣстнымъ святынямъ и принесла, по мѣстному обычаю, богатыя жертвы на алтарь. Наконецъ, распахнулись ворота древняго замка передъ юной повелительницей! Какую жизнь сулятъ ей эти мрачныя стѣны? Счастье или горе дадутъ онѣ прелестной дочери короля Людовика? Народъ былъ въ опьяненіи отъ красоты ея и привѣта! Казалось, не будетъ конца его радости, его веселію! Долго не прекращалась музыка, пѣніе, пляски кругомъ за́мка, скрывавшаго въ своихъ стѣнахъ юное, дорогое сокровище. Едва дали ей время отдохнуть отъ далекаго пути, какъ приступили уже къ церемоніи коронованія польскаго короля: такъ короновали и сестру ея Марію, въ Венгріи,—таковъ былъ обычай.

Въ 1384 г., въ назначенный день, въ краковскій замокъ собрались коронные сановники, вельможи, духовенство во главѣ съ кардиналомъ Димитріемъ, епископами чанадскимъ Яномъ и краковскимъ Радлица. Прочитали вступительныя молитвы, окропили Ядвигу святой водою, и шествіе двинулось въ храмъ. Красавица королева шла подъ балдахиномъ изъ золотой парчи, который несли важнѣйшіе вельможи. Она, съ распущенными по плечамъ волосами, была одѣта въ бѣлыя коронаціонныя одежды—ту́нику, далматикъ, золотистыя сандаліи и королевскую мантію: ее окружала блестящая свита знаменитѣйшихъ дамъ и дѣвицъ. Шествіе замыкалось толпою шляхты, придворныхъ съ зажженными свѣчами, многочисленнымъ хоромъ трубачей и флейтистовъ. Взойдя въ храмъ, Ядвига остановилась на ступеняхъ трона, и когда, во время богослуженія, прелатъ спросилъ ее, желаетъ ли она сохранить всѣ права свободы и привилегіи народа, она торжественно отвѣтила: «Же-

лаю, и да поможетъ мнѣ такъ Богъ!» Потомъ встала на колѣни; епископъ же, намочивъ палецъ въ елеѣ, начерталъ знаменіе креста на ея плечахъ. Въ предвидѣніи этого обряда, платье королевы было такъ сшито, чтобы окружавшія ее сановницы легко могли снять покрывало съ плечъ.

Окончивъ эту церемонію, епископъ взялъ съ престола корону и надѣлъ ее на голову королевы. Крики радости потрясли своды храма и повторились во всей несмѣтной толпѣ, тѣснившейся вокругъ, наполнявшей всѣ прилегающія улицы Кракова и неистово, единодушно привѣтствовавшей свою повелительницу. Чтобы тяжелая корона, украшенная блестящими лиліями и длинными лентами, не давила юнаго чела, два придворные чиновника высоко держали ее надъ головою королевы. Она возсѣла на тронъ, имѣя въ правой рукѣ скипетръ, тоже увѣнчанный лиліями. Послѣ причащенія, королева снова возложила богатые дары на престолъ и вернулась тѣмъ же торжественнымъ шествіемъ въ замокъ, гдѣ, возсѣвъ на блестящій тронъ, присутствовала при роскошномъ пирѣ придворныхъ, сановниковъ и духовенства. Въ слѣдующіе дни, по обычаю, она объѣзжала улицы города, гдѣ подъ звуки музыки, пѣнія и всеобщаго веселія, кормили, въ честь ея коронованія, весь честной народъ. Счастливое время настало для магнатовъ съ воцареніемъ красавицы-королевы изъ Анжуйскаго *) дома. Милости сыпались безмѣрно и безконечно во всѣ стороны, такъ что вельможи стали даже подумывать, нельзя ли и остаться въ этомъ положеніи, забыть мысль о необходимости супружества Ядвиги, обойтись навсегда безъ короля.

*) По отцу.

Только сами королевы никогда не забывали этого вопрса. Старшая торопила развязку переговоровъ съ литовскимъ княземъ, а младшая ни днемъ, ни ночью не забывала о миломъ далекомъ женихѣ. Ненависть и любовь боролись около польской короны. Но пока медлительный Ягелло лѣниво соображалъ всѣ обстоятельства предстоящаго политическаго, религіознаго и личнаго дѣла, всесторонне взвѣшивая значеніе каждаго слова, разсчитывая каждое движеніе, гордый соколъ съ береговъ Дуная, взмахнувъ своими красивыми крыльями, стремительно прилетѣлъ въ Краковъ свидѣться съ дорогой невѣстой. Восторгъ и радость наполнили души юной четы! Притихли сторонники литовскаго сліянія, замолкли приверженцы королевы-матери и дали волю расходиться приверженцамъ нѣмцевъ, любимцамъ Вильгельма и Ядвиги!

До женитьбы принцъ, конечно, не могъ жить въ замкѣ, ему это было запрещено польскими вельможами. Ядвига устроила свиданіе съ нимъ въ стѣнахъ францисканскаго монастыря, гдѣ оба вспоминали мирныя радости дѣтскихъ лѣтъ; они поклялись снова въ вѣрности другъ другу, такъ что Ядвига, какъ говорятъ, и слышать не хотѣла о Ягайлѣ, и даже, будто бы, обвѣнчалась съ Вильгельмомъ, но когда онъ хотѣлъ вступить въ самый краковскій замокъ, какъ супругъ королевы, то былъ съ безчестіемъ изгнанъ оттуда *).

Краткое, мимолетное счастіе разрушилось очень неожиданно, быстро. Хитрые, зоркіе вельможи, во главѣ съ королевой матерью, устроили дѣло очень ловко.

---

*) Исторія Польши, Длугоша. Сравни исторію Россіи, Соловьева, т. III.

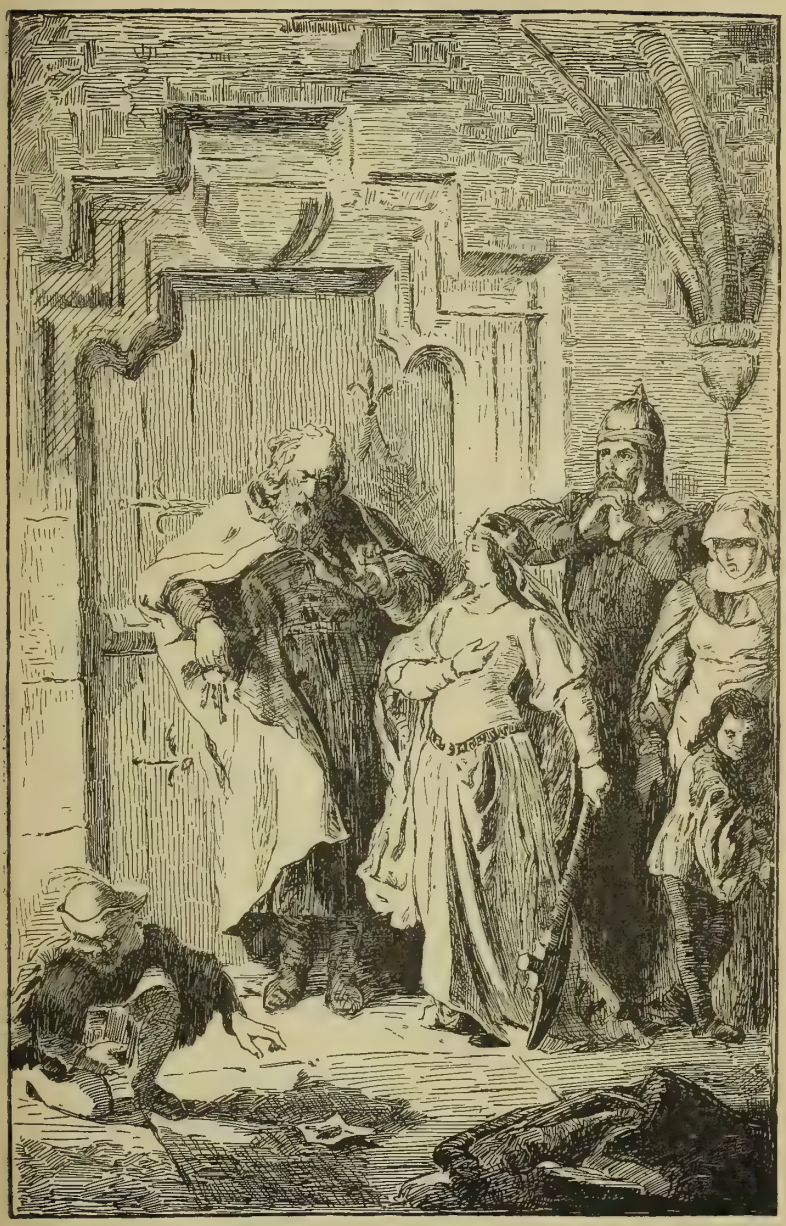
Тихо было въ Краковѣ. Успокоились веселившіяся толпы. Уснули пировавшіе ляхи! Тихо и въ замкѣ. Его стража—вездѣ по мѣстамъ; только свѣтъ, мелькающій то здѣсь, то тамъ въ многочисленныхъ окнахъ каменной твердыни, обращаетъ на себя вниманіе осторожнаго пѣстуна королевы. Не спитъ кардиналъ Димитрій: мучитъ его этотъ загадочный свѣтъ. Зоветъ онъ тихонько довѣреннаго прислужника, брата-францисканца, шепчетъ ему едва внятныя слова.—Крадучись, чтобы не надѣлать тревоги, пробирается ловкій монахъ и будитъ другихъ, коронныхъ совѣтниковъ.—Встаютъ маститые стражи польскихъ судебъ; какъ тѣни, бродятъ кругомъ замка, точно заговорщики, прокрадываются мимо стражи и шепчутся между собою въ темнѣйшихъ закоулкахъ. Ужасна для бѣдныхъ, старыхъ совѣтниковъ эта долгая зимняя ночь: они знаютъ, что Ягайло, съ ихъ же послами и уполномоченными королевы-матери, надвигается съ сѣвера, прямо въ Краковъ, сердце Польши, чтобъ, послѣ вступленія въ лоно католичества, съ рукою прелестной Ядвиги получить и корону польскую.—А между тѣмъ что же здѣсь-то дѣлается? Какъ бьется сердце Ядвиги? Что готовитъ оно и гостямъ и имъ, опекунамъ?—Всю ночь и слѣдующій день волновались старцы, не смѣя ни съ кѣмъ подѣлиться своими опасеніями. Замокъ былъ тихъ, не выѣзжала юная королева на обычную свою прогулку, въ францисканскій монастырь,—мѣсто свиданія ея съ милымъ супругомъ. Никто изъ ея приближенныхъ не попадался на глаза короннымъ совѣтникамъ. Но они сами были на-сторожѣ: и не успѣли вторично спуститься ночныя тѣни надъ краковскимъ замкомъ, какъ въ покои Ядвиги постучалъ отеческой

рукой римскій стражъ ея величества. Точно стая спугнутыхъ звѣрковъ, разбѣжались струсившіе придворные. Кардиналъ звалъ властно свою духовную дочь; во имя долга, требовалъ видѣть королеву! Государственное дѣло не терпитъ.

До смерти боявшіяся кардинала, придворныя дамы увлекли бывшаго въ зáмкѣ Вильгельма въ самый отдаленный покой, уговорили спрятаться въ корзину и на веревкахъ, съ помощью вѣрныхъ слугъ, спустили за окна бойницы. Стража въ темнотѣ ничего не замѣтила.

Отворились двери королевскихъ покоевъ передъ замѣстителемъ папы. Грозно встрѣтила его юная повелительница Польши. Она за время жизни въ Краковѣ привыкла къ власти, угодничеству,—поняла свое право повелѣвать.—А тутъ, старикъ-пѣстунъ мѣшаетъ ей въ ея правѣ на радости жизни! Поэтому-то она сурово требуетъ отчета у владыки-опекуна. Онъ отвѣчаетъ ласково, говоритъ что-то о долгѣ, о Польшѣ, о томъ, что христіанскій міръ ждетъ отъ нея подвига.—Но Ядвига въ это время рѣшительно не способна была спокойно разсуждать ни о Польшѣ, ни о долгѣ. Въ особенности, подвига-то она и понять не можетъ! Въ отчаяніи убѣгаетъ она въ свою молельню и тамъ передъ кроткими ликами святыхъ угодниковъ изливаетъ свое горе въ горячихъ слезахъ!

Удаляются мудрые пѣстуны польскихъ судебъ, предусмотрительно удвоивши надзоръ за своей королевой, а сами, не теряя золотого времени, усердно принимаются за совѣщаніе о пріемѣ и крещеніи избранника королевы-матери,—своего любимца, того дикаря, которому изъ-за римскихъ интересовъ отдаютъ они пре-



Ядвига пробуетъ бѣжать изъ своего замка въ Краковѣ. *(Къ стр. 175.)*

лестнѣйшій цвѣтокъ европейской цивилизаціи! Сидѣли, рядили клевреты Запада до свѣта, не смыкая глазъ.

Ночныя тѣни еще висѣли надъ землею. Молящаяся Ядвига еще не кончила своихъ горькихъ изліяній передъ божницею: чу! въ двери къ ней постучали легкой, осторожной рукой! Какъ серна, вскочила королева. Не посылаетъ ли небо утѣшеніе ей, бѣдной страдалицѣ?—Торопливо отпираетъ она замо́къ и видитъ передъ собою любимую свою кормилицу, старую, преданную наперсницу. «Бѣжимъ, голубка моя ясная, бѣжимъ, родная моя, изъ этого адскаго за́мка, гдѣ такъ безсердечно обижаютъ свою королеву!» шептала вѣрная мамка. Бѣжать?... О, да, бѣжать къ супругу, къ полюбившемуся на всю жизнь Вильгельму! Бѣжать на волю, какъ можно дальше отъ этой мрачной тюрьмы, отъ этихъ жестокихъ охранителей. И, осторожно пробираясь, онѣ миновали королевскіе покои; никого не встрѣтивъ, спустились во дворъ и хотѣли пройти потайной калиткой, продѣланной въ стѣнѣ и никогда не оберегаемой, даже, обыкновенно, не запиравшейся.

Но теперь—калитка оказалась заперта большимъ замкомъ, и передъ нею стража, вооруженная топорами.—«Отпереть!» повелительно сказала королева.—«Не велѣно», былъ короткій отвѣтъ.—«Кто же запретилъ?»—«Вельможи!»—«И мнѣ запрещено? мнѣ? королевѣ? Подать топоръ!» На этотъ счетъ приказа не было.—«Бери, повелительница наша милостивая», съ плачемъ сказали стражники, падая со страху на колѣни передъ своей вѣнчанной узницей, боясь ослушаться и ея и вельможъ. Быстро схватила Ядвига топоръ своими почти дѣтскими руками и уже взмахнула имъ, чтобы разсѣчь роковой запоръ. Одинъ

ударъ,—и сокровище за́мка надъ Вислою было бы навсегда потеряно для Польши и для Рима! Но его сохранилъ краковскій подскарбій, старый слуга дѣда и отца королевы. Онъ выступилъ изъ мрака, покойно всталъ передъ дверью и заговорилъ почтительно: «Въ меня пусти топоръ, королева! Меня убей прежде: а потомъ покидай замокъ отцовъ; черезъ мой окровавленный трупъ переступи, дочь Людовика!» Съ воплемъ ужаса отшатнулась Ядвига, топоръ выпалъ изъ безчувственныхъ рукъ. Замертво внесли обратно въ за́мокъ несчастную жертву придворныхъ интригъ. Около нея собрали извѣстнѣйшихъ лѣкарей изъ всѣхъ монастырей. Долго боролись съ неутѣшнымъ горемъ и болѣзнію молодыя силы. Кардиналъ съ большимъ тактомъ воспользовался этимъ временемъ. Въ теченіе болѣзни онъ вмѣстѣ съ докторами и надежными придворными дамами, рьяными католичками, заботливо ухаживалъ за Ядвигой. Ея несчастіе вызывало общее сочувствіе, и еще сильнѣе разгорѣлась непритворная любовь къ ней народа.

Постепенно, осторожно стали развивать въ ней и безъ того очень сильную набожность. На этой же почвѣ, шагъ за шагомъ, стали воздвигать основаніе новыхъ обязанностей доброй католички передъ римскимъ престоломъ, убѣждая въ необходимости распространенія просвѣщенія католическою вѣрою сѣвера и востока Европы. Малодушный побѣгъ Вильгельма и слухи, быть можетъ, преувеличенные, о томъ, какъ онъ, въ нищенскомъ платьѣ, достигъ Вѣны, вмѣсто того, чтобы не покидать юной супруги, значительно помогли сторонникамъ сліянія Польши съ Литвою, въ выполненіи ихъ политическаго замысла.

Силы королевы постепенно возвращались. Вмѣстѣ

съ этимъ росли и крѣпли сѣмена, тщательно, умѣло заброшенныя въ ея душу. Передъ ея умственнымъ взоромъ все яснѣе и величественнѣе выступала мысль о христіанскомъ подвигѣ, о ея святомъ призваніи—обратить ко Христу язычниковъ.

Между тѣмъ, литовскій князь Ягайло сдѣлалъ рѣшительный шагъ,—самъ предложилъ свою руку Ядвигѣ (1385 г.) и приближался къ Кракову. Съ нимъ шли его братья, родичи, частію православные, частію же, какъ и онъ, еще язычники.

Всѣ заискиванія, всѣ почести сыпались теперь на голову литовскаго князя. Съ свойственнымъ полякамъ легкомысліемъ, народъ радостно стремился на встрѣчу своему недавнему врагу. Новыя зрѣлища, новыя щедроты сулилъ его торжественный пріѣздъ, и вѣтреное населеніе съ веселіемъ ждало поклониться тому, кого еще такъ недавно кляло за кровь и муки близкихъ, павшихъ жертвами литовской жестокости. Правда, литовскій князь несъ съ собою не мало радостей Польшѣ: Ягайло обѣщалъ безъ выкупа возвратить Польшѣ 20.000 плѣнныхъ, захваченныхъ литовцами въ предыдущихъ войнахъ, принять вѣру католическую со всѣмъ своимъ народомъ, соединить на-вѣки съ Польшею свои наслѣдственныя и пріобрѣтенныя владѣнія, обѣщалъ оказать Польшѣ помощь для возвращенія потерянныхъ ею земель, привезти въ Польшу нѣкоторыя изъ отцовскихъ и дѣдовскихъ сокровищъ,—заплатить, наконецъ, сумму, должную Вильгельму, австрійскому принцу, за несдержаніе обѣщанія относительно руки королевы Ядвиги. Щадя самолюбіе и не желая раздражать болѣзненное чувство несчастной, Ягайло дѣйствовалъ осмотрительно. Онъ давалъ ей время свыкнуться съ мыслью

о предстоящемъ бракѣ съ неизвѣстнымъ и немолодымъ княземъ. По дорогѣ останавливался онъ въ польскихъ городахъ—Люблинѣ, Сандомирѣ; приготовляясь же къ таинству св. крещенія, послалъ звать въ крестные отцы великаго магистра тевтонскаго ордена, Конрада Кельнера фонъ-Ротенштейна, къ своей же царственной суженой отправилъ съ драгоцѣнными дарами братьевъ, родного—Свидригайло и двоюроднаго—Витовта.

Въ это время союзники его при дворѣ Ядвиги продолжали усердно располагать ее въ его пользу. Юная королева, нѣсколько охлажденная отсутствіемъ Вильгельма, начала колебаться. Сильно безпокоила ее молва, будто Ягайло былъ варваръ нравомъ и уродъ тѣломъ. Чтобы увѣриться въ справедливости этихъ слуховъ, она отправила къ нему навстрѣчу самаго преданнаго себѣ человѣка съ порученіемъ разсмотрѣть хорошенько наружность жениха и извѣдать его нравъ. Ягайла предувѣдомили о цѣли посольства; онъ принялъ посланнаго съ необыкновенною ласкою, и тотъ, возвратившись къ Ядвигѣ, донесъ ей, что литовскій князь наружностію пріятенъ, красивъ, строенъ, роста средняго, въ обхожденіи важенъ и смотритъ государемъ. Ядвига успокоилась на этотъ счетъ и позволила убѣдить себя. Наконецъ, кардиналъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ. Торжественно, въ присутствіи самыхъ любимыхъ его придворныхъ, онъ сообщилъ церковное постановленіе о незаконности браковъ между малолѣтними, хотя бы клятвы въ вѣрности произносились передъ алтаремъ Господнимъ.—Пало послѣднее препятствіе къ браку Ягайло и Ядвиги: церковь не придавала значенія ея клятвѣ! Святой обрядъ, связывавшій ее съ ми-

лымъ, не существуетъ! У нея нѣтъ супруга!—подточенъ послѣдній оплотъ. Пришлось преклониться передъ суровою дѣйствительностью несчастной польской королевѣ и идти навстрѣчу будущему королю-супругу, будущему брату во Христѣ!

Съ тѣхъ поръ, какъ Краковъ сталъ столицей, не было еще въ его стѣнахъ такого торжества, какъ въѣздъ Ягайлы, литовскаго великаго князя, язычника, въ его будущую столицу. Толпы пановъ и народа съ музыкой и кликами радости вышли его встрѣчать за городскія ворота и проводили до за́мка, гдѣ коронные вельможи, раболѣпно встрѣтивъ своего избранника, проводили его въ королевскія палаты, къ подножію трона Пястовъ. Королева Ядвига, окруженная своимъ блестящимъ дворомъ, сонмомъ рыцарей и красавицъ, какъ мраморная статуя блѣдна и прекрасна, сидѣла въ своемъ великолѣпномъ нарядѣ, подъ тяжестью блестящаго вѣнца!

Жертва человѣческихъ происковъ, борьбы партій, тщеславія и низости близкихъ, она искала опоры лишь въ молитвѣ и страдальческою улыбкой мученицы встрѣтила того, чью душу, вѣчное спасеніе, купила цѣною своихъ сердечныхъ мученій!—Остолбенѣлъ Ягайло! Поражены дикіе литовцы! Столько прелести, кротости, величія въ лицѣ юной королевы польской они не ожидали, и долу склонили свои мощныя колѣни, свои гордыя головы передъ красавицей Ядвигой.—Единодушный восторгъ варваровъ произвелъ облегчающее впечатлѣніе на дворъ и на самое Ядвигу: она какъ будто вздохнула свободнѣе, понявъ свою будущую силу надъ грубымъ воиномъ.

Въ послѣдующіе дни польское духовенство горячо принялось объяснять Ягайлѣ латинскій катихизисъ.

Смѣтливый литвинъ, подстрекаемый желаніемъ ускорить срокъ свадьбы, ни въ чемъ не затруднялъ ихъ объясненій и легко усвоялъ ученіе, съ которымъ, впрочемъ, былъ уже знакомъ. Онъ не останавливался на различіяхъ между православнымъ ученіемъ и теоріями, излагаемыми передъ нимъ римскимъ духовенствомъ. Ядвига внимательно слѣдила за ходомъ занятій своего будущаго мужа. Горячо молила она Всевышняго, чтобы Онъ, Всемогущій, просвѣтилъ разумъ новообращаемаго христіанина пониманіемъ Евангельскихъ истинъ, смягчилъ его языческое сердце! Кардиналъ тоже торопилъ совершеніемъ таинства. По единодушному соглашенію всѣхъ заинтересованныхъ лицъ, жители были оповѣщены колокольнымъ звономъ, что въ краковскомъ каѳедральномъ соборѣ четыре внука Гедимина (Ягайло, Вигдидъ, Свидригайло и Витовтъ) съ своими родичами-язычниками— кто въ первый, а кто, какъ Витовтъ, въ третій разъ— приняли христіанство по обряду западной римской церкви. При этомъ присутствовали православные литовскіе князья: Скиргайло, Ѳеодоръ Луцкій, Иванъ Бѣльскій, Михаилъ Заславскій и другіе.

За актомъ крещенія не замедлилъ наступить и торжественный актъ бракосочетанія польской королевы Ядвиги съ Владиславомъ, (христіанское имя князя Ягайло) великимъ княземъ русско-литовскимъ. Онъ сумѣлъ почувствовать счастье минуты, которая соединила его съ прелестнѣйшею супругой у подножія алтаря. Обручальное кольцо, которымъ тогда прелаты соединили прежняго врага Польши съ наслѣдницей короны Пястовъ, дочерью славнаго Людовика, не сошло съ его пальца до самой смерти... «Изъ всѣхъ преходящихъ сокровищъ этого міра», говари-

валъ Владиславъ, «это кольцо было драгоцѣннѣйшимъ для меня сокровищемъ». И дѣйствительно, счастливый король Польши и Литвы носилъ его почти полстолѣтія, до самой смерти.

Спустя двѣ недѣли послѣ свадьбы, наступило новое торжество,—коронованіе Ягайлы-Владислава. Духовенство, князья, вельможи, шляхта и народъ, торжественно провожали изъ замка въ соборъ—супруга польской королевы, литовскаго великаго князя-христіанина. Въ храмѣ, въ присутствіи горячо молящейся супруги, на него была возложена кардиналомъ древняя корона польскихъ королей. Торжественно клялся вѣнчанный Владиславъ передъ лицомъ Бога, Его служителей, польской королевы и магнатовъ, что онъ исполнитъ краковскій договоръ, окреститъ свою Литву по римско-католическому обряду и присоединитъ всѣ земли, принадлежащія ему, къ новымъ своимъ владѣніямъ, къ Польскому королевству! (1386 г.).

И выполнилъ Ягайло свою клятву: литовскія и русскія земли, отъ Жмуди до Чернаго моря, были присоединены къ польской коронѣ. Послѣ коронаціи, Владиславъ и Ядвига отправились въ Вильну, болѣе чѣмъ наполовину уже православную. Окруженные огромною свитою епископовъ, князей, польскихъ и мазовецкихъ воеводъ, они вступили въ литовскую столицу, чтобы крестить по католическому обряду всѣхъ своихъ подданныхъ: не только литвиновъ-язычниковъ, но, благодаря безграничному рвенію ксендзовъ, и всѣхъ русскихъ, исповѣдавшихъ православную вѣру.

ИСТОЧНИКИ:

1) *М. Смирновъ.* Ягелло-Яковъ-Владиславъ.
2) *Карлъ Шейнохъ.* Ядвига и Ягайло.
3) *А. Соколовскій.* Исторія Польши.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Брутеня и Войдевутъ, легендарные герои Литвы 1
Войтѣхъ и Брунъ, католическіе миссіонеры 8
Городня 1125 года, теперешняя Гродна 15
Мейнгардъ и Бертольдъ, первые католическіе епископы Ливоніи 27
Основаніе датчанами Ревеля 46
Гибель Юрьева 55
Первое вторженіе шведовъ въ Россію 73
Миндовгъ, князь литовскій 84
Войшелкъ, князь-инокъ 94
Основаніе Вильны Гедиминомъ 101
Плѣнъ Кейстута 120
Православные мученики въ Вильнѣ 132
Смерть великихъ литвиновъ 146
Ягайло и Ядвига 162

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 Ноября 1904 года.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.

Ея Императорскому Величеству

Государынѣ Императрицѣ

Маріи Ѳеодоровнѣ

съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

всепреданнѣйше посвящаетъ

авторъ.

Утвержденіе Галицкой Руси за Ростиславичами на съѣздѣ русскихъ князей въ Любечѣ въ 1097 г.

ГЛАВНЫМИ средствами къ сліянію славянскихъ племенъ на Руси въ одно сплоченное государственное цѣлое были: 1) раздача земель во временное владѣніе, какъ бы въ кормленіе, князьямъ изъ одного Рюрикова дома, подъ главенствомъ старшаго въ родѣ, кіевскаго великаго князя, и 2) утвержденіе православія, съ учрежденіемъ духовной іерархіи.

Любимый русскій князь—Владиміръ Красное Солнышко, добывъ кіевскій столъ по смерти старшихъ братьевъ, принялся,—вспоминая наставленія и труды своей мудрой бабки, святой княгини Ольги,—чинить порядокъ, законность, благоденствіе по лицу земли родной. Религія казалась ему лучшимъ проводникомъ добра и правды среди людей. Но разлагавшееся, само по себѣ, безпочвенное язычество не могло служить ни опорой, ни орудіемъ въ задуманномъ дѣлѣ. Кіевскій князь обратился въ своихъ религіозныхъ исканіяхъ къ сосѣднимъ государствамъ. «Его острый

умъ», говоритъ кіевскій митрополитъ Иларіонъ, «его добрый смыслъ помогли ему постигнуть, что единъ есть Богъ, Творецъ видимаго и невидимаго». Постигнувъ же это, онъ не только самъ воспринялъ ученіе объ Истинномъ Богѣ, во Святой Троицѣ прославляемомъ, но и сдѣлалъ вѣру православную господствующею во всемъ своемъ обширномъ государствѣ. Чтобы надежнѣе достичь своей цѣли, вѣрнѣе упрочить евангельскія истины добра и правды въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ, мудрый правитель разослалъ повсюду своихъ многочисленныхъ сыновей «и съ ними посла священники, заповѣдая сынóмъ своимъ, да каждый въ области своей повелѣваетъ учити и крестити людей и церкви ставити, еже и бысть». Въ лѣтописяхъ, между прочимъ, есть извѣстія, что въ 981 году князь Владиміръ возвратилъ отъ поляковъ города—Перемышль, Червенъ и другіе, а въ 992 г. онъ ходилъ съ епископами на юго-западъ, училъ, крестилъ людей, и въ землѣ Червенской построилъ въ свое имя городъ Владиміръ (Волынскій) и деревянную церковь Богородицы.

При первомъ же распредѣленіи земельныхъ надѣловъ, равноапостольный князь назначилъ сына своего Всеволода владиміро-волынскаго править червенскими городами, очень, по-тогдашнему, отдаленными отъ Кіева, что и заставило князя Владиміра, вскорѣ послѣ крещенія Руси, учредить во Владимірѣ-Волынскомъ епископскую каѳедру.

Сынъ Владиміра, Ярославъ Мудрый держался отцовскаго же способа раздачи волостей въ Русской землѣ. Князья не правили постоянно одними и тѣми же участками. Они переходили по старшинству, наслѣдуя своимъ старшимъ родичамъ, изъ одного го-

рода въ другой. Кіевскій столъ считался великокняжескимъ и, по обычаю, принадлежалъ старшему въ родѣ. Черниговъ доставался второму по старшинству князю. Потомъ шелъ Переяславль, Владиміръ-Волынскій, Смоленскъ и другіе. Когда умиралъ кіевскій великій князь, ему наслѣдовалъ не сынъ его, а старѣйшій послѣ него, черниговскій державецъ. Того, въ свою очередь, замѣнялъ переяславскій.

Изъ сыновей Ярослава Мудраго—старшій—Владиміръ, княжившій въ Новгородѣ, умеръ еще при жизни отца, не побывавъ такимъ образомъ на кіевскомъ столѣ. Выходило, что сыновья его лишались права на великокняжескій столъ и получали самый ничтожный земельный участокъ. Такіе князья назывались изгоями. Первымъ княземъ-изгоемъ въ нашей исторіи былъ Ростиславъ Владиміровичъ, внукъ Ярослава Мудраго. Отважный, предпріимчивый, онъ самъ отвоевалъ себѣ во владѣніе Тмуторакань. Онъ сталъ ходить на сосѣдніе народы, касоговъ и другихъ, и брать съ нихъ дань. Греки испугались такого сосѣда и подослали къ нему корсунскаго начальника. Ростиславъ принялъ его безъ всякаго подозрѣнія и честилъ его, какъ мужа знатнаго и посла. Однажды Ростиславъ пировалъ съ дружиною и греческимъ посломъ. Взявъ чашу, посолъ сказалъ Ростиславу, что будетъ пить за здоровье князя, отпилъ половину, а въ остальную половину незамѣтно выпустилъ изъ-подъ ногтя ядъ и подалъ чашу Ростиславу, который и допилъ ее. Такъ погибъ отъ измѣннической руки клеврета греческаго императора Ростиславъ, не успѣвъ укрѣпить за своими сыновьями права наслѣдства въ излюбленномъ краѣ.

Шли годы, размножался княжескій родъ Влади-

міра и Ярослава и дѣлился на такое множество далеко росходившихся вѣтвей, что родовыя отношенія перепутывались до безконечности. Возникали все бо́льшія недоразумѣнія. Родные по вѣрѣ, языку, обычаямъ, князья не могли избавиться отъ застарѣлаго славянскаго порока, семейной распри—междоусобицы. Они не переставали «стряпать», по слову лѣтописца, «мѣстничество».

У дѣтей, внуковъ, правнуковъ Ярослава бывали попытки помочь этому великому горю. Такъ, въ 1097 году, старѣйшіе князья съѣхались въ Любечѣ.—«Зачѣмъ мы губимъ Русскую землю своими ссорами?» говорили они. «А половцы радуются и разносятъ наше добро! Будемъ отнынѣ заодно: пусть каждый изъ насъ владѣетъ навсегда разъ доставшеюся отчиною».—Съ тѣхъ поръ, значитъ, князья могли безъ перехода, безъ перемѣнъ владѣть своими наслѣдственными землями, переходившими уже къ ихъ дѣтямъ. Съ тѣхъ поръ могли князья мирно работать надъ своими родовыми участками и заботиться о нихъ.

Еще раньше съѣзда, кіевскій великій князь Всеволодъ Ярославичъ, по прозванію Правый, позаботился о двоюродныхъ своихъ племянникахъ, изгояхъ Ростиславичахъ. Старшій, Рюрикъ, умеръ, но Володарь и Василько получили въ удѣлъ Теребовль, Перемышль, Звенигородъ, всю червенскую землю и юго-западный и сѣверо-восточный склоны Карпатъ,—однимъ словомъ, все пространство по верхнему теченію Днѣстра и Прута. Это географическое положеніе позволило галицкому княжеству развить и упрочить свою самостоятельность, когда и помину еще о таковой не могло быть въ остальныхъ русскихъ княжествахъ.

Съѣздъ русскихъ князей въ Любечѣ, въ 1097 году. *(Къ стр. 4).*

На Любечскомъ съѣздѣ галицкая земля была снова утверждена за Ростиславичами.

Отъ Карпатскихъ горъ и прозрачныхъ водъ Сана, по венгерской границѣ, и до самой Кубани, гдѣ черныя горы подпираютъ облака, носились галицкіе князья со своими храбрыми ратями. Не было удержу ихъ лихой предпріимчивости. Дикіе половецкіе таборы бѣжали безъ оглядки отъ побѣдоносныхъ галицкихъ ратей. Случалось и младшимъ князьямъ взывать къ старшимъ родичамъ о защитѣ противъ родственныхъ удальцовъ, которые только и признавали старшинство дядей, первенство Кіева: они ходили къ великому князю на поклонъ, принимали участіе въ семейныхъ ссорахъ князей-родичей, почитали родную святыню, часто посѣщали Печерскую обитель. Многочисленные храмы и монастыри галицкой земли были въ постоянномъ сношеніи съ колыбелью правовѣрія Руси. Духовенство заботилось о своихъ пасомыхъ и въ хижинѣ бѣдняка, и въ княжескихъ палатахъ,—усердно проповѣдывало оно правду и любовь среди людей! Князья же увлекались ратной удалью. Не разъ призадумывались кичливые ляхи, сварливые венгры и половецкіе хищники, прежде чѣмъ поднять оружіе на галицкихъ храбрецовъ. Не при такихъ князьяхъ можно было ослабить галицкую державу, отторгнуть хотя бы часть ихъ общихъ владѣній.

Хорошо понимая это, сильно не долюбливали Ростиславичей ихъ ближайшіе сосѣди: волынскій державецъ Давидъ Игоревичъ и самъ великій князь кіевскій Святополкъ-Михаилъ. Державцы еще только разъѣзжались послѣ любечскихъ совѣщаній; Василько, отпустивъ своихъ людей съ обозомъ, хотѣлъ

только заѣхать помолиться у гроба родителей, когда его настигли посланцы великаго князя съ просьбою заѣхать къ Святополку. Сильно не хотѣлось Ростиславичу сворачивать съ пути. Онъ торопился домой, чтобы скорѣе вести свои дружины на ненавистныхъ ляховъ, а тутъ заминка. Но дѣлать нечего, приходилось, послѣ сильныхъ отговорокъ, согласиться. Ему доказывали, что неудобно обидѣть отказомъ старѣйшаго родича, да—къ тому же—наканунѣ его именинъ. Противъ воли, скрѣпя сердце, повернулъ коня Ростиславичъ. У самыхъ воротъ великокняжескаго двора къ нему быстро подбѣжалъ стремянный.—«Удержись, княже любимый! Не въѣзжай!» шепталъ онъ, запыхавшись. «Чую, готовится здѣсь что-то недоброе; право слово, не безъ того». На минуту сдержалъ коня юный витязь,—призадумался.—«На все воля Божія», вымолвилъ онъ, крестясь, и въѣхалъ на красный дворъ. Встрѣча была честная. Великій князь привѣтствовалъ дорогого гостя. Но въ глаза ему не смотрѣлъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ его злой учитель,—волынскій Давидъ Игоревичъ. Неловко становилось Святополку въ разукрашенной гриднѣ. Онъ вышелъ. Давидъ молчалъ. Какъ ни злостенъ, завистливъ былъ его нравъ, а, все же, совѣсть прорвалась, заговорила. И онъ вышелъ. А изъ сосѣднихъ горницъ ввалились слуги великаго князя, напали, осилили безоружнаго гостя и, послѣ геройскаго сопротивленія, связали его, заковали и насильно втолкнули въ погребъ.

На другой день Святополкъ собралъ бояръ своихъ на совѣтъ: жаловался имъ, сообщалъ слухъ о томъ, что Василько хотѣлъ его извести, и что онъ изъ предосторожности, для собственной безопасности,

долженъ былъ заточить своего родича. Совѣтники были осторожны, нерѣшительны. Святополкъ настаивалъ, опираясь на доводы Давида.—«Если правду показываетъ волынскій князь, то галицкій родичъ виноватъ», нехотя твердили они. «Тебѣ, княже, надобно беречь голову свою. Но если Давидъ неправду доказываетъ, то получитъ наказаніе отъ Бога». Русское духовенство, всегда кроткое, миролюбивое, вступилось за теребовльскаго державца, моля Святополка о помилованіи, выставляя его невинность. Великій князь чуть-было не уступилъ ихъ горячимъ мольбамъ. Но злостный Давидъ стоялъ на своемъ, запугивая Святополка ни на чемъ не основанными подозрѣніями относительно мнимаго вѣроломства Василька.—«Ослѣпи его, а не—то оба мы пострадаемъ,—не княжить ни тебѣ, ни мнѣ!» Слабодушный Святополкъ поддался. Василька скованнаго увезли въ Бѣлгородъ, за 23 версты отъ Кіева. Тамъ самымъ лютѣйшимъ образомъ его ослѣпили. Замертво истекающаго кровью кое-какъ завернули въ коверъ и, бросивъ въ повозку, отправили во Владиміръ-Волынскъ по ужасной, кочковатой осенней дорогѣ.

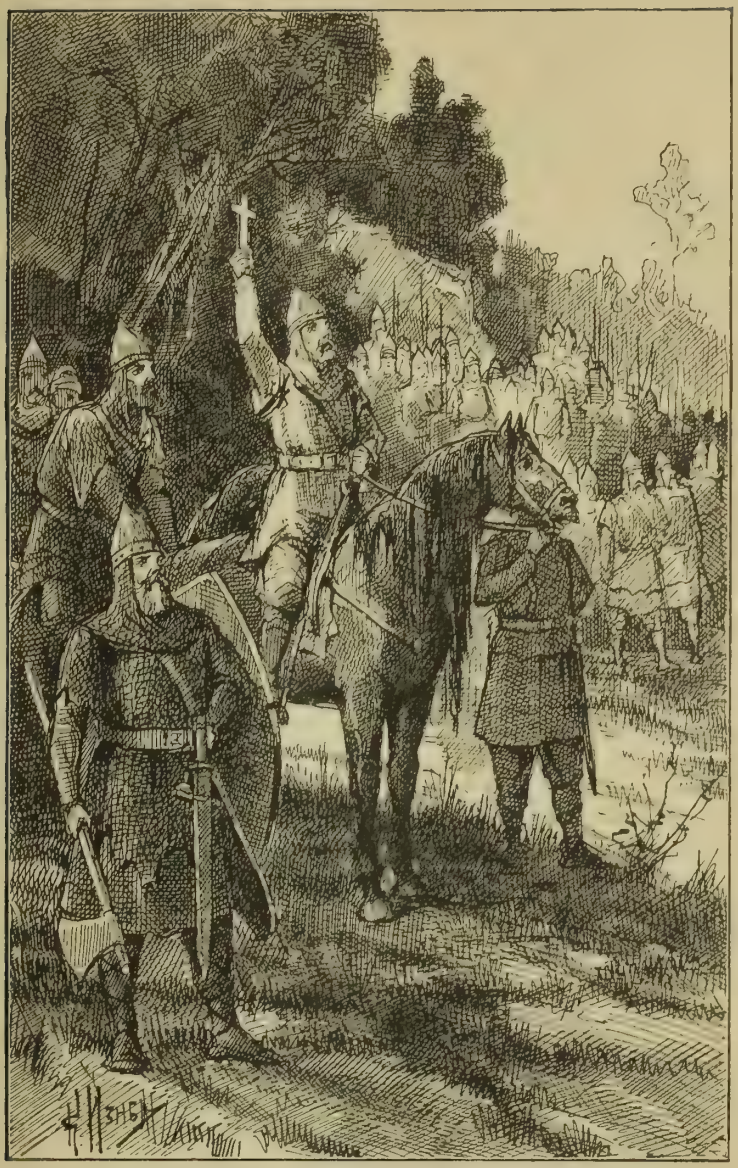
На перепутьи стражѣ захотѣлось отдохнуть и пообѣдать. На узникѣ вздумали смѣнить окровавленное бѣлье. Кровавая сорочка была снята съ Василька, вымыта, высушена и вновь на него надѣта. Василько очнулся отъ громкаго плача надъ нимъ хозяйки дома.—«Гдѣ я?» прошепталъ онъ.—«Въ Здвиженскѣ», послышался отвѣтъ. Тогда онъ попросилъ пить и, напившись, опамятовался совершенно. Пощупавъ свою рубашку, онъ сказалъ: «Зачѣмъ сняли ее съ меня? пусть бы я въ той кровавой сорочкѣ смерть принялъ и сталъ на судъ предъ Богомъ».

Послѣ шестидневнаго мучительнаго переѣзда, страдальца довезли до Владиміра. Давидъ уже ждалъ его и засадилъ въ тюрьму, за надежные запоры, нарядивъ 30 человѣкъ для охраны драгоцѣннаго узника.

Съ быстротою молніи пронеслась роковая вѣсть по лицу земли родной. Встала Русь съ своими князьями судить преступныхъ державцевъ. Русскій Соломонъ—Владиміръ Мономахъ—во главѣ родичей подступилъ къ Кіеву, требуя отъ великаго князя отчета. Трусливый Святополкъ уже собрался бѣжать въ Польшу къ князю Владиславу Герману, дядѣ своему по матери.

Неповинные кіевляне, испугавшись гнѣва союзниковъ, отправили къ нимъ торжественное посольство, прося пощады городу. Во главѣ шелъ самъ митрополитъ Николай, сопровождаемый вдовою почившаго великаго князя Всеволода Праваго,—мачехою Владиміра Мономаха. Плача, упала она на колѣни передъ пасынкомъ: «Не губите го́рода! Отцы ваши и дѣды великимъ трудомъ соблюли Русскую землю. Воюйте съ погаными, а не между собою!»

Лица не стало на Владимірѣ. Ради слезъ княгини, которую почиталъ за мать родную, выронилъ онъ мечъ изъ руки своей и снялъ осаду съ города.—«Правда», воскликнулъ онъ, обращаясь къ прочимъ князьямъ, «наши отцы и дѣды много потрудились, чтобы соблюсти Русскую землю цѣлу, а мы ее только губимъ постоянными своими раздорами».—Князья согласились, отступили, но подтвердили единогласно, чтобы Святополкъ самъ наказалъ Давида Игоревича по дѣламъ его. Тотъ, устрашенный нависшей надъ нимъ бѣдою, выдалъ своего злосчастнаго плѣнника



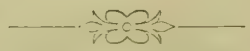
Передъ началомъ боя, слѣпой Василько выѣхалъ передъ врагомъ, высоко поднявъ золотой крестъ. *(Къ стр. 9).*

брату его, Володарю Ростиславичу, а владимірцы выдали Ростиславичамъ тѣхъ слугъ Давида, которые были исполнителями его злой воли. Ростиславичи, заключивъ миръ, на другое утро велѣли казнить смертью выданныхъ злодѣевъ и отошли отъ Владиміра. У Давида князья отняли большую часть его земель. Только неугомонный, завистливый Святополкъ не могъ оставить въ покоѣ галицкихъ державцевъ. Ему хотѣлось завладѣть хоть частью ихъ земель. Въ 1099 г. галицкіе князья-братья были вынуждены выступить въ поле, чтобы защититься отъ нападенія дяди.

Прежде чѣмъ начать кровопролитіе, слѣпой Василько выѣхалъ предъ врагомъ, высоко поднявъ надъ головою золотой крестъ и говоря: «Ты еще въ Любечѣ цѣловалъ этотъ святой залогъ христіанской любви и незлобія, въ знакъ мира между всѣми нами; потомъ ослѣпилъ меня! Теперь снова идешь на насъ войною, пусть же онъ насъ разсудитъ!» Войска сразились. Бой родственныхъ ратей былъ ужасенъ. Галичане крѣпко стояли за своихъ князей.—Святополкъ бѣжалъ въ Кіевъ, разбитый на голову. Но вражды своей онъ не оставилъ! Не постыдился послать къ зятю своему Коломану, королю венгерскому,—просить помощи. Мадьярскія полчища уже подошли къ Перемышлю и стали по рѣкѣ Вагру. Володарь заперся въ городѣ. На счастье, съ другой стороны подоспѣлъ раскаявшійся Давидъ и его другъ, половецкій ханъ Бонякъ, съ своими полками. Несмотря на всѣ усилія угровъ, имъ пришлось снять осаду и отступить въ большомъ безпорядкѣ. Бонякъ бросился за ними,—Володарь сдѣлалъ удачную вылазку,—враги бросились бѣжать и, торопясь,—какъ мухи, тонули въ окровавленныхъ водахъ Сана и Вагра.

Среди убитыхъ нашли тѣло католическаго епископа Купана, всюду сопровождавшаго короля Коломана.

До самой смерти (1124 г.) братья жили дружно, оберегая родную Галицію отъ кіевскихъ неурядицъ, умѣло пользуясь ими на благо своихъ подданныхъ. Но, послѣ ихъ кончины, поднялась и на берегахъ Сана старая славянская невзгода. Сыновья Володаря, Ростиславъ и Владимірко, не жили въ мирѣ. Владимірко возсталъ на старшаго брата своего Ростислава въ 1127 году, и началась между ними жестокая борьба изъ-за областей. На помощь первому явился великій князь Мстиславъ Владиміровичъ,—Владимірко же согрѣшилъ передъ Богомъ и родиной,—позвалъ на нее венгерцевъ! Никакіе совѣты и увѣщанія близкихъ, духовенства, бояръ не дѣйствовали: Владимірко не разбиралъ средствъ для достиженія цѣли. Большею частію онъ дѣйствовалъ ловкостью, хитростью, не смотрѣлъ на клятвы. Съ Ростиславомъ ему не удалось сладить, но, когда тотъ умеръ, Владимірко взялъ себѣ обѣ области—перемышльскую и теребовльскую, не подѣлившись съ родичами наслѣдствомъ. Вслѣдствіе этого онъ всю жизнь велъ съ ними жестокую борьбу. Несмотря на то, что Владимірко отовсюду былъ окруженъ сильными врагами, онъ умѣлъ не только удержаться въ своей волости, но и оставить сыну могущественное княжество; съ нимъ считались сосѣди, дорожа его дружбой, избѣгая вражды.



ИСТОЧНИКИ:

1) *Зубрицкій.* Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества.
2) *Д. И. Иловайскій.* Исторія Россіи. Владимірскій періодъ.
3) *Н. М. Павловъ.* Русская Исторія отъ древнихъ временъ. Т. I.

Галичъ при Владимiркѣ Володаревичѣ.

ВЕСЕЛО поднимается яркое солнышко изъ-за береговъ Ламницы, изъ-за лѣсовъ Сокола и Комарова, освѣщая обширную галицкую землю. По полямъ и лугамъ засверкала, переливаясь всѣми цвѣтами радуги, утренняя плодотворная роса. Легкiй вѣтерокъ, проснувшись, понесся по дремучему бору, и заворчали подъ его нѣжнымъ привѣтомъ вѣковые великаны. Заливаясь звонкой пѣснью, откликнулись тысячи пташекъ, разнося по сосѣднимъ холмамъ и лугамъ свой радостный привѣтъ наступившему дню. А тамъ, за боромъ, подпирая синѣющую даль своими мрачными вершинами, поднимаются сторожевые Карпаты, точно заслоняя собою дорогу лихому сосѣду съ запада.

Только не радуетъ вся эта божья благодать хмурыхъ сельчанъ изъ Темерова! Куда до зари поднялся бѣдный людъ! Со страхомъ, пожалуй, со злобою, толпятся они вокругъ ставки княжихъ мужей, понаѣхавшихъ изъ Галича судить, рядить, слово правды вы-

сказать этимъ смердамъ *) отъ имени князя-державца Владимірка Володаревича.

За родную область и народъ свой всей душой стоитъ ловкій и хитрый князь. Не даетъ онъ въ обиду свою державу. Не допускаетъ посягнуть на права, преимущества своего Галича, на умаленіе хотя бы пяди земли, хотя бы тѣни своей власти въ ряду русскихъ князей-родичей! Не разъ съ оружіемъ въ рукахъ, во главѣ галицкихъ полковъ ходилъ онъ помогать самому великому кіевскому князю, когда тотъ одинъ не могъ справиться со строптивыми родственниками. Внутреннія же дѣла, въ свое отсутствіе, онъ поручалъ вѣдать старѣйшимъ боярамъ, тіунамъ да тысяцкимъ. Строго онъ наказывалъ, чтобы они пеклись о народномъ благополучіи, чинили судъ правый, нелицепріятный, не обижали смерда, не брали лишней виры **), по-божески пѣстовали галицкую землю.

Бѣда стряслась въ Темеровѣ. Тамъ въ лѣсу мертвое тѣло было найдено. Изъ Галича княжіи мужи понаѣхали. Судъ станутъ чинить, спрашивать—да и виры собирать. Чему же тутъ радоваться бѣдному люду? Стоятъ, молчатъ, ждутъ своей участи, когда выйдутъ бояре, потребуютъ отвѣта.

А въ палаткѣ между тѣмъ вирникъ ***), протирая глаза, обратился къ своимъ товарищамъ: «вонъ солнышко ужъ встало, а мы еще лбовъ не перекрестили».— «Давно не сплю, княжъ человѣкъ, уже утреннюю псалтирь всю прочиталъ», отвѣтилъ худой, изморен-

---

*) Смерды—свободные простолюдины, не состоящіе на службѣ у князей, поселяне.

**) Вира—плата, установленная за веденіе дѣла въ судѣ.

***) Вирникъ—старшій чиновникъ.

ный, желтый съ лица человѣкъ, по одеждѣ писецъ, почтительно передавая старшему на пергаментѣ отъ руки переписанную псалтирь. Третій чиновникъ преспокойно еще нѣжился на мягкихъ подушкахъ и коврахъ, повидимому, мало заботясь о молитвѣ и о княжескомъ порученіи. Но старшій сталъ подниматься да и его поднимать.—«Чу, братіе, за шатромъ, слыхать, ужъ пошевеливаются. Видно, до зари собрались смерды,—чуютъ свой грѣхъ превеликій. Идемъ, идемъ княжеское повелѣніе исполняти». Съ этими словами праведные судьи торжественно вышли къ народу. Величаво снялъ вирникъ свою шапку, перекрестился и громкимъ голосомъ заговорилъ: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь! Се великій и благовѣрный князь Владимірко слыхалъ, что совершилось на вашей землѣ убійство человѣка, и се молвитъ онъ вамъ такъ: выдайте мнѣ, какъ сказано въ древней притчѣ, того татія и разбойника, что руку поднялъ на брата своего!» Толпа заколыхалась, затопталась на одномъ мѣстѣ; вздыхали женщины, что-то ворчали старики въ свои сѣдыя бороды, но отвѣта долго не давали. Судьи смотрѣли, разглядывали: молодой крутилъ свой длинный усъ, мечникъ теребилъ остатки повылѣзшей ужъ бороды. Вирникъ кряхтѣлъ, пыхтѣлъ, переминался съ ноги на ногу, стараясь придать грозный видъ своему благодушному лицу. Но вотъ задвигалась громада, изъ-за нея съ трудомъ протискался видный, худой, высокій, весь сморщеный старикъ. Совсѣмъ лысый, ни волоса не видать на головѣ. Только густыя брови торчали, прикрывая пару злющихъ, блестящихъ глазъ.

Безпрерывно подергивая беззубымъ ртомъ, онъ пронзительно, нервно сталъ выкрикивать.—«Рады бы

выполнить волю благую нашего державца. Знаемъ и то, что полегъ человѣкъ головою на нашей землицѣ. Только знать не можемъ, кто злодѣй-убивецъ. Надо ждать, когда, по Божьей волѣ, онъ объявится».

Толпа сочувственно заволновалась. Одобрительно закивали тысячи головъ. Удивился вирникъ, началъ доказывать, что если сельчане заставятъ ихъ пробыть въ деревнѣ дольше вечера, то имъ же будетъ тяжело: съ нихъ потянутъ виры на расходы, «какъ это водится по старинѣ и стоитъ написано въ «Русской Правдѣ», гдѣ укрыватели, какъ участники преступленія, облагаются пеней.

— «Княжъ мужъ», поднялъ снова старикъ свой крикливый голосъ, «мы этого не пріймаемъ, зане то, княжъ мужъ, не старина!» Опѣшили судьи. На умъ не приходилъ имъ такой окрикъ. Съ любопытствомъ допытывались они узнать, что же они считаютъ стариною?

— «У насъ есть исконная ненарушимая старина. Её намъ дѣды наши пересказали, когда еще въ Червени и Плѣсниску сидѣли владыки земли, а Галичъ былъ еще таковъ вертепъ, какъ теперь наши Темеровцы. А что ты молвилъ, княжъ мужъ, то варяжская правда, ея отцы наши не знали и не принимали.... Мы снѣдь для князя даемъ исправно: овесъ съ нашихъ полей и бобра, и бѣлку, и рыбу водъ нашихъ на галицкій городъ, и весною лѣсъ плавимъ по Днѣстру. Это наша старина. Твоей же виры мы не знаемъ, зане то не старина, а отъ варягъ изъ-за морей къ намъ пришло, со всѣмъ зломъ, неправдой, насиліемъ, когда стали поблажать всякому, кто только отмолится или откупится. У насъ же сѣкли за дурное, и страхъ зналъ всякій человѣкъ. И не было у насъ воровъ, и замковъ къ дверямъ не навѣшивали.

Знать не можемъ, кто злодѣй-убивецъ. Надо ждать, когда, по Божьей волѣ, онъ объявится.

(Къ стр. 14).

Родители въ строгости добру учили дѣтей, и старшина угрозою обуздывалъ законопреступника. И добро было! Конечно, и наша старина была не безъ порока, да гдѣ же пшеница безъ куколя, дерево безъ сучка? Нашъ народъ служилъ солнцу и огню и отвергалъ все дурное, потому что не причастна тьма къ свѣту. Теперь же преступниковъ допрашиваютъ и тѣмъ раздуваютъ ложь. Чѣмъ больше лжи, тѣмъ больше и счетовъ. Къ Богу вопіетъ порокъ, а слѣдователи это и любятъ. Это имъ приноситъ доходъ. Сторона жъ бѣднѣетъ. Откуда набрать ей этихъ доходовъ? Дажбогъ плодитъ богатство: хлѣбъ, медъ, рыбу, лѣсъ: но деньга не отъ него. То лютый даръ отъ черныхъ преисподнихъ силъ! Его привозитъ намъ хищный гость въ худомъ мѣшкѣ, забирая за то полныя телѣги нашего добра. А то и хуже: лютый ростовщикъ дастъ въ долгъ на короткій срокъ, а какъ не уплатишь,—забираетъ нашихъ дѣтей въ рабство... Плохо приходится, княжъ мужъ, бѣднякамъ отъ тѣхъ денегъ. Вотъ вамъ и ваша вира: развѣ можетъ платить неповинный человѣкъ за виноватаго?—Варяжская правда не для славянскаго разума! По нашему: сродникъ мсти за убитаго, зубъ за зубъ, голова за голову. Пусть убійцу убьетъ или съ нимъ помирится, какъ Богъ поможетъ. А въ это дѣло никому не надо вступаться! Мы вѣрные слуги князю Владимірку и тебя также, его мужа, почитаемъ, но виры той за голову убитаго не дадимъ, зане мы его не убивали, и то не наша старина».

Въ эту минуту изъ толпы выдвинулся коренастый, рыжій парень, съ рѣдкой бородой, низкимъ хмурымъ лбомъ и бѣгающими глазами.—«А я знаю, кто его убилъ!» неожиданно заявилъ онъ, вставъ передъ вир-

никомъ. — «А ты знаешь», торжественно заговорилъ тотъ, «что обвинитель долженъ быть трезвъ, искрененъ, добросовѣстенъ, какъ говорится въ притчѣ: языкъ праведнаго возглаголетъ судъ? Погоди, братъ, потяну я тебя къ отвѣту!» И, обернувшись къ писцу, добавилъ: «ну, теперь пиши! Дѣло началось. Смотри же, пиши четко, большими буквами, безъ титловъ, князь, знаешь, ихъ не любитъ; только не замарай, онъ самъ уголовное дѣло смотрѣть будетъ. Перо то хорошо ли? Я буду говорить, а ты старайся, пиши лучше, чтобы князю угодить. Да не пиши лишнихъ словъ. Онъ любитъ краткость! Ну! Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь! По князя велѣнію, потрудихомся въ селеніи, нарицаемомъ Темеровцы, и обрѣтохомъ тутъ тѣло жестоко убитаго человѣка». И, обернувшись къ народу, спросилъ: «ну, а какъ его имя?» — «Имя? да какъ имя?» послышалось въ толпѣ, «извѣстно, не боярское! Когутомъ кликали, а родился тотъ Барсуковичемъ».

— «А занимался-то онъ чѣмъ?»

— «Да чѣмъ-же? Жилъ, якъ зналъ и якъ Богъ далъ», отвѣчали поселяне.

— «Какъ такъ? было же у него какое ремесло, плотника что ли, или медовара, или рыболова? Промышлялъ же онъ кой-чѣмъ?» — «Промышлялъ онъ, господинъ нашъ». Додумались, наконецъ, отвѣчать. «Промышлялъ, какъ по временамъ и по божьему попустительству попадало. Не всегда-жъ ловятъ рыбу? А покойный дѣлалъ, что зналъ и какъ ему былъ жребій отъ Бога: пахалъ, сѣялъ, а когда не было дѣла, ну такъ тогда ничего не дѣлалъ,—жилъ, какъ зналъ. А то и по лѣсу скитался».

— «Такъ онъ просто былъ смердъ,—сѣялъ пшено и

бобы, ѣлъ и занимался хлѣбопашествомъ. Ну и пиши: искали мы убійцу, чтобы принялъ онъ наказаніе по винѣ своей, да не нашли его, потому что скрылся отъ лица судей праведныхъ. Тогда взяли мы книгу «Русскую Правду» на разсмотрѣніе, и по ея статьѣ объявили деревню, т. е. темеровецкихъ смердовъ, виновными за голову своего человѣка и наложили на нихъ строгую виру. Они же спорили и не давали ея. Особливо упорствовалъ одинъ человѣкъ. Онъ поддерживалъ смуту въ толпѣ, говоря, что мы дѣйствуемъ по варяжской правдѣ, а не по ихней, и потому намъ не надо повиноваться. Его зовутъ»... Тутъ вирникъ, обращаясь къ старику, спросилъ: «а какъ тебя зовутъ?» — «Какъ зовутъ? Меня какъ зовутъ, я не знаю».— «Да какъ твое имя?» — «Не знаю».— «Развѣ же онъ не крещенъ?» — обратился вирникъ къ толпѣ.— «А кто его знаетъ?» отвѣтила вся громада, чуть не въ одинъ голосъ. Потомъ, торопясь, перебивая другъ друга, они начали объяснять, что этотъ старикъ не изъ ихъ селенія, что онъ давно, давно, ужъ никто и не запомнитъ, какъ давно у нихъ поселился. Они всѣ его очень любятъ, такъ какъ онъ очень добрый, лжи не любитъ, за ложь наказываетъ, вызывая съ неба неурожай на поля лжецовъ, правдивымъ же, наоборотъ, помогаетъ, призывая во время плодотворный дождь. Оттого его и прозвали «Попустидождь».— «Какъ? да такого-же имени нѣтъ въ святцахъ?» — «А намъ какое дѣло до того, что нѣтъ? Мы люди бѣдные, худые! Вотъ онъ и теперь насъ не даетъ въ обиду! Добрый старикъ, вѣщій старикъ! Попустидождь!» Толпа волновалась. Вирникъ переговаривался со своими людьми. Они видѣли, что толку имъ отъ этой бѣдноты не добиться, виновнаго не найти,—только время тратится

по пустому.—«А вира то какъ же?»—сталъ ворчать писецъ.—«Ну, вотъ такъ и сказалась твоя наемная душа!» воскликнулъ младшій, «какая ужъ вира отъ этой голодьбы!»—Вирникъ согласился, что съ такихъ бѣдняковъ грѣхъ брать виру. Но, для очистки совѣсти и чтобы угодить князю, рѣшилъ еще разъ попытаться узнать убійцу.—«Скажите-ка вы мнѣ, Божіи люди, гдѣ здѣсь у васъ церковь стоитъ, гдѣ попъ живетъ,—хочу его повидать».

— «Церковь? попъ?»—опять разомъ завопила громада. «Ни! отъ вѣка таковыхъ не бывало!» Даже руками замахали, чтобы яснѣе дать понять, что у нихъ ни церкви, ни священника не имѣется. Совсѣмъ растерялись слѣдователи; всѣ трое начали спрашивать: «да кто же васъ креститъ? кто учитъ? кто погребаетъ?»—«Научаютъ насъ, княжъ-мужъ», услышали они отчетливый отвѣтъ, «наши отцы—матери, крестится, кто гдѣ захочетъ, а погребаетъ насъ отшельникъ, что въ дуплѣ сидитъ, у насъ въ вертепѣ, когда ему захочется, а не то и сами гребемъ по старинѣ. А попа и не хотимъ. Ему не сжить въ нашихъ дебряхъ! Все одно,—уйдетъ. Не нужно и церкви».—«Какъ? что? да развѣ вы язычники? Да развѣ можно, чтобы подъ державой благочестиваго князя Владимірка Володаревича была такая худая сторона—безъ церкви, безъ священника, безъ слова Божьяго? Да развѣ по сосѣдству нѣтъ боярина? Хоть бы онъ вамъ церковь поставилъ».—«Какъ не быть, есть бояринъ, нашъ бояринъ! Да гдѣ ему церковь ставити! Онъ такой же простецъ, какъ и мы. Бываетъ, что съ нами по сполу *) рыбу ловитъ, иногда по селу за капустеннымъ квасомъ

*) По сполу—по равной долѣ.

посылаетъ и того у насъ не всегда достанетъ. У него только и боярства, что одинъ конь и одинъ соколъ, да и тѣхъ ужъ приморили порядкомъ. Одна дочь постриглась, сынъ въ свѣтъ—пошелъ, слышимъ, по Дону съ бродниками ходитъ. Охъ, княжъ-мужъ, тяжело жити въ нашихъ дебряхъ, не выдержалъ бы ты и мѣсяцъ одинъ».

Совсѣмъ растерялись отъ этой искренней, но грустной отповѣди галицкіе служилые люди. Знаютъ они, какъ князь печется о благоденствіи своихъ подданныхъ, а тутъ вдругъ такой случай! Церкви нѣтъ, во всей округѣ не крещены, пожалуй, цѣлыя тысячи. Какъ же поднести ему такое дѣло на прочтеніе? Онъ же самъ уголовныя дѣла читаетъ, провѣряетъ приговоры. И безъ того теперь у него на душѣ тяжело. Кіевскій великій князь Всеволодъ II Ольговичъ разбилъ его рати подъ Теребовлемъ. Ему пришлось отступить! Слыхать, онъ все сносится съ братомъ Всеволодовымъ—Игоремъ, чуть ли не дары посылаетъ, лишь бы отстоять галицкіе родные города Ушицу и Микулинъ, а тутъ ему сказать, что церкви Божіей нѣтъ, и бѣднота, и чуть не язычество держится на его землѣ.

Не на шутку задумался вирникъ. Трудная была задача.—«Вотъ, что я надумалъ, братія», заговорилъ онъ, наконецъ, «порѣшимъ мы съ этой судной грамотой! пусть будетъ по ихъ обычаю, по старому. Пусть объявится убійца, когда Господь велитъ! Мы же, вмѣсто судной грамоты, напишемъ-ка отъ ихъ имени грамоту-же, да другую, просительную, милостную. Пиши, мечникъ, пиши, брате, да смотри,—пиши чисто, кратко: «Господинъ великій князь Владимірко Володаревичъ! Если бы ты, князь великій, призрѣлъ на чадъ твоихъ въ Темеровцахъ, гдѣ отъ первовѣка нѣтъ

ни церкви, ни священника, и гдѣ отъ глада душевнаго и тѣлеснаго въ беззаконіяхъ погибаемъ! Если бы ты, князь великій, воздвигающій по всѣмъ землямъ твоимъ церкви—во славу Бога всемогущаго и въ память княжескому роду твоему, происходящему отъ кесаря Августа,—подражая дѣду своему Владиміру и Константину Благовѣрному, построилъ бы храмъ святый и въ Темеровцахъ да тѣмъ поставилъ чадъ твоихъ на крѣпкія ноги! Нѣтъ у насъ въ мірѣ семъ на кого надѣяться, кромѣ тебя, отца нашего! Мы же сами, бѣдные въ нашихъ дебряхъ, живемъ и умираемъ въ нищенствѣ и слѣпотѣ душевной. Если бы ты, князь великій, далъ намъ и священника къ церкви, мудраго строителя по закону Божію и зиждителя нашимъ душамъ во спасеніе!»

Громко прочитавъ сосредоточенно-слушавшей толпѣ написанное отъ ея имени прошеніе, вирникъ спросилъ, кто къ нему хочетъ руку приложить, и за тѣмъ добавилъ, что, когда грамота будетъ подписана, онъ увѣренъ, будутъ у нихъ и церковь и священникъ. Поселяне чего-то точно боялись, не шевелились, а, можетъ быть, и дѣйствительно не было между ними грамотнаго. Рѣшительнымъ шагомъ двинулся тогда худощавый, высокій старикъ. Весь трясясь, какъ на пружинахъ, онъ чуть не легъ всѣмъ тѣломъ на столѣ и, видимо, отъ глубины души подписался подъ грамотой.

— «Се я подписалъ именемъ всѣхъ васъ», заговорилъ онъ, обращаясь къ толпѣ, «нельзя же жить безъ Бога! безъ Его правды одно зло человѣку!» — «Буди такъ, буди такъ!» послышалось въ отвѣтъ.

— «Да! нуженъ вамъ священникъ, который бы училъ васъ правдѣ, добру, любви другъ къ другу,

а не укрывательству преступленія», говорилъ назидательнымъ голосомъ вирникъ. Его сзади легонько потянулъ младшій слѣдователь. Пока читалось и подписывалось краснорѣчивое прошеніе, онъ не стерпѣлъ, пошелъ посмотрѣть мертвое тѣло, и въ величайшемъ испугѣ отскочилъ. На тѣлѣ были ясные слѣды обжога. Мертвый лежалъ ничкомъ подъ деревомъ, тоже, съ обожженными сучьями. Спѣшно вернулся юноша, стараясь быть незамѣченнымъ, подошелъ къ вирнику и началъ ему объяснять видѣнное. Тотъ, крестясь, пошелъ къ тѣлу, которое, конечно, начало уже разлагаться. Но слѣды опаленія были ясны. За вирникомъ двинулись и смерды, впереди ихъ шелъ старикъ.—«А вотъ и не укрылась отъ лица Божія правда-то!» закричалъ онъ, оглядываясь на судью и народъ. «Вонъ рана, опаленная ударомъ молніи, а не нанесенная рукою человѣческою. Вотъ и нареканіе съ темеровцевъ снято,—хвала Богу Превеликому!» повторялъ онъ, чуть не пляша отъ радости, «вотъ и виры давать не надоть!»

— «Кто говоритъ о вирѣ!»—вспыхнувъ, съ сердцемъ сказалъ младшій слѣдователь. «Теперь мѣсту сему храмъ нуженъ, въ которомъ бы вы Бога неумолчно благодарили за Его неизреченную милость къ вамъ! Да и пастырь нуженъ мудрый, добрый, чтобы поучалъ васъ помнить милость Божію, проповѣдывалъ бы вамъ вѣру въ Бога, любовь, милосердіе къ ближнему, непоколебимую преданность и покорность князю многомилостивцу!»

Послѣ этого мудрые слѣдователи направили выборныхъ изъ темеровцевъ въ стольный городъ—повергнуть челобитную къ стопамъ великаго благочестиваго державца галицкой земли.

Князь въ это время слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось среди его родичей-князей, въ землѣ Русской. Умеръ великій князь кіевскій Всеволодъ II Ольговичъ, въ августѣ 1146 года; смерть его подняла кровавую бурю во всей землѣ, борьбу—Мономаховичей и Ольговичей за кіевскій столъ, а послѣ и борьбу Мономаховичей,—Изяслава съ Юріемъ Долгорукимъ. Хитрый Владимірко съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за сосѣдними неурядицами. Онъ соображалъ, что чѣмъ будетъ слабѣе южная Русь, тѣмъ сильнѣе станетъ его родной Галичъ. Изъ Мономаховичей Юрій Долгорукій и особенно сынъ его Андрей—были нестоль опасны Владимірку, какъ Изяславъ, потому-что были равнодушны къ югу и тяготѣли къ сѣверу. Притомъ же сынъ и наслѣдникъ Владимірка, князь Ярославъ, несмотря на молодость, былъ уже женатъ на дочери Юрія. Все это давало поводъ галицкому державцу поднять свой голосъ въ сосѣднихъ дѣлахъ не за младшаго Мономаховича-Изяслава, а за Юрія и другихъ старшихъ Мономаховичей. Всѣ знали искусство Владимірка постоять и словомъ и дѣломъ въ спорахъ и распряхъ. Славный мечъ его, конечно, съ честью поддержитъ его хитрыя рѣчи. Въ 1150 году онъ двинулъ свои силы прямо на Кіевъ и выгналъ оттуда Изяслава, положительно опаснаго для Владимірка и по уму и по преданности къ нему народа. Потомъ принялся поддерживать, направляя въ свою пользу, свару родичей. На Волыни, пользуясь сумятицей, возникло еще нѣсколько отдѣльныхъ самостоятельныхъ владѣльцевъ. Это дѣленіе было какъ разъ съ руки Владимірку. Онъ занялъ безъ боя Прилуки, Бужскъ, Тихомль, Выгошевъ, Гнойницы. На бѣду его, враги примирились: Изяславъ сошелся съ дядею Вячесла-

вомъ, и они вмѣстѣ разбили и прогнали Юрія изъ Кіева, укротили Ольговичей, вступили въ союзъ съ венграми, временными врагами Галича, и пошли къ Перемышлю.

Около этого города войска Изяслава и венгерскаго короля Гейзы, зятя Изяславова, обратили въ бѣгство полки галицкіе. Самъ Владимірко, убѣгая отъ венгровъ, чуть было не попалъ въ плѣнъ и едва успѣлъ скрыться въ Перемышлѣ. Этотъ городъ былъ бы тогда непремѣнно взятъ, потому что некому было отстаивать его; но, къ счастью для Владимірка, за городомъ на лугу находился княжескій дворъ, гдѣ было много всякаго добра,—туда ринулось все войско, а о городѣ позабыли. Владимірко, окруженный врагами, рѣшился выпутаться изъ бѣды обычными своими пріемами—хитростью и обманомъ. Онъ притворился, что жестоко раненъ, что лежитъ при смерти, и рѣшился дѣйствовать, надѣвши на себя эту личину.

Въ палаты княжескія идутъ мужи именитые, друзья самые близкіе.

Бояринъ Избигнѣвъ Ивановичъ, самый преданный слуга князя, стоитъ у изголовья. Тихо, никому не слышно переговаривается съ мнимо-болящимъ державцемъ, потомъ беретъ ключи подъ изголовьемъ князя и уходитъ во внутренніе покои.

А въ ночь тотъ же бояринъ съ навьюченными лошадьми изъ княжескихъ конюшенъ отправился въ венгерскій станъ, въ ставку самого короля. Владимірко, видя бѣду, послалъ къ королю просить мира. Въ то же время отправилъ онъ къ архіепископу и къ воеводамъ королевскимъ много даровъ—золота, серебра, сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ и платья цѣннаго, чтобы они просили короля не губить его, не

выдавать Изяславу. Посолъ Владимірка отъ имени мнимо-больного князя своего повелъ мирныя рѣчи съ королемъ, съ архіепископомъ и воеводами. Онъ говорилъ о смертельной болѣзни своего державца, который въ послѣдней битвѣ жестоко раненъ и лежитъ при смерти: говорилъ о юности его наслѣдника, о страхѣ галичанъ подпасть подъ владычество Кіева. Наконецъ передаетъ онъ, будто бы предсмертную, просьбу галицкаго князя къ венгерскому королю—взять его единственнаго сына подъ свою крѣпкую защиту, пока тотъ не взойдетъ въ возрастъ. Архіепископъ и воеводы, подкупленные Владимiркомъ, склоняли короля въ пользу послѣдняго. Призадумался король. Ужъ очень хорошія слова говорилъ посолъ. Вѣски были заманчивыя предложенія. Кто знаетъ, что выйдетъ изъ юноши? Времени много впереди. Галичъ-то ближе къ Венгріи, чѣмъ къ Кіеву! Объ этомъ стоитъ поразмыслить, тѣмъ болѣе, что немного и нужно для удовлетворенія просьбы умирающаго: только упросить Изяслава снять осаду, оставить родича умереть спокойно.

Только Изяславъ сталъ упираться,—зналъ онъ своего двоедушнаго родственника! Не довѣрялъ коварному галицкому князю. Но одному ему нельзя было противиться королю и его вельможамъ: поневолѣ долженъ былъ начать переговоры. Изяславъ потребовалъ возврата своихъ южныхъ городовъ — Прилукъ, Бужска, Тихомля, Шумска, Гойницъ. Когда король хотѣлъ послать бояръ своихъ къ Владимірку съ крестомъ, который тотъ долженъ былъ поцѣловать, то Изяславъ говорилъ, что не для чего заставлять цѣловать крестъ человѣка, который играетъ клятвой. На это король отвѣчалъ: «Если Владимірко поцѣлуетъ этотъ крестъ, нарушитъ клятву и останется живъ, то я тебѣ говорю,

что либо голову свою сложу, либо добуду галицкую землю». Изяславъ согласился. Торжественное посольство отправилось изъ лагеря въ городъ къ мнимоумирающему князю. Тотъ притворился, что ему ужъ безразличны мірскіе счеты: сынъ его отданъ подъ мощную опеку венгерскаго короля, и одного лишь спокойствія жаждетъ мятущаяся душа его предъ смертью! О забвеніи, прощеніи, примиреніи говоритъ онъ съ послами. Смиренно цѣлуетъ крестъ, поднесенный ему кіевскимъ бояриномъ Петромъ Бориславичемъ, и достигаетъ цѣли! Враги отошли отъ стѣнъ Перемышля. Снята осада. Не видно болѣе непріятельскихъ палатокъ! Вздохнули полной грудью галичане. Вскорѣ разнеслась молва, что на радость, на счастье ихъ всѣхъ, и самъ князь Владимірко сталъ оправляться отъ недуга, что уже встаетъ съ одра болѣзни! Онъ цѣлъ, здоровъ, бодръ, какъ прежде, мощный вождь родной галицко-русской земли!

Общей радостью воспользовались смѣтливые вирники изъ Темерова. Въ счастливую минуту подвели они смердовъ, просившихъ себѣ церкви да добраго пастыря.

Заботливый и прежде, князь теперь съ особенной радостью выслушалъ скромнѣйшихъ изъ своихъ подданныхъ. Послалъ къ нимъ надежныхъ строителей, давъ денегъ на постройку церкви. Самъ выбралъ священника къ новому храму. Даже поѣхалъ охотиться въ ту сторону, въ дремучіе темеровскіе лѣса, и самъ лично убѣдился, какую пользу народу приносятъ его правительственныя заботы о подданныхъ, его ревность къ просвѣщенію ихъ свѣтомъ христіанскаго ученія.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Зубрицкій.* Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества.
2) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи.

Первые дни княженія Ярослава, прозваннаго Осмомысломъ.

1154 г.

СЪ ВЕСНЫ и до самаго Покрова свирѣпствовалъ страшный моръ въ деревняхъ и поселкахъ, принадлежавшихъ богатому, знатному галицкому боярину Чагору. Вымирали цѣлыя селенія. Народъ въ страхѣ и отчаяніи бѣжалъ въ сосѣдніе лѣса, спасаясь отъ чумы; бросалъ зараженныхъ родныхъ и близкихъ умирать безъ помощи, въ страшныхъ мученіяхъ, не рѣшаясь даже погребать умершихъ.

Одинъ только нашелся Божій старецъ Аввакумъ, который понялъ христіанскій долгъ и взялъ на себя тяжелое бремя могильщика. Безъ устали, день и ночь копалъ онъ широкія, глубокія ямы, складывалъ туда десятками мертвыя тѣла, покрывалъ ихъ толстыми слоями сырой земли и ставилъ надъ могилами высокіе деревянные кресты, усердно припѣвая своимъ, еще мощнымъ, голосомъ: «Со святыми упокой!» Поляна въ лѣсу скоро покрылась множествомъ новыхъ

бѣлыхъ крестовъ. Все грустнѣе заглядывалась на это разраставшееся кладбище вѣрная спутница благочестиваго труженика, ни на шагъ не разстававшаяся съ нимъ. Заботливая, любящая жена старалась по возможности умѣрить опасное рвеніе старика.—«Не надрывайся, болѣзный», твердила она, «подумай, кто насъ-то съ тобою похоронитъ? кто крестъ надъ могилой воздвигнетъ? Поостерегись, хоть малость! Береженаго самъ Богъ бережетъ!» Все чаще и чаще твердила старуха, стараясь отвлечь благого труженика отъ опасной работы. Наконецъ, онъ и самъ пріусталъ. Въ самый день Покрова, по обычаю, помолясь, вышелъ онъ на свой трудъ; но, не найдя больше причины продолжать свой христіанскій подвигъ, сталъ ударять желѣзнымъ молотомъ въ доску,—пробуя такимъ образомъ,—не услышитъ ли кто изъ несчастныхъ лѣсныхъ скитальцевъ его призывнаго звука.

Какъ тѣни, повыползали изъ чащи, изъ-за болотъ и холмовъ похудѣвшіе, измореные бѣдняки съ вопросомъ, чего отъ нихъ требуетъ благодѣтель ихъ, радѣтель за всѣхъ дорогихъ, но страшныхъ покойниковъ.—«Кланяюсь вамъ, братья-други, оставшіеся въ живыхъ, и прошу подмоги для вашего же спасенья! Попустилъ Господь на насъ и смерть за грѣхи наши! Не прославляемъ мы Его Святое Имя, по христіанскому обряду. Все у насъ иновѣрцы. И Перуну, и Волоху, и Вилламъ-сестрамъ куръ и хлѣбы приносимъ подъ деревомъ, или надъ водами, а церкви Богу единому еще донынѣ не построили, хотя лѣсу то у насъ довольно. Сей ночью было мнѣ чудное видѣніе. Я видѣлъ Пречистую Богородицу съ церковью въ рукахъ, а передъ Ней шли два ангела,

точно мѣсто искали. На томъ холмѣ, между липами, они остановились, и тутъ Пречистая Богородица изъ рукъ своихъ церковь на землю опустила. Тутъ, братія, церкви и быти! Ступайте-ко по полуночи всѣ въ лѣсъ, молодые и старые, мужи и жены, и, кто только живъ остался, рубите деревья,—да завтра къ вечеру, однимъ днемъ, церковь и постройте! Умилосердился бы Господь надъ грѣшнымъ міромъ, взялъ бы тяготу и печаль отъ насъ, за молитвы Его Пречистой Матери!»

— «По полуночи въ лѣсъ, всѣ въ лѣсъ, до малаго отрока!» закричали громко други-братья, «да умилосердится Господь надъ нами, за молитвы Преблагой Дѣвы, Матери Своей!»

И вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, пала на колѣни, поднимая руки горѣ, и запѣла въ одинъ голосъ: «Подъ Твою милость прибѣгаемъ!»

Ожилъ дремучій боръ, весь наполнился торопливыми работниками. Затрещали вѣковые великаны подъ ударами острыхъ топоровъ. Говоръ людской, ржаніе лошадей спугнули звѣрей, дикихъ обитателей непроходимой чащи. Женщины, дѣти, старики шли помогать работникамъ, кто какъ и чѣмъ могъ. Къ вечеру на опушкѣ лѣса, надъ рѣкой, стояла готовая церковь. По просьбѣ Аввакума, самъ епископъ съ клиромъ пріѣхалъ изъ Галича освятить ее, помолиться на огромномъ кладбищѣ. Онъ привезъ въ даръ и благословеніе удрученнымъ горемъ прихожанамъ—дорогую, блестящую икону Божіей Матери.

Торжественно было богослуженіе, восторженно молитвенное настроеніе народа, густой толпой тѣснившагося и въ храмѣ и вокругъ него. Въ открытыя окна и двери вырывались умилительные звуки чудныхъ пѣснопѣній и благодарственныхъ молитвъ на-

Къ вечеру на опушкѣ лѣса, надъ рѣкой, стояла готовая церковь. *(Къ стр. 28).*

рода. славившаго Господа за свое спасеніе Всевышнимъ Покровомъ отъ злой. мучительной смерти.— Ни одного заболѣванія не приключилось со дня богоугодной постройки.

По окончаніи службы, владыка вышелъ изъ церкви. благословляя народъ. и остановился въ тѣни подъ липою. Богомольцы тѣснились вокругъ духовнаго архипастыря съ непокрытыми головами, жадно внимая каждому слову его.—«Вотъ благословили мы вамъ, чада мои о Господѣ. первую церковь на Чагорской землѣ *). Да покроетъ Царица Небесная Святымъ Своимъ Покровомъ ваше тихое селеніе отъ всякой недоброй язвы и да сохранитъ въ васъ вѣру въ сильную помощь Всевышняго, надежду на Его безмѣрное милосердіе и любовь къ миру, порядку, труду. Но кто же будетъ учить, наставлять и укрѣплять васъ на пути спасенія, кто будетъ священствовать въ вашемъ храмѣ? Если есть у васъ на примѣтѣ такой человѣкъ, укажите мнѣ его, чтобы я, благодатію Святаго Духа, поставилъ его вамъ въ пастыря и учителя».—«Аввакумъ Станило!» какъ одинъ человѣкъ, отвѣтила толпа. «одинъ онъ достоинъ этого!»— повторяли на всѣ лады.

— «Не двоеженецъ ли онъ?» спросилъ владыка.

— «Ни, ни. то—Божій человѣкъ, единой супруги мужъ».

— «Не ростовщикъ?» былъ второй вопросъ.

— «Нѣтъ, владыко святой, не ростовщикъ,—праведный. какъ Іовъ».

— «Читать хорошо умѣетъ?»

— «Да еще какъ хорошо-то, владыко! Рѣдко можно

*) Владѣніе боярина Чагора.

найти даже монаха, который могъ бы такъ читать!»

— «И пѣть умѣетъ?»

— «Поетъ по ирмолóю, какъ птичка небесная».

— «Гдѣ же онъ? пусть подойдетъ!»

Толпа разступилась и стала подталкивать Аввакума. Сѣдой, немного сгорбленный, но здоровый, крѣпкій старикъ, лѣтъ пятидесяти, неохотно выдвигался.

— «Ну, съ виду, ты, братъ, не казистъ», заговорилъ епископъ, положивъ на плечо его руку, «но благодать Божія всесильна, велика! Она дастъ тебѣ силу на святой трудъ. Приходи ко мнѣ въ Галичъ, въ филипповки, посвящу тебя въ священники въ Чагоръ».

Съ тѣхъ поръ болѣзнь какъ рукой сняло. Стали процвѣтать прихожане новаго храма. Видимо, Покровъ Пресвятой Богородицы сохранялъ отъ зла и напасти отца Аввакума и его набожныхъ прихожанъ. Въ праздники народъ спѣшилъ со всей округи къ своей святынѣ. Молились пламенно, радовались безмѣрно, но и тужили вмѣстѣ съ батюшкой о бѣднотѣ церкви. Мѣстныхъ средствъ, конечно, не было. Приходилось собирать по лицу земли православной. На помощь батюшкѣ и приходу объявилась бѣдная старушка, не вѣдомо—когда и какъ попавшая въ деревню. Жила она на самомъ выѣздѣ, въ лачугѣ безъ оконъ и дверей, побираясь Христовымъ подаяніемъ. Знала чуть не всю галицкую землю—и монастыри, и боярскія усадьбы, и зажиточныхъ купцовъ. Отъ Сана до Днѣпра знали старушку и охотно жертвовали на любимую ею церковку, такъ чудесно спасшую отъ вымиранія всю округу.

— «Дайте мнѣ, отцы святые, доброхотцы мило-

стивые, часословъ для моей, для Чагорской церковки! я же вамъ грибковъ и орѣшковъ въ сосѣднемъ лѣсу понаберу».

И давали чернецы часословъ, дѣлились своими тогда еще небогатыми книжными сокровищами.

— «Боярыня милая. жалостливая, пташечка, рукодѣльница золоторукая, сшей петрахиль моему батюшкѣ, да серебряною ниткою пробери. Будетъ онъ молитвою поминать твоихъ дѣдовъ. прадѣдовъ, да и за родителей, и за тебя помолится».

И всѣ давали и обѣщали еще давать, прося молитвъ за себя и за родныхъ своихъ, въ чудесномъ храмѣ, отъ всѣми чтимаго батюшки! Его же угнетала пуще всего забота,—какъ бы пріобрѣсти напрестольное св. Евангеліе. Тогда это была очень дорогая вещь, такъ какъ печатныхъ книгъ еще не было, церковныя же писались отъ руки на пергаментѣ. Много труда и времени шло на такую переписку. И хотя тогда уже водились переписчики на Руси, но книгъ бѣднымъ церквамъ, все же, недоставало. Только въ монастыряхъ да у богатыхъ людей можно было ихъ видѣть. Они были щедры и охотно разсылали свои книги въ даръ бѣднымъ сельскимъ церквамъ.

Къ чему не побудитъ, на что не подвигнетъ любовь къ церкви Божіей, радѣніе о ея благолѣпіи? Смиренный, застѣнчивый, чуть не трусливый о. Аввакумъ такъ горячо стремился пріобрѣсти для своего новаго храма св. Евангеліе, что даже рѣшился на подвигъ, пошелъ въ Галичъ поклониться самому князю, повергнуть къ его стопамъ свое смиренное, но пламенное моленіе. Князь Владимірко славился щедростью и книжнымъ богатствомъ. Зналъ церковный уставъ тверже наилучшаго дьячка, а церковные

каноны не хуже самого епископа. Во время службы церковной стаивалъ онъ на клиросѣ, въ своей Спасской церкви, и пѣлъ, какъ самый лучшій пѣвчій. Только по шапкѣ можно было отличить его отъ другихъ богомольцевъ, такъ какъ, по тогдашнему обычаю, князья стояли въ церкви съ покрытыми головами.

Ужъ ночь спускалась надъ Галичемъ, когда нашъ батюшка добрался, на своей лошадкѣ, до стольнаго города. Молясь на церкви Божьи, проѣхалъ онъ городскія ворота; вдругъ, въ необычный часъ, пронесся въ ночной тиши заунывный ударъ колокола. Пробудились мирно спавшіе галичане: крестясь, вставали съ постелей и недоумѣвали, что это за благовѣстъ? А удары вновь печально повторялись...

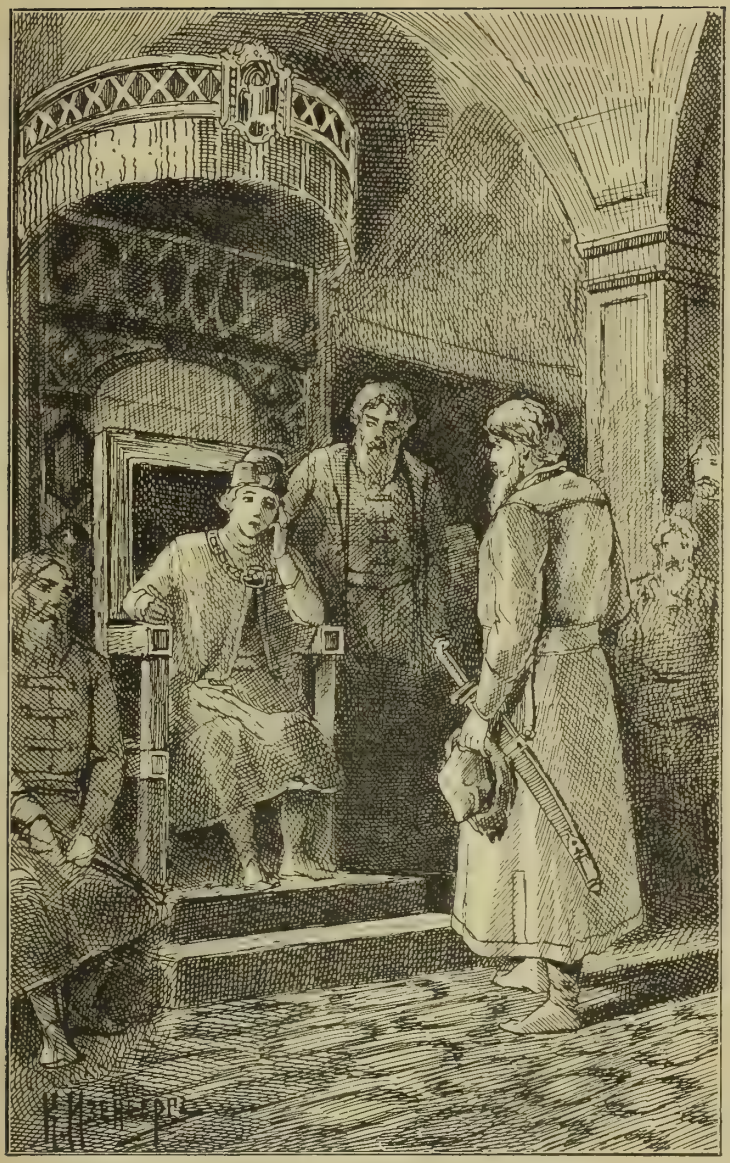
Еще вечеромъ многіе видѣли, какъ князь ихъ, проводивъ пословъ Изяслава, шелъ изъ терема въ придворную церковь Спаса, къ вечернѣ. Замѣтили и то, что въ это же время съ крутого холма, на которомъ гордо высился красивый Галичъ, кіевскіе послы спускались къ Днѣстру, понуря головы, безъ почетныхъ проводовъ: — знать, не отдали имъ Бужскъ, Тихомль, Шумскъ, Выгошевъ и Гнойницы. Если же князь ихъ живъ, то что же значитъ этотъ необычный благовѣстъ,—о комъ онъ приглашаетъ молиться, кого поминать? Но вотъ миновала ночь, занялась заря, и по тихимъ улицамъ, къ княжескимъ палатамъ, потянулось духовенство изъ нижняго города, отъ соборнаго храма во имя Пресвятой Богородицы и изъ обители св. Іоанна. Сомнѣнія не могло уже быть; скончался ихъ князь.—его не стало! Осиротѣла галицкая земля! Толпа повалила на княжій дворъ и—вдругъ остановилась, точно ее хватилъ

ударъ. Изъ красныхъ воротъ проскакали сквозь толпу три всадника, княжьи оруженосцы, въ черныхъ одеждахъ, и держали путь по слѣдамъ кіевскихъ пословъ.—«Да, въ село Большово, что на лѣвомъ берегу Днѣстра, держатъ путь всадники».—«Никакъ, пословъ-то ворочаютъ?» заговорила, загудѣла толпа. Дрогнули галичане.—«Что же будетъ съ нами?»—«Господи, взмилуйся! И князь умеръ, и пословъ ворочаютъ. Знать, испугались, отдаютъ то, что нашъ милостивецъ не хотѣлъ отдавать». Взвылъ Галичъ отъ мала до велика. На панихидахъ по умершемъ князѣ все громче и громче раздавались рыданія, стоны, сѣтованія.

Тѣмъ временемъ кіевскій посолъ, бояринъ Петръ Бориславичъ торжественно возвращался съ ночлега, изъ села Большова, гдѣ провелъ ночь, куда и ѣздили за нимъ посланцы. Крѣпко ломалъ свою голову умный вельможа. Оруженосцы, ихъ кони были въ печальномъ убранствѣ, но, кромѣ приглашенія вернуться, отъ нихъ ничего не могъ онъ добиться. Вихремъ примчались, какъ вихрь, и назадъ понеслись черные вѣстники загадочныхъ словъ. «Ужъ возвращаться ли?» мелькнула мысль у кіевскаго посла. Но разуменъ былъ бояринъ. Осторожно, да все же пошелъ назадъ, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, только про себя держа свою заботливую думу. На улицахъ стоялъ народъ, не то печальный, не то хмурый, молча косясь на посла—кіевлянина. У воротъ дворца сторожа и служители были одѣты въ черныя одежды. Перекрестился Петръ: «Господи, да кого же не стало?» И вспомнилъ онъ, какъ еще вчера надменный Владимірко отказался выполнить данное королю венгерскому и Изяславу, князю кіевскому, — свое обѣщаніе, подтвержденное крестнымъ цѣлованіемъ.

Торжественно распахнулись передъ кіевскимъ посломъ двери княжеской палаты. На томъ мѣстѣ, гдѣ, за сутки передъ этимъ, князь галицкій Владимірко Володаревичъ сказалъ тому же кіевскому боярину Петру: «Пока живъ, ничего не отдѣлю отъ своихъ земель», сидѣлъ его сынъ, юный Ярославъ Владимірковичъ, въ черномъ платьѣ и въ черной шапкѣ, окруженный духовенствомъ, боярами въ черныхъ же одѣяніяхъ. По стѣнамъ висѣли луки, стрѣлы, мечи и рога звѣриные, да на желѣзномъ обручѣ сидѣлъ соколъ, и около него стояли княжескіе отроки. Увидя посла, князь залился слезами. Царствовало глубокое молчаніе. Великокняжескій посолъ опустился на поданное сидѣніе и спросилъ о причинѣ всеобщаго горя. Ему отвѣчалъ епископъ, что Владимірко, совершенно здоровый наканунѣ, отслушавъ вечерню въ церкви, не могъ сойти съ мѣста, упалъ и, принесенный во дворецъ, скончался.—«Да будетъ воля Божія!» сказалъ Петръ: «всѣ люди смертны»... Тогда Ярославъ, собравшись съ силами и точно слѣдуя обычаю, повелъ къ послу великаго князя рѣчь.—«Мы желали сами возвѣстить тебѣ о семъ несчастіи. Поклонись и скажи отъ меня отцу моему Изяславу, что Богъ взялъ у меня родителя,—проси его, да будетъ онъ мнѣ вмѣсто отца. Онъ вѣдался съ моимъ отцомъ, и Богъ разсудилъ. Вражда ихъ кончилась. Я наслѣдовалъ княженіе, полки и дружину своего родителя, одно лишь копье поставлено у гроба его, да и то будетъ отнынѣ въ рукѣ моей. Кланяю-му-ся *), да приметъ меня, какъ своего сына Мстислава; пусть Мстиславъ идетъ съ одной стороны возлѣ стремени

*) Кланяю-му-ся,—выраженіе древней лѣтописи,—кланяюсь ему.



Собравшись съ силами, юный владѣтель галицкой земли повелъ рѣчь къ кіевскому послу. *(Къ стр. 34).*

его, а я, вмѣстѣ со всѣми моими полками, съ другой стороны» *). И на этомъ отпустилъ посла.

Ярославъ, или, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, бояре его—только манили Изяслава, чтобы выиграть время, а въ самомъ дѣлѣ и не думали возвращать ему городовъ, захваченныхъ Владиміркомъ. Это заставило кіевскаго князя пойти въ другой разъ на Галичъ (1153 г.). Сначала онъ настойчиво требовалъ возвращенія городовъ кіевскихъ и, когда получилъ рѣшительный отказъ, созвалъ на помощь сына, братьевъ, Черныхъ клобуковъ **) и пошелъ на Ярослава. У Теребовля встрѣтился Изяславъ съ полками Ярослава. Галицкіе бояре высказали юному князю свою преданность. Предъ битвой они окружили его, говоря: «Ты молодъ, побереги себя! Твой отецъ насъ кормилъ и миловалъ, мы изъ благодарности къ нему положимъ за тебя наши головы, во главѣ твоихъ ратей. Поѣзжай въ городъ, мы справимся съ Изяславомъ и одни, а въ крайнемъ случаѣ, тѣ, кто останется въ живыхъ, прибѣгутъ къ тебѣ и запрутся съ тобою за нашими крѣпкими стѣнами!»

Бой былъ прежестокій! Ни та, ни другая сторона не хотѣли уступить. Только ночь разняла враговъ. Но Изяславъ понялъ, что галичане, несмотря на страшный урокъ, соберутся съ новыми силами и сдѣлаютъ еще отчаянную попытку одолѣть его. Воспользовавшись темнотою, онъ удалился съ поля битвы и возвратился въ свою столицу.

---

*) Выраженія—«будетъ мнѣ вмѣсто отца», «ѣздить возлѣ стремени»,—употреблялись тогда по отношенію къ старшему въ родѣ; Изяславъ былъ старшій изъ всѣхъ русскихъ князей—потомковъ Рюрика.

**) Черными клобуками назывались варварскіе народы, принимавшіе участіе въ княжескихъ усобицахъ.

Въ слѣдующемъ 1154 году Изяславъ II Мстиславичъ занемогъ и умеръ. Его оплакала вся Русская земля искренними слезами. Вскорѣ послѣ того Кіевъ достался Юрію Долгорукому,—союзнику галицкихъ князей,—и борьба между кіевскимъ княземъ и галицкимъ замолкла. Этимъ затишьемъ воспользовался юный правитель Галича. Онъ, по вступленіи на престолъ, началъ вникать въ нужды своего народа, рядилъ, судилъ, упорядочивалъ жизнь и благосостояніе своего княжества.

Однимъ изъ первыхъ просителей, явившихся къ нему съ поклономъ, былъ нашъ знакомецъ, священникъ Чагорской церкви о. Аввакумъ. Тяжело было ему пережидать смутные дни, но любовь къ своей приходской церкви придавала ему бодрость и терпѣніе. Какъ только успокоилась столица, отправился онъ къ княжескимъ палатамъ. У самыхъ дверей встрѣтилъ его княжескій отрокъ; отроки служили князю для посылокъ и по очереди сторожили день и ночь у его дверей.

— «Благослови, отче», сказалъ отрокъ, снимая шапку.

— «Да благословитъ тебя Господь Богъ, удалый юноша. Дома князь?»

— «Дома. А какое тебѣ, отче, до него дѣло-то?»

— «Прошеньице принесъ, да боюсь, приметъ ли онъ его отъ меня. Ужъ такая нужда крѣпкая въ моей церкви! Евангеліе святое нужно на престолъ».

— «И не бойся, только попроси! Для церквей, іереевъ и чернецовъ и щедръ, и милостивъ, и податливъ князь нашъ великій! Превзошелъ онъ въ щедрости всѣхъ своихъ прародителей, князей Рюрикова дома. Пойдемъ, отче, я проведу тебя къ нему».

Князь сидѣлъ въ шапкѣ и мантіи среди своихъ бояръ.

— «Чего тебѣ надо, отче?» милостиво спросилъ князь. Съ этими словами онъ всталъ, снялъ шапку, принялъ благословеніе гостя-священника, поцѣловался съ нимъ и опять сѣлъ. Княжеское мѣсто, на которое опустился Ярославъ, отличалось красотою отдѣлки; это было особое, изъ дерева очень искусно выточенное сидѣнье, съ ручками, какъ теперешнее кресло.

Низко поклонился сельскій батюшка своему юному державцу и горячо сталъ просить св. Евангеліе на престолъ для приходской церкви въ селѣ Чагорскомъ.

— «Такъ уже и въ Чагорскомъ церковь есть? Того я не зналъ. Мой бояринъ Чагоръ объ этомъ мнѣ еще не докладывалъ. Да гдѣ же онъ?»

Изъ толпы бояръ вышелъ высокій, плечистый, здоровенный мужчина, уже не молодой, съ предлинной бородой и черными густыми бровями.

— «Ахъ, Чагоръ, Чагоръ, люблю тебя за твой умъ и смѣтливость», заговорилъ юный державецъ, «но зачѣмъ же ты такъ нерадивъ къ церковнымъ дѣламъ? Положимъ, ты еще язычникъ, уклоняешься отъ нашихъ совѣтовъ, не крестишься, но о своихъ смердахъ, о работникахъ, живущихъ на твоей землѣ, ты долженъ заботиться, ихъ церковь украшать, снабжать всѣмъ необходимымъ».

— «Провинился, княже, передъ Богомъ и передъ тобою! Но ты знаешь, что землями моими въ Чагорскомъ правитъ тіунъ *), самъ же я никогда дома не бываю. Службы княжеской не упускаю. Всегда нахожусь во главѣ твоихъ ратей, а то и бьюсь вездѣ, гдѣ только повелишь».

---

*) И у бояръ были свои тіуны въ старину, какъ у князей.

— «Что правда, то правда, Чагоръ. Но и воинамъ въ битвахъ за Русскую землю Господь помогаетъ, когда они благочестивы и блюдутъ благолѣпіе его храмовъ!—Эй! ключникъ!»

Маленькій человѣчекъ въ красныхъ сапогахъ и съ связкой разныхъ ключей на синемъ поясѣ всталъ съ низкимъ поклономъ передъ княземъ.

— «На вышкѣ, въ моей горницѣ, въ тесовомъ ларцѣ есть св. Евангеліе, книга, написанная самимъ мною, по волѣ приснопамятнаго покойнаго князя-батюшки. Отдѣлано оно серебромъ, золотомъ, каменьями многоцвѣтными; принеси его намъ».

Вскорѣ вернулся ключникъ съ великолѣпно, богато обложенною книгою. Князь перекрестился, приложился къ священной книгѣ и отдалъ ее отцу Аввакуму, говоря: «за душу покойнаго князя—отца моего».

Потомъ, повернувшись къ Чагору, прибавилъ: «у тебя, бояринъ, насколько я помню, есть дочка, уже, къ счастію, христіанка и большая рукодѣльница. Шьетъ она, выводитъ преискусные, прехитрые, восточные, всякіе узоры. Скажи-ка ей, чтобы вышила, да по-богаче, фелонь *) своему-то чагорскому священнику». Потомъ, обращаясь ко всѣмъ своимъ гостямъ, галицкимъ боярамъ, прибавилъ: «радуюсь я всякій разъ, когда слышу, что боярыни да боярышни мои, вмѣсто того, чтобы плясать подъ звуки гуслей, сидятъ смирно за кроснами, ткутъ и вышиваютъ паволоки для Божьихъ церквей».

Прислушивались внимательно строптивые бояре къ мудрымъ рѣчамъ своего юнаго державца, смѣ-

*) Священническая верхняя риза.

кали. да наматывали ихъ на свои сѣдѣющіе, длинные-предлинные усы. Аввакумъ же вернулся въ Чагоръ съ богатымъ вкладомъ благочестиваго князя-отца, пекущагося такъ сердечно о благолѣпіи даже скромныхъ сельскихъ церквей въ своей галицкой землѣ.

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. М. Соловьевъ.* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ.
2) *Н. М. Карамзинъ.* Исторія Государства Россійскаго.
3) *М. П. Погодинъ.* Историческія сочиненія.

Князь галицкій Іоаннъ Берладникъ († 1161 г.).

Подъ сводомъ обширнымъ темницы подземной,
Куда лучъ привѣтный отрадныхъ свѣтилъ
Страшится проникнуть, гдѣ въ области темной
Огонь лишь лампады мерцаетъ отрадный,

лежалъ на мягкомъ ложѣ величавый, красивый, еще не старый человѣкъ. Его платье, мѣховое покрывало, спускавшееся на каменный полъ, два, три сидѣнья, стоявшія въ ногахъ, и столъ, съ лежащими на немъ книгами, все говорило, что не простой узникъ запертъ подъ тяжелые запоры Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ. Зорко бережетъ суздальскій князь своего плѣнника,—онъ служитъ ему залогомъ семейнаго мира его дочери *), супруги князя Ярослава Владимірковича. Родительское сердце допускаетъ даже неблагодарность: онъ забылъ, какъ князь Іоаннъ ходилъ съ

*) Дочь Юрія Долгорукаго, Ольга Юрьевна, была замужемъ за Ярославомъ Владимірковичемъ галицкимъ, а Іоаннъ Ростиславичъ Берладникъ былъ двоюродный братъ Ярослава, гонимый и лишенный наслѣдства Владиміркомъ; какъ любимецъ галичанъ, Берладникъ нѣкоторое время княжилъ въ Галичѣ, по ихъ выбору, но потомъ былъ выгнанъ Владиміркомъ; такимъ образомъ, онъ былъ опасный соперникъ Ярослава.

его полками биться на далекомъ сѣверѣ, съ данниками великаго Новгорода. Теперь онъ строго стережетъ неповиннаго, но опаснаго недруга. И бѣдный плѣнникъ томится больше года, безъ свѣта, безъ воздуха. Его богатырское тѣло безсильно лежитъ на подушкахъ, красивыя черныя кудри посѣдѣли, а славные блестящіе глаза потухаютъ въ темнотѣ. Никто не слышитъ его стоновъ, никто не смѣетъ прійти его утѣшить. Тюремщикъ молча прислуживаетъ своему именитому узнику. Да и знаетъ ли этотъ нѣмой исполнитель княжеской воли, кто порученъ его зоркому надзору? Во всемъ Суздалѣ извѣстно, что въ тюрьмѣ стерегутъ опаснаго, отмѣннаго преступника; осторожно, тихошенько перешептываются бояре, передавая другъ другу одно страшное имя, и тутъ же умолкаютъ, остерегаясь, какъ бы, неравно, кто не подслушалъ да не передалъ строптивому князю. А тутъ вдругъ пришлось, какъ никакъ, а доложить ему объ узникѣ. Тюремщикъ приходилъ вотъ уже второй разъ къ спальнику съ докладомъ, что узнику не можется, что онъ пересталъ принимать пищу, не требуетъ свѣтильника, не читаетъ божественныя книги «и бредитъ, все бредитъ! Дружину собираетъ, галичскія суда плѣняетъ, Дунай все поминаетъ!» — «Молчи ты, непутевый!» прикрикнулъ бояринъ, «какой тамъ Галичъ да Дунай! тебя твоя глухота попутала. Знай, молчи да сторожи». И махнулъ рукой къ выходу.—Зашагалъ бѣдный сторожъ къ тюрьмѣ, понуря голову.— «Глухъ-то я, можетъ, и глухъ», ворчалъ онъ себѣ подъ носъ, «но про Дунай все-таки дослышалъ; ужъ что тамъ бояринъ ни мудри, а Галичъ поминалъ болѣзный». Жалость заговорила въ старикѣ,—видно, и у тюремщика билось въ груди доброе сердце. Онъ смах-

нулъ рукой набѣгавшую слезу и со вздохомъ усѣлся читать молитвенникъ въ своей каморкѣ, что на сѣняхъ, ведущихъ въ подземелье.

Тѣмъ временемъ спальникъ, слегка ежась, крестясь и косясь на уголъ съ образами, подошелъ къ думной палатѣ и легонько поскребъ у дверей. Повелительное «войди» точно само растворило двери комнаты, въ которой суздальскій князь сидѣлъ, внимательно слушая рѣчь епископа.—«Что тамъ?» спросилъ Юрій. Низко кланяясь, рукою дотрогиваясь до полу, заговорилъ вошедшій тихо, тихо.—«Да говори громче, чего тамъ шепчешь, такъ я ничего не слышу!» оборвалъ князь, недовольный, что прервали его бесѣду.—«Тюремникъ приходилъ, просился передъ твои княжескія очи, да я не пустилъ».—«Зачѣмъ не пустилъ?»—«Не посмѣлъ».—«Ну, вотъ и живи съ ними, управляйся! Видишь, владыко: я наказывалъ, чтобы ко мнѣ за всякой его нуждой приходили, во-время и безъ времени, а онъ,—вонъ слышалъ,—не пустилъ, не посмѣлъ!» Спальникъ, думая заинтересовать князя и тѣмъ отклонить гнѣвъ, заговорилъ опять.—«Очень ему неможется, не вкушаетъ пищи, водицы не испиваетъ, все бредитъ».—«Вотъ стряслась напасть!» сказалъ Юрій, видимо взволнованный.—«Упаси, Господи, отведи отъ грѣха, Многомилостивый!» повторялъ епископъ, набожно крестясь.—«Да, ужъ, дѣйствительно, Господи, спаси!» заговорилъ князь; взглянувъ же въ сторону, увидѣлъ любопытные глаза стольника, которые такъ и впились въ него, точно хотѣли сорвать съ губъ начатое слово. Сердито махнулъ онъ рукой на дверь, приказывая выйти. Точно сквозь землю провалился придворный чинъ, исчезъ, и дверь безъ шума приперъ, да только не отошелъ ни на шагъ

«Я безсиленъ! Скажи имъ, прикажи, отче!»—говорилъ епископу галицкій князь Іоаннъ Берладникъ. *(Къ стр. 43).*

отъ порога: приложивъ ухо къ замочной скважинѣ, сталъ слушать. Но рѣчи-то князя съ его вѣрнымъ совѣтникомъ были такъ тихи, что никакое придворное ухо, несмотря ни на какія ухищренія, ничего не могло разслышать. Одно, на свое счастье, уловилъ бояринъ,—это, когда собесѣдники поднялись, чтобы разойтись. Во-время успѣлъ онъ отскочить и стоялъ уже покойно въ углу, чтобы проводить владыку, когда тотъ, выйдя отъ князя и помолясь на образа, двинулся къ выходу.

Прямо изъ княжескихъ палатъ направился епископъ черезъ дворъ въ темницу. Какъ Божій посолъ, шелъ онъ, неся доброе слово утѣшенія болящему узнику. За нимъ слѣдовалъ посошникъ его и княжескіе слуги. Осторожный, какъ и князь, епископъ никого не пустилъ дальше сторожки тюремщика. Самъ взялъ ключъ, свѣтильникъ и спустился въ подземелье. Разбуженный скрипомъ запоровъ, больной вскочилъ, какъ ужаленный, и, увидя доброе старческое лицо епископа, съ мольбой въ голосѣ, заговорилъ: «Самъ Богъ посылаетъ мнѣ тебя, Своего святителя! Взмилуйся! Я умираю, ты видишь,—что могу я имъ теперь сдѣлать? Я безсиленъ! Скажи имъ, прикажи, отче, отдать мнѣ сына, позвать мою княгиню ко мнѣ! Одного прошу, дайте мнѣ передъ смертію проститься съ своими присными! Вѣдь я скоро совсѣмъ уйду отъ нихъ». Со стономъ упалъ онъ опять на подушки, рыданія не давали говорить. Ласково подошелъ къ страдальцу глава суздальскаго духовенства, творя крестное знаменіе и повторяя слова утѣшенія, надежды, умиротворенія.—«Ты говоришь, святой отецъ, «молись». Да я же молился, сколько силъ было, молился! Но можетъ ли Господь услышать вопль мой изъ-

подъ земли? Смотри, вѣдь я же зарытъ живой, замуравленъ, придавленъ. А за что? ты знаешь?»—Глаза узника заблистали лихорадочнымъ огнемъ. Онъ опять приподнялся. «Да знаешь ли ты это, служитель Бога мира и любви? Меня заперли за то, что я хотѣлъ взять свое, только свое родное! Вѣрь мнѣ, я не брежу, я говорю правду, какъ на исповѣди, вѣдь я же умираю, умеръ уже, я—мертвецъ!» Онъ захохоталъ нервно, раздражительно. «И кому говорю?—тебѣ, другу Георгія, палача, измѣнника, душегуба! Нѣтъ, уйди, не хочу, не буду говорить»... Онъ легъ, натянулъ одѣяло на голову и затихъ, только все тѣло его подергивала дрожь, лихорадка трясла такъ, что можно было это видѣть сквозь мѣховое покрывало.

Осторожно, не шумя, подошелъ епископъ къ двери, пріотворилъ ее, тихо, очень тихо позвалъ келейника, послалъ въ монастырь, въ свои келліи, приказавъ принести извѣстныя ему лѣкарственныя снадобья, для успокоенія больного. Самъ же сѣлъ у его изголовья и взялъ лежавшій на столикѣ псалтырь. Вѣроятно, больной читалъ, пока не впалъ въ забытье, 3-й псаломъ,—на немъ была открыта книга. «Господи, какъ умножились враги мои!» внятнымъ шопотомъ сталъ читать далѣе умный святитель слова вдохновеннаго псалмопѣвца. Больной, услыша его голосъ, постепенно началъ успокаиваться, отнялъ одѣяло, открылъ глаза, опять заговорилъ, повторяя послѣднія слова: «Услыши, Господи, слова мои, уразумѣй помышленія мои! Внемли гласу вопля моего, Царь мой и Богъ мой! ибо я къ Тебѣ молюсь!»—«Вотъ и ты это прочиталъ, и я молилъ—«услышь!»—а Онъ не услышалъ, не внялъ». Повелительнымъ движеніемъ руки старецъ остановилъ его. «Что ты?—

ты же молился безъ смиренія! Тебя губитъ твоя строптивость! Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать!» — «Чѣмъ же я-то строптивъ? отецъ святой! да пойми же хоть ты меня!— Мы мирно жили съ княгинею въ Звенигородѣ, любили нашъ народъ, печалились о немъ, радовались и любовались на сына Ростислава: довольствовались своимъ малымъ удѣломъ. Не я требовалъ родового наслѣдства; за мной пришли мои законные подданные; я еще не сразу согласился. Ужъ очень не хотѣлось княгинюшкѣ отпускать меня, чуяло сердце жены. что наступаетъ година скорбей и напастей! Но разъ я уже согласился на просьбу пословъ, всталъ во главѣ галичанъ, не пугаться же мнѣ было первой неудачи, не выдавать ихъ головами?»

— «Все это такъ, князь, въ этомъ никто тебя и не винитъ; но, когда тебя одолѣли, зачѣмъ было идти за берладниками? *) Не годилось тебѣ, прирожденному русскому князю, грабить по Дунаю своихъ родныхъ галицкихъ купцовъ, отнимать у нихъ товаръ и суда!» — «Но чѣмъ же тогда было кормиться дружинѣ? Мнѣ служили не одни берладники. Изъ Галича со мною бѣжали тѣ, кто берегъ свою голову, кто не хотѣлъ гнуть выи передъ Владимiркомъ!»

— «Старшему надо безусловно уступать, княже!»

— «Какъ? что уступать? Отецъ святой! что ты это говоришь? Я не изгой какой-нибудь! Мой отецъ, Ростиславъ Володаревичъ, былъ старшiй братъ Ярославова отца—Владимiрка. Галичъ—мой, по первородству отца, по желанiю народа! Отдайте его мнѣ и

*) Берладъ,—молдавскiй городъ,—былъ гнѣздомъ своевольныхъ бродягъ, людей разнаго племени и закона, коихъ главное ремесло состояло въ грабежѣ по Черному морю и Дунаю.

увидите, что не убавлю я славы южной Руси, не посрамлю родины ни передъ Мономаховичами, ни передъ Ольговичами!»

Въ это время постучали у дверей. Епископъ подошелъ и взялъ серебряный ларецъ, въ которомъ послушникъ принесъ снадобья. Подозрительно косился на него узникъ.— «Это твое успокоеніе, владыко? не хочу, не приму его!»

Епископъ молча насыпалъ въ чашу порошокъ, накапалъ изъ фляги темной жидкости, разбавилъ все водою, размѣшалъ, благословилъ и подалъ болящему, внушительно проговоривъ: «Ты долженъ, княже, принять лѣкарство отъ твоего недуга, успокоиться и выздоровѣть; Господь не допускаетъ самоубійства!» — «Ты видишь, я живъ, страдаю да живу, рукъ на себя не наложу, будь покоенъ!»

Немало усилій стоило епископу уговорить его выпить до дна поданную чашу. Лѣкарство, дѣйствительно, благодѣтельно повліяло на Іоанна Ростиславича. Онъ сталъ успокаиваться, и когда, на слѣдующій разъ, епископъ пришелъ навѣстить невольнаго отшельника, то, къ величайшей своей радости, нашелъ его немного окрѣпшимъ тѣлесно—и душевно болѣе покойнымъ. Узникъ очень обрадовался доброму посѣтителю, сталъ разспрашивать, развѣдывать о томъ, что дѣлается за стѣною тюрьмы. Ему горячо хотѣлось имѣть вѣсточку о женѣ, сынѣ, о томъ, какъ живетъ Ярославъ Осмомыслъ въ Галичѣ; слушается ли новгородскаго посадника непокорная водь, имъ усмиренная. Не обо всемъ можно было говорить съ больнымъ, его надо было беречь отъ раздраженій. Княгиня-супруга съ сыномъ нашла пріютъ у своихъ братьевъ, черниговскихъ князей, узникъ же не до-

любливалъ ихъ за двоедушіе. А Ярославъ все настойчивѣе требовалъ у Юрія выдачи опаснаго плѣнника. Приходилось обходить жгучіе вопросы. Епископъ даже смолчалъ, что князь суздальскій уѣхалъ въ Кіевъ,— сѣсть на великокняжескій престолъ въ 1155 году.

Такъ шли дни за днями; какъ ни трудно было въ подземельи, безъ воздуха, лѣчить больного, но все же, страданія поддались заботливому уходу. Врачъ духа и тѣла могъ уже радоваться спасительному вліянію своихъ заботъ и лѣкарствъ, какъ вдругъ явился изъ Кіева гонецъ съ приказомъ отъ Юрія привезти къ нему князя, подъ самымъ строгимъ надзоромъ. Точно что-то рѣзнуло по сердцу бѣднаго епископа, когда ему передали волю кіевскаго повелителя. Очень полюбилъ онъ умнаго, живого, ученаго страдальца. Какъ часто, подолгу вели они задушевныя бесѣды о мірскихъ дѣлахъ, горяхъ, страданіяхъ! Усердно наводилъ Божій служитель разговоръ на необходимость полной покорности волѣ Божіей, Его вѣчной незыблемой правотѣ, о возмездіи за гробомъ за добро и зло, творящіяся на землѣ. «Жизнь для жизни намъ дана», вдохновенно повторялъ онъ, желая внушить Іоанну терпѣніе, покорность своей горькой судьбѣ. А тутъ вдругъ новая забота: подозрительный, для его смѣтливаго ума, и непонятный приказъ: везти узника въ Кіевъ, когда онъ только еще началъ поправляться отъ такой тяжкой болѣзни, да еще заковать, въ оковахъ везти этотъ длинный путь!

Большого труда стоило уговорить страдальца подчиниться новой пыткѣ; чуть не силой посадили его на возъ. Епископъ же отъ себя послалъ слезное посланіе кіевскому митрополиту, умоляя заступиться за плѣннаго передъ суровымъ Юріемъ, молить о милости

страдальцу и, насколько будетъ въ его власти, облегчить тяжесть узъ. Митрополитъ въ точности исполнилъ просьбу своего брата о Христѣ. Оказалось, что князя Іоанна потребовали въ Кіевъ, чтобы передать, съ рукъ на руки, боярину Коснятину Сѣрославичу, посланному неугомоннымъ галичскимъ княземъ. Мало было ему знать, что недругъ томится въ неволѣ, подавай еще въ руки несчастную жертву! Неохотно сдавался Юрій,—только боялся раздражать строптиваго зятя. Митрополитъ, прочитавъ письмо суздальскаго епископа, властно возсталъ. Онъ явился къ великому князю, окруженный высшимъ кіевскимъ духовенствомъ, и безстрашно заговорилъ: «Грѣхъ тебѣ есть, князь великій, обижать тобою уже обиженнаго! Ты заточилъ родственника, довѣрившагося тебѣ, держишь его въ великой нуждѣ да еще хочешь выдать на вѣрную смерть». Испугался Юрій словъ маститаго іерарха, подѣйствовало увѣщаніе. Галичскіе послы получили отказъ и ни съ чѣмъ должны были вернуться къ своему князю. Митрополитъ же, самъ все время заботившійся о несчастномъ плѣнникѣ, снова заболѣвшемъ и отъ утомительной дороги и отъ душевныхъ потрясеній, вымолилъ позволеніе снять съ него оковы, хотя на время новаго, длиннаго пути.

Изнемогая отъ усталости, Іоаннъ не могъ, возвращаясь, ѣхать безостановочно, день и ночь,—приходилось останавливаться на ночлегъ. Ужъ кончался второй день пути, начинало темнѣть, тучи покрывали небо, и мелкій дождь пронизывалъ путниковъ. Кони стали приставать, и до подставы было еще далеко. Бѣдный невольникъ тоскливо стоналъ въ своей повозкѣ, и возница, и тюремщикъ на облучкѣ едва удерживались отъ дремоты, подъ страхомъ окрика конной стражи,

слѣдовавшей по ихъ пятамъ. Вдругъ, изъ-за сосѣдняго пригорка, изъ кустовъ, поднялись какія-то тѣни, въ темнотѣ не разберешь,—одна, другая, а тамъ еще и еще. Одни, схвативъ коней подъ уздцы, стали спѣшно ихъ выпрягать, замѣняя свѣжими, другіе, связавъ возницу и сторожа, сбросили ихъ въ канаву при дорогѣ, а за возомъ поднялась настоящая драка. Лязгъ мечей, крики, ругня разбудили бѣднаго узника. Онъ ничего не понималъ, только чувствовалъ, что его везутъ въ сторону отъ прежняго пути, везутъ скоро, осторожно, не переводя духъ, все дальше и дальше отъ мѣста свалки. Не страхъ (онъ не зналъ этого чувства), а что-то непонятное охватило его душу. Надежда? да на что? на кого? Предчувствіе? Господи! Что же хорошее смѣлъ онъ предчувствовать? Слова любви и мира, надежды и вѣры суздальскаго епископа мелькнули въ его головѣ, раны же отъ оковъ такъ и ныли на ногахъ. Наконецъ, все смѣшалось, слилось въ его мысляхъ, и онъ забылся, пока вдругъ лошади круто не остановились. Онъ очнулся отъ сильнаго толчка, и передъ его изумленными глазами показались ярко горящіе свѣтильники, широкое нарядное крыльцо и его добрая княгиня, съ крикомъ радости спускавшаяся ему на встрѣчу. Кругомъ же, озаренныя огнями, все такія радостныя лица!

Страдальца, бережно высадивъ изъ повозки, ввели въ нарядныя палаты, гдѣ добродушно, ласково встрѣтилъ его черниговскій князь Изяславъ Давыдовичъ.— «Гдѣ я, что со мною?» повторялъ князь Іоаннъ.— «У князя-брата», отвѣчаетъ супруга.—«У друга», вторитъ ей маститый хозяинъ.—«У добраго дяди», звенитъ веселый голосокъ маленькаго Ростислава.— «Меня, кажись, везли куда-то на казнь?»—«Ну да, а

я провѣдала, гонецъ изъ Суздаля»...—«Молчи, сестра», испуганно озираясь, оборвалъ княгиню осторожный Изяславъ и продолжалъ степенно:—«Божіею неизреченной милостію, молитвами Его святыхъ угодниковъ, удалось намъ добыть тебя, дорогой братъ, цѣла, если еще и не совсѣмъ здрава! Возблагодаримъ же мы Его, Многомилостиваго: а ты, княгиня-сестра, пекись, чтобы твоему князю-супругу все угодное было учинено исправно и по времени».

Отдохнулъ, выздоровѣлъ галицкій князь Іоаннъ Ростиславовичъ въ Черниговѣ, подъ гостепріимнымъ кровомъ зятя, князя Изяслава Давыдовича. Залѣчились раны тѣлесныя, успокоилось ретивое сердце, душа вздохнула привольно, и гордый умъ снова понесся въ безпредѣльныя мечты о славѣ бранной, о величіи земномъ, о почестяхъ мірскихъ. Проснулся буйный духъ галицкихъ князей, сказался снова страшный Иванъ Берладникъ. Ловкій Изяславъ былъ не прочь воспользоваться браннымъ счастьемъ своего воинственнаго гостя. Но, на счастье бѣдной, измученной нашей родины, смерть кіевскаго великаго князя Юрія Долгорукаго остановила, хотя на время, новую бѣду—междоусобицу.

Кіевляне явились въ Черниговъ бить челомъ Изяславу.—«Поѣди, княже, Кіеву», говорили послы: «Гюрги *) ти умерлъ». И поднялся Изяславъ Давыдовичъ, изъ колѣна Ольговичей, съ чадами и домочадцами, пошелъ сѣсть на кіевскій столъ Мономаховичей, по призыву народному. Смѣтливый и ловкій, онъ не разстался и съ знаменитымъ зятемъ, держа его при себѣ, на страхъ врагамъ дальнимъ и близкимъ.

Не одни русскіе князья, но и польскіе, (ихъ тогда

---

* Гюрги—по лѣтописи,—такъ иногда называли Юрія или Георгія.

насчитывалось 7) *), и венгерскій король стали опасаться за свое спокойствіе, видя дружбу Ольговича съ Берладникомъ. Общая забота отодвинула личныя, мѣстныя ссоры, и, какъ одинъ человѣкъ, поднялись Рюриковичи и Пястовичи отстаивать общее спокойствіе. Потянулись къ златоверхому Кіеву ихъ премудрые послы, и снова, какъ въ былые дни славы и могущества, распахнула матерь городовъ русскихъ свои гостепріимныя врата передъ именитыми гостями отъ всѣхъ славянскихъ дворовъ.

Въ богатыхъ великокняжескихъ палатахъ собрались пріѣзжіе послы бить челомъ Изяславу Давыдовичу, отъ имени своихъ господъ, князей. Ольговичъ сидѣлъ на прародительскомъ престолѣ, рядомъ съ нимъ—митрополитъ, кругомъ духовенство, князья, бояре. Но выше всѣхъ, виднѣе всѣхъ, стоялъ, гордо неся свою красивую, посѣдѣвшую въ темницѣ голову, князь Іоаннъ Ростиславовичъ, славный Берладникъ, гроза враговъ, опора друзей, беззавѣтно храбрый потомокъ перваго русскаго князя-изгоя, Ростислава Владиміровича. Твердо опираясь на свой побѣдоносный мечъ, смѣло смотрѣлъ онъ въ глаза гостямъ. Они держали рѣчь, по обычаю, неизмѣримо длинную, низко кланялись, часто повторяли одни и тѣ же слова и все косились на блестящаго, храбраго удальца, задніе даже подталкивали другъ друга, шепча себѣ въ бороду:

— «Ну, какъ онъ возьметъ да и пришибетъ насъ? ишь какой у него ядреный мечъ: прямо положитъ на мѣстѣ! А наши-то князья еще хотятъ, чтобъ мы его заковали, привезли? Закуешь такого!»—«Глазищи-то,

*) Тогда жили: Болеславъ Кудрявый краковскій, Генрихъ сендомирскій, Мечиславъ куявскій, Казимиръ Справедливый да три сына Владислава Болеславовича.

глазищи, такъ и сверкаютъ, сожещи хотятъ!» — «Наше мѣсто свято, а глаза-то у него точно и не человѣческіе! Вонъ уставился,—друже, прямо на тебя».— «Да молчи ты, озорникъ этакой, вонъ великій смотритъ!» Всѣ замерли. Великій князь, терпѣливо прослушавъ рѣчь до конца, началъ отвѣтъ держать.

— «Князья, мои братья, посылаютъ васъ, своихъ именитыхъ людей, бить мнѣ челомъ на томъ, чтобы я, великій князь кіевскій, отпустилъ съ вами моего гостя и друга, старѣйшаго Ростиславича—изъ рода галичскихъ князей. Но никто изъ васъ не говоритъ, какой удѣлъ на Руси приготовили ему братья мои—князья. Ты, бояринъ Избыгневъ, посолъ князя Ярослава Володимірковича, скажи, который изъ галицкихъ городовъ отведенъ князю Іоанну съ потомствомъ?.. Молчите вы, послы именитые, въ рѣчи своей все о спокойствіи родины поминаете, а настоящаго то спокоя, земельнаго надѣла, не даете тому, кого винитевъ безпокойствѣ! По мысли князей, для покоя родины, мнѣ слѣдуетъ выдать вамъ моего гостя, а ваши господа, князья, для покоя же своего, уложатъ его на вѣчный покой! Пусть же братья мои, князья русскіе и польскіе, вмѣстѣ съ королемъ венгерскимъ, вѣдаютъ, что грѣха передъ Богомъ и стыда передъ міромъ на душу не пріиму—гостя своего не выдамъ на явную погибель. Князю же Ярославу Володимірковичу ты, бояринъ его, Избыгневъ, присовокупи, что не годно ему, въ славѣ и чести сущему, оставлять безъ крова и удѣла старѣйшаго себѣ брата. Да дастъ онъ удѣлъ князю Іоанну Ростиславичу съ сыномъ, и тогда съ честію отпущу его отъ своего двора, отъ кіевской святыни!» Задумчиво слушали послы правое

слово. Избыгневъ началъ было повторять что-то о смутахъ, чинимыхъ удалымъ княземъ, но Изяславъ стоялъ на своемъ, выдвигая родовое старшинство Іоанна, и пришлось ни съ чѣмъ покинуть кіевскій великокняжескій дворъ посламъ русскихъ и польскихъ родственныхъ князей.

Когда боярскія дѣти заперли двери за именитыми гостями, великій князь всталъ, подошелъ къ митрополиту и спросилъ: «По Божію ли сказалъ я мое княжее слово, владыко святой?»—«И Господь благословитъ тебя, на твоемъ прародительскомъ столѣ, княже великій! Лишь бы Осмомыслъ не намыслилъ чего злого?»—«А мы его побьемъ!» вспылилъ Берладникъ. «Я голову положу за добраго моего заступника, кіевскаго великаго князя! Полъ-Галича пойдетъ за мной, поднимется Волынь!»—«И польется снова русская кровь!» со вздохомъ проговорилъ митрополитъ. Изяславъ призадумался. Необдуманныя слова князя-гостя испугали его. Властолюбивъ, но не воинственъ былъ Ольговичъ: извернуться, а не биться любилъ онъ. Повернувшись къ стоявшимъ вокругъ князьямъ, боярамъ, онъ всѣхъ отпустилъ, удержавъ при себѣ только митрополита да бѣдоваго Іоанна.

— «Поразмыслимъ теперь обо всемъ на досугѣ», заговорилъ онъ, медленно снимая свои княжескіе доспѣхи и усаживаясь на мягкую скамью, подъ образами. Митрополитъ помѣстился около него, а галицкій князь, сбросивъ шлемъ, остановился передъ ними, опираясь на свой вѣрный, булатный мечъ.

— «Ты правду сказалъ, отче преподобный, что не надо кровь подданныхъ проливать,—лучше предупредить, а не наводить на распрю».

— «А я такъ мыслю,—взмахнуть мечомъ и кончить

разъ навсегда, побѣдой или смертію!» вскипѣлъ князь Іоаннъ.

— «Такъ никогда не бываетъ: то тотъ, то этотъ перетягиваетъ, уступить никто не хочетъ, а тамъ еще союзники вмѣшаются, и кровь польется снова безъ мѣры, безъ конца».

— «Ну и что же ты, мудрый княже, понадумалъ для блага общаго, для спокойствія народнаго?» тихо спросилъ митрополитъ.

— «Да вотъ что», и положивъ свою умную голову на руки, нагнувшись надъ столомъ, осторожный Изяславъ заговорилъ: «Прежде чѣмъ говорить о брани, о побѣдѣ, не подумать ли тебѣ, дорогой княже, о томъ, что велика надъ тобою сказалась милость Божія: и отъ недуга излѣчился, и отъ плѣна избавленъ былъ, а еще не помыслилъ ты Его возблагодарить. По моему разумѣнію, слѣдуетъ тебѣ поѣхать на поклоненіе святынямъ. Предпринять путь ко гробу Господню, въ Святую землю. Этимъ же самымъ и князей, нашихъ сродственниковъ, въ ихъ тревогѣ поуспокоить бы».

— «Вѣрно, княже премудрый, вѣрнѣе быть не можетъ», отвѣчалъ митрополитъ.

Вся кровь бросилась въ лицо Берладнику.— «Такъ это что-жъ вы присудили? какое мнѣ богомолье? вѣдь бѣгствомъ называется это богомолье!»

— «Ну вотъ ужъ такъ и зналъ! Загорѣлся точно молнія въ грозу!»

— «Князь великій о любви, мирѣ, молитвѣ говоритъ, а ты, княже, вона какъ понимаешь!»

— «Я говорю, какъ мыслю: послы отошли молча, видать было, что не солоно похлебали гости дорогіе: ну вотъ, великій-то и смутился, боязливъ онъ, отъ опаски меня на богомолье сталъ выпроваживать».

Оставляю васъ съ вашими добрыми заботами о мирѣ и покоѣ, и иду туда, гдѣ ждетъ меня слава или смерть!

(Къ стр. 55).

— «Грѣхъ на душу берешь, зять милый, добра тебѣ желаючи, говорю, жалѣя Русь святую, умомъ раскидываю», отвѣчалъ Изяславъ. Онъ, дѣйствительно, боялся, но въ эту минуту рѣшительно не могъ сказать,—кого больше: сумрачныхъ ли пословъ, разносившихъ по своимъ дворамъ его суровый отказъ, или своего лихого родственника, не въ мѣру расходившагося въ его присутствіи.—«Вотъ же мой сказъ вамъ», говорилъ тотъ, хватая шлемъ и ударяя о полъ мечомъ. «Говорю тебѣ, князь, великій лишь на словахъ, а не на дѣлѣ! и тебѣ, служитель Бога Вышняго, вторящій униженно земному владыкѣ! Оставляю васъ съ вашими добрыми заботами о мирѣ и покоѣ, и иду туда, гдѣ ждетъ меня слава или смерть! На широкій Дунай, къ галицкимъ рыбакамъ, несется моя душа! Съ ними, за нихъ, съ удалыми старыми товарищами, пойду добывать свой Галичъ, свою родину, или же умру, потону въ водахъ родного Днѣстра».

«А супруга, а сынъ?» внушительно заговорилъ, вставая, митрополитъ.

— «Что-жъ за жизнь женѣ изъ милости, у родственника? А сынъ? онъ самъ скоро поѣдетъ у моего стремени—громить враговъ явныхъ да и скрытыхъ».

На этомъ недобромъ словѣ вышелъ знаменитый Берладникъ и спѣшно снарядился въ дальній, опасный, ему одному вѣдомый путь. Ни слезы супруги, ни просьбы сына не помогли. Онъ не отступилъ отъ задуманнаго дѣла. Одного достигъ миролюбивый Изяславъ: Берладникъ обѣщалъ зятю вернуться къ нему, когда рѣшитъ успокоиться въ родной семьѣ, подъ гостепріимнымъ его кровомъ, если на горе не вернетъ себѣ своего отчаго наслѣдія.

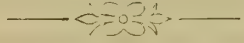
Громко понеслась по волнамъ красиваго Дуная

нежданная вѣсть, что знакомый и сѣверу и югу Россіи воитель, князь Иванъ Берладникъ, крикнулъ кличъ своимъ старымъ боевымъ товарищамъ. Встаютъ со всѣхъ сторонъ отважные бойцы, бросаютъ семьи, хаты, снасти, чинятъ воинскіе доспѣхи, точатъ мечи и копья. Кто ладитъ лодку, кто коня готовитъ, и всѣ спѣшатъ къ наддунайскимъ городамъ, гдѣ ждетъ ихъ вождь и съ нимъ 6,000 половчанъ. Имъ нѣтъ преграды на пути; они затворили Дунаю ворота! Отъ нихъ одни бѣгутъ со страху, другіе къ нимъ примкнули. Безъ боя сдался городъ Кучельминъ, и рать идетъ впередъ, все ближе къ стольному Галичу. Навстрѣчу Ярославъ послалъ въ городъ Ушицу сильный отрядъ. Берладникъ остановилъ своихъ и началась осада. Много перебѣжчиковъ бросало родныя пепелища и спѣшило въ станъ любимаго вождя. Зато и многіе полочане, раздосадованные тѣмъ, что имъ запрещаютъ грабить окрестности, разбѣжались по домамъ. Кровопролитная осада затянулась съ перемѣннымъ счастьемъ. Дошла о ней молва и до Кіева. Еще разъ попробовалъ осторожный Изяславъ вразумить борющихся. У Ярослава требовалъ удѣла Ивану, а къ этому послалъ надежныхъ людей, умоляя не проливать христіанской крови, скорѣе вернуться къ своимъ, тѣмъ болѣе, что княгиня очень тосковала, плакала, глазъ не осушала, даже слегла больная и не встаетъ уже болѣе.

Къ великому изумленію галичскихъ воеводъ, въ первый разъ со дня осады имъ удалось проспать цѣлую ночь покойно. Молчало било, сторожа не будили полковъ. И воины, и ихъ предводители, вставая на зарѣ, не вѣрили своимъ глазамъ. Любопытные жители взобрались на стѣны и никакъ не могли понять, что сталось съ вражьимъ станомъ? Все было пусто,

тихо, кой-гдѣ тлѣлись огоньки потухающихъ костровъ. а отъ полчищъ Берладника и слѣдъ простылъ. Иванъ увелъ своихъ въ плодородныя, знакомыя имъ степи, самъ же помчался къ болящей супругѣ. Но горе ждало его на порогѣ ея терема. Онъ уже не засталъ въ живыхъ подругу, вѣрную въ своей горькой долѣ! Сломилась гордая воля лихого борца, склонилъ онъ буйную голову подъ тяжестью удара. На могилѣ любимой супруги сложилъ онъ свои ратные доспѣхи, свой княжескій шлемъ и мечъ заостренный. Въ слезахъ просилъ прощенія за горе послѣдней разлуки, призывая себѣ въ утѣшеніе тѣнь умершей страдалицы.

Съ трудомъ удалось увести отъ гробницы кающагося князя. Онъ поклялся скоротать свой горемычный вѣкъ въ постѣ, молитвѣ и паломничествѣ по святымъ мѣстамъ. То, что такъ недавно, такъ высокомѣрно онъ отвергъ, теперь считалъ единственнымъ исходомъ, утѣшеніемъ. Въ одеждѣ бѣднаго богомольца, пѣшкомъ пошелъ Иванъ Берладникъ, гроза враговъ, слава друзей, къ святымъ Аѳонскимъ подвижникамъ. Слышно было, что оттуда, идя въ Палестину, онъ пошелъ чрезъ Грецію, да не дошелъ до земли обѣтованной. Въ Солунѣ, коварные греки, въ угоду ли Ярославу Осмомыслу или по собственной трусливой привычкѣ изводить всякого, кого могли хотя немного бояться, отравили его, какъ пращура, въ кубкѣ зелена вина. Безславно, безъ пользы для родины и семьи, умеръ на чужбинѣ удалой храбрецъ изъ рода доблестныхъ русскихъ князей.



ИСТОЧНИКИ:

1) *С. М. Соловьевъ.* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ.
2) *Н. М. Карамзинъ.* Исторія Государства Россійскаго.
3) *М. П. Погодинъ.* Историческія сочиненія.

Пиръ и смерть.

1187 г.

— —

ГАЛИЦКІЙ Осмомыслъ*) — Ярославъ, высоко сидишь ты на своемъ златокованномъ столѣ! Подпираешь Карпатскія горы своими желѣзными полками! Загораживаешь путь венгерскому королю! Запираешь ворота Дуная! Кидаешь свои стрѣлы выше облаковъ! Судъ творишь надъ Дунаемъ! Отпираешь ворота Кіева! Летятъ твои стрѣлы черезъ земли до самаго золоченаго престола султана!—Такъ говорится о Ярославѣ Владимірковичѣ галицкомъ въ нашей поэмѣ «Слово о полку Игоревѣ». Грозенъ былъ онъ для сосѣдей. Чинилъ правый судъ надъ врагами внутренними, расправлялся храбро съ внѣшними. Дѣйствительно, запиралъ Дунай венграмъ и отпиралъ ворота Кіева. Когда великій князь кіевскій Изяславъ Давыдовичъ поссорился съ галицкимъ княземъ Ярославомъ, тогда Ярославъ, въ союзѣ съ Мстиславомъ волынскимъ, соединенными силами выгналъ

*) Мудрый.

Изяслава Давыдовича изъ Кіева, пригласилъ на великокняжескій престолъ Ростислава Смоленскаго и открылъ ему ворота Кіева. Русскіе князья искали его поддержки въ своихъ семейныхъ сварахъ. Венгры, ляхи просили помощи. Даже греческій царевичъ Андроникъ Комнинъ, спасаясь отъ преслѣдованій своего кровнаго врага, двоюроднаго брата, императора Мануила, бѣжалъ подъ крѣпкую защиту русско-галицкаго державца.

Именитому гостю была приготовлена преторжественная встрѣча. «Кишитъ Галичъ своею русскою жизнью!» говоритъ современный очевидецъ. Восходящее солнце ярко освѣщало красивый цвѣтущій городъ. Какъ жаръ, блестятъ золотые кресты многочисленныхъ прекрасныхъ церквей. Пестрѣютъ разноцвѣтныя крыши ярко раскрашенныхъ боярскихъ палатъ, утопая въ зелени тѣнистыхъ садовъ. Липа, черешня перемѣшиваются въ обширныхъ тѣнистыхъ садахъ съ громадными грушевыми деревьями. За городомъ съ сѣвера высится темный боръ, точно охраняя его отъ стужи, непогоды. Широкій Серетъ весело несется, извиваясь своими блестящими струями и омывая стольный городъ галицкой земли. Праздничный звонъ безчисленныхъ колоколовъ, веселые звуки литавръ вызывали на улицы любопытный народъ. Шумитъ православный людъ, встрѣчая и провожая четырехъ княжескихъ стольниковъ, разъѣзжавшихъ въ сопровожденіи молодыхъ сидѣльниковъ по четыремъ концамъ Галича. Гдѣ только стоялъ высокій домъ боярина или нарочитаго *) мужа, съ нарядным расписнымъ крыльцомъ да высокими голубятнями, тамъ

*) Знатнаго.

и останавливался княжескій посолъ, сидѣльникъ бралъ за поводъ коня, держалъ серебряное стремя, стольникъ же входилъ въ хоромы, отвѣшивая поклонъ хозяину, и торжественно повторялъ разъ навсегда заученную рѣчь: «Проситъ князь и княгиня,—и я, стольникъ, прошу васъ, славетнаго дѣя*), откушать завтра хлѣба-соли въ гридницѣ у князя. Есть у него славенъ царскій гость, мѣсяцъ на небѣ, мѣсяцъ въ теремѣ, дѣй Андроникъ. Радушенъ князь высокимъ гостемъ, хочетъ, чтобы и его земля тѣмъ порадовалась».

— «Радость князя—то намъ паче. По Божьему смотрѣнію, по князьему велѣнію и по своему хотѣнію, будемъ завтра, на горѣ, съ поклономъ и со дарами! А цы здоровъ князь?» **) Такъ отвѣчали посламъ, низко кланяясь, кичливые галицкіе бояре, обрадованные, что всегда строгій къ нимъ князь Ярославъ пожелалъ въ честь гостя собрать ихъ на пиръ. Гонцы же, исполнивъ порученіе, съѣхались по уговору у каменнаго столба и уже оттуда, плечо въ плечо, стремя о стремя, какъ ясные соколы, вернулись вмѣстѣ на княжескій красный дворъ.

На другой день, опять весь городъ на ногахъ. Для любопытныхъ настоящій праздникъ—смотрѣть, какъ со всѣхъ концовъ обширнаго Галича стали съѣзжаться знатные гости къ княжескому почетному столу.

Въ огромной гридницѣ стояли длинные, бѣлодубовые столы, покрытые бѣлыми узорчатыми скатертями. На первой былъ изображенъ Христосъ въ пустыни, насыщающій народъ пятью хлѣбами. На другой—Онъ же въ домѣ Закхея мытаря. А на третьей—у своего друга Лазаря. Въ почетномъ углу,

*) Славнаго господина.

**) А здоровъ ли князь?

подъ образами, блестѣвшими въ тяжелыхъ золотыхъ окладахъ, стоялъ маленькій дубовый столъ, на точеныхъ ногахъ, а за нимъ пять креселъ: одно отдѣлано золотомъ, другое слоновой костью, третье бархатное, четвертое кожаное, а пятое изъ рѣзного дуба, для епископа, такъ какъ онъ, суровый инокъ, никогда не садился на раззолоченное сѣдалище. Вокругъ другихъ столовъ тянулись скамьи, обитыя зеленымъ бархатомъ, а на столахъ, какъ жаръ, горѣли серебряные и золотые сосуды, блюда, тазы, кубки, все литые, чеканные, съ причудливыми узорами, разукрашенные камнями самоцвѣтными.

Въ ожиданіи князя, разряженные, именитые бояре входили, истово крестились на образа, кланялись на всѣ четыре стороны и чинно разсаживались за накрытые столы, соблюдая каждый свое старшинство, свою родовитось. За первымъ столомъ сидѣли бояре, за вторымъ служилые, знатные (нарочитые) мужи и купцы иноземные, за третьимъ отроки княжескіе, дѣти боярскія.

Вдоль стѣнъ, по палатямъ, укрѣпленнымъ на расписныхъ, золоченыхъ столбахъ, размѣстились гусляры, сѣдые, но еще бодрые старцы, собиравшіеся увеселять пирующихъ своими вѣщими пѣснями. Вотъ загудѣли трубы, ударили въ бубны, распахнулись тесовыя двери, и, какъ солнышко красное, въ блестящемъ нарядѣ, съ сіяющимъ лицомъ вышелъ торжественно галицко-русскій державецъ, князь Ярославъ Володимірковичъ, ведя за руку своего именитаго гостя, дороднаго, статнаго греческаго царевича Андроника. За ними слѣдомъ шли епископъ и князь Святополкъ Юрьевичъ, обычный приживальщикъ галицкаго двора, а за ними четырнадцатилѣтній юноша, княжичъ Володиміръ Ярославичъ. Угрюмый, съ хмурымъ взгля-

домъ, не казистый, весь въ своего дѣда по матери— суздальскаго князя Юрія Владиміровича Долгорукаго. При появленіи державнаго хозяина, гости встали, какъ одинъ человѣкъ, и отвѣсили поясные пренизкіе поклоны. Ярославъ и Андроникъ, перекрестившись на образа, отвѣчали на привѣтъ, кланяясь на всѣ четыре стороны: епископъ прочиталъ молитву, благословилъ трапезу, и всѣ, усѣвшись, принялись за вкусныя кушанья, которыя разносились на серебряныхъ блюдахъ.

Ярославъ любезно началъ указывать дорогому гостю, какъ размѣстился за столомъ его званный людъ, гдѣ бояре, умные, дѣльные, но строптивые; гдѣ купцы заморскіе, которыхъ онъ такъ жаловалъ за то, что они привозили ему издѣлія своихъ далекихъ странъ, знакомили любимыхъ его галичанъ съ иноземною образованностью.—«Охотно принимаю ихъ, приголубливаю, лишь бы они дружили, просвѣщали моихъ галичанъ. Даже позволилъ нѣмецкимъ гостямъ поставить свою молельню, имѣть своего попа, чтобы ихъ не скоро тянуло отъ насъ на родину. Только зорко блюду, съ моимъ епископомъ, чтобы они людей нашихъ не совращали, да гѣ бы не носили своихъ дѣтей чужому попу на крещеніе. Пусть каждый молится Богу по своему закону». На это Андроникъ сталъ возражать горячо, краснорѣчиво. Его сильно раздражали попустительства императора Мануила. Пугала сила, которую стали при немъ забирать латиняне.

За другими столами рѣчи становились все оживленнѣе, чары съ виномъ осушались все чаще да чаще. Гусляры пѣли свои вѣщія пѣсни про минувшіе славные дни и битвы, гдѣ съ молоду бились они.

Ярославъ взглянулъ на стоявшаго за его кресломъ стольника. Тотъ понялъ и, выйдя на середину палаты,

громко выговорилъ: «Не шумите, бояре, гости честные! Князь хочетъ вымолвить свое княжеское слово!» Тишина водворилась мертвая, всѣ насторожились, вперивъ глаза въ своего славнаго державца.

Величаво поднялся Ярославъ, держа въ рукахъ сердоликовый кубокъ, и заговорилъ: «Земля моя! бояре земскіе и людіе городскіе! Сподобилъ насъ Богъ чести лицезрѣть великаго гостя,—брата нашего, киръ Андроника, единокровнаго намъ по Володаревнѣ *), единовѣрнаго по равноапостольному Константину. Сей день, его же сотворилъ Господь, записанъ будетъ въ лѣтописи Галича, такъ какъ въ первый разъ онъ принимаетъ въ своихъ стѣнахъ потомка такого множества славныхъ благовѣрныхъ царей и царицъ, наслѣдника прототрона всѣхъ земныхъ престоловъ!»

«По Божьему соизволенію, странникомъ пришелъ онъ къ намъ! Тѣмъ дороже долженъ онъ намъ быть! Тѣмъ теплѣе наша забота о его покоѣ и благѣ! Чтобы приголубить его, я, князь Ярославъ, на столъ для него, для киръ Андроника, отдаю городы мои: Тысьмяницу, Толмачъ и Хотимиръ со всѣми ловищами, лебедиными и гогольными и турьими займищами, какъ это шло по старинѣ. Пусть замѣнитъ ему цареградскія игрища, роскошь антіохійскую охота на буйтура въ нашихъ лѣсахъ! А вы, бояре мои, примите киръ Андроника, какъ своего, единокровнаго мнѣ, и являйтесь къ нему, какъ къ родственнику царскому, каждый день на поклонъ. Пью я за здоровье твое, братъ Андроникъ!»

Кубки зазвенѣли, бояре кланялись, выпивали ихъ до дна и опять кланялись. Но Ярославъ не садился,

*) Марія Володаревна, тетка Ярослава, была замужемъ за греческимъ императоромъ.

ему снова налили полный кубокъ, и онъ продолжалъ свою рѣчь о томъ, что его державному гостю затруднительно самому заниматься полученными въ собственность угодьями и что для его большаго спокойствія онъ, князь галицкій, выбралъ изъ среды своихъ бояръ крѣпкаго умомъ, разумнаго, славнаго на ратяхъ боярина Чагора, даетъ его въ стольники киръ Андронику и пьетъ его здоровье!—И со словами—«здоровъ, старый Чагоръ!»—онъ осушилъ свой кубокъ.

Кубки снова зазвенѣли, вино снова было выпито; но поклоны бояръ новому стольнику были не искренни, зависть горѣла въ глазахъ сотрапезниковъ. Легкій шепотъ пробѣжалъ вокругъ боярскихъ столовъ.—«Язычника стольникомъ благовѣрнаго князя!» послышалось кой-гдѣ. Епископъ переглянулся со Святополкомъ. А Чагоръ стоялъ весь красный отъ волненія! Онъ даже забылъ осушить свой кубокъ. Видимо, въ немъ совершалось какое-то броженіе,—въ головѣ что-то крѣпко шевелилось, точно внутри совершалась сильная борьба. Наконецъ, онъ провелъ рукой по вспотѣвшему лбу и шепнулъ что-то стольнику, стоявшему за его спиной; тотъ подошелъ къ князю и почтительно доложилъ, что Чагоръ хочетъ ему поклонъ править.

— «Услышимъ, какое будетъ это цѣлованіе», ласково улыбаясь, сказалъ князь Ярославъ. «Ну, говори, Чагоръ!»

— «Исполать тебѣ, князь, за все твое добро! Исполать тебѣ, великодушный владыко земли! Многажды вразумлялъ ты меня, добрый князь, оставить идолопоклонство, но стыдъ мѣшалъ мнѣ внять словамъ твоимъ. Моихъ соплеменниковъ *) стыдился! Но теперь Богъ истинный поразилъ меня, какъ въ древ-

*) Онъ былъ половчанинъ на службѣ галицкаго князя.

Исполать тебѣ, князь, за все твое добро! Исполать тебѣ, великодушный владыко земли!

(Къ стр. 64).

ности Савла, и привелъ меня Своими путями къ познанію правды! Не зная христіанскихъ обычаевъ, какъ могъ бы я править домомъ и столомъ христіанскимъ? Княже, многимъ ужъ добромъ честилъ насъ родъ твой. Батько твой пріютилъ насъ тутъ, ты приголубилъ! Озари еще душу мою, крести меня, князь, со своею благовѣрною княгиней!»

— «Пойди сюда, Чагоръ!» сказалъ Ярославъ, радостно озираясь. Старый ратникъ приблизился и поникъ передъ нимъ головою. Князь обнялъ его, поцѣловалъ въ лобъ и, указывая на Андроника, сказалъ: «Не я, а онъ будетъ тебѣ крестнымъ отцомъ. Неправда ли, Андроникъ?»

— «Истинно такъ!» подтвердилъ Андроникъ, подавая руку Чагору.

— «Крестной же матерью будетъ княгиня», добавилъ Ярославъ.

— «Слава Тебѣ, Боже!» торжественно заговорилъ епископъ, поднимаясь со своего кресла, «что привелъ Ты раба Твоего къ познанію Твоей святой истины передъ лицомъ всей галицкой земли. Исполни же ты, оглашенный рабъ Божій, данный тобою обѣтъ и не поддайся ухищреніямъ врага, злѣ нападающаго на не утвержденныхъ еще чадъ Божіихъ!»

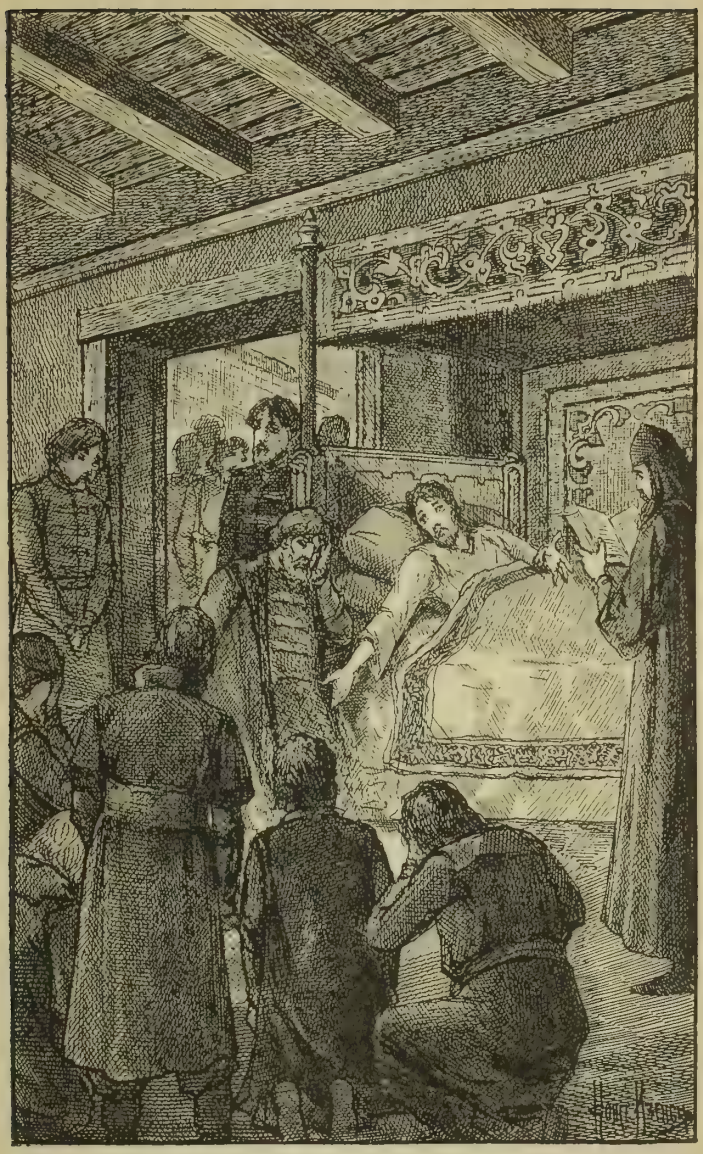
— «Онъ да не исполнитъ?» воскликнулъ Ярославъ. «За Чагора я ручаюсь! Онъ крѣпкій на полѣ битвы, вѣрный мнѣ въ своемъ совѣтѣ! Въ душѣ давно уже добрый христіанинъ,—не только молитвы, но и письмо святое уже знаетъ».

— «Ты вѣси, княже, многое; ты сердца мужей твоихъ вѣси! ты вѣси, яко люблю тя!» умиляясь, выговорилъ бывшій язычникъ.

Князь былъ въ восторгѣ, Андроникъ расчувство-

вался, галицкая знать старалась поддѣлаться подъ настроеніе князя. Но въ душѣ бояре все больше озлоблялись. Правда, мудрость, твердость Ярослава тяжелымъ гнетомъ ложилась на ихъ строптивую природу. Обращеніе Чагора, любимца княжескаго, точно подлило масла въ огонь. Сынъ и наслѣдникъ великаго правителя не понималъ отца. Бояре чувствовали, что, при его безхарактерномъ правленіи, ихъ самовластію будетъ больше простора. Они вооружали его противъ отца, раздражали, строили тайныя помѣхи всѣмъ благимъ начинаніямъ своего державца. Но князь великій не смущался ихъ кознями. Твердо правилъ онъ юго-западной окраиной славянскаго православнаго востока, на межѣ съ латинскимъ западомъ. Ляхи и венгры были оплотомъ священно-римской германской имперіи, православная же его Галиція все высилась и крѣпла, особенно въ сравненіи съ древнимъ Кіевомъ. Стольный Кіевъ, матерь городовъ русскихъ, все больше и больше терялъ свое значеніе. Между тѣмъ возвышался сѣверо-востокъ, и его стольный городъ Владиміръ входилъ въ большую силу. Старѣйшій изъ живыхъ Мономаховичей—Всеволодъ Юрьевичъ Большое Гнѣздо—высоко несъ свой великокняжескій стягъ на сѣверѣ. Въ то же время на югѣ не уступалъ Галичъ при Осмомыслѣ. Много лѣтъ привыкла Русская земля слушаться обоихъ мудрыхъ владыкъ. Тѣмъ сильнѣе взволновался галицкій народъ, когда по стогнамъ его блестящей столицы разнесся зловѣщій слухъ о сильномъ недугѣ князя Осмомысла!

«Покрой насъ честнымъ Твоимъ Покровомъ, Матерь Божія, и избави отъ всякаго зла, моля Сына Твоего, Христа Бога нашего, спасти насъ отъ напасти и печали! Исцѣли благовѣрнаго князя нашего



Окруженный боярами, духовенствомъ, лежалъ на смертномъ одрѣ властелинъ южной Руси, князь Ярославъ Владиміркович Осмомыслъ. *(Къ стр. 67).*

Ярослава, злѣ боляща!» слезно взывали набожные галичане, молясь въ день Покрова Пресвятыя Богородицы, 1-го октября 1187 г., передъ святою ея иконою. Уже третій день, какъ весь Галичъ, всѣ его горемычные граждане, отъ мала до велика, наполняли храмы, служа молебны, ставя свѣчи передъ святыми иконами о здравіи своего вѣщаго князя-благодѣтеля. Изъ храмовъ и обителей съ плачемъ шли толпы за толпами на княжескій дворъ, куда ихъ впускали, по его волѣ, безъ разбора званія и одежды. Окруженный близкими боярами, духовенствомъ, лежалъ на смертномъ одрѣ властелинъ южной Руси, князь Ярославъ Владимірковичъ, прозванный Осмомысломъ. Съ христіанскимъ смиреніемъ обращался онъ къ своимъ подданнымъ, къ сильнымъ и худымъ, къ богатымъ и нищимъ, каясь, прощаясь со всѣми: «Отцы и братія, сыны мои любезные, прощайте и простите! Отхожу я отъ суетнаго свѣта, иду къ Творцу моему! Паче всѣхъ согрѣшихъ! Другого такого грѣшника не было, какъ я! Отцы и братія, простите и отпустите!» И такъ, говоритъ лѣтописецъ, плакался онъ три дня безъ перерыва. Три дня приходили къ нему толпы удрученныхъ горемъ подданныхъ, прощаясь съ нимъ, плача надъ нимъ, своимъ любимцемъ, своею гордостью, своимъ покоемъ и счастьемъ. Ближніе бояре и духовенство не выходили изъ опочивальни, толпа же смѣнялась, наполняя сѣни и хоромы княжескаго дворца, гдѣ, по приказу умирающаго, щедро раздавали неимущимъ бѣднякамъ и святымъ церквамъ и обителямъ всѣ его сокровища. Онъ накопилъ ихъ такъ много, что всего и раздать не смогли. Усердно, осторожно собиралъ мудрый правитель добро въ княжескую казну, чтобы тратить его на благо любимыхъ

подданныхъ! Ярославъ Володимірковичъ, продолжая свою смиренную исповѣдь передъ окружающими, сознавался, что прилагалъ всѣ старанія, чтобы ограждать обиженныхъ, не отягчать неимущихъ податями, отстранять наушниковъ и смутителей. «Кого надо, явно, передъ всѣми, обличалъ, другихъ, по вниманію къ ихъ заслугамъ, тайно поучалъ». Признавался, что могъ, какъ человѣкъ, ошибаться; нельзя же одному всего управить безъ грѣха, и потому у всѣхъ просилъ прощенія. «Если же кого обидѣлъ, пусть объявитъ,—оправдаться ужъ не успѣю, но прошу простить. Видитъ Богъ, что только добра желалъ я, и только по слабости ошибался! Господь же милосердый помогалъ мнѣ съ избыткомъ, по Своей неизреченной милости: одною моею худою головою удержалъ я галицкую землю». Хотя эта его худая голова была одна изъ умнѣйшихъ среди современныхъ ему владыкъ земныхъ, но все же Господь попустилъ ее ошибиться. Въ послѣдній часъ своей жизни Осмомыслъ, на горе галицкой земли, раздѣлилъ ее между своими сыновьями. Онъ отдалъ младшему—Олегу—Галичъ, а старшему—Владиміру—Перемышль. Такой раздѣлъ сильно не понравился боярамъ-верховникамъ: Олегъ былъ уменъ и сталъ бы держать ихъ подъ своею твердою волею. А именно этого они и не хотѣли допустить.

Пока духовенство и народъ въ горѣ окружали гробъ своего князя, а клиръ трогательно взывалъ къ Господу объ упокоеніи души усопшаго, за стѣнами дворца, въ палатахъ бояръ и знати кипѣла крамола. Призывали другъ друга къ измѣнѣ, къ оружію, къ междоусобицѣ. Забывъ только что данную присягу, недовольные собрались вокругъ безхарактернаго Вла-

диміра и заставили его выгнать брата изъ галицкой земли. Потомъ, чтобы легче самимъ заправлять государствомъ, предоставили князю полную свободу предаваться своимъ порочнымъ наклонностямъ. Духовенство и народъ не осушили еще своихъ искреннихъ слезъ по усопшемъ, а во дворцѣ, на его престолѣ сидѣлъ уже нелюбимый ими, неспособный, безнравственный старшій сынъ покойнаго Ярослава — Владиміръ Ярославовичъ. Начались обиды, притѣсненія, безчинства. Галичане стали возмущаться, недовольство росло въ народѣ и принимало угрожающіе размѣры. Смѣлый, ловкій князь волынскій Романъ, по праву родства (его дочь была замужемъ за старшимъ сыномъ Владиміра) принялъ къ сердцу неурядицы въ Галичѣ и вмѣшался въ запутанныя дѣла сосѣдняго княжества. Ничего не хотѣлъ да и не могъ видѣть слабый галицкій князь. Приближенные же скрывали отъ него все увеличивавшееся недовольство и волненіе народное. Грозная вѣсть, что Романъ поднялся, призванный самими галичанами, что онъ идетъ, что онъ уже близко, такъ испугала слабохарактернаго Владиміра, что онъ, забравъ съ собою семью, ближайшихъ бояръ, да прихвативъ, сколько могъ, изъ отцовскихъ богатствъ, бѣжалъ изъ своей столицы, изъ отчаго княжества! Бѣжалъ онъ, на горе родины и православія, на западъ, за Карпаты, подъ защиту венгерскаго короля Бѣлы III.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Зубрицкій.* Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества.
2) *Иловайскій.* Исторія Россіи. II ч. Влад. періодъ.
3) Историческіе разсказы свящ. о. Василія *Залузицкаго.*
4) *Ѳ. Ив. Р.* Иллюстрированная народная исторія Руси.

Плѣнъ Владиміра Ярославича.

1189 г.

НА ГОРѢ, налъ Днѣпромъ, стояли потемнѣвшія отъ времени хоромы бояръ Молибоговичей. Высокимъ тыномъ обнесены многочисленныя хозяйственныя постройки на широкомъ барскомъ дворѣ. За нимъ высился темный боръ, и тянулись въ безграничную даль привольныя земли двухъ братьевъ-близнецовъ, славившихся своимъ богатствомъ, древностью рода и строптивымъ нравомъ. Оба холостые, знаменитые силачи, они обросли уже сѣдѣющими бородами до того, что только два глаза свѣтились изъ за-густыхъ всклокоченныхъ волосъ. Если Претило порветъ, не задумываясь, на двое тетиву изъ бараньихъ кишокъ, то Войдила переламываетъ, не надсаживаясь, лукъ изъ толстаго грушеваго дерева. Ихъ земли необозримы, стада неисчислимы, храбрость, удаль беззавѣтна! Нѣтъ на нихъ ни суда, ни расправы! Даже твердый державный Осмомыслъ махнулъ на нихъ рукой, такъ какъ не могъ сбить ихъ своевольной боярской спеси.

И только издали ближайшіе, преданнѣйшіе его слуги приглядывали за усадьбой Молибоговичей, притономъ не только воровъ и конокрадовъ, но и крамольныхъ ослушниковъ, строптивыхъ галицкихъ бояръ. Подъ тѣнью вѣковыхъ садовъ, распивая прадѣдовскіе меды, судили, рядили озорники, даже пересылались съ врагами своего великаго повелителя. То въ Кіевъ, то въ Угры неслись ихъ боярчуки, посланцы, стремянные, нося недовольныя грамоты, подстрекая недруговъ къ нападенію на родную—отчую землю! Ужъ очень привольно было боярамъ-сумятникамъ дѣйствовать изъ-за спинъ отчаянныхъ братьевъ!

Благодаря твердому правленію галицкихъ Рюриковичей, народъ жилъ богато,—во всей странѣ боярскія волости были обширны. Кой у кого на земляхъ стояли торговыя села, даже цѣлые города. Правили ими бояре сами, или черезъ своихъ тіуновъ. Заводили для порядка вооруженную стражу, изъ которой у нѣкоторыхъ создавались цѣлыя дружины. Хорошо обученные, вооруженные дружинники составляли силу, съ которою приходилось считаться самому князю. Сплотившись, бояре могли съ оружіемъ въ рукахъ настойчиво предъявлять свои желанія, чуть не предписывать свою волю. Это уже не было кіевское беззаботное, слегка драчливое боярство, выѣзжавшее со своими людишками подъ стягомъ своего князя. Сказалась обособленность галицкаго княжества отъ другихъ русскихъ княжествъ, осѣдлый характеръ княжеской власти, а, можетъ быть, сосѣдство съ Западомъ. Дружины галицкихъ бояръ напоминали рати германскихъ вассальныхъ владѣльцевъ.

Конечно, среди нихъ одними изъ самыхъ богатыхъ, самостоятельныхъ считались Боговидовскіе

братья Молибоговичи. Къ нимъ бѣжалъ кѣмъ бы то ни было обиженный смердъ, шелъ недовольный служилый людъ, съѣзжались именитые бояре. Встрѣчались даже князья и духовныя лица, обиженные галицкими порядками, требованіями. Знали они, что Войдило съ Претилой никогда не преступали границъ своихъ владѣній,—благо, съ исконныхъ временъ ни ихъ дѣды, ни ихъ прадѣды, ни они, ни ихъ сосѣди, ни ихъ державцы никогда не брались опредѣлять тѣхъ границъ. Цѣлыми днями гонялись они по роднымъ полямъ да лѣсамъ. Охотились безъ устали, чинили сами у себя и судъ и расправу, учили, содержали дружину безчисленную, а о Галичѣ и думать забывали.

Торжественно справляли они всѣ церковные праздники, всѣ поминки, дожинки. Въ такіе дни съѣзжались и сходились ихъ сосѣди цѣлыми толпами, прямо къ церкви. Темный, небольшой срубъ съ почернѣвшею крышею и тремя угловатыми, низкими главами стоялъ подъ тѣнью вѣковыхъ липъ. Дѣды сидѣли подъ деревьями, распѣвая свои однообразныя, заунывныя пѣсни: «За твое здоровье, бояринъ, за боярыню и за боярчукы, и за бояровны, и за твою челядь, и за всю скотинку». Бояре развязывали свои калиты *), дарили нищихъ, называя имена тѣхъ близкихъ, за которыхъ просили молиться; потомъ, сгибая свои широкія спины, разодѣтые въ шелкъ и парчу, входили въ низенькія церковныя дверцы. Братья-хозяева были стараго, суроваго закала. Они стояли, какъ столпы древней владиміро-волынской Руси. Кичились своими богатствами, полями, угодьями, стадами. Но въ образѣ жизни, одеждѣ, утвари

*) Мѣшки съ деньгами, наши кошельки.

придерживались строгой простоты. Измѣнить, не по старинѣ сдѣлать—оба брата считали преступленіемъ.

Обыкновенно, чинно, мирно начинался обѣдъ. Гости дѣлали честь вкуснымъ яствамъ и крѣпкимъ напиткамъ гостепріимныхъ хозяевъ. Потомъ уже шли краснорѣчивыя здравицы. веселыя рѣчи, смѣхъ; коегдѣ, пожалуй, затягивалась и удалая пѣсня. Доходила иногда живая рѣчь и до пререканій, перебранки и ссоры. Хмѣль развязывалъ языки, говорилось лишнее. Вспыльчивые галичане доходили до драки. Не всегда могъ игуменъ водворить среди нихъ порядокъ и благочиніе, напоминая имъ торжественность великаго праздника или святость поминальницы.

На этотъ разъ, въ 1189 году, инокъ не слышалъ и не видѣлъ того, что происходило вокругъ него. Съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ онъ своего сосѣда, князя Святополка Юрьевича. Съ нихъ обоихъ глазъ не спускали хозяева, да и нѣкоторые изъ гостей ужъ не слишкомъ налегали на хозяйскія угощенія. Чувствовалось что-то особенное въ воздухѣ. Игуменъ тихо говорилъ: «Виноваты мы передъ Богомъ и почившимъ нашимъ державцемъ! Зналъ онъ, что̀ дѣлалъ, когда младшему сыну назначалъ Галичъ! Преступили данную клятву, взяли себѣ Владиміра, ну вотъ теперь и страдаемъ!»—«Мы то что!» заговорилъ одинъ изъ братьевъ—хозяевъ, «мы послѣднее дѣло! Земля страдаетъ, приспѣшники Владиміра народъ обираютъ». Изъ дальняго угла всталъ бояринъ, худой, длинный, черный, точно земляной, съ рѣдкой бородой и блестящими на выкатѣ глазами.—Что̀ мы, что земля!» злымъ шепотомъ заговорилъ онъ, подходя къ игумену и князю, «дочь волынскаго владыки,—грознаго Романа, и ту свекоръ обижаетъ!

Днемъ и ночью оплакиваетъ она, въ своей опочивальнѣ, тѣ великія обиды и безчестія, что чинитъ нашъ Владиміръ Ярославичъ съ своими приспѣшниками!» И еще тише, чуть слышно, скороговоркой онъ продолжалъ: «Ужъ не разъ отецъ батюшко засылалъ провѣдать о здоровьицѣ своей дочки горемычной. Справлялся и у насъ, каково-то всѣмъ намъ живется? На что надѣемся? о чемъ помышляемъ?»—«Такъ отчего же бы намъ и впрямь не пойти къ славному Роману, въ его Владиміръ-Волынскій? Попечалиться, потужить, поразмыслить съ нимъ».—«А хорошо у него на Волыни-то?»—«Говорятъ, хорошо, даже очень хорошо намъ, русскимъ! Ну, а литвѣ-то жутко, ей лихо достается!»—«Да иначе-то и нельзя: селить пустыри надо: ну вотъ полонянниковъ и заставляютъ работать. Да литва же и не Русь христіанская, не Галичъ, могутъ на насъ и поработать язычники, нечисти».—«Попробовать бы, впрямь, пойти къ нему, поклониться нашимъ златокованнымъ столомъ?» заговорилъ Войдило, вслушавшись въ совѣщаніе гостей.—«Что ты, бояринъ?» испуганно зашепталъ, крестясь, игуменъ, «развѣ можно такъ? Владиміръ, какъ ни какъ, а законный нашъ прирожденный державецъ!»—«Да ужъ очень онъ насъ-то обижаетъ», отвѣчали ему. «Просто хоть пропадай»—«И нѣтъ! И не пропалъ!» визгливо вскрикнулъ черномазый, «кто говоритъ, что галицкій бояринъ пропалъ? Еще, слава Богу, бояре живы, живы!» Какъ эхо прокатилось по боярскимъ покоямъ подхваченное всѣми гостями восклицаніе.—«Дружины наши сильны! хлопы многочисленны! Мошны полны! потягаемся мы съ князьями! Увидимъ, чья еще возьметъ!» кричали одни. Другіе прибавляли, что и безъ Романа можно жить:

только Владиміра нужно выгнать изъ Галича. И никого другого имъ не надо. Сами, видите-ли, захотѣли справляться съ родною страною! Умѣли поддержать Ярослава, чуть не малолѣтка, на престолѣ, справились съ кіевскимъ Изяславомъ. Какъ же теперь не избавиться отъ безпутнаго Владиміра и всѣхъ его приспѣшниковъ? Ужъ очень всѣмъ имъ захотѣлось попользоваться сокровищами, которыя собралъ Осмомыслъ и не успѣлъ еще расхитить его непутевый сынъ.

Изъ Боговидова понеслась боярская крамола. Какъ лава, потекла по стогнамъ галицкой земли до самаго стольнаго города. Прошло полтора года съ тѣхъ поръ, какъ смежилъ свои ясныя очи великій Осмомыслъ, а его сынъ уже бѣжалъ изъ столицы за Карпаты съ женою и дѣтьми. Между тѣмъ въ Галичъ, понадѣявшись на поддержку бояръ, не разсудивъ, не размысливъ хорошенько, поспѣшилъ ретивый Романъ Мстиславовичъ. Приняли его галичане охотно: лучше же онъ, чѣмъ Владиміръ съ его семьею и друзьями, народными обидчиками! Но черная туча надвинулась съ Запада прежде, чѣмъ князь и народъ успѣли опомниться. Венгерскія полчища перевалили черезъ Карпаты, подъ предводительствомъ самого короля Белы III, и грозно шли на Галицію, чтобы водворить на Русской землѣ хотя и законнаго князя, но, все же, теперь своего, т. е. венгерскаго ставленника! Умный Романъ, сообразивъ, что ему въ Галичѣ не мѣсто, удалился, уводя подъ свою защиту семьи всѣхъ своихъ приверженцевъ и унося съ собой княжескую казну, чтобы она не досталась иновѣрнымъ пришельцамъ. Галичскіе бояре,—тѣ, которые держали сторону венгровъ,—подобострастно спѣшили на встрѣчу королю и его ратямъ. На галицкой землѣ, подъ галицкимъ

небомъ, потерявъ стыдъ и гордость, они поклонились чужеземцу всею своею родною стороною, говоря: «Не посади въ Галичъ Владиміра, но дади намъ въ князья сына твоего, королевича Андрея».

Не взвидѣлъ свѣта отъ счастья венгерскій король!— Владиміръ обѣщалъ ему дорогую плату за помощь, много накопленной родительской казны должно было перейти въ чужую землю; но такой благодати, такой удачи онъ не могъ и во снѣ-то увидѣть! Гдѣ же было теперь Владиміру выполнять свои обѣщанія?—Помимо его, казна княжеская, да и вся богатая, плодородная, устроенная галицкая земля текла въ руки короля. Владиміръ становился теперь уже помѣхой! Нечего съ нимъ и думу думать! Скорѣе заковать непутеваго да отправить подъ надежною стражей назадъ, въ Венгрію, гдѣ и заключить въ башенный замокъ вмѣстѣ съ женою, дѣтьми и всѣми присными! И пошелъ въ неволю злополучный князь, по той же дорогѣ, черезъ тѣ же горы, откуда такъ недавно велъ онъ чужія рати на родную землю. Бояре-измѣнники отворяли ворота славнаго Галича и съ честью, съ поклонами впускали чужеземнаго властителя въ столицу своего несчастнаго отечества! Народъ молчалъ въ недоумѣніи; святые храмы были заперты. Безъ звона, безъ крестнаго хода и благословенія галичскаго епископа въѣзжалъ иновѣрный король съ своимъ сыномъ, королевичемъ Андреемъ, водворяя его на древнемъ престолѣ православныхъ русскихъ князей! Галицкіе верховники, увлеченные порядками, которые имъ такъ нравились въ Венгріи, просили иноземца завести, на ихъ родинѣ, тотъ же государственный нарядъ. Выходило такъ, что уступая, изъ милости, ихъ слезнымъ мольбамъ, король Бела давалъ Галичу иноземный

венгерскій государственный порядокъ и венгерскаго королевича въ князья-повелители. Конечно, нельзя же было не исполнить такой просьбы! Къ титулу короля венгерскаго сдѣлали прибавку: «и галичскихъ земель». А такъ какъ въ католическихъ странахъ Западной Европы титулы принимались въ тѣ времена съ благословенія папы, то и объявили, что православное галицкое королевство (Бела назывался королемъ), по благословенію его святѣйшества римскаго папы, было присоединено къ венгерской коронѣ. Стали даже носиться слухи подъ рукою, что бояре обѣщали исподволь, втихомолку, пріучать народъ къ мысли, что одинъ Богъ, одни святые, одна и обѣдня, какъ у восточныхъ, такъ и у западныхъ христіанъ. Слухи эти дошли и до духовенства. Терпѣливо молчавшее до сихъ поръ, оно встрепенулось, насторожилось, заговорило со своей паствой, своими духовными дѣтьми. Дрогнула галицкая земля отъ края и до края! Заволновался православный народъ! Кланяться чуженину, иновѣрцу было уже не въ моготу, а тутъ еще страхъ за будущее, за вѣру отцовъ! Въ отвѣтъ на народное волненіе посыпались строгости, угрозы пришлыхъ властителей и ихъ соумышленниковъ-бояръ, народъ стали сдерживать силой, притѣснять. Ни жилища мирныхъ гражданъ, ни храмы Божіи не были пощажены. «Прогнѣвали мы Господа своими грѣхами!» восклицали терявшіе терпѣніе галичане, глядя на поруганныя родныя святыни.

Возмущенное духовенство отправило вѣстниковъ великаго горя въ дряхлый, но, все же, прародительскій Кіевъ. Потянулись и чернецы и клирики искать спасенія у древнихъ родныхъ угодниковъ. Въ свою очередь, возстало кіевское духовенство, увидя свою

галичскую братію въ горѣ, униженную, плачущую. Собрался весь освященный соборъ въ покои владыки-митрополита Константина, повѣдать ему о постигшемъ православный міръ злоключеніи. Горько заплакалъ и не могъ утѣшиться маститый іерархъ россійской Церкви, когда къ его стопамъ припали плачущіе братья галицкихъ обителей. Венгры выгнали ихъ изъ родныхъ монастырей! Храмы Божіи обращены въ стойла для коней!

— «Вступись за насъ, святый отче! Насъ тянутъ въ Римъ, подъ папу! нашу святыню сквернятъ, нашъ народъ православный угнетаютъ!» Гнѣвомъ сверкнули старческія очи, воспрянулъ кіевскій владыка, взялъ свой пастырскій жезлъ и, окруженный духовенствомъ своимъ и пришлыми челобитчиками, пошелъ въ великокняжескія палаты къ осторожному великому князю Святославу Всеволодовичу. У него въ гостяхъ былъ сватъ его, Рюрикъ Ростиславовичъ. И до нихъ долетали вѣсти отъ подножія Карпатъ,—они уже совѣщались, какъ быть, какъ пособить горю, какъ подѣлить галичскія земли. Совѣщались они даже до ссоры. А тутъ предсталъ строгій Божій слуга.

Не отъ міра сего были его рѣчи. Не по-мірски судилъ онъ о несчастьяхъ родныхъ людей, родныхъ земель.—«Иноплеменники сквернятъ храмы православные! Святыню попираютъ!» властно говорилъ онъ земнымъ правителямъ, «Церковь страдаетъ! Ее идите спасать отъ иноплеменниковъ! Лѣпо вамъ будетъ потрудиться во славу Божію! Не отдайте родной святыни и отчины своей невѣрнымъ!» Призадумались князья: если оставить Галичъ на съѣденіе венграмъ, окрѣпнутъ тогда паписты по сю сторону Карпатъ, сольются, пожалуй, еще съ ляхами, благо и тѣ римской вѣры,—тогда что же станется съ нами?

Съ востока напираютъ варвары. Остается, значитъ, сѣверъ съ его болотами да лѣсами.? Надъ нимъ царитъ уже безспорно Всеволодъ Юрьевичъ владимірскій,—ему и Новгородъ послушенъ со своими полудикими данниками.—«Пропадетъ наша южная Русь!» пророчески сказалъ владыка, понуривъ свою умную сѣдую голову. «Ужъ николи не вернутся Кіеву славныя времена Ярослава и Владиміровъ! Сгубили вы, князья, родную святыню своими распрями, братоубійственными войнами! Не замолить намъ вашихъ великихъ прегрѣшеній противъ памяти предковъ, противъ закона Божьяго!»

Молча слушали заслуженные упреки русскіе князья, и, хоть нехотя, хоть ссорясь втихомолку, но, все же, собрали рати и стали надвигаться на венгровъ, засѣвшихъ на галицкой землѣ. Только Господь судилъ иначе! Видно, горяча была молитва кіевскаго владыки, видно, сжалились святые угодники Русской земли и заступились предъ престоломъ Всевышняго за своихъ страждущихъ галицкихъ братій. Хотя на время, но, все же, венграмъ пришлось оставить Галичъ!

Сурово глядятъ Карпаты. Темный густой боръ спускается отъ нихъ и покрываетъ всю долину, точно задушить хочетъ мрачный небольшой за́мокъ, Богъ вѣсть, кѣмъ построенный въ этомъ всѣми забытомъ углу. Сюда-то схоронилъ вѣроломный Бела своего плѣнника, злосчастнаго державца галицкой земли. Въ высокой угловой башнѣ томится Владиміръ Ярославичъ съ женою и дѣтьми. Томится до отчаянія. Не милы уже ему его близкіе. Не могутъ понять малолѣтки отцовскаго горя. Жена больна отъ неволи, ея усталые глаза оживаютъ только при взглядѣ на малютокъ. Вся ея болѣзненная забота сосредоточена

на нихъ: какъ бы не разбились, рѣзвясь и толкаясь на крутыхъ каменныхъ ступеняхъ лѣстницы, что̀ ведетъ въ тѣсныя, мрачныя опочивальни съ башни. Взмиловавшіеся тюремщики устроили на ея верху площадку и натянули полотняный шатеръ, чтобы дать бѣдному узнику возможность подышать чистымъ воздухомъ горъ и лѣсовъ.

Тоска, кручина все сильнѣе сосетъ душу князя. Упорно, неотвязно прикованъ его взглядъ къ далекому, темному бору. Тамъ, на краю неба, высятся горы, а за ними дорогая, родная земля! Что̀ жена? что̀ дѣти? Тоска по родинѣ черствитъ душу плѣнника! У него въ опочивальнѣ подъ половицею схоронены остатки отцовскихъ сокровищъ. Не все добро, накопленное Осмомысломъ, обобрали бояре; и не все онъ самъ отдалъ Белѣ, думая этимъ путемъ закупить его помощь. Кое-что еще прибережено и теперь какъ разъ можетъ пригодиться. Лишь бы случай представился! Утѣшится жена, забудутъ родину дѣти, выростая при матери въ довольствѣ на чужбинѣ, съ которой начинаютъ уже свыкаться. Только самому бы кое-какъ вырваться, окунуться въ эту родимую даль! Хоть бы обернуться въ птицу крылатую, перелетѣть подъ облака къ родному Галичу! Тошно бѣдному князю, не въ моготу ему, злосчастному державцу! О, Господи! Что дѣлается на его прародительскомъ столѣ?

Тѣни стали спускаться въ долинѣ. Жена и дѣти, крестясь, пошли на ночлегъ. Владиміръ все не шевелится, глазъ не можетъ оторвать отъ той долины, что уходитъ въ сторону родины. Его тюремщики приходили, смотрѣли, вздыхали, исчезали, опять поднимались. Наконецъ, одинъ не смѣло заговорилъ: «Князь любезный, не кручинься, не тоскуй такъ смертельно!

Тамъ, на краю неба, высятся горы, а за ними—дорогая родная земля! *(Къ стр. 80).*

Можетъ, твоему горю Господь и научитъ насъ помочь!» Испуганно, едва понимая, боясь понимать, смотрѣлъ Владиміръ на сторожа. Сердце замирало, точно нѣмѣло. Старикъ продолжалъ: «мы съ братомъ выросли въ здѣшнихъ лѣсахъ. Всѣ до единой тропинки избѣгали сызмала. Дороги знаемъ. Довѣрься только намъ. Вотъ тебѣ крестъ святой, не выдадимъ тебя, доставимъ цѣла на родину. Вишь, не можетъ твоя душа ее покинуть!» И онъ перекрестился. Крестился и Владиміръ. Его сердце билось, — хотѣло разорваться на части. Духъ захватило. Губы начали выговаривать слова молитвы. Изъ глазъ полились слезы. Наконецъ, онъ понялъ слова спасителей. Молясь, онъ довѣрился имъ. Пока они скручивали крѣпкіе жгуты изъ полотнянаго шатра, по которымъ князь могъ бы спуститься на землю, Владиміръ пошелъ въ опочивальню и досталъ свои сокровища; оставивъ половину женѣ и дѣтямъ, остальное спряталъ подъ кольчугу. Потомъ, поднявшись опять наверхъ башни, онъ спустился по веревкѣ на руки своихъ вѣрныхъ избавителей и, подъ покровомъ темной ночи, пробрался съ ними до лѣса, а тамъ и дальше—до границы.

Только не на родину пошелъ Ярославичъ. Не на Русь явился галицкій князь. Бросивъ жену въ заточеніи, онъ пошелъ просить защиты у германскаго императора Фридриха Барбароссы. Изумился гордый повелитель Западной Европы, увидя предъ собой, просителемъ, родного племянника суздальскихъ князей — Андрея и Всеволода Юрьевичей.

Образованные, сильные русскіе князья были извѣстны германскому императору. Они сносились съ нимъ и по торговымъ дѣламъ и по вопросамъ народнаго образованія. Не разъ выписывали съ Запада

во Владиміръ ученыхъ строителей, ваятелей, живописцевъ и всѣ нужные имъ матеріалы. Изъ писемъ князей императоръ видѣлъ ихъ свѣтлый умъ, всестороннія знанія. О мудромъ же ихъ правленіи, богатствѣ Русской земли, о многочисленномъ, сильномъ войскѣ, толковали безъ конца при его дворѣ возвращавшіеся на родину, богато одаренные художники. Что родъ суздальскихъ князей первенствуетъ на всемъ безграничномъ пространствѣ, отъ сѣвернаго до южнаго морей, отъ Карпатъ на западѣ и до Кавказа на востокѣ,—это было хорошо извѣстно въ Западной Европѣ. Вотъ почему Фридрихъ особенно охотно согласился помочь ихъ родственнику, который далъ ему еще и обѣщаніе: выплачивать ежегодно по 2000 гривенъ серебра, лишь бы вернуться на прародительскій престолъ.

Деньги эти были далеко не маловажны, особенно при тѣхъ безконечныхъ тратахъ, которыя вызывали на Западѣ крестовые походы. Одинъ изъ такихъ походовъ и предпринималъ въ это время императоръ. Онъ охотно и скоро согласился послать въ помощь Владиміру одного изъ своихъ вассальныхъ государей, короля польскаго Казимира Справедливаго. Къ границамъ родной земли, отчаго наслѣдія, не постыдился Владиміръ Ярославовичъ привести иноземныхъ, иновѣрныхъ ляховъ. Венгры не ждали его появленія, а галичане, прослышавъ о возвращеніи прирожденнаго князя, огласили всю страну радостными кликами и пошли толпами ему навстрѣчу. Духовенство выходило съ крестами, хоругвями по всему пути Владиміра, благодаря Бога въ радостныхъ молитвахъ за спасеніе страны отъ иноземнаго ига. Королевичъ Андрей не могъ, да и не думалъ сопротивляться. Онъ бѣжалъ

съ своими венграми да крамольными боярами къ отцу, за Карпаты, унося съ собою лишь титулъ, но, все же, обидный для русскаго уха: «короля галицкой земли».

Усѣвшись на прародительскомъ столѣ, Владиміръ догадался немедленно отправить пословъ къ дядѣ своему, владимірскому великому князю Всеволоду Юрьевичу, съ челобитною: «Отецъ и господинъ мой!» такъ писалъ онъ, «молюся тебѣ; удержи Галичъ подо мною, а я Божій и твой есмь, со всѣми галичанами. Въ твоей волѣ есмь всегда». Тронула Всеволода Юрьевича просьба племянника, сына покойной несчастной сестры—Ольги Юрьевны. Онъ отправилъ посланія ко всѣмъ русскимъ и польскимъ князьямъ, требуя, чтобы они обѣщались, присягнули, крестъ цѣловали на томъ, что никто изъ нихъ не будетъ отнимать престолъ у его племянника. «И оттолѣ», говоритъ лѣтопись, «не бысть на-нь никого же». Грозное слово владимірскаго князя вызвало полное послушаніе. Замолчалъ и Рюрикъ, притихъ и самъ кіевскій князь Святославъ. Утѣшенъ былъ и митрополитъ кіевскій и всея Руси! Его святыя молитвы, видимо, помогли избавить православный Галичъ отъ западныхъ иновѣрцевъ. Только римскій папа съ тѣхъ поръ уже не сводилъ своихъ завистливыхъ глазъ съ прикарпатской Руси.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Иловайскій.* Исторія Россіи. Ч. II. Владимірскій періодъ.
2) *Зубрицкій.* Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества.
3) *Соловьевъ.* Даніилъ Романовичъ, король галицкій. Современникъ 1847 г. Т. I.

Романъ Мстиславовичъ Галицкій, самодержецъ всей Русской земли.

1197—1205 гг.

ВЪ ДИВНО украшенномъ, по словамъ лѣтописи, каменномъ соборѣ Успенія Пресвятыя Богородицы, усердно молился владиміро-волынскій князь Романъ Мстиславовичъ, стоя на клиросѣ, и могучій голосъ его звонко разносился подъ величественными сводами Мстиславова храма. Романъ любилъ и зналъ церковный уставъ лучше самаго свѣдущаго дьячка и пѣлъ превосходно. Набожные волынцы особенно охотно посѣщали «отчій храмъ» своихъ любимыхъ благочестивыхъ князей. Служба шла чинно, благоговѣйно. Князь прочиталъ апостолъ истово, ясно, громогласно и, возвращаясь на клиросъ, замѣтилъ движеніе въ толпѣ, обыкновенно очень тихо стоявшей во время обѣдни. Онъ двинулъ свои черныя брови и уставился на старика, осторожно пробиравшагося впередъ. Какъ лунь, бѣлѣла голова пришельца; ужъ сгорбили годы когда-то

высокій его станъ. Съ посохомъ въ рукахъ, съ сосредоточеннымъ видомъ опустился онъ на колѣни у самаго клироса и углубился въ молитву. Когда же дьяконъ, при чтеніи св. евангелія, произнесъ: «*Егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавши оживутъ*» *), старикъ внятно прошепталъ: «воистину оживутъ». Романъ сердито оглянулся, и ему показалось знакомымъ лицо странника. Но какъ ни старался онъ, ничего не могъ припомнить, только злился, что не могъ уже сосредоточить мыслей на молитвѣ. Богомолецъ же продолжалъ, ни на кого не глядя, усердно молиться, отбивая земные поклоны, несмотря на свои видимо преклонные годы.

Отошла обѣдня, повалилъ народъ изъ храма, князь Романъ прошелъ прямо въ ризницу и велѣлъ позвать туда чуженина, стоявшаго у праваго клироса. Не успѣлъ пономарь броситься исполнять княжій приказъ, какъ незнакомецъ самъ предъявился—тутъ какъ тутъ. Сдѣлалъ обычныя метанія передъ иконами, потомъ самому князю поклонился въ ноги да и заговорилъ: «Кланяютися, великій княже володимерскій, галицкій и всея Руси! Повели, милостивецъ, холопу твоему, писцу Тимоѳею»....—«А,—вспомнилъ теперь! вотъ оно что: Тимоѳей, княжій писецъ изъ Галича», сказалъ князь. «Что-жъ это ты—да еще обученый—не по праву такъ выговорилъ: гдѣ тутъ всея Руси, да и Галичъ зачѣмъ помянулъ?»—«По праву помянулъ: воистину! Кланяютися, галицкій самодержче!» Вспылилъ Романъ Мстиславовичъ, крутенекъ былъ, шутить при себѣ не позволялъ! А старикъ, вторично поклонившись въ ноги, всталъ, выпрямился передъ княземъ и торжественно проговорилъ: «Владиміръ Ярославовичъ помре, спѣши

*) Ев. Іоан. V, 25.

въ Галичъ, княже православный, не то угры съ ляхи упредятъ тебе». Даже отшатнулся Романъ. «Владиміръ умеръ! Опустѣлъ галицкій столъ!» Истово перекрестился благочестивый князь и, подозвавъ своего духовника, служившаго въ этотъ день литургію, пошелъ съ нимъ, задними дверями, въ княжескія палаты, приказавъ проводить туда и писца.

Служитель Божій, весь проникнутый святостью только что совершеннаго таинства, съ удивленіемъ смотрѣлъ на волненіе земного владыки. — «О чемъ такъ печешься, княже великій? Что Господу угодно, то и будетъ». Но Романъ не унимался. Сколько лѣтъ стремился онъ соединить въ одно сильное княжество южную Русь! Сколько вытерпѣлъ горя, униженій, вынесъ опасностей! Ужъ разъ стоялъ онъ одной ногой на ступеняхъ галицкаго княжескаго стола! Разъ ужъ поступился своими желаніями передъ волей сильнѣйшаго врага—ушелъ отъ Галича, оставилъ его венграмъ, лишь бы не проливать напрасно христіанскую кровь.... Нѣтъ, теперь ужъ не уступитъ! Да и уступать-то кому? венграмъ? ляхамъ? кіевскому Рюрику?—«И опять польется кровь христіанская», тихо, съ мольбой въ голосѣ, сказалъ священникъ.—«Да пойми ты, отче преподобный, что еще больше польется она, если придутъ вороги съ запада! Припомни Белу III, поруганіе храмовъ, притѣсненіе православія!» — «Да не будетъ!» вздыхалъ, крестясь, старецъ: «да оградитъ насъ Христосъ и святые Его угодники отъ такой напасти!» — «Ну, вотъ то-то и есть! Надо торопиться, чтобы не впустить снова папистовъ на святую Русь!»

Когда, по призыву своего князя, собрались въ думной палатѣ епископъ, бояре, воеводы, Романъ заговорилъ.—«Позвалъ я васъ, съ благословенія на-

шего владыки и моего духовнаго отца, галицкіе мои дорогіе гости, и васъ, мои володимерскіе соратники, чтобы послушать пришельца изъ Галича о приключившемся у нашихъ сосѣдей». Въ хоромы вошелъ писецъ Тимоѳей, занимавшій эту должность еще при Осмомыслѣ. Ни чуть не смутился старикъ, увидя себя въ такомъ многолюдномъ собраніи и, на вопросы князя, сталъ отвѣчать отчетливо, съ достоинствомъ. — «Волею Божію, князь Владиміръ галицкій померъ и на его честныхъ похоронахъ бояре, какъ и прежде водилось, подняли смуту, зашумѣли насчетъ его наслѣдства». Присутствовавшіе при этой вѣсти галичане тоже зашумѣли: «Идемъ, князь! спѣши въ Галичъ! ведемъ мы тебя на твой столъ!» Властно махнулъ на нихъ рукою Романъ, нахмурилось умное чело; онъ спросилъ Тимоѳея: «Взялись за оружіе буяны?» — «Не, милостивецъ,— а взялись за казну княжію, есть тотъ грѣхъ! Похитили сокровища, сколько могли, и пошли кланяться ими венгерскому королю».—«Измѣнники вѣрѣ отцовской!» отчетливо проговорилъ епископъ. Молчалъ Романъ и думалъ крѣпкую думу; потомъ, смотря ясно на своего духовника, сказалъ: «Видишь, отче, не обойдется безъ кровопролитія: придутъ латиняне и начнутъ убивать православныхъ или вынуждать отречься отъ вѣры предковъ. Надо ихъ предупредить». Уныло склонилъ голову молитвенникъ Божій и, осѣнивъ князя крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: «Будемъ день и ночь молиться со слезами, чтобы Господь помогъ тебѣ, Своему благовѣрному избраннику, безъ боя овладѣть сосѣдней русской землею, во славу православной вѣры».

Сдѣлавъ должныя распоряженія, отправивъ лучшихъ изъ бояръ съ полками къ Перемышлю и Яро-

славлю, князь распустилъ совѣтниковъ. Самъ же, переговоривъ еще съ Тимоѳеемъ, приказалъ сѣдлать коней и, взявъ только двухъ оруженосцевъ, поѣхалъ, тайкомъ отъ всѣхъ, ближайшими путями прямо въ Краковъ. Направился онъ къ своей любимой племянницѣ, княгинѣ Еленѣ, дочери Всеволода Мстиславовича Бѣльзскаго, вдовѣ Казимира Справедливаго.

Русской княгинѣ очень трудно было удержать престолъ за своимъ малолѣтнимъ сыномъ Лешкомъ. Многіе бояре стояли за его дядю Мечислава, брата покойнаго Казимира. Для славянъ нуженъ былъ тогда князь-воинъ, въ ратныхъ доспѣхахъ, съ тяжелой рукой, удалымъ обычаемъ. Не любовно смотрѣли они на короля-ребенка. Но королеву поддерживалъ краковскій епископъ и его братъ, воевода Николай,—друзья дѣтства нашего князя Романа, который воспитывался въ Краковѣ. Обо всемъ этомъ раздумывалъ мудрый Романъ, пока добрые кони осторожно несли его по извѣстнымъ ему, но небезопаснымъ путямъ, черезъ ущелья и лѣса, ловко обходя болота и селенія.

Начинало темнѣть, черный боръ стѣной стоялъ передъ путниками. Пришлось придерживать коней, вглядываясь въ даль.—«Вона огонекъ, княже», сказалъ стремянный. Между соснами впереди что-то мерцало, и путники стали подвигаться къ этой свѣтящейся точкѣ. Чѣмъ ближе, тѣмъ яснѣе слышался имъ старческій, но все еще сильный, пріятный голосъ, и звуки струнъ все отчетливѣе долетали до ихъ внимательнаго слуха. Вдругъ молодой, свѣжій, чудный голосъ раздался въ тишинѣ ночной, — ясно, въ избушкѣ играли на гусляхъ и пѣли псалмы. Было чего заслушаться въ эту черную, глухую ночь, въ темнотѣ, пожалуй, непроходимаго бора. Чѣмъ ближе

О! да кто жъ это? чуть ли не старый знакомецъ! *(Къ стр. 89).*

подъѣзжали путники, тѣмъ чудные звуки становились яснѣе, обаятельнѣе. Сдерживая дыханіе, чуть шевелясь, сошли они съ заморенныхъ коней, подошли къ раскрытому входу и, при яркомъ свѣтѣ лучины, увидѣли сѣдого старика, а у ногъ его дѣвочку-подростка. Оба такъ увлеклись своею молитвою, что замѣтили гостей только тогда, когда тѣ уже вошли въ яркую полосу свѣта убогаго, но не тѣснаго жилья.—«О! да кто-жъ это? чуть ли не старый знакомецъ!» воскликнулъ удивленный князь. Дѣвочка встала, въ недоумѣніи поднявъ свои большіе черные глаза на пришельцевъ. Ея смуглыя щеки вспыхнули, и она застѣнчиво отошла въ самый темный уголъ.—«Чье это дитя?» опять спросилъ князь.—«Мое, милостивецъ нашъ великій», почтительно, но не подобострастно отвѣчалъ отшельникъ. «Принесъ я это дитю-турчапочку, на моихъ рукахъ, лѣтъ съ десятокъ тому назадъ изъ Святой земли, окрестилъ же ее здѣсь о. Аввакумъ».—«Ты-то самъ—Нелюбецъ—что ли—изъ Чегрова?» спросилъ Романъ и раздумывалъ: «что это? Божья воля или вражья сила занесла меня сюда?» Но, подъ впечатлѣніемъ только что слышаннаго сладостнаго пѣнія, онъ приказалъ людямъ отпустить у коней подпруги и хорошенько ихъ выводить. Самъ же переступилъ порогъ и усѣлся на деревянную лавку, покрытую звѣриной шкурой. Пѣвецъ повѣсилъ свои гусли въ переднемъ углу, подъ образомъ, передъ которымъ теплилась неугасимая лампада.—«Ты это съ Берладникомъ научился такъ хорошо пѣть?» спросилъ князь.—«Да, пожалуй, и тогда ужъ гусли были моими друзьями, только не для святыхъ словъ великаго псалмопѣвца», былъ степенный отвѣтъ. «Молитвенному славословію научили меня

братья-паломники, во время странствованій по святымъ мѣстамъ».

Князь оглядывалъ хату. Турчаночка прикурнула въ углу на волчьей шкурѣ, рядомъ съ ручнымъ медвѣженкомъ. Въ углу надъ образомъ три пальмы поникли своими высохшими верхушками. Вглядываясь въ ликъ, изображенный на иконѣ, князь опять вскинулъ пытливый взглядъ на старика.—«Св. Димитрій изъ Солуня?»—«Помогъ Господь принести и святыню,—попалъ туда въ тѣ поры, когда бояринъ Тудоръ ходилъ, по повелѣнію князя Ярослава, за тѣломъ князя Іоанна, по прозванію Берладника».—«Чтожъ принесли его тогда?»—«И положили честно въ Ивановской обители, что подъ Галичемъ».—«Вотъ оно что!—Ну, а тутъ-то, старикъ, ты все молишься или состоишь соглядатаемъ у вороговъ Русской земли?» Этотъ прямой, рѣзкій вопросъ, какъ бичъ, хлестнулъ старика: онъ всталъ во весь свой богатырскій ростъ, точно хотѣлъ головою поднять невысокій потолокъ, и съ достоинствомъ отвѣтилъ: «Никогда слуги усопшаго галицкаго князя Іоанна Ростиславовича не шли противъ родины».—«Онъ только самъ водилъ ихъ подъ Галичъ проливать русскую кровь?» рѣзко возразилъ Романъ.—«Пусть бы дали ему, какъ старѣйшему, волость. Ну, да это дѣло княжее, не намъ, рабамъ, судить! Ты-то самъ куда путь держишь въ такую темь, въ такой глуши?»—«Тебѣ на что же знать, куда я путь держу? Развѣ меня не узнаешь? ну, и не надо».—«Какъ не признать волынскаго-то князя!» Романъ поднялъ пристальный взглядъ на говорившаго.—«Но здѣсь не Волынь, а, пожалуй, недалече и ляхская земля. Почто же князю приключилось ѣхать одному къ ляхамъ этимъ путемъ?»—

«Вотъ оно что! Любопытенъ сталъ?»—«Мнѣ, князь, не до любопытства. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ извели злые вороги прирожденнаго моего галицкаго князя, Божій свѣтъ мнѣ опостылѣлъ. Ходилъ я по святымъ мѣстамъ, пока силы были. Теперь живу въ пустынѣ, со звѣрями, учу христіанскую душу молиться, вѣрить, любить. И самъ молюсь за упокой усопшихъ, и мира мірови прошу».—«А я на брань иду,—не надо, значитъ, за меня молиться!»—«На брань? куда? зачѣмъ? Ляхъ миренъ по-сейчасъ. Аль обидѣлъ Мечиславъ Елену съ сыномъ?»—«Нѣтъ, иду просить у ней полковъ, чтобы съ ними Галичъ взять».—«Опять! такъ точно, какъ Берладникъ»?—«Совсѣмъ не такъ! Выходитъ иначе: престолъ стоитъ пустой, на Галичъ венгровъ позвали бояре. Владиміръ умеръ!» Остолбенѣлъ отъ изумленія отшельникъ.—«Умеръ князь Владиміръ? За венграми пошли бояре? О, Господи, спаси насъ и помилуй!» Потомъ вдругъ повалился въ ноги Роману.—«Иди, князь великій, спѣши къ Галичу, не дай его венграмъ на съѣденіе»!—«Ага! заговорило русское сердце, что-что Берладникъ! Теперь—иди! А куда я пойду въ такую темь? Ты, пожалуй, еще свиснешь какихъ своихъ друзей—ушкуйниковъ? *) Вотъ и пропадай Галичъ!» сказалъ князь полушутя, глядя на старика.—«Грѣхъ тебѣ смѣяться надъ святыней! Ты наше спасеніе, наша надежда; да на галицкой землѣ не найдется и ворога на тебя,—развѣ только бояре?»—«Они ужъ казну уграмъ понесли».—«А ты безъ нихъ въ Галичъ! упреди ихъ, молю тя, господине-княже!» И торопясь, съ трудомъ досталъ старикъ изъ-за образа кусокъ камня, отломилъ отъ него только небольшую часть

*) Разбойниковъ.

себѣ, приговаривая: «Это дитю въ благословеніе». Большую же половину камня онъ завернулъ въ чистую тряпочку и передалъ князю, вдохновенно повторяя: «да сохранитъ, да оградитъ тебя частица святыя, честныя скалы гроба Господня отъ всякаго лукавствія, бѣды, злополучія!» И поклонился истово желанному правителю южной Россіи. Благоговѣйно крестясь, поцѣловалъ набожный Романъ частицу священнаго камня и запряталъ ее подъ кафтанъ. Въ это время между верхушками сосенъ засіялъ серпъ луны, и стало виднѣе. Князь кликнулъ своихъ людей. Нелюбецъ вызвался проводить его лѣсомъ до самой границы польской земли. И тамъ, когда уже путники выбрались изъ чащи, въ чистое поле, на дорогу, отшельникъ долго стоялъ, слѣдя за ними добрыми глазами. Усердно крестя ихъ вослѣдъ, горячо молился, призывая Божіе благословеніе на строптиваго, но безусловно мудраго князя.

Съ почетомъ приняли въ Краковѣ дядю королевы. Жители привѣтливо встрѣчали своего стараго знакомца, храбраго, удалого, русскаго князя. На красное крыльцо королевскаго дворца вышли всѣ придворные чины и его другъ дѣтства, воевода Николай. Крѣпко обнялись пріятели и стали объ руку подниматься по ступенямъ крыльца. Въ дверяхъ стояла вдовствующая королева съ епископомъ, маленькій же король бѣжалъ на встрѣчу, радостно повторяя: «Дѣдю любимый, буди ми отца вмѣсто!» Въ отвѣтъ русскій князь обнялъ польскаго короля и при неистовыхъ кликахъ народа громко сказалъ: «Клянусь передъ Богомъ быть тебѣ вмѣсто отца!» Ликущія толпы съ умиленіемъ смотрѣли на эту трогательную картину. Прослезилась королева, перекре-

Дѣдю любимый, буди ми отца вмѣсто! *(Къ стр. 92).*

стился воевода, епископъ же благословилъ мощнаго покровителя сироты и вдовицы.

Романъ принадлежалъ къ числу тѣхъ государей, которые не робѣютъ передъ сильными средствами для искорененія сильнаго зла. Будучи еще волынскимъ княземъ, онъ прославился ожесточенною борьбою съ половцами и литвою. Первые со страху сократили свои набѣги на Русь,—даже дѣтей своихъ пугали именемъ князя. Съ литовцами онъ преслѣдовалъ цѣль, общую всѣмъ древнимъ князьямъ, своимъ родичамъ. Онъ заботился всего болѣе о построеніи городовъ и населеніи пустынь. Для прекращенія набѣговъ языческой литвы, онъ считалъ необходимымъ пріучать эти дикія звѣроловныя племена къ хлѣбопашеству. Истребляя ихъ дремучіе лѣса, строилъ города, села, расчищалъ огромныя пространства, обращая ихъ въ плодородныя поля. И такой-то сильный духомъ и волей державецъ пришелъ къ племянницѣ своей просить поддержки.

Когда они остались одни въ покояхъ королевы, Елена первая заговорила о трудности переживаемыхъ событій.—«Помни, дядя, что въ титулѣ венгерскихъ королей стоятъ обидныя для насъ, русскихъ, слова: «король галицкой земли». Надо молить Бога, чтобы они остались однимъ звукомъ».—«Я слышалъ», сказалъ епископъ, «будто угорскія рати уже переходятъ Карпаты». — «Надо бы спѣшить, княже!» вставилъ воевода.—«Идемъ, друже!» обращаясь къ нему, сказалъ Романъ и, повернувшись къ королевѣ, добавилъ: «разъ они узнаютъ, что на нихъ идутъ наши соединенныя рати, авось будутъ осторожнѣе подвигаться, меньше безчинствовать. Надо отстоять русскія и польскія земли отъ общаго врага».—«Возьми меня съ со-

бою, нареченный отецъ!» взмолился Лешко. Поблѣднѣла Елена, сжалось материнское сердце, крупныя слезы закапали изъ глазъ, но кровь доблестныхъ русскихъ князей сказалась въ ихъ славной дочери. Она перекрестилась, передала свое сокровище, сына польскихъ королей, на руки дядѣ, славному потомку Мономаховичей, и пошла распоряжаться приготовленіями къ его отъѣзду въ дальній боевой походъ. Какъ ни обычно было тогда брать дѣтей съ собою на ратные подвиги, но для материнскаго сердца это не утѣшеніе. Несказанно страдала бѣдная Елена, преклоняясь передъ неумолимымъ долгомъ! Князь же Романъ съ воеводою занялись воинскими распоряженіями, а набожный епископъ поспѣшилъ въ свою молельню, взывая къ милосердому Богу о помощи правому, святому дѣлу.

Господь услышалъ теплую молитву Своего смиреннаго служителя. Когда венгры узнали, что волынскій князь, съ свойственной ему отвагой, устремился съ польской конницей къ Галичу, они призадумались — да благоразумно и повернули домой, за Карпаты. Боя не было, королева успокоилась,—цѣло, невредимо отдали ей ея сокровище.

До помраченія ума перепугались мятежные галицкіе бояре. Поспѣшно, опережая другъ друга, примкнули они къ народному ликованію. Съ крестами, хоругвями, въ праздничномъ облаченіи пошло галицкое духовенство навстрѣчу волынскому князю. Радостно гудѣли церковные колокола, народъ восторженно привѣтствовалъ великаго Романа, самодержца, повелителя всего юга Руси. Гордо въѣхалъ волыно-галицкій державецъ въ свою новую столицу. Набожно приложился къ святымъ иконамъ, принялъ благосло-

веніе епископа и прошелъ съ нимъ въ соборный храмъ—благодарить Бога за безкровную побѣду, одержанную надъ врагами земли родной и родного православнаго вѣроученія.

Владѣя всею Карпатскою Русью, Романъ Мстиславовичъ властвовалъ единодержавно на берегахъ Днѣстра, Прута, Серета и при Дунаѣ, т. е. тамъ, гдѣ теперь Австрія главенствуетъ надъ славянскими племенами. Тогда онъ соединилъ въ своей мощной рукѣ галицкое и родовое владиміро-волынское княжества. Князь Романъ держалъ въ страхѣ и венгровъ, и ляховъ,—да страшно громилъ и литовцевъ съ ятвягами за то, что тѣ, врываясь въ его владѣнія, варварски притѣсняли его подданныхъ.

Объ отношеніяхъ князя къ литовцамъ сложилась, говоритъ современный лѣтописецъ, поговорка: «Романе княже, худымъ живеши, литвою ореши». Въ дѣйствительности же онъ, съ обычною твердостью, проводилъ начала христіанства и порядка въ пограничныхъ языческихъ земляхъ. У себя творилъ судъ правый, нелицемѣрный. Лѣтопись говоритъ, что онъ былъ «храбръ, какъ туръ, сердитъ, какъ рысь, и губилъ, какъ крокодилъ». Дѣйствительно, онъ губилъ немилосердно всѣхъ, кого считалъ недостойнымъ, вреднымъ сыномъ любимой родины. Не давалъ воли ни боярамъ, ни тіунамъ *), былъ справедливъ, но и неумолимъ. «Не подавивъ пчелъ,—меда не съѣшь», была его любимая пословица. И онъ давилъ все дурное, безчестное, вредное для государства,—будь это внутренніе или внѣшніе враги, иноплеменники или свои родичи—русскіе князья. «Народъ славилъ въ

*) Управители княжескими имѣніями.

немъ умъ мудрости, дерзость льва, быстроту орлиную и ревность Мономахову въ усмиреніи враговъ». Только передъ суздальскимъ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ Большое Гнѣздо, преклонялся гордый Романъ. По словамъ лѣтописи, онъ величалъ его «своимъ отцомъ и господиномъ», какъ старшаго въ Мономаховомъ родѣ.

Согласно слѣдили оба державца за внутренними безпорядками среди младшихъ князей и за внѣшними врагами. Новгородъ, Псковъ съ ихъ данниками, весь языческій міръ сѣверной и восточной окраинъ боялись Суздаля, зависѣли отъ его державца. Литва, ляхи, венгры считались съ Галичемъ. Младшіе князья, съ Рюрикомъ кіевскимъ во главѣ, не переставали драться, дѣля и отнимая другъ у друга волости, взывая о поддержкѣ то къ тому, то къ другому изъ единомышленныхъ вершителей судебъ Русской земли. Слава о «великомъ Романѣ» росла и разносилась по всей Европѣ. Византійскій императоръ Алексѣй Ангелъ, выгнанный племянникомъ Алексѣемъ Исааковичемъ, бѣжалъ въ гостепріимный Галичъ. Онъ спасался отъ родственника и его союзниковъ-крестоносцевъ, завладѣвшихъ Константинополемъ и водворившихъ тамъ свое латинское вѣроученіе въ 1204 г.

Роскошная столица Запада, центръ тогдашней политической жизни Европы, царственный Римъ внимательно глядѣлъ на богатырскій ростъ восточнаго гиганта. Сонмъ кардиналовъ, прелатовъ, духовныя и свѣтскія власти, со своимъ святѣйшимъ главою Иннокентіемъ III, чуть не самодержавнымъ владыкою полувселенной, кому крестоносцы завоевали Балтійскій край,—часто заговаривали о дѣлахъ «галицкаго королевства».—«Это наша епархія!» повторялъ

св. отецъ. «Въ титулѣ венгерскихъ королей вписаны эти, для насъ неизгладимыя, слова; значитъ, волыно-галицкая Русь должна быть собственностью римскаго престола».— «Нерушимо!» — «Вѣрно!» — «Свято!» — «Быть по сему!» посыпались убѣжденные отвѣты.—«Какъ же будетъ нашей епархіей земля греческаго закона?» послышался скромный, еле выговоренный вопросъ. Но чуткое ухо римской куріи дослышало, и въ отвѣтъ папа вѣско заявилъ: «Тѣмъ больше славы будетъ намъ, если мы, хотя бы силой, напоимъ здравымъ римскимъ ученіемъ Рутенію и подчинимъ римской церкви эту особую часть свѣта *). Изогнувшись въ три погибели передъ мнимымъ намѣстникомъ Христа, неугомонный спорщикъ, хотя со страхомъ, продолжалъ: «тамъ міръ особенный, отличный отъ нашего благословеннаго Запада. Это далеко за Венгріей, за Польшей».—«Тѣмъ лучше, во славу Божію!» былъ твердый отвѣтъ. — «Сколь безчисленно множество звѣздъ на небѣ, столько и рутеновъ на землѣ».—«Тѣмъ славнѣе будетъ привлечь ихъ подъ нашу святую десницу!» И собрали посольство на Востокъ (откуда, еще такъ недавно, ни съ чѣмъ вернулся кардиналъ, посланный въ Кіевъ), туда, гдѣ еще прежде, при Владимірѣ—Красное Солнышко, миссіонеръ Брунъ неудачно пробовалъ распространять западное ученіе среди твердыхъ, безхитростныхъ сыновъ восточной православной Церкви.

Рѣшительный, могущественный владыка Рима поручилъ своимъ довѣреннымъ людямъ осторожно вести переговоры съ галицкимъ княземъ, льстить ему, сколько можно, поднести даже королевскую корону.

*) Рутенія—Русь.

Могучій папа, который по произволу возводилъ и низводилъ съ престоловъ государей западной Европы, который всѣхъ ихъ отправлялъ и моремъ и сушею, то на проповѣдь христіанскаго ученія къ берегамъ угрюмой Балтики, то на освобожденіе гроба Господня,—онъ, основатель инквизиціи, этого высшаго трибунала католическаго міра, онъ же теперь училъ своихъ посланцевъ смиренно поднести королевскій титулъ русскому великому князю.

Не стройные ряды вооруженныхъ воиновъ, не всадники въ бранныхъ доспѣхахъ проходили по живописнымъ карпатскимъ ущельямъ. Не слышно бряцанія латъ, ни звуковъ трубы, ни воинственныхъ криковъ. Смиренно пробиралась на своихъ маленькихъ мулахъ горсть благочестивыхъ иноковъ, носителей премудрыхъ велѣній святого римскаго владыки. Тихо несутся изъ глубины послушныхъ сердецъ къ небесамъ, среди горныхъ ущелій, слова ихъ молитвы; они просятъ у Творца вселенной, у Господа силъ, умѣнья, мужества, терпѣнья выполнить возложенную на нихъ трудную задачу.

Вѣщій Романъ не только зналъ о посольствѣ, но онъ твердо помнилъ, что измѣнники, бояре галицкіе, по смерти Осмомысла, въ короткое правленіе венгерскаго королевича Андрея, обнадежили западную церковь возможностью присоединить Галицію къ римско-католическому вѣроученію. Гордый, самолюбивый, онъ ждалъ прелатовъ во всемъ блескѣ своего славнаго могущества. Галичъ блестѣлъ красотою, богатствомъ, многолюдствомъ. Позлащенные кресты многочисленныхъ храмовъ весело играли на яркомъ солнышкѣ. Нарядная толпа любопытно тѣснилась на улицахъ, оглядывая чуждыхъ чернецовъ, тихо двигавшихся къ отве-

деннымъ имъ палатамъ, на епископскомъ дворѣ. Роскошенъ былъ пріемъ, благодушна встрѣча. Всегда кроткое, незлобивое и некичливое православное духовенство братски отнеслось къ посланцамъ Запада, отвѣчая искреннимъ привѣтомъ на ихъ изысканную вѣжливость, притворное смиреніе, самоуничиженіе.

Въ назначенный день и часъ, Романъ принялъ папскаго легата въ думной палатѣ своего княжескаго дворца, окруженный духовенствомъ, боярами, придворными и ратными людьми, въ праздничныхъ нарядахъ. Роскошно было убранство. Въ красномъ углу висѣли иконы, ярко блестя золотомъ, жемчугомъ, драгоцѣнными камнями. Передъ ними теплились большія золотыя лампады. Стѣны были завѣшены парчами, коврами рѣдкой красоты, драгоцѣннымъ оружіемъ изъ всѣхъ странъ поднебесной. За княжескимъ сидѣньемъ стояли отбитыя непріятельскія знамена съ золотыми стружіями и червленными чолками *). А во всю заднюю стѣну висѣлъ коверъ, какимъ то чудомъ уцѣлѣвшій еще отъ временъ Осмомысла. Хищные половцы похитили эту цѣнную вещь изъ Ѳракіи, русскіе же, въ свою очередь, отняли ее у нихъ.

Послѣ обмѣна принятыхъ въ тѣ времена вѣжливостей, посолъ передалъ князю, что онъ присланъ папою увѣщевать Романа, властелина всея Руси, соблюдать вѣрность римскому, апостольскому престолу.— «Вѣрность чужому иновѣрному престолу? Какъ ни стараюсь,—понять не смогу», отвѣчалъ, улыбаясь, Романъ. Тогда легатъ сталъ пространно разъяснять, что сила Христова всецѣло передана на землѣ Его намѣстнику, что, какъ отъ Бога Самого, всякая власть

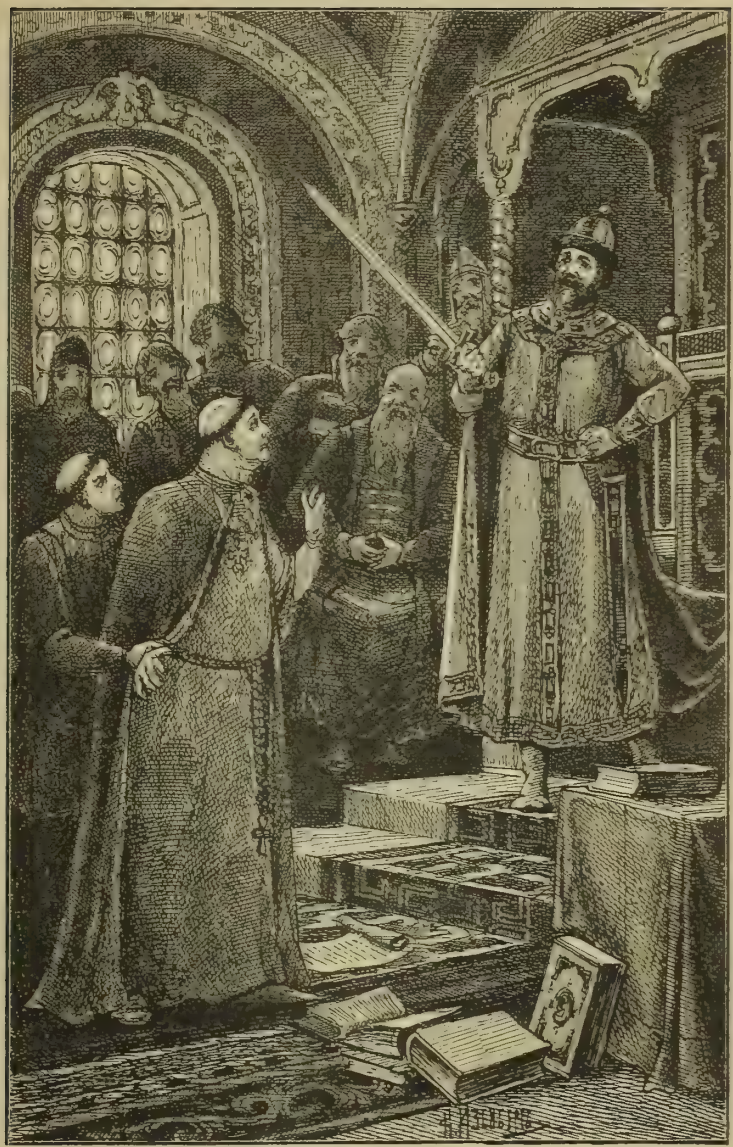
*) Куски матеріи, которые навязывали на древки знаменъ въ тѣ времена.

исходитъ отъ папы, и онъ можетъ наградить русскаго князя королевскимъ вѣнцомъ.—«Да на что же онъ мнѣ?» удивился Романъ Мстиславовичъ и вступилъ въ богословское преніе съ католическимъ посломъ.

Диву дался западный умнѣйшій богословъ, слушая умнаго, ученаго, образованнаго князя дикихъ, по его мнѣнію, рутеновъ. Онѣмѣли отъ восторга и русскіе, хотя и знали его нерядовой умъ и основательную ученость.

Разбитый во всѣхъ своихъ доводахъ, хитроумный легатъ попробовалъ воздѣйствовать на князя хотя бы запугиваніемъ. Онъ сталъ грозить Роману страшнымъ, всемірнымъ могуществомъ папы.—«Святѣйшій отецъ носитъ при бедрѣ мечъ св. Петра, повелѣваетъ всѣми царствами, во всѣхъ краяхъ вселенной». Тогда князь галицкій и вовсе поднялъ на смѣхъ латынца. Коротко и ясно объяснилъ ему, что, не примѣняя Христовой власти къ земному владычеству, онъ, русскій князь, по примѣру отцовъ и дѣдовъ, оберегаетъ «своихъ людей судомъ правымъ, а свои границы мечомъ крѣпкимъ». При этихъ словахъ, совершенно неожиданнымъ, рѣзкимъ движеніемъ онъ выдернулъ свой могучій мечъ и съ лукавой улыбкой поставилъ легату вопросъ: «Такой ли, дѣйствительно, мечъ у его господина—папы?» Отшатнулся посланникъ, руками развелъ, потомъ, скрестивъ ихъ смиренно на груди и поднимая глаза къ небу, сталъ твердить слова псалмопѣвца: «Помяни, Господи, Давида и всю кротость его». Князь отвѣтилъ, что надо, дѣйствительно, имѣть большой запасъ кротости, чтобы выслушивать такія посольства, и приказалъ проводить, да на славу, по-русски угостить неудачныхъ гостей, въ 1204 году.

Ни съ чѣмъ вернулось въ Римъ и это посольство съ юга Россіи. Но не унялись паписты! Они порѣшили,



Князь Романъ Мстиславичъ галицкій держитъ отвѣтъ посланцамъ римскаго папы. *(Къ стр. 100).*

такъ ли, иначе ли, все же заполучить въ свою власть эту особую часть свѣта,—Рутенію. Приходилось пока оставить югъ Руси въ покоѣ при мудромъ, грозномъ Романѣ. Онъ же, продолжая служить церкви и родинѣ, какъ истый русскій князь, не забылъ о своей благодарности племянницѣ, княгинѣ Еленѣ. Нѣсколько разъ спасалъ своего нареченнаго сына, Лешка Бѣлаго, отъ притѣсненій дяди, Мечислава, и его сына, Владислава Тонконогаго.

При этихъ постоянныхъ походахъ, пришлось занять русскими полками древнерусскую люблинскую область, изъ-за которой когда-то ссорились ляхи съ русскими. Изъ-за нея и теперь пошли всѣ бѣды. Враги-католики, выполняя предрѣшенную задачу, научили Владислава Тонконогаго помириться съ Лешкой и, въ свою очередь, направить его на русскихъ, при чемъ доказывали, что Люблинъ—городъ ляхскій, и имъ не по праву завладѣлъ Романъ. Кичливый Лешко, прочно утвердившись на краковскомъ престолѣ, забывъ и благодарность и дружбу,—потребовалъ отъ благодѣтеля удаленія галицкихъ своихъ союзниковъ изъ Люблина. Вскипѣлъ Романъ! Въ отвѣтъ самъ осадилъ спорный городъ, пока поляки еще собирались выступать въ поле. Лешко съ братомъ Конрадомъ, Владиславомъ мазовецкимъ, и великою ратью двинулся на нареченнаго отца, но, узнавъ, что тотъ уже стоитъ подъ Завихвостомъ, на лѣвомъ берегу Вислы, остановился. Поразмысливъ, Лешко благоразумно, вмѣсто боя, предложилъ Роману переговоры—перемиріе. Всегда осторожный, поступающій обдуманно, Романъ на этотъ разъ измѣнилъ доброй привычкѣ, принялъ перемиріе, вступилъ въ переговоры, поручивъ вести ихъ воеводамъ, а самъ съ малою дружиною отъѣхалъ отъ стана,

вѣроятно, на охоту. Но тутъ—въ засадѣ, въ ближайшемъ лѣсу подкарауливалъ его польскій отрядъ. Вдругъ просвистѣла надъ головами Романа и его дружинниковъ стрѣла—одна, потомъ другая, а тамъ множество ихъ посыпалось со всѣхъ сторонъ, изъ-за кустовъ и пней. «Измѣна, княже! мы окружены!» воскликнули дружинники и крѣпкимъ кольцомъ сомкнулись вокругъ своего беззавѣтно-любимаго, славнаго вождя. Но какъ ни бились храбрецы, все было безполезно. Сила брала свое! Романъ палъ съ оружіемъ въ рукахъ послѣ страшной сѣчи,—живымъ никто не сдался! Всѣ искалѣченные, израненые вернулись изъ предательской засады ляхи, но все же вернулись побѣдителями. Убили славнаго героя, врага папизма и неправды! Изъ Рима наведенная стрѣла рукою неблагодарнаго племянника-ляха поразила въ самое сердце храбраго витязя, радѣтеля о счастіи Россіи, могучаго носителя отеческихъ преданій—любви къ землѣ родной и Церкви православной.

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. Соловьевъ*. Даніилъ Романовичъ, князь галицкій. Современникъ, 1847 г.
2) *Д. И. Иловайскій*. Исторія Россіи.
3) Свящ. с. Василій *Залозецкій*. Галицкая историческая хроника.

Своеволіе галицкихъ бояръ.

1205—1215 гг.

УБИТЪ славный радѣтель о Русской землѣ, гроза половцевъ и Литвы. Предано землѣ тѣло православнаго князя Романа. Плачетъ земля галицкая, молится народъ и духовенство. А боярство? а сосѣдніе державцы? всѣ заразъ насторожились! Они не постыдились, съ оружіемъ въ рукахъ, идти на вдову и маленькихъ дѣтей! Король венгерскій, князья польскіе и даже русскіе протягивали свои хищныя руки къ достоянію сиротъ. Раздолье боярамъ,—есть гдѣ показать свое ехидство, выказать злобу, накипѣвшую за время твердаго правленія великаго Романа. Одни изъ бояръ кланяются католикамъ-венграмъ и дарятъ ихъ. Другіе зазываютъ Литву и поляковъ, третьимъ сподручны черниговскіе князья, три сына знаменитаго Игоря сѣверскаго, завзятаго врага Мономаховича Романа и его потомства. Этимъ съ бояриномъ Владиславомъ во главѣ всего больше посчастливилось. Крамольники спѣлись,

наконецъ.—думаютъ, что Игоревичи будутъ сговорчивѣе всѣхъ. Они отстранили венгровъ и поляковъ, усыпили бдительность товарищей, вѣрныхъ присягѣ и правящихъ дѣлами родины за малолѣтствомъ законнаго князя. Ловкіе заправилы тайкомъ послали надежныхъ гонцовъ подъ Микулино сказать собравшимся князьямъ: «напирайте храбрѣе, пробивайтесь къ Галичу, мы вамъ отворимъ ворота, выдадимъ прирожденнаго, законнаго князя!»

Провѣдала о происках бояръ галицкая княгиня-мать, племянница Лешка Бѣлаго, изъ дома Пястовъ. Почуяло ея горемычное сердце, что виситъ гроза надъ любимымъ ея дѣтищемъ, ея яснымъ соколомъ. Передъ образомъ Божіей Матери излила она свою материнскую скорбь! Небесной Владычицѣ открыла свои опасенія за судьбу сына. Ея сердце понимало, что врагъ силенъ, хитеръ, остороженъ, что съ нимъ надо дѣйствовать еще ловчѣе, опасливѣе. Позвавъ своего духовника, о. Юрія, она просила его отправиться къ игумену Ивановскаго монастыря подъ самымъ Галичемъ. Эти Божіи служители всей душей были преданы благочестивой госпожѣ, княгинѣ. Одинъ долженъ былъ передать другому о грозныхъ слухахъ, дошедшихъ до нея: венгры разбиты, князья идутъ на Галичъ, бояре измѣняютъ! Ей остается только спѣшно оставить столицу, унося младенца-князя, и схоронить его подъ мощною защитою короля Андрея. И монахъ, и священникъ вполнѣ оправдывали такое рѣшеніе. Подъ предлогомъ, что конюшни на княжомъ дворѣ надо перестроить, игуменъ предложилъ перевести въ монастырь любимыхъ княгининыхъ иноходцевъ и послалъ за ними служку еще до вечерень.

Темная, непроглядная ночь спустилась надъ Га-

личемъ. Спитъ православный людъ, утомившись отъ дневныхъ трудовъ, заботъ и горя. Спятъ и лѣпшіе (лучшіе) люди, успокоенные послѣдними, казалось, добрыми вѣстями съ поля битвы. Вѣстникъ сообщилъ, что не могли ихъ пока одолѣть русскіе князья съ своими союзниками-половцами. Добрякамъ показалось, что гроза миновала колыбель ихъ младенца-князя. Птенчикъ любимаго Романа невредимъ въ своихъ княжескихъ палатахъ, подъ надзоромъ мудрой матери. вдовствующей княгини и вѣрнаго пѣстуна Мирослава. Весь городъ окунулся въ непроглядную, душную тьму. Можно было только разслышать, какъ будто еле уловимый, слабый шорохъ въ сторонѣ княжóго двора... Чу! точно щелкнула гдѣ-то калитка, и все снова стихло, замерло! Даже съ неба ни одна звѣздочка не заглянула на землю, тучи висѣли надъ городомъ. Опять въ гробовомъ молчаніи пронесся неясный шорохъ, даже, какъ будто у воротъ княжескихъ палатъ что-то шевельнулось... Слабый, едва замѣтный огонекъ блеснулъ и погасъ. Казалось, стало еще темнѣе, а шорохъ, еле слышный, все же идетъ отъ дворца къ потайному ходу подъ городской стѣной. Опять мелькнулъ огонекъ и опять потухъ. Стража на стѣнѣ ничего не замѣчаетъ: спитъ здоровымъ или подкупленнымъ сномъ,—только крѣпко спитъ. А за стѣной, подальше отъ воротъ, по дорогѣ въ Ивановскій монастырь, что-то пошевеливается впотьмахъ, и тутъ опять блеснулъ огонекъ,—опять все стихло, шорохъ удалился и замеръ совсѣмъ.

Точно попозже, точно потише обыкновеннаго, зазвучалъ въ этотъ день маленькій колоколъ святой обители, сзывая братію къ заутренѣ. Сонно откликнулись на призывъ городскіе храмы, и медленно стали со-

биратьcя на молитву малочисленные, ранніе богомольцы. Благочестивый старецъ, духовникъ княгини, не торопясь, шелъ начинать раннее служеніе. На паперти, въ едва-едва мерцающемъ свѣтѣ занимающагося утра онъ увидѣлъ инока, посланца обители, поклонившагося ему въ ноги и прошептавшаго: «Помогъ Господь, будь покоенъ, отче, никто ничего не видалъ, не почуялъ даже».—«Спаси ихъ, Господи!» также шепотомъ отвѣчалъ священникъ и оба, крестясь, вошли въ церковь. Кое-гдѣ зажигались тонкія свѣчи желтаго воска, даръ усердныхъ богомольцевъ, теплились лампады передъ мѣстными иконами. Благоговѣйно стояли рѣдкіе молельщики. Усердно совершали службу ревностные служители алтаря Господня. Особенно трогательно возносилась на эктеніи молитва за государя, князя галицкаго и всея Руси, младенца Даніила, и о матери его, благочестивѣйшей княгинѣ Маріи. При этихъ возгласахъ, собравшійся людъ еще чаще крестился, истово кладя поклоны. Только у праваго клироса какой-то дюжій бояринъ ворчалъ себѣ подъ носъ: «Ну, пожалуй, ужъ въ послѣдній разъ поминаютъ». Его сосѣдъ тоже шепотомъ спросилъ: «А что слыхать-то? чья взяла?.»—«Какъ будто и ни въ чью сыграли. Только наши отступили къ Галичу, думая укрыться за стѣнами».—«Вона—что! Это за нашими стѣнами мы какъ разъ и изготовимъ пріемъ: впустимъ своихъ, а по ихъ пятамъ и Рюрика».—«Вотъ, вотъ объ этомъ-то и пришелъ помолиться. Рюрикъ справится со Романовымъ племенемъ.»—«Говорятъ, онъ его дюже не терпитъ».—«А за что терпѣть-то? за рясу да за клобукъ?—эво-ся!»—«Хоть бы ужъ скорѣе настала намъ своя воля, тогда бы можно было попользоваться опять, какъ бывало, сокрови-

щами, накопленными Романомъ».—«Придется лихо подѣлиться съ Рюрикомъ и его приспѣшниками!» Земной поклонъ положилъ батюшка при молитвѣ о всѣхъ страждущихъ, плѣненныхъ; собесѣдники переглянулись.—«Что это нашъ старикъ такъ размолился?»—«Вчера его видѣли въ теремѣ княгини, до самыхъ вечеренъ тамъ сидѣлъ».—«Ну, и пусть сидитъ тамъ, меньше видитъ нашу суету.»—«И впрямь бѣда, если попадутъ ему на глаза наши клевреты: убережетъ онъ Романовичей, такъ припрячетъ, что и не поймаешь».—«А что не боишься, сватъ, что княгиня-то венгровъ на насъ призоветъ?»—«Кого ей звать? отправимъ на родину съ младенцами и вся недолга».—«Хорошо, если бы все такъ сошло!» И оба богомольца, успокоивъ свою совѣсть тѣмъ, что отстояли утреню и переговорили о дѣлахъ, никѣмъ не замѣченные, отправились по домамъ.

Тѣмъ временемъ весь городъ началъ уже просыпаться. Жители понемногу принимались за свои обычныя дѣла, какъ вдругъ изъ княжескихъ хоромъ понесся пречудной слухъ! Какая-то глухая тревога чувствовалась въ воздухѣ! Въ теремѣ княгини межъ сѣнными дѣвушками былъ полный переполохъ.—«Что это матушка-то не выходитъ сегодня?» говорила одна.—«И княжичъ все не просыпается!»—«Ой, что-то страшно мнѣ! подъ сердце что-то подступаетъ!»—«Ну, чего ужъ! все сейчасъ и подступаетъ,—заспалась, вотъ и подступаетъ!»—«Вишь», замѣтила одна, что постарше, «утреню-то пропустила, къ ранней не поспѣть,—когда тамъ еще не просыпаются, вотъ оно и подступаетъ». Вошелъ ключникъ, прося доложить княгинѣ, что есть крайняя нужда видѣть ея пресвѣтлыя очи.—«А она, болѣзная, еще и не про-

снулась», въ одинъ голосъ отвѣтили дѣвушки. Оторопѣлъ ключникъ.—«Да гдѣ же постельничая?»—«И ее не видать», былъ сконфуженный, испуганный отвѣтъ.

Тогда онъ поднялъ голосъ, приказывая постучать въ дверь постельничей. Глядь! дверь-то и не затворена даже, и комната пуста. Какъ взвизгнули всѣ! Ужъ тутъ, безъ разбора старшинства, стали втискиваться въ горенку, оглядывая все кругомъ. Постель была не смята, выходного платья нигдѣ не было видно, а потайная дверь въ покои княгини полуоткрыта. Постояли, помялись на мѣстѣ: любопытство и страхъ боролись въ трусихахъ, наконецъ, кто-то кого-то толкнулъ впередъ,—сунулись.—«Ой! глянь-ко! пусто же! ей, Богу! пусто»... затрещали бѣдняжки, крестясь на громадную кіоту со множествомъ образовъ, передъ которыми теплилось нѣсколько лампадъ. Ключникъ бросился къ нимъ.—«Что это вамъ попритчилось?» ворчалъ онъ шопотомъ, а какъ вошелъ, то и поблѣднѣлъ хуже всѣхъ, и на нихъ же, бѣдныхъ, дрожавшихъ дѣвушекъ, набросился съ пѣной у рта.—«И спите же вы, какъ чурбаны! И страха-то Божьяго въ васъ нѣтъ! И ротозѣи, и зѣваки!» и все такое подбиралъ онъ, а самъ ни живъ, ни мертвъ подходилъ къ покоямъ князя Даніила.—«Съ нами крестная сила!» взмолился онъ, крестясь. Комната была тоже пуста. Ни княжеская кроватка, ни постель дядьки Мирослава не были смяты.

Пошелъ трезвонъ по всему Галичу. — «Княгини нѣтъ! гдѣ она? что съ нею?» волновалась придворная челядь и тѣмъ еще пуще пугала сбѣгавшійся народъ.—«И князя Даніила нашего нѣтъ, ни княжича-брата Василька, ни дядьки, ни мамки, да и конюха Мирка не видать, что-то!» слышалось кругомъ. Стали припоминать, что наканунѣ видѣли, какъ старикъ-

конюхъ съ сыномъ вышли отъ княгини, взяли съ собой пришедшаго изъ монастыря служку, пошли съ нимъ въ конюшни и оттуда, въ поводу, вывели трехъ лучшихъ иноходцевъ. Съ торга шелъ народъ и передавалъ, что тамъ бродячій монашекъ разсказывалъ, будто видѣлъ княжескихъ слугъ и съ конями въ Ивановской обители. Монашекъ клялся, божился, что говоритъ правду. Завѣрялъ, будто ночью въ ворота святой обители тихохонько постучали, самъ о. настоятель выходилъ изъ келліи отпирать, вывели лошадей, но кому, для чего, невѣдомо никому. Ночь была тюрьмы чернѣй и собиралась буря, только, кажись, она прошла стороной, а ворота самъ игуменъ заперъ да прямо и прошелъ не въ келлію къ себѣ, а въ церковь, отдавъ въ сторожкѣ приказъ позднѣе благовѣстить къ заутренѣ. Самъ же такъ и не выходилъ изъ храма, всю остальную ночь да и все утро провелъ въ алтарѣ, молясь со слезами!

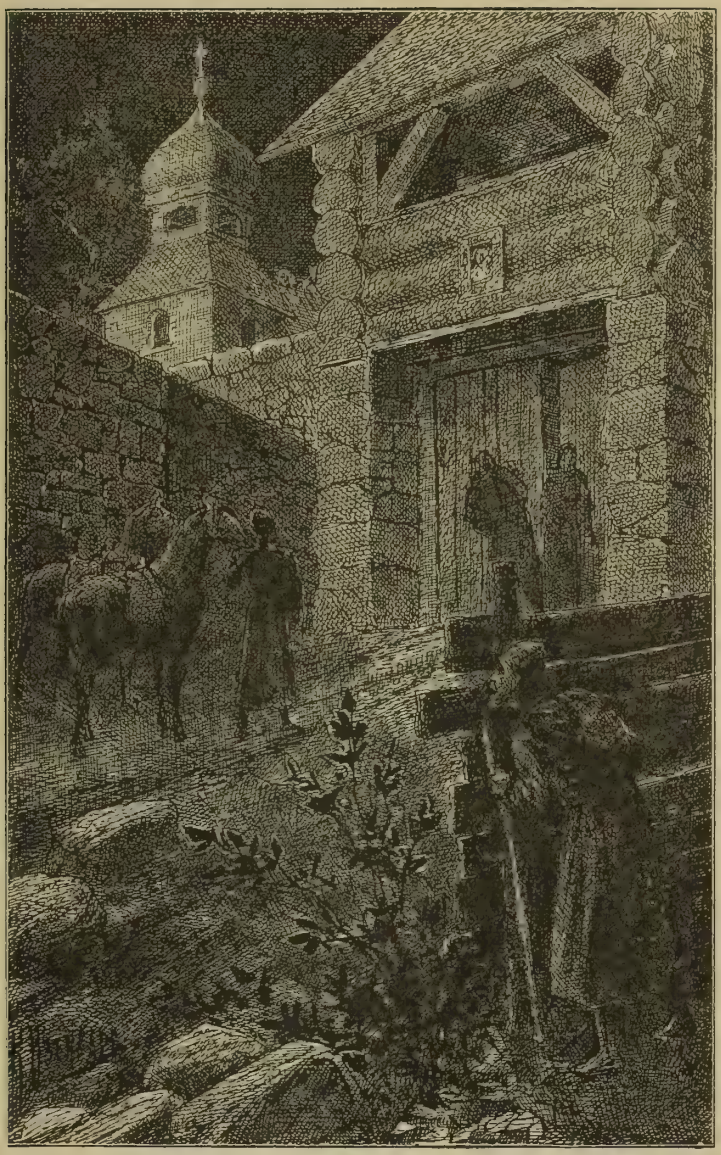
Бояре, граждане, тѣ и другіе по своему, страшно перепугались. Во всѣ стороны разъѣхались гонцы: одни съ доносомъ о случившемся къ подходившимъ кіевскимъ князьямъ, другіе—прямо въ монастырь къ о. настоятелю.—«Ты все знаешь, святой отецъ, скажи, гдѣ Даніилъ, нашъ князь любезный? куда дѣвали нашего державца? Гдѣ матушка-княгиня? Княжичъ-братъ Василько гдѣ?» Крестясь, въ слезахъ, суровый инокъ отвѣчалъ: «Укрыты, съ Божіей помощью, отъ измѣнниковъ-бояръ, поднявшихъ руку на своего законнаго владыку. Не догнать имъ своихъ жертвъ! Вдова и сироты нашли пріютъ надежный, вѣрный». Ничего не поняли любопытные, только еще съ большимъ страхомъ стали выжидать, что будетъ.

Надвигалась русская рать. Князь Рюрикъ, сняв-

шій монашескую рясу. послѣ смерти Романа галицкаго, съ сыновьями, черниговскіе Ольговичи, юный сынъ суздальскаго великаго князя—Ярославъ Всеволодовичъ переяславскій съ союзниками и наемные половцы подступили къ Галичу, чтобы на многіе годы сдѣлать его жертвой кровопролитныхъ неурядицъ.

Законный же князь, сынъ славнаго Романа, изъ семьи Мономаховичей, тайно, съ матерью и братомъ, на рукахъ вѣрнаго пѣстуна Мирослава, скакалъ изъ Галича по дорогѣ въ Санокъ, на верховьяхъ Сана. Тамъ ихъ ждалъ уже предупрежденный родственникъ княгини, король венгерскій Андрей. Съ любовію принялъ онъ довѣрившуюся ему галицкую княгиню съ дѣтьми. Торжественно обѣщалъ мощное свое покровительство и впослѣдствіи, подъ воинскимъ прикрытіемъ, проводилъ ихъ въ отчину покойнаго отца, Владиміръ-Волынскъ. — «Успокойся, княгиня», говорилъ онъ на прощанье, «пекись о малолѣтнемъ Василькѣ. Законнаго же князя галицкой земли довѣрь мнѣ на время. Пусть растетъ подъ моимъ надзоромъ. Съ Божіей помощью, подниму я тебѣ на радость храбраго воина, мудраго правителя прародительской державы».

Не посчастливилось Игоревичамъ на чужомъ столѣ. Отозвались имъ слезы вдовы и сиротъ. Старшій изъ нихъ, Владиміръ Игоревичъ сѣверскій занялъ Галичъ, Романъ—Звенигородъ, Святославъ—Перемышль. Сыну своему Изяславу Владиміръ далъ Теребовль, а другого, Всеволода, отправилъ въ Венгрію задаривать короля, чтобы тотъ оставилъ ихъ спокойно княжить за Карпатами. Они присвоили себѣ чужую землю, чужія богатства, но слава, но могущество Романа были имъ не по плечу. Мятежные бояре, конечно, не давали воли своимъ ставленникамъ! Князья-братья вздумали



Законный князь, сынъ славнаго Романа, изъ семьи Мономаховичей, тайно, съ матерью и братомъ, на рукахъ вѣрнаго пѣстуна Мирослава, скакалъ изъ Галича въ Санокъ. *(Къ стр. 110).*

было вводить строгости. Хотѣли,—какъ, бывало, поступалъ Романъ,—обуздать строптивыхъ: 500 человѣкъ казнили, остальные непокорливые разбѣжались, унося затаенную злобу, клянясь отомстить за убитыхъ! Вліятельнѣйшіе изъ нихъ—Владиславъ, Судиславъ и Филиппъ пошли въ Венгрію, къ королю Андрею, слезно прося вернуть имъ ихъ прирожденнаго державца, князя Даніила Романовича.

Среди прекрасныхъ садовъ, въ живописной долинѣ Дуная, недалеко отъ венгерской столицы жилъ птенчикъ изъ гнѣзда русскихъ князей Рюрикова дома. Привольно ему жилось подъ ласковымъ надзоромъ короля Андрея и его образованной и умной супруги, королевы Гертруды. По совѣсти воспитываютъ они державнаго сосѣда. Понятливъ, уменъ былъ сынъ того, кто орлинымъ полетомъ перелеталъ вражьи земли, ревностно слѣдуя своему дѣду, славному Мономаху. Много ученыхъ съ запада было собрано учить русскаго князя, и всѣ они не нахвалятся на геніальнаго мальчика. Красавецъ собой, ловкій на конѣ и въ воинскихъ упражненіяхъ, онъ горячею любовью платилъ своимъ вѣнценоснымъ опекунамъ за ихъ мудрыя заботы. Часто, подолгу бесѣдовали они вмѣстѣ о судьбахъ бѣднаго Галича. Княгиня-мать то изъ Бельза, то изъ Перемышля (куда, по волѣ крамольныхъ родичей, судьба заносила ее вмѣстѣ съ сыномъ Василькомъ), сообщала имъ о невзгодахъ въ родной землѣ. Какъ же удивился король, когда явились къ нему нежданно—не гадано кичливые галицкіе бояре! Ушамъ своимъ онъ не вѣрилъ!

— «Мнѣ вамъ отдать Данила? Да вы же его съ братомъ выгнали изъ дома, изъ земли его предковъ?» — «Насъ подвели Игоревичи», объясняли бояре.—«Вы

же съ ними ссылались, вы ихъ призвали,—а теперь гоните?»—«Они насъ обижаютъ, избили лучшихъ людей, сотни перевѣшали».—«Да если вы имъ во всемъ перечили, казну расхищали?»—«Это они ее расхищаютъ, мы же хотимъ держать ее для нашего прирожденнаго князя». Королева пришла на помощь супругу, и ей не хотѣлось разставаться съ полюбившимся княземъ.—«Управляйтесь лучше сами съ вашими ставленниками», твердили венгерскіе державцы.—«Намъ не въ моготу больше,—пошлемъ къ Лешку или на Литву, а то ужъ и къ половцамъ пойдемъ,—они за деньги намъ дадутъ свои полчища». Умная Гертруда задумалась. Польша, Литва, половцы! Страшно,—тѣмъ болѣе, что и въ самой Венгріи не покойно... Супруги переговорили промежъ себя. Конечно, Андрей до сего времени благодѣтельствовалъ Даніилу болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Непрестанно лаская галицкаго князя, онъ то обѣщалъ усыновить его, то женить на своей дочери, чтобы такимъ способомъ подчинить себѣ сосѣднее галицкое княжество. Теперь, когда галичане начали требовать возвращенія Даніила въ Галичъ, король разсудилъ, что Даніилъ, отчасти имъ воспитанный, можетъ быть его подручникомъ на галицкомъ престолѣ, и что гораздо надежнѣе управлять Галиціей именемъ ея законнаго князя, нежели черезъ своихъ вельможъ, ненавистныхъ русскимъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, вѣнценосные супруги и рѣшили отпустить Даніила. Можетъ быть, отроку-князю и жаль было покинуть пріютившій его добрый, милый кровъ, но понятливый, гордый Даніилъ сообразилъ, что на престолѣ онъ можетъ отслужить своимъ пестунамъ добрую службу, отплатить за ихъ сердечныя заботы.

Сынъ мой! князь Данило! *(Къ стр. 113).*

Во главѣ многочисленнаго венгерскаго войска двинулся Даніилъ Романовичъ съ галицкими боярами въ свою родную землю. На этотъ разъ совершенно искренно радовались главари галицкаго боярства, окружая красиваго статнаго юношу, прекрасно сидѣвшаго въ сѣдлѣ и поражавшаго уже тогда своею благородною наружностью. Бѣжали Игоревичи передъ сыномъ великаго Романа. Города сдавались, отпирая свои ворота. Съ крестами, хоругвями и колокольнымъ звономъ встрѣчало духовенство и народъ родного юношу-державца. За него стояли и остальные русскіе князья. Всѣ отвернулись отъ жестокихъ Игоревичей. Малолѣтній Василько прислалъ изъ Бельза свою дружину въ помощь брату. Даже ляхи соединились съ венграми, чтобы участвовать въ выгодахъ этого ополченія. Въ стольномъ городѣ, въ соборномъ его храмѣ съ молитвою вручили Даніилу державу. Епископъ благословилъ князя. Княгиня мать со слезами радости спѣшила обнять его: но онъ сначала не узналъ матери, долго бывъ въ разлукѣ съ нею. Тѣмъ сердечнѣе потомъ изъявилъ свою радость, когда услышалъ изъ ея устъ имя сына и увидѣлъ ея радостныя слезы. «Сынъ мой! князь Данило!» услышалъ онъ и бросился въ объятія той, къ которой рвалось его сердце! Горе, заботы сдѣлали ее неузнаваемой. За шесть лѣтъ разлуки, живя далеко отъ родимой, онъ не могъ запомнить ея лица, но сердце заговорило. Вельможи, весь народъ беззавѣтно радовались счастью своего державца и его матери-княгини. Церковь молилась за преемника того, кто былъ твердымъ исполнителемъ уставовъ православной Церкви, ея мощнымъ защитникомъ передъ западными находниками.

Княгиня поселилась съ своимъ державнымъ сыномъ

въ прародительскомъ замкѣ. Венгерскій воевода Потъ оставался при нихъ со своимъ отрядомъ, зорко блюдя за безопасностью Даніила. Подъ его же охраной содержимы были и плѣнные князья Игоревичи, которые не успѣли скрыться отъ венгерскихъ полковъ. Воеводы Андреевы хотѣли отвезти плѣнныхъ князей къ королю, но злобные бояре галицкіе требовали жестокой казни несчастнымъ плѣнникамъ.

Юнаго Даніила очень тяготила участь невольниковъ, все же русскихъ князей. Потъ настаивалъ на своемъ правѣ увезти ихъ въ Венгрію, къ королю Андрею; венгры колебались,—наконецъ, убѣжденные дарами бояръ, выдали имъ плѣнныхъ князей. Какъ ни молила за несчастныхъ княгиня-мать, именемъ Бога прося имъ помилованія, ничто не помогало. Князь не могъ еще властвовать въ странѣ родной,—гордые и самовольные бояре, пользуясь его малолѣтствомъ, дѣлали, что хотѣли. Плѣнныхъ князей били, терзали и, наконецъ, повѣсили. Своимъ безпримѣрнымъ неистовствомъ галичане заслужили въ древней Руси имя безбожныхъ, данное имъ въ современной злодѣйству лѣтописи.

Сильно заволновалась старая княгиня. Подъ ея вліяніемъ, сталъ дѣйствовать и юный князь. Его нравственныя и умственныя силы быстро развивались, характеръ очерчивался. Бояре насторожились. Ясно было, что, опираясь на совѣты матери, онъ, мало по малу, съ годами, сдѣлается очень твердымъ правителемъ. Это вовсе не могло нравиться боярамъ. Они потребовали, чтобы княгиня покинула Галичъ. Долго противилась любящая мать-страдалица, наконецъ, понявъ, что ея упорство можетъ быть даже вредно сыну-князю, собралась

въ путь. Даніилъ проливалъ слезы, не хотѣлъ разстаться съ нею.—«Хоть провожу тебя, моя родная!» взмолился отрокъ-князь и вскочилъ на коня. Бояре поѣхали слѣдомъ. Имъ показалось, что вотъ еще немного, и орленокъ покинетъ свое княжеское гнѣздо, улетитъ слѣдомъ за дорогой родительницей. Это не входило въ расчеты мятежниковъ. Ближайшій къ Даніилу бояринъ Александръ, тивунъ шумавинскій, взялъ за поводъ княжескаго иноходца. Не долго думая, гнѣвный Даніилъ выхватилъ мечъ, чтобы ударить имъ дерзкаго. Княгиня съ воплемъ ухватила руку сына и вырвала мечъ. Она умолила Даніила остаться въ Галичѣ. Заѣхавши не надолго къ Васильку въ Бельзъ, оттуда направилась она въ Венгрію, къ королю Андрею, и разсказала ему о дѣйствіяхъ галицкихъ бояръ. Оскорбленный дерзостью ихъ, король Андрей очень разгнѣвался. Его ужаснула участь державцевъ, такъ жестоко казненныхъ подданными. Боялся онъ и за Даніила, такого юнаго, характернаго, попавшаго въ руки отчаянныхъ негодяевъ. Пока онъ собиралъ свои полки, на Галичъ съ востока шла уже призванная, вѣроятно, тѣми же боярами рать подъ предводительствомъ пересопницкаго князя Мстислава Нѣмаго. Даніилъ укрылся у брата и матери. Между тѣмъ въ Венгріи открылся ужасный бунтъ,—свирѣпые бароны, враги королевы Гертруды, умертвили ее. Ожидая такой же участи и себѣ, венгерскій король Андрей долженъ былъ всѣ свои боевыя силы направить на усмиреніе внутреннихъ неурядицъ и позаботиться о собственной безопасности. Въ то же время Владиславъ, одинъ изъ галицкихъ бояръ, уговорилъ короля воспользоваться отсутствіемъ Даніила и дать намѣстника своего въ Галичъ. Король согласился,

взялъ клятву вѣрности съ этого именно Владислава и поручилъ ему править землею галицкою отъ имени короля Венгріи.

Даніилъ и мать его, обманутые надеждою на покровительство короля Андрея, обратились за помощью и совѣтомъ къ Лешку Бѣлому. Видя съ завистью, что богатая Галиція сдѣлалась почти областью Венгріи, Лешко взялъ Даніила подъ свое покровительство, и хотя не могъ завоевать дѣтямъ Романа Галичъ, однако оказалъ имъ нѣкоторую услугу. Сначала онъ пристроилъ ихъ въ Тихомлѣ и Перемышлѣ, потомъ склонилъ къ миру Андрея и уговорилъ его отдать Владиміръ Волынскій Даніилу съ братомъ, а на галицкій столъ посаженъ былъ сынъ Андрея-Коломанъ, женившійся на дочери Лешка—Саломеѣ (1215). Юные князья Даніилъ и Василько, хотя и съ болью въ сердцѣ, покорились этому рѣшенію сосѣдей—государей. Они рѣшили не вступаться до времени въ дѣла Галича и жить тихо съ матерью и немногочисленными, но вѣрными слугами покойнаго Романа. По его стопамъ пошли юноши-державцы, дружно трудились на благо своей родины. Чинили судъ и расправу, насаждали въ народѣ правду и законы. Разбогатѣла Волынь, расцвѣла родная земля, и на нее стали смотрѣть на Руси съ любовію, слѣдя внимательно за правительственной дѣятельностью юныхъ державцевъ.

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. Соловьевъ.* Даніилъ Романовичъ, князь галицкій. Современникъ. 1847 г.
2) ***Карамзинъ.*** **Исторія Государства Россійскаго. Т. I.**
3) *Зубрицкій.* Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества.

Коломанъ и Саломея на галицкомъ столѣ.

1221 г.

ТЯЖЕЛЫЯ думы томятъ краковскаго князя Лешка Бѣлаго. Не спится ему, совѣсть мучитъ! Воспоминанія одно за другимъ тѣснятся въ наболѣвшей головѣ. Вспоминаетъ онъ себя ребенкомъ, веселымъ, беззаботнымъ,—мать, дядю Николая и дорогого гостя, русскаго князя съ Волыни,—Романа,—ихъ долгія рѣчи, ласку и обѣщаніе Романа быть для Лешка отца—вмѣсто. Князь Романъ сдержалъ слово, а онъ?—Охъ, вотъ онъ-то виноватъ передъ Богомъ и передъ покойнымъ родичемъ! Положимъ, онъ не отвѣтчикъ за свою дружину! Не зналъ онъ замысловъ своихъ тѣлохранителей! Но какъ ни раскидываетъ умомъ въ свою пользу, сердце ноетъ, совѣсть мучитъ. Уже разсвѣло, а князь еще и глазъ не смыкалъ. На престолѣ Романа, въ ближайшемъ сосѣдствѣ Лешка, не сидятъ его дѣти, законные наслѣдники,—они вытѣснены, и Лешко совсѣмъ безсиленъ, не можетъ

этому помочь. За нихъ ему больно, обидно за себя! Въ Галичѣ властвуетъ, на стыдъ всѣмъ сосѣднимъ державцамъ, бояринъ Владиславъ не княжескаго, простого рода,—злой, хитрый,—тотъ бояринъ, что замучилъ русскихъ князей Игоревичей. Изъ-за него бѣжалъ и Даніилъ изъ Галича! Владиславъ «вокняжился и сѣлъ на галицкомъ столѣ», по выраженію лѣтописца, признавая, впрочемъ, верховную власть венгерскаго короля Андрея и устранивъ, съ его согласія, отъ управленія галичской землей дѣтей Романа Мстиславича.—Даніилъ и Василько, при содѣйствіи Лешка, получили только два города—Тихомль и Перемышль, а на Владиміръ смотрѣли, говоря: «рано или поздно, Владиміръ будетъ нашъ». Вздыхали и по галицкомъ столѣ. Между тѣмъ, Андрей, король венгерскій, освободившись отъ внутреннихъ своихъ дѣлъ, выступилъ въ походъ на Лешка, за опустошеніе галицкой волости, которую онъ считалъ своею. Лешко не хотѣлъ войны съ королемъ, но не хотѣлъ и его властительства въ Галиціи. Какъ примирить эти мысли, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія,—онъ и самъ не зналъ.

Пока всѣ эти думы да безсонница давили князя, уже совсѣмъ разсвѣло. И дѣтскій, тихонько стуча въ дверь, докладывалъ, что воевода Пакославъ проситъ позволенія явиться предъ княжескія очи. Лешко не любилъ Пакослава, но цѣнилъ его ловкость, его умъ, и теперь, нехотя, повелѣлъ впустить. Низко кланяясь, вельможа вкрадчиво заговорилъ.—«Князь нашъ предобрый, все что-то кручинишься; должно быть, обижаешься на галицкаго сидѣльца, не любъ тебѣ бояринъ на княженіи?»—«И не можетъ быть любъ самозванецъ, обидчикъ сиротъ Романовыхъ», отвѣчалъ

огорченный Лешко.—«Ну, сиротамъ-то Галичъ не съ руки: молоды они для такого златокованнаго стола: побереги его, княже, для своего рода».—«Для моего? Какъ? Зачѣмъ? Что ты это говоришь?» воскликнулъ Лешко въ негодованіи.—«Ничего худого для тебя, князь нашъ любимый, прирожденный», сказалъ вкрадчивѣе Пакославъ.

— «Твоя забота—наша забота. Тебѣ обиденъ Владиславъ,—и намъ онъ противенъ. Вотъ мы, покорные твои людишки, и придумали, какъ маленечко душу отвести». Лешко прислушивался внимательно.—«Еще что?»—«Видишь, угры ненавидятъ Владислава, они вѣдь его ужъ разъ плѣнили, и теперь плачутся, что выпустили, польстившись на богатые дары его соумышленниковъ. Напиши ты королю Андрею, что у него есть сынъ Коломанъ, пятилѣтокъ, а у тебя дочка Саломея, трехъ годковъ; вотъ бы ихъ-то и повѣнчать супругами да вмѣстѣ и галицкими державцами.—Право слово, хорошее было бы дѣло! Ты, опекунъ младенцевъ, опечешь ихъ королевство отъ всякаго боярскаго подвоха. Мы ужъ тебѣ вѣрные помощники».

Задумался Лешко. Сначала мнилось ему, что нехорошее совѣтуетъ хитроумный бояринъ. Нельзя же отнимать добро у законныхъ наслѣдниковъ. Но и оставлять боярина на престолѣ для него совсѣмъ обидно!—«У тебя, самого-то, полковъ мало, Владиславъ богатъ,—найметъ воевъ и одолѣетъ насъ съ тобою», замѣтилъ на его мысли Пакославъ.

Долго думалъ Лешко, сначала о сиротахъ кручинился, но потомъ, послѣ нѣкоторой борьбы, послалъ Пакослава къ венгерскому королю Андрею съ предложеніемъ такой сдѣлки: «Не идетъ, мню, брате и

королю, терпѣти намъ долѣе сосѣдомъ, княземъ на галицкомъ столѣ, простого боярина! Поразсмыслимъ о томъ дружно, промежъ себя, и поговоримъ, съѣхавшись хоть въ Стрижовѣ. Можетъ, ты одобришь мою мысль? Я же отъ сердца говорю тебѣ: возьми мою Саломею за твоего Коломана, посадимъ ихъ въ Галичѣ,—ты да я,—мы оба». Съ Пакославомъ отправилъ Лешко къ Андрею и другихъ бояръ.

Король Андрей прочиталъ письмо Лешка съ особеннымъ вниманіемъ, охотно вслушивался въ ловкія рѣчи его пословъ.—«Надо бы тебѣ, господине королю, укрѣпиться отъ собственныхъ вороговъ», заискивающимъ голосомъ говорили ляхи. «Успокой себя и нашего князя! Сочетайте обоихъ дѣтокъ брачнымъ и княжескимъ вѣнцомъ—и сами правьте Галичемъ совмѣстно».—«Не усидѣть малолѣткамъ однимъ, опасно оставить ихъ на чужой сторонѣ», возражалъ Андрей».—«И не чужая она тебѣ, самъ правилъ ею, сидѣлъ на златокованномъ столѣ», настойчиво говорилъ Пакославъ.—«Тогда Рима держался мой родитель».—«И мудро поступалъ», былъ рѣшительный отвѣтъ. Ляхскій посолъ умѣло разъяснилъ Андрею, что среди галицкихъ бояръ найдутся и теперь сторонники Запада, — именно тѣ, которые набрались европейской учености, которые не любятъ кіевскихъ своихъ православныхъ братій, опасаясь ихъ власти и силы.

— «А народъ?»—«Да его и считать нечего, онъ теменъ, не пойметъ, что̀ кіевскій, что̀ римскій обрядъ принятъ церковью! Лишь бы не лишали его храмовъ, излюбленныхъ чудотворныхъ иконъ, да чтимыхъ праздниковъ».

На добрую почву падали сладкія рѣчи. Въ Стри-

жовъ Андрей пошелъ уже совсѣмъ убѣжденный, радостно принялъ предложеніе князя-сосѣда, и оба державца положили посадить своихъ малолѣтковъ на славный столъ галичскихъ князей, потомковъ Мономаха.

Соединенными силами подступили они къ городу, взяли его, плѣнили Владислава и сослали въ Венгрію, гдѣ онъ вскорѣ умеръ въ заточеніи. А въ Галичъ, съ великою пышностью и почетомъ, ввели обоихъ дѣтей.

Старый русскій Галичъ, достояніе Ярославовыхъ потомковъ, престолъ Василька, Осмомысла и Романа, — Галичъ, неоспоримое наслѣдіе князя Даніила Романовича, — торжественно встрѣчалъ въ своихъ православныхъ стѣнахъ вновь нареченнаго князя, пятилѣтняго младенца Коломана, сына венгерскаго короля Андрея, — католика, а съ нимъ и его невѣсту, трехлѣтнюю Саломею, дочь краковскаго князя Лешка Бѣлаго. Къ такому рѣшенію привели сосѣдей обширной галицкой земли кровавыя неурядицы, господствовавшія въ ней за послѣднія восемь лѣтъ. Любопытный народъ тѣснился по улицамъ, звонили въ колокола, духовенство выходило съ крестнымъ ходомъ встрѣчать земныхъ владыкъ, отдавая, по Евангелію, «кесарево кесареви, а Божіе Богови», вознося горячія молитвы о счастьи, благѣ царственнаго града и вводимыхъ въ него дѣтей-правителей. Щедрой рукой расточали Андрей и Лешко дары, почести въ Галичѣ, привлекая сердца народа къ державнымъ малюткамъ. Не были обойдены ни церкви, ни духовенство. Галичъ вздохнулъ отъ притѣсненій злого боярина, хотя недовѣрчиво смотрѣлъ на пришлыхъ заправилъ.

Смѣтливый Андрей, извѣдавъ самъ шаткость высокаго галичскаго стола, чувствовалъ необходимость

внѣшней сильной поддержки своему сыну. Въ Римъ, къ духовному владыкѣ католическаго міра, послалъ онъ надежныхъ людей съ просительной грамотой. «Благослови, святѣйшій отецъ и повелитель, моего младенца на галицкомъ королевскомъ престолѣ», писалъ онъ униженно. «Весь народъ и всѣ князья», такъ называлъ онъ бояръ,—«подданные Венгріи, всенижайше просятъ тебя объ этомъ, обѣщая впредь жить въ подчиненіи святой римской церкви. Ты, намѣстникъ Христа на землѣ, располагаешь царскими вѣнцами,—повели совершить обрядъ помазанія нашего сына Коломана на королевствованіе и этимъ докажи народамъ твою отеческую власть и заботу о галицкой землѣ!» И не снилась Иннокентію III такая благодать! Изъ того Галича, откуда еще такъ недавно со страхомъ бѣжали, испугавшись княжескаго меча, его хитрые посланцы, онъ получаетъ такую просьбу, такое обѣщаніе будущихъ благъ. Радостно поспѣшилъ онъ, въ сердечномъ умиленіи, снисходя къ смиреннымъ просьбамъ, послать свои пастырскія указанія архіепископу.

Снова Галичъ въ праздничномъ убранствѣ. Толпа, охочая до зрѣлищъ, снова тѣснится на его разукрашенныхъ улицахъ. Звонятъ опять колокола многочисленныхъ, златоверхихъ храмовъ. Выходятъ на ихъ высокія паперти съ хоругвями и крестами маститые пастыри православной Церкви во всемъ величіи и блескѣ своихъ праздничныхъ облаченій для встрѣчи двухъ владѣтелей-дѣтей. Посланникъ папы Гонорія III-го, преемника Иннокентіева, гранскій архіепископъ возложилъ вѣнецъ на Коломана и провозгласилъ его, отъ имени верховнаго владыки католическаго міра, галицкимъ королемъ. Второй разъ прида-

вался этотъ не славянскій титулъ правителямъ южнорусской земли, точно хотѣли ее этимъ возвысить надъ остальнымъ необъятнымъ пространствомъ, заселеннымъ «отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды» славянскими православными племенами и ихъ отъ вѣка покорными данниками.

Младенецъ-король олицетворялъ зарожденіе западныхъ притязаній на Востокъ. Его вѣнчаніе было торжествомъ католичества въ краѣ древне-православномъ. Въ Коломанѣ и Саломеѣ Западъ пріобрѣлъ осязательную опору для своихъ будущихъ происковъ и предпріятій! И никто изъ прирожденныхъ русскихъ князей не подумалъ уберечь отъ Польши и Венгріи древній русско-галицкій столъ, на которомъ такъ высоко сидѣлъ Ярославъ Осмомыслъ! Пропалъ съ ихъ глазъ, ушелъ изъ ихъ рукъ богатый, теплый, единовѣрный край—Карпатская Русь! Мнимые попечители Даніила—Лешко да Андрей—теперь и не думали о законныхъ наслѣдникахъ галицкаго стола. Они думали о себѣ. Будущее улыбалось хитрому Западу. Никто не перечилъ его волѣ. Угры чинили судъ и расправу, не обижая народъ. Ихъ рати держали порядокъ безъ притѣсненія гражданъ. Ихъ духовенство пеклось о своей пришлой, католической паствѣ, неустанно, не покладая рукъ. По волѣ папы, православный епископъ и священники были изгнаны изъ Галича, рѣшено было обратить и весь край червонорусскій въ католичество. Кромѣ выгоднаго брака для своей дочери, Лешко получилъ отъ короля, изъ галицкой волости Перемышль и Любачевъ; послѣдній городъ былъ отданъ воеводѣ Пакославу, который умѣлъ устроить этотъ выгодный союзъ.

Но вскорѣ между державными сватами началось

охлажденіе, а затѣмъ послѣдовала и ссора изъ-за Галиціи.—Андрей держалъ Лешка въ сторонѣ отъ галицкихъ дѣлъ и не допускалъ до участія въ управленіи ими. Кромѣ того, король отнялъ у Лешка Перемышль и Любачевъ. Хмуро, злобно смотрѣлъ краковскій державецъ на всѣ эти распорядки Андрея венгерскаго, да и грустно жилось ему, кромѣ того, безъ маленькой, веселой Саломеи. Скучно было въ княжескихъ палатахъ польскаго князя.

Вдругъ на княжóмъ дворѣ объявился конюхъ, чтò былъ отправленъ въ Угры съ младенцемъ-королевой. Его обступили, разспросы сыпались со всѣхъ сторонъ, ему не даютъ передохнуть. Почуя новость, Пакославъ отогналъ любопытныхъ и увелъ пришельца въ свой покой.—«Говори мнѣ все безъ утайки, какъ передъ Богомъ!» строго заявилъ онъ, запирая за собою дверь. «Зачѣмъ ты здѣсь? Присла́лъ кто? Иль самъ надумался?»—«Кто же пришлетъ-то? младенецъ нашъ,—королева? И не посмѣетъ, и не сумѣетъ. Строго держатъ ее на чужой сторонѣ. Все по-своему образуютъ. У,—какъ строго!»—«Такъ чего же ты здѣсь предъявился?»—«Да дѣлать-то нечего тамъ. Къ нашей-то княгинюшкѣ нѣмца приставили, а меня отставили, не сумѣлъ по-ихнему служить. Вотъ я и пришелъ на родину».

Пакославъ задумался. Давно запала ему мысль двинуть Лешка на Андрея. Давно подходилъ онъ то съ той, то съ другой стороны къ своему князю, да ничего не беретъ. Сидитъ, хмурится, груститъ князь по доченькѣ, а на дѣло не поднимается, скорѣе еще на него, своего вѣрнаго раба, сердце держитъ. Ужъ очень съ горя мудренъ сталъ.—«Ну, теперь я пройму его! прямо заговорю о терзаніяхъ малаго ребенка».

И торопливой походкой отправился онъ въ княжескіе покои. Но поднять Лешка на венгровъ было невозможно. Онъ боялся за дочь, не вѣрилъ, что самъ справится съ врагомъ. Что ни говорилъ Пакославъ, Лешко ничего и слушать не хотѣлъ. Одного добился ловкій царедворецъ: его самого князь послалъ на сѣверъ, къ чудо-богатырю, тогдашнему вершителю судебъ всея Руси—дряхлѣющаго Кіева и строптиваго Новгорода!

Ко Мстиславу Мстиславовичу Удалому шелъ посланцемъ Пакословъ молить его о помощи и защитѣ. «Братъ ми еси, пойди и сяди въ Галичъ», повторялъ Лешко въ своемъ слезномъ посланіи. Будетъ герой Мстиславъ въ Галичѣ,—утѣшалъ себя Лешко,—не шевельнутся венгры и согласятся, за ненадобностью, вернуть мнѣ мою дочь, королеву галицкую. Наконецъ-то, онъ вздохнетъ свободно, къ нему вернется его любимое дитятко! И что же? вышло почти по-его.

Явившись въ Новгородъ, Пакославъ со слезами молилъ Мстислава, говоря: «Помоги, великій, брату твоему, горемычному Лешку! Выручи его дитя, отплати венграмъ, что отняли у васъ искони ваши галицкіе города и распоряжаются Галичемъ, какъ своимъ пригородомъ». Мстиславъ, подобно отцу, готовый всегда на дѣла великія, не отказался отъ предложенія, столь лестнаго для его славолюбія. Вскипѣлъ Удалой! Кстати, у него подъ рукой дѣла не было, а на любезныхъ своихъ новгородцевъ начиналъ онъ серчать за ихъ неугомонность!

Чу! ударилъ вѣчевой колоколъ на Ярославовомъ дворѣ.—Народъ бѣжитъ, торопится и старъ и младъ, готовясь слушать, о чемъ судить начнетъ посадникъ, къ чему ихъ собираютъ. Пришли кичливые

бояре, готовясь держать непокорливые отвѣты своему державцу. «Такъ и такъ-то», собирались они выкладывать ему свои неудовольствія. А онъ и слова не далъ никому вымолвить. Вышелъ, поклонился на всѣ четыре стороны да и объявилъ: «Есть у меня дѣло на Руси, туда иду. А вы въ князьяхъ своихъ вольны». Пока отъ изумленія никто еще не могъ прійти въ себя, онъ сидѣлъ уже въ сѣдлѣ, рѣшившись немедля двинуться въ Галичъ.

И пришелъ съ грозой военной русскій удалецъ на Галичъ, т. е. на правившихъ въ немъ венгровъ. Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ безъ боя, безъ пролитія капли крови!

Узнавъ о его приближеніи, Андреевы вельможи, правители галицкой Руси, за малолѣтствомъ Коломана, убрались во-свояси, подъ защиту родныхъ Карпатъ, съ бояриномъ Судиславомъ во главѣ. Мстиславъ же сѣлъ на древле-русскій галичскій столъ, но въ угожденіе народу выдалъ дочь свою Анну за природнаго державца галицкаго—Даніила Романовича.

Онъ возмужалъ, и скоро всѣ увидѣли, что онъ пойдетъ въ знаменитаго своего отца. Такъ устроялись дѣла въ Галиціи. Только при этомъ всѣ забыли про князя Лешка, забыли про горе отца! Забыли дитя-королеву, изнывавшую при чужомъ венгерскомъ дворѣ! Отецъ тужилъ по ней и не могъ оставаться въ невѣдѣніи о ея житьѣ-бытьѣ при дворѣ Андрея. Между сватами началась переписка, и вскорѣ оба опять подружились, боясь надвигающейся на нихъ общей бѣды-напасти! На этотъ разъ въ союзѣ съ ними былъ и тесть Лешка, Александръ Бѣльзкій. Враги не могли простить юному соколу Даніилу, что тотъ возвратилъ отъ ляховъ всѣ пограничныя мѣста, которыми, въ его малолѣтство, завладѣли тѣ. Теперь по Бугъ округ-

Есть дѣло у меня на Руси! Туда иду! *(Къ стр. 126).*

лилъ онъ свои владѣнія, сидя, по волѣ Лешка, на отчемъ владиміро-волынскомъ столѣ. Лешко злобился и на Мстислава, подозрѣвая, что онъ совѣтовалъ Даніилу отвоевать пограничныя мѣста. Обвиняя Мстислава и Даніила въ неблагодарности, въ вѣроломствѣ, Лешко возобновилъ союзъ съ Андреемъ венгерскимъ, въ пользу Коломана.

Венгры и ляхи, вступивъ въ галичскую землю, заставили Мстислава удалиться изъ страны, такъ какъ онъ, по нерасположенію бояръ, не въ силахъ былъ побороть своихъ враговъ при помощи одной своей дружины, безъ галицкихъ войскъ. Пришлось уступить соединеннымъ силамъ венгровъ, ляховъ и Александра Бѣльзкаго, дѣйствовавшихъ сообща — съ галицкими измѣнниками-боярами, пришлось оставить Галичъ снова латинянамъ. Отъ имени короля Коломана и королевы Саломеи страною сталъ править Бенедиктъ Боръ. Съ нимъ наѣхалъ цѣлый штатъ латинскихъ монаховъ, бароновъ, вельможъ. Тѣснили русскихъ природныхъ бояръ, тѣснили народъ,—вытѣсняли, на горе Руси православной, ея кроткое миролюбивое духовенство! Гордо подняли головы паписты. Страна застонала отъ ихъ владычества, и зараза западнаго ученія полилась по стогнамъ православной земли червонорусской.

Задача Бора и его сподвижниковъ Фильнія и Судислава состояла въ томъ, чтобы навѣки слить съ венгерскимъ королевствомъ, исповѣдающимъ латинское вѣроученіе, всѣ земли по обѣ стороны Карпатъ. Недаромъ Фильній носилъ прозваніе «прегордаго». Горда была его мысль, ясны и опредѣленны стремленія! Даже Даніилу Романовичу становилось жутко въ своемъ Владимірѣ-Волынскомъ отъ этихъ замысловъ сосѣда!—Онъ рѣшился послать вѣрнаго друга, брата

Василька, къ Мстиславу Удалому въ Новгородъ, сообщить о бѣдѣ неминуемой для Церкви православной на югѣ Россіи.

Пришлось Удалому проститься съ любимою, буйной вольницей, съ гробомъ дорогого сына, только что похороненнаго у Св. Софіи. Раздался звонъ вѣчевого колокола. Народъ валилъ на Ярославовъ дворъ. Но не было уже тутъ ни одного строптиваго взгляда, ни одной сварливой души. Любовью полныя сердца шли на призывъ любимѣйшаго князя! Онъ стоялъ въ слезахъ, горько плача на прощанье: «И дай мнѣ Богъ у васъ здѣсь лечь съ моимъ отцомъ и сыномъ у Св. Софіи», говорилъ онъ. «Но теперь прощайте. Хочу идти, меня зовутъ на Галичъ! Его спасать, искать у вражьихъ латинянъ! Отомстить за прежній соромъ!» Всѣмъ міромъ взмолились новгородцы: «Останься, нашъ любимый! Не разставайся съ чадами своими. Не пустимъ мы тебя!» Но Мстиславъ поставилъ на своемъ. Явился въ Кіевъ, собралъ тамошнихъ князей, побуждая всѣхъ встать за родину, за Церковь! И всѣ отвѣтили ему охотно. Первымъ сталъ въ его рядахъ, съ своими дерзкими въ бою полками, Владиміръ Рюриковичъ, князь смоленскій. Дружно поднялась и половецкая степь за Мстислава *). Во главѣ шелъ Даніилъ, увѣренный уже въ себѣ, въ привязанности ближнихъ владимірскихъ бояръ. Ему приходилось очень трудно, такъ какъ именно на его Волынь обрушился со всѣми своими силами князь Александръ Бѣльзкій.

Въ Галицію спѣшили венгры, ляхи, да поднимались мѣстные отступники, измѣнники родному дѣлу.

---

*) Онъ былъ женатъ на дочери ихъ предводителя,—Котяна.

Фильній не только укрѣпилъ городъ со всѣхъ сторонъ неприступными стѣнами, но еще изъ храма Пречистой Богородицы устроилъ крѣпость, пристроивъ къ колокольнѣ цѣлую башню для метанія въ осаждающихъ—стрѣлъ, камней и горючихъ составовъ. Въ храмѣ заперся король Коломанъ съ супругою и знатнѣйшими венгерскими банами съ ихъ семьями и богатствами Но на этотъ разъ ничто не помогло. Битва подъ Галичемъ была смертоносна. Смоляне и половцы такъ искусно помогали Удалому и его храброму зятю, что положили на мѣстѣ всѣ вражьи силы.

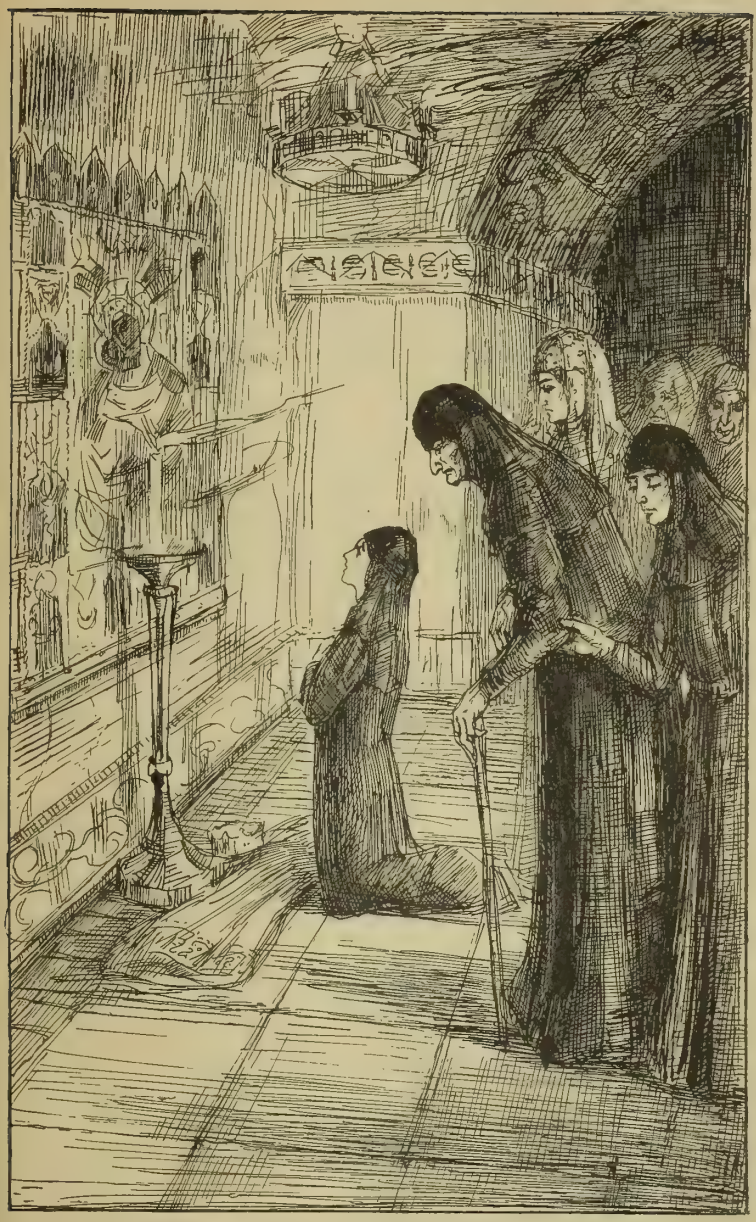
Напрасно Судиславъ, подбадривая надменныхъ галицкихъ бояръ, пугалъ, что Мстиславъ «обратитъ ихъ великомочія въ подданныхъ половецкаго хана и погонитъ въ дикую степь». Русь не даромъ двинулась къ Карпатамъ. Она вытѣснила венгровъ, ляховъ и съ ними латинскихъ монаховъ, съ своей родимой, православной земли! Галичъ вернулся подъ скипетръ Мстислава, а Даніилъ остался въ своей владимірской отчинѣ. Снова понеслись въ галицкихъ церквахъ усердныя молитвы къ Господу силъ, по православному обряду. Вздохнулъ съ отрадой русскій народъ, молясь на родные образа, за родного своего русскаго князя, красное солнышко, сокола яснаго! «И бысть радость великая», говоритъ лѣтопись подъ 1221-мъ годомъ, «спасъ Господь отъ иноплеменниковъ». Мстиславъ отправилъ въ свой родовой Торческъ плѣненныхъ короля и королеву галицкихъ.

Хорошо жилось бѣднымъ, напуганнымъ дѣтямъ у ласковой, заботливой княгини Маріи. Изъ молодой половчанки вышла добрая христіанка, отличная супруга и мать. Она утѣшила, успокоила плѣнниковъ. Въ обществѣ ея дѣтей, Коломанъ и Саломея стали забывать не-

взгоды своего ранняго дѣтства и очень огорчились, когда, черезъ годъ, король Андрей прислалъ за нихъ огромный выкупъ. Со слезами разстался Коломанъ со своими добрыми покровителями и юною подругой своихъ дѣтскихъ злосчастій. На кроткую красавицу Саломею тяжелое дѣтство, постоянный страхъ, волненія и тревоги подѣйствовали такъ сильно, что милая 9-ти-лѣтняя дѣвочка наотрѣзъ отказалась разстаться съ своей покровительницей, княгиней Маріей. Мстиславъ помогъ ей уговорить родителей, и бѣдный прелестный, кроткій ребенокъ, съ счастливой улыбкой сложилъ у ногъ Пречистой Дѣвы свой королевскій вѣнецъ и порфиру, навѣки укрывшись отъ горя и слезъ подъ смиренною мантіей православной инокини.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Д. Иловайскій.* Исторія Россіи. Т. II.
2) *Карамзинъ.* Исторія Государства Россійскаго. Т. III.
3) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ.



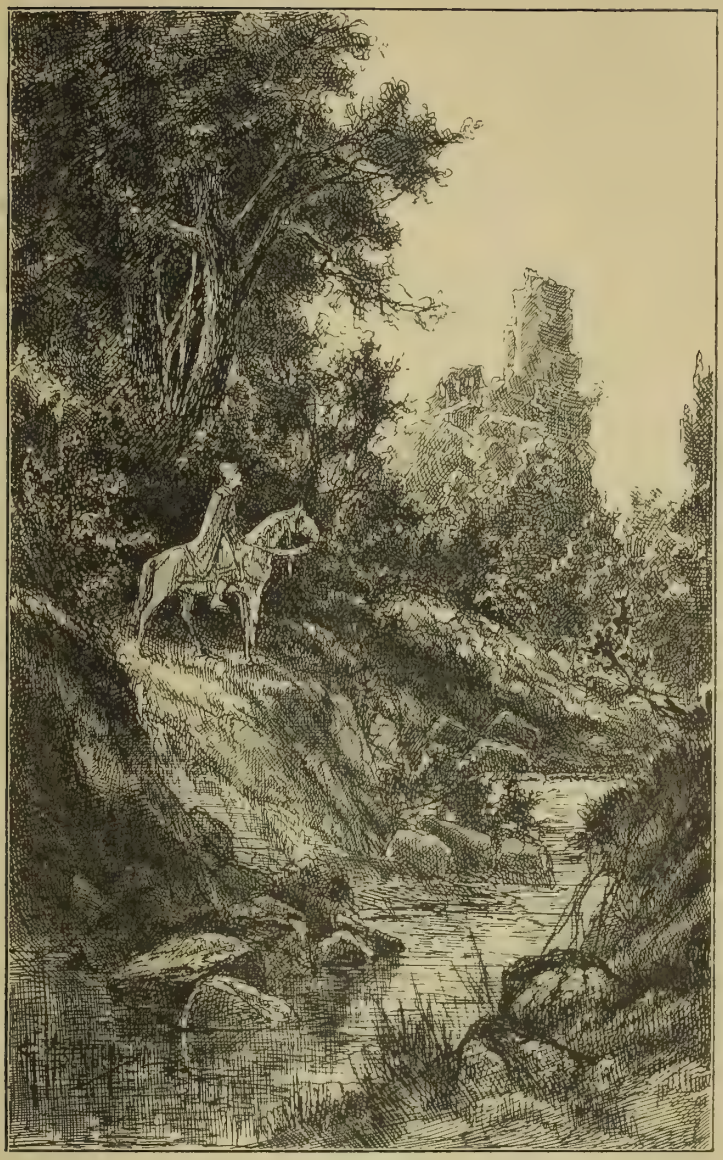
Прелестный, кроткій ребенокъ съ счастливой улыбкой сложилъ у ногъ Пречистой Дѣвы свой королевскій вѣнецъ и порфиру.

(Къ стр. 130).

Основаніе Холма. 1223 г. Татары. 1341 г.

Сидя въ своей отчинѣ — Владимірѣ-Волынскомъ, юный князь Даніилъ Романовичъ не переставалъ вести борьбу за свое наслѣдственное добро,—не ласковый до него Галичъ. Съ колыбели терпѣлъ онъ въ стѣнахъ столицы предковъ измѣны, притѣсненія, оскорбленія отъ крамольныхъ бояръ. Сосѣди-правители то помогали ему забирать отцовское наслѣдство, то, въ союзѣ съ тѣми же боярами, для своихъ личныхъ выгодъ, обидно устраняли изъ Галича безсильнаго державца. Одинъ былъ у него вѣрный, неизмѣнный другъ-союзникъ,—это младшій братъ Василько Романовичъ. Братья вмѣстѣ дѣлили свое горе, заботы и рѣдкія радости. Только на Василька могъ положиться осторожный Даніилъ во всѣхъ дѣлахъ и заботахъ, съ нимъ однимъ отвести свою опечаленную душу! Друзья-братья особенно любили, по примѣру отцовъ и дѣдовъ, охотиться въ дремучихъ волынскихъ лѣсахъ. Частенько удалялись они подальше отъ жилья и людей и охотились въ привольныхъ родныхъ зем-

ляхъ. Однажды, оставивъ позади бояръ-дружинниковъ, князь Данило тихо сталъ пробираться по живописному берегу веселой Угерки тамъ, гдѣ она впадаетъ въ величавый Бугъ. Лошадь его вдругъ оступилась. «Камень!» удивленно сказалъ князь и поднялъ глаза. Передъ нимъ разстилалась чарующая картина. Величавый лѣсъ разступался, открывая живописную лощину. Зеленая гора подымалась изъ воды, вся усѣянная милліонами пестрыхъ, красивыхъ цвѣтовъ. Наверху, изъ зелени кустовъ, поднимались къ небесамъ живописныя развалины, когда-то, должно быть, величавой, красиво воздвигнутой башни. Кой-гдѣ, по округѣ, среди вѣковыхъ деревьевъ, показывался одинокій, сѣренькій дымокъ, тонкой струйкой тянувшійся къ ясному, свѣтлому небу. А башня, башня! она такъ и манила къ себѣ царственныхъ путниковъ.—«Братъ!» крикнулъ онъ, «смотри!»—Василько мигомъ очутился рядомъ и тоже не могъ глазъ оторвать.—«Что это за башня? Какъ это мы ее до сихъ поръ не видали?» Оба стояли недоумѣвая, дивясь и ненасытно любуясь дивной картиной.—«Спросить бы?» выговорилъ, точно про себя, Василько. Рѣзкій, повелительный звукъ рога эхомъ раскатился по ущелью, повторился во всѣхъ углахъ, и, по его зову, точно изъ подъ земли, выросъ, въ мигъ явившійся, нарядный стремянной. Какъ вкопанный, остановился онъ у стремени своего повелителя.—«Чье тамъ жилье?». Юноша не сразу отвѣтилъ.—«Поди», улыбаясь милостиво, заговорилъ Даніилъ, «узнай, какая это башня».—«Тамъ, съ боярами стоятъ трое тутошнихъ, прикажешь ихъ позвать?» спросилъ юноша и, замѣтивъ кивокъ князя, спѣшно удалился. А братья-князья продолжали глядѣть, дивясь красѣ неописуемой.



Точно очарованный, стоялъ князь Даніилъ галицкій передъ развалинами острога, построеннаго кіевскимъ княземъ Владиміромъ Святославичемъ и названнаго имъ «Холмомъ».

(Къ стр. 132).

Остальные охотники въ это время собрались кучкой вокругъ мѣстныхъ жителей, проводниковъ. Къ нимъ-то и обратился стремянный съ вопросомъ,—какая могла быть тамъ башня въ лѣсу, которую замѣтили князья.—«И какъ это вы, именитые бояре нашихъ державцевъ, не освѣдомлены о прадѣдовской памяткѣ?» изумились поселяне. И набожно, снявъ шапки, старики перекрестились.—«Давно она тутъ стоитъ?»—«Да какъ еще и давно-то! Тутъ стоялъ два вѣка крѣпкій, прекрѣпкій острогъ; воздвигъ его благословенный и премудрый князь Владиміръ Красное Солнышко!» Бояре переглянулись.—«Бѣжимъ скорѣе, повѣдаемъ князьямъ». И торопясь стали пробираться впередъ по лѣсной чащѣ.

Князья все стояли, не двигаясь, любуясь. Внимательно выслушали они докладъ. Сняли шапки и, въ свою очередь, благоговѣйно перекрестились, вспоминая великаго пращура.—«Должно быть, святой князь, еще будучи язычникомъ, воздвигъ здѣсь оплотъ, чтобы оградить свою землю, Червонную Русь, отъ вѣчно безпокойныхъ ляховъ», говорилъ, раздумывая, Даніилъ.—«Видимо, эта Прикарпатская сторона завсегда была наша», проговорилъ Василько.—«А то какъ же? Между Саномъ, Вепремъ и Бугомъ все наши славянскія племена жили искони», вѣско отвѣчалъ старшій.—«Ну, такъ заживемъ же и мы здѣсь, братъ! тутъ такъ хорошо!»—«Хорошо, привольно, покойно и красиво! Такъ бы во вѣкъ не ушелъ!» весело сказалъ Даніилъ, слѣзая съ коня, сѣлъ на берегу Угорки и позвалъ охотниковъ. Начались разспросы крестьянъ, которые передавали сказаніе о славянскомъ князѣ Щелкѣ, будто бы построившемъ острогъ на горѣ, въ лѣсу, и назвавшемъ его Хол-

момъ. Великій же князь Владиміръ Святославовичъ, воюя съ ляхами, жилъ въ этомъ острогѣ, на перепутьи къ Карпатамъ, и воздвигнулъ башню, на которую теперь любовались князья. Даніилъ внимательно вслушивался въ немудреную рѣчь простолюдиновъ. Съ непокрытыми головами, переминаясь съ ноги на ногу и теребя свои мѣховыя шапки, стояли передъ князьями скромные пахари. Ихъ немудреная, пѣвучая рѣчь текла неторопливо. Съ благоговѣніемъ вспоминая далекое прошлое родныхъ полей и лѣсовъ,—они передавали Даніилу сказанія отцовъ и дѣдовъ о томъ, какъ князь Владиміръ полюбилъ ихъ мѣста, какъ пировалъ онъ на берегу ихъ родной рѣки, какъ укрѣпилъ старый острогъ, чтобы оградить мирныхъ жителей отъ напора враговъ съ Запада и отъ набѣговъ дикихъ половчанъ. Пылкіе Романовичи подумали, что и имъ, пожалуй, будетъ хорошо житься на пепелищѣ славнаго предка, и рѣшили основать на томъ же самомъ мѣстѣ новую столицу, оставивъ за нею ея древнее, вѣками освященное, прадѣдовское имя «Холмъ».

Точно по мановенію волшебнаго жезла, выросла нарядная столица, блестя своими новыми зданіями и золотыми крестами многочисленныхъ церквей. Любя, украшалъ ее Даніилъ Романовичъ. Храмы были полны сокровищъ, вывезенныхъ изъ Кіева. Множество жителей со всѣхъ концовъ Русской земли собралось въ эту новую столицу галицкихъ князей. Далеко вокругъ разстилались ихъ владѣнія: Волынь, Подолія, кіевская земля, галицкая до самыхъ Карпатъ.—Червонная Русь и все пространство до литовцевъ и ятвяговъ—признали мудрость державца Даніила и свою зависимость отъ южной Руси, убѣ-

ждаясь по опыту, что, именно благодаря этой зависимости, крѣпла страна, умножалось ея благосостояніе. Года шли бы счастливо за годами, если бы горе восточной Руси не ложилось тяжелымъ гнетомъ на русское сердце Даніила Романовича.

Днемъ и ночью слышались ему стоны несчастныхъ единовѣрныхъ жителей, бѣжавшихъ изъ разоренныхъ русскихъ областей. Еще такъ недавно цвѣтущая страна,—отъ крайняго востока до самаго Днѣпра,—лежала теперь полумертвая, съ испепеленными городами, убитымъ, разогнаннымъ, плѣненнымъ населеніемъ! Всѣ, кто только могъ двигаться, здоровые, сильные, работники, были уведены въ плѣнъ, въ татарскія орды. Ангелъ смерти пронесся по всему неизмѣримому пространству Русской земли! Какъ бичъ Божій,—Батыевы полчища поражали Русь удѣльную. Страшно становилось Романовичамъ, когда доносились до нихъ зловѣщіе слухи, что уничтожены уже половецкіе та́боры, и они были вынуждены выселяться въ безлюдныя венгерскія пустыни; русскіе же города и веси, безсильно, безнадежно такъ и склонялись передъ двигавшимся бичомъ. Родина святая вся покрылась развалинами, а несчастные князья, обезумѣвъ отъ страха, шли кланяться Батыю, въ его орду, гдѣ нерѣдко гибли подъ топоромъ татарскихъ палачей.

Часто и подолгу совѣщались князья-братья съ духовенствомъ и боярами, раздумывали, судили о тяжеломъ положеніи, не зная, что̀ предпринять, какъ спасти хотя бы свою отчину, лежавшую на перепутьи изъ порабощенной Руси въ нетронутую еще, но уже перепуганную Европу. Роковая вѣсть, что Батыевы рати собираются идти не только за Днѣпръ,

но и за Карпаты, неслась, точно гласъ судной трубы архангельской, изъ конца въ конецъ по всему православно-русскому міру. Прощай тогда, послѣдняя пядь родной православной Руси! Не удержать напора, не спасти ея отъ погрома и порабощенія!

Невольно отуманенный страхомъ, взоръ Даніила останавливался на тѣхъ хитроумныхъ и сладкорѣчивыхъ возваніяхъ, которыя неутомимый Западъ слалъ съ возрастающей настойчивостью въ полюбившуюся ему Галицію. Смиренно склонялись передъ русскими князьями и ихъ любимыми совѣтниками, православными епископами, Іоаннъ Карпинъ, доминиканскіе монахи и католическіе епископы Каменецкій и Беренскій. Никакихъ уступокъ не требовали папскіе послы.—«Только признайте главенство духовнаго владыки Запада, и всякая помощь будетъ вамъ съ избыткомъ подана», твердили они заманчиво, вкрадчиво. «Смотрите сами: его святѣйшество римскаго папу чтитъ самъ побѣдоносный Батый! Не тронетъ онъ и васъ, когда узнаетъ, что князь Даніилъ коронованъ римскимъ легатомъ. Васъ тогда поддержитъ сильная помощь всего Запада». Крѣпко не хотѣлось Даніилу принимать королевскій вѣнецъ отъ руки католическаго епископа; эта зависимость отъ папы казалась униженіемъ потомку славныхъ Мономаховичей. «Преложиться къ Западу», говоритъ лѣтописецъ, «претила русскому князю его православная душа!» Передъ умственнымъ же взоромъ вставалъ страшный призракъ татарскихъ полчищъ и вся обнаженная, испепеленная пустыня, въ которую обратилъ Батый родную Русь. О помощи противъ хана, уже поднимавшагося на Европу, Даніилъ молилъ Западъ, умалчивая, конечно, объ условіяхъ. Тамъ должны были понять, что надо поддержать Даніила,—иначе

Польша, за ней Венгрія, Австрія, да и вся остальная западная Европа будутъ открыты для вторженія кровожаднымъ сынамъ далекой Азіи. Помочь Даніилу галицкому, уцѣлѣвшему юго-западному русскому князю, надо было изъ чувства самосохраненія. На этомъ онъ и настаивалъ. Но обѣщанная, горячо желанная и такъ нетерпѣливо ожидаемая помощь не приходила, съ востока же туча все надвигалась. Шестьсотъ тысячъ татарскаго войска, по слухамъ, уже вооружено, полчища азіатовъ уже близятся! Вдругъ въ стѣнахъ мирнаго Холма явился вѣстникъ горя, носитель смерти, передовой посланецъ Батыя, и грозное повелѣніе: «отдай Галичъ! размечи свои города на Волыни!» разразилось надъ несчастнымъ Даніиломъ и Василькомъ. О, Боже, да какъ же такъ отдать? Какъ самимъ на себя наложить руки? Князья-братья въ отчаяніи бросились за помощью къ венграмъ и ляхамъ. Сколько разъ случалось имъ беззавѣтно спѣшить съ русскими стойкими ратями на помощь западнымъ сосѣдямъ-державцамъ въ тяжелую годину! Теперь, оберегая себя, должны-жъ западные державцы охранить южную Русь, т. е. свои же границы. На горе, помощь опоздала. Не успѣлъ никто собраться, какъ уже грянула гроза, разлился кровавый потокъ—широко, далеко, даже за Карпаты, полонивъ несчастную Русь, испепеливъ не только Венгрію, но и сосѣднія земли. Разметаны несчастные, красивые города, избиты, плѣнены православные жители. Такого горя еще не бывало на Руси. Легла она за всю остальную Европу. Туда татары уже больше не забирались: тѣсны, малы, послѣ русской шири, показались имъ и Венгрія и Польша! Русское раздолье имъ крѣпко полюбилось, и утвердились они въ нашей родинѣ на цѣлые вѣка.

Убитые горемъ, вернулись Романовичи въ разоренныя свои отчины. Счастье свиданія съ избѣжавшими смерти подданными не выкупало общаго горя, кручины. Надо было собрать, одѣть, накормить, пристроить тѣхъ немногихъ бѣдняковъ, которые успѣли скрыться отъ общаго погрома. Безъ устали оба брата день и ночь работали, воодушевляя трудившихся надъ очищеніемъ разграбленныхъ селъ и городовъ. Нелюбимый, но, все же, древній, отчій Галичъ сталъ подниматься понемногу. Изъ окружныхъ лѣсовъ, изъ горныхъ ущелій въ него стекались скрывавшіеся тамъ несчастные жители. Полуживые отъ страха и голода, они окружали тѣхъ немногихъ своихъ добрыхъ пастырей, которые вмѣстѣ съ ними чудомъ спаслись отъ всегубительныхъ стрѣлъ и копій дикарей. Очищались улицы, дворы и площади отъ разлагавшихся труповъ. Съ большимъ трудомъ можно было добраться до храмовъ Божіихъ, такъ какъ, преслѣдуемые татарами, православные въ храмахъ искали спасенія отъ враговъ; но, настигнутые ими, падали отъ мечей и стрѣлъ татарскихъ и трупами заграждали входъ въ церкви. Ихъ праведныя души, очищенныя отъ земныхъ грѣховъ предсмертными муками, возносились къ подножію престола Божія!

Церкви стояли ограбленныя, поруганныя, оскверненныя. Князья и духовенство, при участіи дружины и народа, принялись за возобновленіе храмовъ. Подняли кое-какіе забытые хищниками колокола, собрали изъ-подъ пепла найденные священные сосуды, образа; раздался, среди тлѣющихъ развалинъ, заунывный благовѣстъ, призывающій живыхъ страдальцевъ къ печальной панихидѣ надъ трупами безвременно погибшихъ жертвъ татарскаго насилія. Плакалъ несчаст-

ный людъ, склоняясь подъ тяжестью горя. Впереди стояли князья. Заунывно разносилось по воздуху горестное—«Со святыми упокой»,—и къ престолу Всевышняго, вмѣстѣ съ облаками кадильнаго ѳиміама, возносились рыданія и вздохи осиротѣлыхъ, обездоленныхъ галичанъ.

Вдругъ обрывается пѣніе: отчаянный, надорванный вопль вырывается изъ измученныхъ русскихъ сердецъ. Встали, грозно сверкая очами, колѣнопреклоненные князья. Высоко поднялъ смиренный іерей надъ распростертой толпой блестящій крестъ Господень. Всѣ смотрѣли на востокъ, откуда показались мрачныя облака густой пыли, поднятой скакавшими всадниками. Точно смерть, надвигалась туча пыли, заслоняя даже солнышко! Люди, лежа, не шевелясь, ждали въ оцѣпенѣніи, шепча молитвы, что вотъ, вотъ она всѣхъ ихъ уничтожитъ! Понемногу эта туча разсѣялась. Черные всадники знаками показывали еще издали, что не войну несутъ они, а мирные переговоры. Князья двинулись имъ навстрѣчу, а священникъ, преклонивъ колѣни, воздѣвъ руки горѣ, возносилъ мольбу ко Господу о ниспосланіи спасенія, милости и мира страдающей своей паствѣ.

Батый посылалъ своихъ избранныхъ людей къ Даніилу Романовичу галицкому выразить свое удивленіе, что русскій державецъ, несмотря на погромъ его владѣній, не шелъ съ покорнымъ привѣтомъ къ счастливому побѣдителю.—«И дани-то онъ не платитъ и въ орду не ѣдетъ», говорили послы. «Не подобаетъ жить на ханской землѣ, не поклонившись хану!» Миролюбивыми словами передавалось порученіе, но въ голосѣ слышалась старая угроза,—«отдай Галичъ!» Тяжела была борьба въ душѣ Даніила! Ему, православному

князю, «бывшу велику, обладавшу Русскою землею, Кіевомъ, Волынью, Галичемъ, покорившему половецкія кочевыя полчища и иныя многія страны», становиться на колѣни передъ ханомъ, называться его холопомъ, облагаться данью, страшиться угрозъ,—охъ! больно! до смерти больно было его воинственному духу, его русской душѣ! Казалось, и не вынести такой пытки! Но любовь къ Церкви православной, къ родинѣ святой взяла верхъ надъ самолюбіемъ!

Переговоривъ съ братомъ, въ отчаяніи поднявъ глаза къ небу, какъ бы прося свыше силъ вынести предстоящій позоръ, съ христіанскимъ смиреніемъ онъ сказалъ рѣшительно: «Иду въ орду, самъ изъявлю покорность Батыю, положусь на его честность; можетъ, онъ и оставитъ землю мою въ покоѣ!»—«Да благословитъ тебя Господь, страстотерпецъ нашъ возлюбленный!» воскликнулъ священникъ, осѣняя князя крестнымъ знаменіемъ. Съ горючими слезами провожали его набожные русскіе люди, молясь за своего спасителя, заступника за ихъ счастье и независимость. 26 октября отправился галицкій князь въ далекій путь. Проѣзжая разрушенный Кіевъ, онъ съ растерзаннымъ сердцемъ видѣлъ «бѣду страшну и грозну» *). Въ Выбутскомъ монастырѣ св. архистратига Михаила его встрѣтилъ игуменъ съ братіею, отслужилъ напутственный молебенъ, «да отъ Бога милость получитъ», моля всевышняго архистратига осѣнить своими могучими крылами великаго странника земли русской! Днѣпромъ проплылъ онъ до Переяславля на Альтѣ, а тамъ уже потянулись татарскія стойбища. Кровью обливалось бѣдное сердце Даніила, видѣвшаго на своей родной,

*) Слова Ипатіевской лѣтописи.

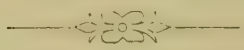
православной землѣ языческіе обряды, совершаемые монголами. Они кланялись солнцу, лунѣ, землѣ, умершимъ предкамъ, Чингисханову изображенію. Творили ворожбу, кланялись кусту и огню. Обычаи, пища, все у нихъ было возмутительно. При самомъ въѣздѣ въ орду, до отчаянія смутилъ его слухъ, что и ему придется выполнить языческіе обряды. Татары похвалялись, что ни одинъ изъ перебывавшихъ у нихъ русскихъ князей не посмѣлъ нарушить принятыхъ обычаевъ. «Братъ твой, великій Ярославъ Всеволодовичъ, кланялся кусту,—значитъ, и тебѣ подобаетъ кланяться», слышалъ онъ со всѣхъ сторонъ.—«Дьяволъ говоритъ вашими устами», возражалъ Даніилъ и даже плюнулъ отъ омерзѣнія. «Господи, помоги! огради меня!» твердилъ онъ, набожно крестясь, когда подходилъ къ ханскому шатру. И точно, Господь взмиловался надъ нимъ: Батый избавилъ его отъ всѣхъ обрядностей, напоминавшихъ язычество.

Въ разукрашенномъ шатрѣ, сидя на высокомъ престолѣ, ханъ ласково принялъ русскаго князя и кротко спросилъ: «Почему, Даніилъ, ты такъ долго не приходилъ ко мнѣ? Вотъ, теперь ты здѣсь, и добрѣ сдѣлалъ, что пришелъ». Князь поклонился съ мудрымъ словомъ:—«Богъ далъ тебѣ власть надъ нами, покоряюсь тебѣ, по Божьей волѣ». Ханъ опять спросилъ:—«Пьешь ли ты нашъ напитокъ, черное молоко, кобылій кумысъ?»—«Нѣтъ, не пилъ еще», отвѣтилъ князь и, вздохнувъ, прибавилъ: «но если прикажешь, то долженъ пить».—«Выпей, ты уже нашъ, ты татаринъ», ласково промолвилъ ханъ. Скрѣпя сердце, исполнилъ князь волю дикаго повелителя и попросилъ позволенія поклониться ханшѣ.—«Иди!» съ видимымъ удовольствіемъ отвѣчалъ Батый. Когда Даніилъ

исполнилъ этотъ долгъ вѣжливости, ханъ прибавилъ:— «Не обыкли вы у себя пить молоко,—пей вино!» и послалъ ему въ подарокъ чумъ *) вина.

Только 25 дней пробылъ Даніилъ Романовичъ въ улусахъ, меньше всѣхъ другихъ князей, своихъ родичей, и былъ отпущенъ оттуда съ именемъ слуги и данника ханскаго, милостиво—утвержденнаго во всѣхъ своихъ владѣльческихъ правахъ. Радостная вѣсть о его блестящемъ успѣхѣ, о ласковомъ пріемѣ грубаго дикаря, летѣла передъ нимъ, разнося благую вѣсть. Несчастный народъ со слезами благодарности бѣжалъ навстрѣчу своему державцу; духовенство съ хоругвями и крестами выходило, благословляя его счастливое возвращеніе. И гордая Европа вздохнула свободнѣе, почуявъ силу спасительнаго оплота, воздвигнутаго между ею и дикою Азіею великимъ радѣтелемъ о православной Русской землѣ.

*) Мѣра—въ родѣ кувшина.



ИСТОЧНИКИ:

1) *Иловайскій.* Исторія Россіи.
2) *Карамзинъ.* Исторія Государства Россійскаго.
3) *Зубрицкій.* Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества.

Чудо въ Зарваницѣ.

ТИХО текутъ прозрачныя воды Стрыпы по долинамъ и лѣсамъ богатаго Прикарпатья. На ея песчаныхъ, холмистыхъ берегахъ, то тутъ, то тамъ, высоко надъ водою ютятся, точно норки, пещерныя жилища благочестивыхъ отшельниковъ. Въ тѣ варварскія времена сѣдой старины, когда единственнымъ двигателемъ жизни считалась кулачная сила,—часто отъ мірской суеты, отъ грубыхъ, злыхъ нравовъ бѣжали кроткіе избранники въ дебри и лѣса вѣковые, чтобы въ полномъ уединеніи предаваться созерцательной молитвѣ, посту, умерщвленію плоти.

Недаромъ на страницахъ міровой исторіи за нашею родиной узаконено прозваніе «Святая Русь». Христіанское ученіе сильно вліяло на развитіе среди лучшихъ людей стремленія къ иноческой или отшельнической жизни. То въ дуплахъ деревьевъ, то подъ землею, въ вырытыхъ собственными руками пещерахъ, жили подвижники и своимъ примѣромъ, своимъ словомъ распространяли свѣтъ христіанскаго ученія,

укрѣпляли своихъ соотечественниковъ въ вѣрѣ православной.

Среди отшельниковъ часто встрѣчались и возвратившіеся изъ Святой земли благочестивые паломники, которые бросали семьи, богатства, дома, землю родную и отправлялись въ далекій, тогда очень опасный, путь. Обходили они тѣ города и веси, которые были свидѣтелями земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, поклонялись христіанскимъ святынямъ, посѣщали обители смиренныхъ иноковъ, ища пищи своему благочестивому настроенію. Іерусалимъ и гора Аѳонъ служили имъ доброй школой къ развитію благой воли и христіанской любви, къ проповѣдническимъ подвигамъ, которыми они занимались, по возвращеніи на родину. Ни голодъ, ни холодъ, ни обиды, ни мечъ, ни смерть, ни настоящее, ни будущее, ни татары, ни сарацины, ни жиды, ни ляхи, ни униженія, ни подкупъ— не могли отвлечь избранниковъ отъ служенія Церкви родной, отъ поученія словомъ и дѣломъ темныхъ, грубыхъ массъ. Возвращаясь отъ священныхъ водъ Іордана, смиренные странники запечатлѣвали въ душѣ воспоминанія о Святой землѣ и приносили съ собою нѣкоторые вещественные памятники пребыванія въ Палестинѣ: обломки камня отъ гроба Господня, масло отъ лампадъ, горѣвшихъ тамъ, далеко,—и на Голгоѳѣ, и въ Виѳлеемѣ, и въ храмѣ Воскресенья, образа, писанные греками въ Іерусалимѣ, равно и въ Византіи и на Аѳонѣ.

Любилъ народъ своихъ кроткихъ наставниковъ-утѣшителей, твердо вѣря и въ чудодѣйственную силу принесенной ими святыни и въ правоту ученія, преподаваемаго богоугодными отшельниками. Принижаемый и жизнью и людьми, народъ стекался въ

мѣста народной святыни,—здѣсь предъ чудотворными иконами онъ изливалъ въ горячей молитвѣ свою наболѣвшую душу и искалъ у Царицы Небесной защиты и предстательства предъ Ея Сыномъ и Богомъ. Плакалъ народъ предъ чудотворными иконами и ихъ хранителями-иноками, плакалъ горькими слезами съ глубокой вѣрой въ возможность облегченія горя и получалъ это облегченіе. Чудотворная сила избавляла глубоковѣрующаго человѣка отъ душевныхъ страданій и тѣлесныхъ недуговъ.

Волынь, Червонная Русь, да и все Прикарпатье славились своими иноками-пустынножителями, любовью къ нимъ народа, бояръ и самихъ благочестивыхъ державцевъ.

Какъ-то разъ удалый, веселый князь Василько Романовичъ поднялся на ловы въ дремучіе лѣса своей отчины,—Зарваницы *). Случилось такъ, что не съ кѣмъ было воевать храбрецу, не на комъ показать свою удаль молодецкую. Скучно стало ему безъ ратнаго дѣла, и собралъ онъ своихъ приспѣшниковъ на охоту за дикими звѣрями. Далеко забрели они въ вѣковыя чащи дремучихъ, до сихъ поръ еще существующихъ лѣсовъ. Дни стояли жаркіе, охота была счастливая. Князь безъ отдыха гонялся за вепрями, турами и ланями, далеко оставляя за собою остальныхъ охотниковъ. Вдругъ, на всемъ скаку его ретивый конь оступился, и князь съ размаха упалъ, ударившись головой о камень. Долго лежалъ онъ безъ чувствъ, въ глубокомъ обморокѣ. Ночная прохлада, спускаясь на землю, стала постепенно освѣжать его раненую голову. Струя свѣжаго вѣтра, шурша ли-

*) Зарваница—теперь мѣстечко около Бучача въ Галичинѣ.

стьями, пронеслась надъ нимъ, коснулася похолодѣвшаго лба его, пробралась въ пышныя, едва сѣдѣющія кудри и точно кольнула своимъ прикосновеніемъ зіявшую рану. Нестерпимая боль вырвала протяжный мучительный стонъ изъ придавленной груди. Шевельнуться же не могъ несчастный страдалецъ, передохнуть не было силы. Еще стонъ,—еле уловимый стонъ, единственное движеніе жизни въ замиравшемъ уже тѣлѣ. На этотъ-то звукъ двинулись изъ лѣсной чащи двѣ тѣни.

Темныя, сгорбленныя фигуры пробирались ощупью во тьмѣ ночной. Крестясь, шепча молитву, брели они наугадъ, точно невидимая сила влекла ихъ впередъ.—«И звукъ этотъ я слышалъ, отче».—«Точь-въ-точь, какъ въ видѣніи», перешептывались они.—«Хоть бы тучки отступили, раскрыли лунный свѣтъ». Другой голосъ отвѣчалъ: «а намъ, брате, зачѣмъ глядѣть? Идемъ, куда ведетъ Пречистая».—«Да когда ничего не видно!»—«На стонъ надо держать,—правѣе». Въ это время тучи, дѣйствительно, раздѣлились, полная луна торжественно выплыла изъ-за облаковъ и освѣтила яму, поверхъ которой лежало, давно видимо упавшее, полусгнившее дерево, а на краю ямы, частью подъ трупомъ лошади, частью увязнувъ во мхѣ, среди острыхъ пней и кочекъ, лежало блѣдное, безжизненное тѣло самого владимірскаго державца Василька Романовича. Съ молитвой на устахъ, благоговѣйно склонились надъ нимъ обѣ тѣни. Набожно крестясь, они осторожно пробовали поднять голову, высвободить тѣло изъ-подъ лошади. Тяжелый, болѣзненный стонъ заставилъ ихъ самихъ содрогнуться,—точно и имъ стало больно.—«Пресвятая Владычица, помоги намъ грѣшнымъ исполнить Твою волю!» за-

бормотали старцы. При лунномъ свѣтѣ, были ясно видны ихъ сѣдые волосы, постомъ и молитвою изможденные лики и сгорбленныя спины, въ ветхихъ монашескихъ одеждахъ.

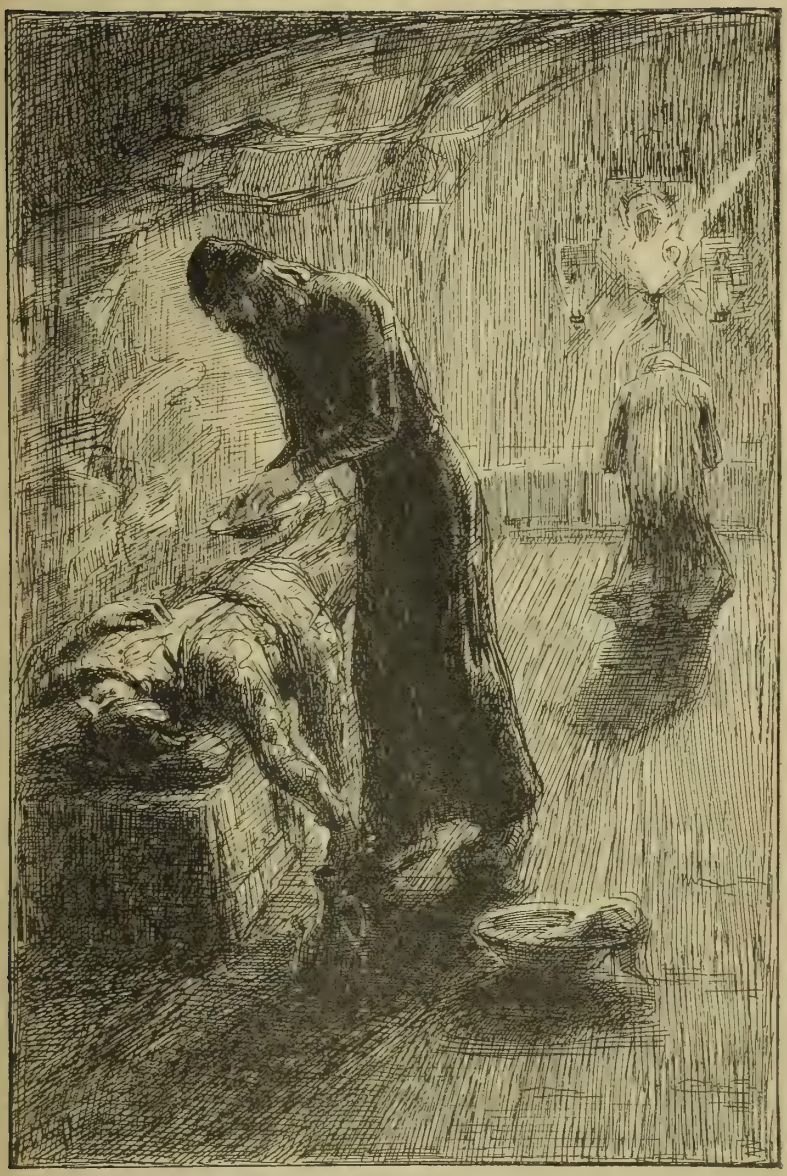
— «Водой бы изъ нашего источника смочить болѣзнаго», заговорилъ одинъ.—«Принесъ ее въ кувшинѣ, по Ея повелѣнію», отвѣтилъ внушительно другой. И бережно, любовно освѣжили они голову своего любимаго державца.—«Теперь понесемъ его къ Ней, по Ея указанію», сказалъ тотъ, что былъ постарше.—«Не снести, отче, не осилимъ», шепталъ второй. «Какъ бы намъ не потревожить князя! Страшно! Кажется, онъ оживаетъ, отче!»—«Не бойся, брате, вѣдь Пресвятая велѣла намъ принести его».—«Тогда исполнимъ Ея святую волю, понесемъ, но оставимъ здѣсь одежду и доспѣхи, чтобы облегчить его!» Осторожно, ощупью, сами чуть дыша, старались иноки святые, какъ можно, меньше тревожить любимаго князя. Какъ сострадательные духи, носители велѣній свыше, принялись они нѣжно, ласково за свое благодѣтельное дѣло.

Князь лежалъ безъ чувствъ, безъ движенія,—только изрѣдка, когда дотрогивались до его ногъ, жалобно, слабо стоналъ. Очень заботливо, осторожно прикасаясь къ разбитому тѣлу, раздѣли они князя и понесли въ ту сторону, откуда вышли сами на мѣсто несчастія.

Лѣсъ сталъ рѣдѣть, что-то заблестѣло изъ-за густой листвы, послышался снизу плескъ воды, а на верху, надъ рѣкой показалось довольно просторное отверстіе—удобный входъ въ подземелье. Изъ него мерцали красноватые огоньки,—это лампады теплились передъ иконами, освѣщая пространную пещеру,

выкопанную, конечно, самими отшельниками въ крутомъ берегу. Подъ образами, въ углу, была земляная скамья, покрытая мягкимъ мхомъ и свѣжими душистыми листьями. Тутъ и положили Василька. Кровь запеклась на головѣ и перестала течь; ноги, казалось, были переломлены, на спинѣ, груди страшныя ссадины.

— «Не излѣчимъ, святый отче?» шепталъ инокъ.— «Надо молиться, брате», твердо отвѣчалъ другой. «Матерь Божія явилась намъ обоимъ, приказала, несмотря на темную ночь, выйти изъ пещеры, идти по указанному направленію, дала намъ услышать слабые стоны страдальца, помогла донести и положить его подъ сѣнь Ея святой иконы. Видишь, какъ умильно глядитъ ликъ Пречистой на нашего страдальца. Она, Благодатная, и поможетъ намъ послужить, помочь ему». Съ этими словами инокъ сталъ доставать масло изъ лампады, которая теплилась передъ иконой Божіей Матери. Другой взялъ каменный кувшинъ и побѣжалъ за водой къ роднику, весело вырывавшемуся изъ-подъ земли недалеко отъ пещеры. Холодную, живительную влагу этого родника очень любили иноки и пустынники. Ею они обмыли раны, потомъ помазали ихъ масломъ. Жалостно, слабо стоналъ князь, но дыханія не было слышно. Отшельники не переставали за нимъ ухаживать, твердя молитвы, осѣняя себя и его крестнымъ знаменіемъ. Влили ему нѣсколько капель воды въ ротъ. Это какъ будто вызвало дыханіе. Еще влили нѣсколько капель, и князь открылъ помутившіеся глаза, но, конечно, не давалъ себѣ отчета, гдѣ онъ, и что съ нимъ. Медленно, съ большимъ трудомъ собирался онъ съ мыслями, припоминалъ, что̀ было, взглянулъ



Пока одинъ слѣдилъ за малѣйшимъ вздохомъ Василька, другой на колѣняхъ передъ святою иконою горячо молился о его выздоровленіи.

(Къ стр. 149).

на образа и слабо, еле-еле сталъ пробовать перекреститься.

Кроткіе иноки внимательно, ласково уложили его, какъ можно удобнѣе, на мягкихъ листьяхъ, по очереди не отходили отъ его изголовья. Пока одинъ слѣдилъ за малѣйшимъ вздохомъ Василька, другой на колѣняхъ передъ святою иконою горячо молился о его выздоровленіи. Торжественная тишина пустыни и безмолвіе подземнаго жилища окружали страдальца-князя, который мучился, и сострадательныхъ иноковъ, которые молились предъ иконою Царицы Небесной за повелителя земного, за владыку обширнаго княжества.

А въ лѣсу, тѣмъ временемъ, поднялась страшная суета. Долговременное отсутствіе князя встревожило его приспѣшниковъ, и они, чуя бѣду, начали искать его. Разсыпались они по всему лѣсу и начали трубить въ рога, въ надеждѣ, что заблудившійся князь услышитъ знакомые звуки и откликнется. Съ напряженнымъ вниманіемъ, приложивъ ухо къ землѣ, прислушивались витязи, притаивъ дыханіе, откуда послышится отвѣтный звукъ. Его не послѣдовало. Еще и еще трубили,—только эхо повторяло всегда безотвѣтный вопросъ. Жутко становилось даже храбрецамъ. Василька безъ памяти любили волынцы. Что случилось? Гдѣ князь? Даже громко спросить-то страшились они другъ друга. Весь день до вечера, всю ночь съ зажжеными сучьями отъ деревьевъ искала князя его свита и не находила. Разсыпались охотники, оглашая лѣсныя дебри своими призывными звуками, и ни откуда никакого отвѣта. Наконецъ, подъ утро кто-то изъ дѣтскихъ наткнулся на трупъ княжескаго коня съ переломленными ногами. Тутъ же

валялся шлемъ, мечъ князя, его кольчуга и верхнее платье. Все разбросано, но все цѣло. Видна была лужа крови около мѣста, гдѣ онъ свалился и придавилъ мохъ своею тяжестью.—«Но гдѣ же самъ князь?» съ ужасомъ спрашивали дружинники другъ у друга.—«Не было ли тутъ засады»?—«Не убили ли его недруги и не увезли ли бездыханное тѣло?»

Еще пуще прежняго раздавался душу раздирающій звукъ роговъ, призывавшихъ дружину на мѣсто несчастья съ княземъ. На этотъ звукъ со всѣхъ сторонъ стали спѣшно откликаться, и скоро вся свита собралась вокругъ трупа лошади, у свалившагося лѣсного великана. Закрестились православные, переглядываются, руками разводятъ.—«Ну, что теперь сказать князю Данилѣ?» проговорилъ кто-то изъ стариковъ. Остальные еще больше растерялись,—точно они были виноваты въ стряслейся бѣдѣ. Однако, за княземъ Данилой отрядили посланца, сами же принялись раздумывать горькую думу. Одинъ изъ ловцовъ сталъ осторожно отходить отъ другихъ по тому направленію, откуда слышался плескъ воды. Пока дружина горевала, совсѣмъ разсвѣло. Ясный лучъ лѣтняго солнца мощно пробивался въ самую глубь лѣсовъ, сквозь гигантскіе сучья вѣковыхъ великановъ. На удалявшагося ловчаго оглянулись и другіе. Онъ низко пригибался къ землѣ, разглядывая еще мокрый отъ росы мохъ. То онъ останавливался, оглядываясь по сторонамъ, то опять двигался, удаляясь въ одномъ направленіи.—«И мы за нимъ», шепоткомъ заговорили остальные, двигаясь дальше. Они увидѣли свѣтъ воды Стрыпы; ихъ потянуло на ея высокій берегъ.

Неподалеку увидѣли пещеру. Съ кувшиномъ въ

рукахъ вышелъ инокъ, еще не старый. но изможденный постомъ и лишеніями всякаго рода. Онъ пріостановился. Его пристальный взоръ былъ поднятъ къ небесной лазури; правою рукою онъ набожно крестился, шепча молитвы. Не замѣчалъ онъ подходившихъ людей, не слышалъ ихъ шаговъ. Восторженное умиленіе читалось въ его блестящихъ, ясныхъ глазахъ.—«Благослови, отче!» сказалъ старѣйшій бояринъ.—«Господь благословилъ и помиловалъ насъ грѣшныхъ», былъ вдохновенный отвѣтъ, «Царица Небесная, неустанная Заступница наша, благая Покровительница спасла намъ нашего князя!»—сказалъ инокъ.—«Гдѣ онъ? что съ нимъ?» ринулись къ пещерѣ охотники. Отшельникъ остановилъ ихъ повелительнымъ движеніемъ руки: «Не входите, не мѣшайте, дайте покойно молиться».—«Да что случилось? недоброе, вѣрно?»—«Чудо послалъ намъ Господь! Остановитесь! Молитесь, смиритесь прежде, чѣмъ войти въ освященное мѣсто!»—Голосъ отшельника былъ такъ внушителенъ, его лицо такъ вдохновенно, что именитые бояре послушно смолкли, остановились, несмотря на сердечное нетерпѣніе узнать что-нибудь о любимомъ князѣ. Зачерпнувъ воды изъ родника, инокъ снесъ ее въ пещеру, а потомъ, вернувшись къ взволнованнымъ охотникамъ, началъ разсказывать.—«Угасъ ужъ свѣтъ дневной. Ночная темь покрыла землю, мы съ старцемъ стояли на молитвѣ, слезно прося Всемилостивую Царицу Небесную о милости, мирѣ, здравіи и душевномъ спасеніи нашихъ князей любимыхъ, благочестивыхъ устроителей родной галицкой земли. Поклонъ за поклономъ клали мы передъ образомъ Пречистыя и вдругъ услышали гласъ неземной, кроткій, но повелительный. Онъ ука-

зывалъ намъ спѣшно встать на помощь волынскому князю. Послушно вышли мы изъ келліи. А ночь была тюрьмы чернѣе. Тучи покрывали небо. Ни зги не разберешь. У входа мы хотѣли-было разойтись: такъ нѣтъ! невидимая сила толкала обоихъ все въ одну сторону. Спотыкаясь, задѣвая за сучья и пни, шли мы впередъ, напрягая и слухъ и глаза, чтобы проникнуть сквозь непроглядную темь. Чу! точно послышался еле уловимый, слабый стонъ.—«Охъ, кабы мѣсяцъ открылся!» шепнулъ старецъ, крестясь и вздыхая. Я за нимъ. И вотъ разорвалися тучи, освѣтилась поляна, мы увидѣли князя, замертво лежащаго подъ бездыханнымъ скакуномъ! Какъ Господь намъ помогъ перелѣзть черезъ пни, оттащить лошадь, добраться до князя, раздѣть его, поднять, донести до пещеры, самъ я не знаю. Его святая воля совершилась надъ нами слабыми, немощными! Обмыли мы его, болѣзнаго, съ молитвою, раны масломъ изъ лампады помазали и видимъ—счастье! князь нашъ воскресаетъ! Невнятно вопрошаетъ,—гдѣ онъ? Глаза блеснули, это онъ увидѣлъ Ликъ Святой! Хотѣлъ осѣнить себя знаменіемъ крестнымъ, шевельнулъ-было рукой,—она переломлена въ двухъ мѣстахъ. Бережно, ласково старецъ говоритъ ему, что надо обождать.—«Теперь мы за тебя встанемъ на молитву, земные поклоны, крестныя знаменія будемъ усердно творить!» Страданіе, мольба горячая, безпредѣльная читалась въ глазахъ князя, устремленныхъ на благостный Ликъ. Мы пали во прахъ передъ Матушкой нашей, Заступницей у престола Всевышняго, моля о помощи Ея князю любимому! И чудо совершилось! Чудо великое, бояре вы наши! Мы, многогрѣшные, удостоились узрѣть это чудо! Какъ подняли мы наши головы,

такъ снова упали, проникнутые умиленіемъ! Рядомъ съ нами стоялъ нашъ князь, колѣнопреклоненный, какъ и мы. Онъ, лежавшій безъ движенія, съ переломленными членами, стоялъ теперь здоровый, крестился, плакалъ, молился вмѣстѣ съ нами! И по сей часъ стоитъ онъ передъ образомъ восторженный, умиленный, горячо молясь, благодаря и каясь. Съ нимъ вмѣстѣ молится и преподобный старецъ. Я же сходилъ только за водой. Оставьте ихъ, бояре, не безпокойте! Молитесь сами, благодаря Создателя и Его Пречистую Матерь, что сохранили всѣмъ намъ нашего любимаго, мудраго князя».

Съ благоговѣйнымъ ужасомъ, снявъ шапки, крестясь и плача, слушали бояре чудную повѣсть о великой милости Божіей. Конечно, они не посмѣли тревожить своего князя. Глубоко умиленные, пошли они къ студеному роднику, приписывая и его водѣ цѣлебную силу. Творя молитву, благочестивые русскіе люди подкрѣплялись живительной влагой, благодарили Бога и радостно отдыхали отъ пережитыхъ жгучихъ тревогъ. Василько не выходилъ изъ пещеры. Чудо милосердія Божія сильно повліяло на его кроткую, вѣрующую душу.

На другой день, чуть стала заниматься заря, по лѣсу раздались тревожные звуки роговъ, конскій топотъ, человѣческіе голоса. Высланные боярами охотники встрѣтили князя Данилу, спѣшившаго на поиски любимаго друга-брата. Радость свиданія была неописуема. Братья плакали, молились, что Господь помогъ имъ свидѣться, что Онъ, Милосердый, спасъ Василька, постоянную вѣрную опору Данилы во всѣхъ трудахъ и напастяхъ, которыми была такъ переполнена его жизнь. Оба князя, не откладывая дѣла, тутъ же

рѣшили построить надъ пещерою, на самомъ мѣстѣ, гдѣ совершилось чудо, величественный храмъ во имя Пресвятой Зарваницкой Божіей Матери.—по имени мѣстности Зарваницы, гдѣ находилась пещера. Чудотворная икона была установлена въ иконостасѣ. Ключъ же живительной воды проходилъ очень близко отъ церковной стѣны. Его отдѣлали камнями, устроили, по указаніямъ отшельниковъ, бывавшихъ въ Святой землѣ, купальню, на подобіе Іерусалимской Овчей купели. Слухъ о чудесномъ исцѣленіи князя съ быстротою молніи облетѣлъ всю широкую и далекую Русь православную. Потекли толпы за толпами болящихъ, обездоленныхъ, горячно вѣрующихъ въ скорую помощь многомилостивой Царицы Небесной. Припадали къ Ея стопамъ, молясь передъ чудотворною Ея иконою, прося себѣ исцѣленія отъ недуговъ, утѣшенія въ душевныхъ скорбяхъ, болѣзняхъ тѣлесныхъ. Отъ источника брали живительную воду, погружались въ купель и, по вѣрѣ непоколебимой, получали исцѣленіе отъ недуговъ, утѣшеніе, подкрѣпленіе въ житейскихъ печаляхъ.

Державные друзья-братья никогда не забывали милости Божіей, нисшедшей на нихъ въ пещерѣ смиренныхъ молитвенниковъ. Они жертвовали многочисленныя сокровища на украшеніе и на содержаніе храма. Когда же, съ наплывомъ богомольцевъ, оживились живописные берега, и вокругъ пустынниковъ стали селиться другіе старцы, находя себѣ отраду и утѣшеніе въ постоянныхъ молитвахъ за притекающихъ страдальцевъ,—князья Романовичи рѣшили при храмѣ основать монастырь. Святая обитель процвѣтала бы и до нашихъ дней, не посѣти землю родную лютая година татарскаго ига. Варвары-разори-

тели опустошили всю округу, перебили до единаго смиренныхъ иноковъ и до основанія разнесли храмъ Господень.

Послѣ погрома, народное благочестіе, крѣпко привязанное къ этой мѣстности, поставило надъ цѣлебнымъ источникомъ деревянную часовню. Церковь же съ чудотворною иконою была перенесена на другой берегъ рѣки, въ село, и при ней основанъ другой монастырь. Вѣка проносились надъ святыней. Сгорали, ветшали рукодѣльные храмы, народное же благочестіе воздвигало новые. Ни татары, ни латыняне не могли стереть съ лица земли православной памяти о чудесномъ исцѣленіи, по милости Царицы Небесной, благочестиваго потомка великихъ русскихъ державцевъ—Мономаховичей.

ИСТОЧНИКИ:

Лѣтописи.

Печальникъ о Русской землѣ.

1264 г.

СВѢТЕЛЪ, просторенъ роскошный покой, занимающій боковую башню великолѣпнаго княжескаго дворца, въ стольномъ Холмѣ, излюбленномъ мѣстопребыванiи галицкаго державца Данiила Романовича.

Не прошло и тридцати лѣтъ со дня основанiя города, а онъ уже расцвѣлъ, разбогатѣлъ и раскинулся во всей своей русской красѣ. Даже Батый пощадилъ эту юную столицу! Его варварскiя полчища не снесли еще пока ея стѣнъ! не стерли съ лица земли Данiиловъ Холмъ!

Широкiя улицы, многочисленные обширные сады, красивыя боярскiя палаты—все говорило о довольствѣ, привольи жителей. Со всѣхъ концовъ обширной Руси собирались предпрiимчивые, способные люди вокругъ мудраго правителя. Онъ же выписывалъ съ Запада искусныхъ мастеровъ украшать, обстраивать излюбленный городъ. Благочестивые граждане вмѣстѣ съ

Видъ Холма въ 1264 году. (Къ *стр. 157*).

богатыми хоромами воздвигали и величественные храмы Божіи. Изъ Византіи, изъ Кіева вывозили для ихъ украшенія всевозможныя сокровища зодчества, живописи, ваянія.

На обширныхъ площадяхъ постоянно толпился торговый людъ. Почуя роскошную жизнь при тароватомъ князѣ Данилѣ, смѣтливые греческіе купцы въ изобиліи привозили сюда свои товары: берковцы съ романеей, скрыни съ лимонами и ладономъ, мѣха съ перцемъ и имбиремъ. Венеціанцы располагались подъ навѣсами, плѣняя именитыхъ боярынь своими сокровищами: бархаты, камки, перлы да кораллы такъ и искрились на солнцѣ. А тамъ, въ углу, расположились половчане, привлекая молодежь любоваться степными скакунами чудесныхъ статей да громадными рогатыми быками. Изъ-подъ Кіева крестьяне навозили меды липовые да соты и воскъ.

Ключомъ кипитъ привольная жизнь счастливаго Холма. Множество нарѣчій сливаются въ одинъ гулъ подъ гостепріимнымъ небомъ Волыни. Слышенъ говоръ, смѣхъ, звуки гуслей да разудалой веселой пѣсни! И вдругъ все смолкало, когда ударяли въ соборный колоколъ, сзывая православныхъ на вечернюю молитву. Истово закрестится набожный людъ, потянутся старики и старухи въ отпертые святые храмы.

Князь Данило, стоя у стрѣльчатаго окна, въ за́мковой башнѣ, радостно смотрѣлъ на эту жизнь, на этотъ ростъ своей любимой столицы. Яркое солнышко властно проникало въ его рабочую палату, весело играя на узорчатомъ пестромъ войлокѣ, разостланномъ по полу, на золотой бахромѣ и кистяхъ, которыми отдѣланы зеленыя бархатныя подушки длинныхъ скамеекъ, разставленныхъ по всѣмъ стѣнамъ. Посреди

комнаты огромный дубовый столъ, на толстыхъ точеныхъ ножкахъ, весь заваленъ частію книгами, уже переплетенными въ богатые золотые переплеты чеканной работы, съ жемчугомъ, яхонтами, изумрудами, и частью еще не собранными листами пергамента. Даніилъ Романовичъ, по примѣру предковъ, много занимался перепиской священныхъ книгъ, щедро раздавая ихъ во вновь строившіеся храмы. Кромѣ того, онъ велъ оживленную переписку съ друзьями, европейскими державцами.

Прекрасно образованный, онъ поддерживалъ связь съ товарищами дѣтства, которыхъ зналъ при дворѣ венгерскаго короля Андрея и его мудрой супруги Гертруды. Старшій сынъ Даніила, Левъ былъ женатъ на Констанціи, младшей дочери Белы IV-го, короля венгерскаго, преемника Андреева. Притомъ же, вниманіе, оказанное галицкому державцу страшнымъ Батыемъ, подняло и безъ того не малое его значеніе среди европейскихъ государей.

Вотъ и теперь, любуясь своимъ милымъ Холмомъ, онъ въ умѣ перебиралъ всѣ выгоды новаго предложенія Белы. Только что полученное письмо лежало на столѣ. Много лести, много сладкихъ словъ слалось ему изъ-за Карпатъ. И княземъ великимъ всей Руси, и другомъ великаго Батыя, и любимцемъ всесильнаго папы величалъ венгерскій король галицкаго державца. Обѣщалъ ему въ будущемъ помощь,—лишь бы теперь, въ данную минуту, Данило пришелъ съ своими войсками на выручку противъ чешскаго короля Оттокара! Чтобы легче заманить умнаго Ростиславича, Бела предлагалъ ему еще брачный союзъ: «жени сына твоего Романа на нашей родственницѣ Гертрудѣ, сестрѣ умершаго герцога австрійскаго Фридерика»,—

писалъ онъ дружески, по душѣ.—«Она—вдова уже второго мужа, пожалуй, годами будетъ и постарше твоего Романа, но она передала мнѣ свои наслѣдственныя права на Австрію и Штирію. Охотно уступлю ихъ Роману, лишь бы ты-то былъ со мной противъ моихъ злющихъ враговъ». Раздумье брало славолюбиваго русскаго князя. Бился онъ уже съ татарами на Калкѣ, осаждалъ далекій польскій Калишъ, поражалъ, плѣнялъ крестоносцевъ. Его побѣдоносныя знамена развѣвались и въ Литвѣ, и въ Жмуди, и подъ Ригой, но въ Чехіи онъ еще не бывалъ. Да не только онъ, но и пращуры его—побѣдоносный Святославъ, равноапостольный Владиміръ, мудрый Ярославъ не доводили своихъ славныхъ дружинъ до чешской земли. Правда, чехи—славяне. Но тогда еще и въ умъ не приходили законы сплоченія родственныхъ народностей! Бились, потому что биться хотѣлось, и шли другъ на друга въ братоубійственный бой единовѣрныя, единородныя племена, несмотря на свою набожность, забывая святую заповѣдь любви и мира, завѣщанную міру Божественнымъ Учителемъ вселенной!

Перечитавъ еще разъ письмо Белы, взвѣсивъ всѣ умно подобранные доводы, Данило далъ себѣ отчетъ во всемъ, достигнутомъ имъ для блага галицкихъ земель. Въ данную минуту 1252 г., его держава пользовалась полнѣйшимъ спокойствіемъ. Утихли крамолы буйныхъ бояръ. Изъ орды привезъ онъ надежные миролюбивые договоры. Литовскій князь Миндовгъ обратилъ свою вражду въ дружбу. Съ ляхами и крестоносцами пока покойно,—отчего бы и не повоевать, разъ представляется удобный случай? Да еще гдѣ? тамъ, на Западѣ среди нѣмецкихъ правителей! Въ добавокъ же, въ концѣ концовъ, видѣть свое потомство

на австрійскомъ престолѣ! Противъ такой заманчивой картины не устоялъ премудрый Даніилъ. Онъ ударилъ три раза въ ладоши. Поднялся дорогой коверъ, висѣвшій на стѣнѣ за спиной князя, и на порогѣ показался красивый мальчикъ въ свѣтломъ кафтанѣ, подпоясанный золотымъ кушакомъ и въ красныхъ сапогахъ.— «Проси ко мнѣ пожаловать князя Василька Романовича да княжича Романа». Отдавъ почтительный поклонъ, юноша исчезъ за толстыми складками восточнаго ковра.

Собравшись, галицко-волынскіе князья принялись обсуждать животрепещущій вопросъ. Походъ, какъ бранный подвигъ, задѣвалъ за живое воинственную жилку удалыхъ потомковъ храбраго Святослава. Въ сѣчу, какъ на праздникъ, готовы летѣть князья-орлы изъ богатырскаго гнѣзда Рюрикова. Только бракъ съ иновѣркой сильно претилъ набожному Роману Даніиловичу.—Точно чуяло сердце-вѣщунъ что-то недоброе въ этомъ условіи.—«А право на австрійскій престолъ, на Богемскую Силезію?» налегали на него и дядя и отецъ. «Ты будешь нашимъ оплотомъ въ Европѣ. Тогда и орда иначе заговоритъ съ нами».—«Быть правителемъ латынянъ не съ-руки православному», въ раздумьи повторялъ Романъ.—«Вліяй на нихъ, на княгиню!» отвѣчали ему.

— «Послушаюсь тебя, родитель, покорно, безусловно. Но не вѣрю я ни венгерской дружбѣ, ни латинской правдѣ. Опасно вмѣшательство папъ въ дѣла европейскихъ царствъ». Призадумался, замолчалъ при этихъ словахъ Даніилъ Романовичъ. Онъ самъ отвергъ поддержку папы, когда условіемъ было поставлено его вѣнчаніе въ короли Руси и Галича по латинскому обряду. Но лихой Василько уговорилъ племянника.

Князья рѣшили ѣхать въ Венгрію, гдѣ должно было совершиться бракосочетаніе, а къ союзникамъ своимъ разослали гонцовъ, сзывая ихъ въ походъ, на помощь венграмъ, въ ихъ борьбѣ съ чехами за австрійское наслѣдство. Краковъ былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ. Туда пошли полки князей Льва и Василька, подъ начальствомъ тысяцкаго Юрія. Литовскіе князья Тевтивилъ и Едивидъ (братья жены Даніила) привели свои рати. Тяжелый на подъемъ, польскій князь Болеславъ V-й Стыдливый, зять короля венгерскаго, никакъ не могъ двинуться. Даніилъ торопилъ, а онъ оттягивалъ, точно не рѣшался выполнить обѣщаніе. Наконецъ, его властная супруга, дочь венгерскаго короля, вмѣшалась въ дѣло и настояла на необходимости идти помогать отцу.

Пока собирались да стягивались эти громадныя боевыя силы, Бела IV на славу отпировалъ свадьбу нашего княжича. Русскіе князья,—по словамъ лѣтописи,—поражали венгровъ и собравшихся на пиръ знатнѣйшихъ гостей блескомъ своихъ нарядовъ, роскошью сбруи и красотой лошадей. Не варварами явились среди европейской знати державцы православной южной Руси.

Послѣ вѣнца, молодыхъ съ большимъ почетомъ проводили въ Найбургскій замокъ, въ Австріи, по сосѣдству съ Вѣной. Даніилъ вмѣстѣ съ Болеславомъ V-мъ, во главѣ соединенныхъ силъ, вступилъ въ Богемскую Силезію, переправившись черезъ Одру у Козлова. Тамъ подоспѣлъ къ нимъ опольскій князь Владиславъ Казимировичъ, и они вмѣстѣ двинулись къ Опавѣ. Большая же часть войска Даніила съ сыномъ его Львомъ Даниловичемъ отправились обходомъ, черезъ горы. Чехи, подъ предводительствомъ

храбраго вождя Андрея, встрѣтили мужественно отправленный противъ нихъ сторожевой отрядъ изъ поляковъ. Завязался жесточайшій бой. Поляки дрогнули и были разбиты чехами, выѣхавшими изъ Опавы. Такое неудачное начало навело сильный страхъ на поляковъ, и Даніилъ долженъ былъ увѣщевать ихъ быть пободрѣе. «Чего вы испугались?» говорилъ онъ имъ: «развѣ вы не знаете, что война никогда не бываетъ безъ мертвыхъ? Развѣ вы не знали, что идете биться съ вооруженными воинами, а не съ беззащитными женщинами? Если воинъ убитъ на войнѣ, какое же тутъ диво? Другіе и дома умираютъ, но какая охота умирать дома, безъ славы! Павшіе въ бою покрываются славою!» Его властный призывъ сомкнулъ ряды; подъ стягомъ удалого вождя окрѣпли, остановились бойцы. Но тщетно Даніилъ уговаривалъ поляковъ подступить поближе къ городу: тѣ никакъ не соглашались. Даніилъ сильно горевалъ. Наконецъ, изъ-за горъ, въ долину вышелъ побѣдоносный князь Левъ съ огромною добычею. И началась осада, которая, однако, не имѣла успѣха. Причина неуспѣха заключалась между прочимъ и въ томъ, что глазная болѣзнь Даніила усилилась, и, несмотря на его беззавѣтную храбрость, онъ не могъ вездѣ поспѣвать. Безжалостно опустошая Богемскую Силезію, союзныя войска осадили затѣмъ знатнѣйшій,—по словамъ лѣтописца,—чешскій городъ Насилье *), гдѣ въ жестокой неволѣ содержалось множество русскихъ и польскихъ плѣнниковъ. Храбрый чешскій полководецъ Гербортъ принужденъ былъ сдаться удачно нападавшему врагу. Онъ отдалъ Даніилу свой побѣдоносный

*) Носсельтъ.

мечъ въ знакъ покорности и съ отчаяніемъ въ душѣ увидѣлъ русское знамя на родныхъ своихъ стѣнахъ. Великодушный побѣдитель не разрушилъ ихъ, пощадилъ жителей и изъ этого похода вынесъ только одну славу.

Еще въ 1245—1246 годахъ завязались переговоры между Даніиломъ и папою Иннокентіемъ IV относительно соединенія церквей. Но такъ какъ папа не присылалъ Даніилу западно-европейскихъ войскъ для борьбы съ татарами, то переговоры и прекратились въ 1249 году. Теперь, въ 1253—1254 годахъ, при посредничествѣ венгерскаго короля, переговоры возобновились. Гонцы папы Иннокентія IV, направляясь въ Галичъ, явились въ Краковъ. Потерпѣвъ энергичный отпоръ отъ русскаго князя Александра Невскаго, они понесли, кромѣ папскаго благословенія, отъ своего святѣйшаго владыки, еще королевскую золотую корону, разукрашенную драгоцѣнными камнями, галицко-русскому великому державцу. Но на этотъ разъ Даніилъ отказался ихъ принять, находя неудобнымъ заниматься важными государственными дѣлами въ чужой землѣ. Дома ждали его тяжелыя вѣсти о бѣдномъ княжичѣ Романѣ. Оттокаръ, чешскій король, осадилъ Нейбургъ и, не будучи въ состояніи взять его, сначала очень дружелюбно предлагалъ Роману раздѣлить полюбовно австрійское наслѣдство, такъ какъ оба они женаты были на родныхъ сестрахъ, наслѣдницахъ спорнаго престола. Призывалъ даже папу и двѣнадцать епископовъ въ свидѣтели искренности своего обѣщанія, лишь бы Романъ разорвалъ союзъ съ венгерскимъ королемъ, «который,—какъ увѣрялъ Оттокаръ,—много обѣщалъ, но ничего не сдѣлаетъ». Прекрасно понимая всю вы-

году подобной сдѣлки, честный Романъ, однако же, наотрѣзъ отказался, говоря: «правдою обѣщалъ я служить моему отцу и венгерскому королю,—не могу, помимо ихъ, входить въ переговоры съ тобою. Грѣшно и стыдно мнѣ не выполнить обѣта». Вмѣстѣ съ этимъ Романъ послалъ объявить венгерскому королю о предложеніи Оттокара и просилъ немедленной помощи. Но король явно его обманывалъ—хотѣлъ Австрію для себя оставить, а Роману обѣщалъ дать города въ Венгріи и не посылалъ ему помощи. Обозлился Оттокаръ, жестокую повелъ осаду. Романъ съ супругою терпѣли неимовѣрныя лишенія. Какая-то женщина, добрая душа, съ опасностью жизни пробираясь по вражьему стану изъ Нейбурга въ Вѣну, добывала тамъ кое-какъ съѣстные припасы стойкимъ плѣнникамъ. Тогда жена Романова стала уговаривать мужа ѣхать къ отцу. Человѣческому разуму такъ и казалось, что голодная смерть поглотитъ свои жертвы. Господь же Милосердый судилъ иначе. По Его всеблагой волѣ, нѣкто Веренгеръ Просвѣлъ,—какъ говоритъ лѣтописецъ,—вспомнилъ, какъ много, въ былые дни, сдѣлалъ для него добросердечный русскій княжичъ. Изъ чувства благодарности, спѣшно собралъ онъ рать великую, пробился къ самымъ стѣнамъ Нейбурга, высвободилъ Романа и помогъ ему вернуться, хоть и безъ супруги, къ отцу на родину. Тамъ въ его отсутствіе плакали, тужили, мучились, но не въ силахъ были помочь своему любимцу.

Даніила до боли угнетали дурныя вѣсти изъ Австріи, ихъ осложняли страшные слухи, что на востокѣ снова поднимается грозная татарская сила. Побывавъ въ ордѣ, онъ лично убѣдился въ несокру-

Поднялась сама маститая старица, вдовствующая супруга Романова, многострадальная матушка-княгиня, такъ много потерпѣвшая ради возлюбленнаго своего сына Даніила.

(Къ стр. 165).

шимости варварскаго могущества. Онъ понималъ безпомощность родины и весь вредъ осложненій на Западѣ. А тутъ, точно искусители, шли за нимъ по пятамъ «честные послы», снова неотступно повторяя отъ имени папы: «Сыне! пріими отъ насъ вѣнецъ королевства, яко помощь имѣти ти отъ папы». Не вѣрилъ умный Данило этимъ льстивымъ обѣщаніямъ, зналъ онъ хорошо, насколько преувеличивали послы воинскую силу святѣйшаго владыки и его вліяніе на западно-католическихъ правителей. Непонятенъ былъ ему, законному и прирожденному русскому державцу, смыслъ самаго коронованія, чрезъ посредство папскаго легата. И, все же, поддался онъ, наконецъ, общимъ хитрымъ и горячимъ просьбамъ легата папскаго, польскихъ князей и родныхъ. Поднялась сама маститая старица, вдовствующая супруга Романова, многострадальная матушка-княгиня, такъ много потерпѣвшая ради возлюбленнаго своего сына Даніила. Происходя изъ краковскаго княжескаго дома, хотя уже въ одеждѣ смиренной православной инокини, она, все же, не могла понять душевныхъ мученій своего истово-набожнаго сына. Слезно молила она его принять даръ святаго отца и тѣмъ укрѣпить силы родины, освободить ее отъ татарскаго ига (1255 г.).

Хитроумный легатъ твердилъ свое: «Всемірный повелитель всѣхъ латынянъ строго наказалъ мнѣ, своему смиренному рабу, клятвенно подтвердить уваженіе его святѣйшества къ греческой Церкви! Онъ проклинаетъ всѣхъ осуждающихъ оную: папа намѣревался очень скоро собрать соборъ по вопросу о соединеніи церквей. Русскіе будутъ всегда крѣпко держаться греческихъ обрядовъ». Квасной хлѣбъ въ таин-

ствѣ Евхаристіи оставлялся имъ неоспоримо. Князь Даніилъ могъ безнаказанно отнимать въ свою пользу земли у всѣхъ не христіанскихъ державцевъ.

— «Прими только королевскій вѣнецъ», восклицали польскіе князья Болеславъ и Земовитъ, «тогда мы всѣ, глядя, какъ онъ блеститъ на главѣ нашего брата, единодушно поднимемся на татаръ!»

Не выдержалъ болѣе галицкій державецъ. Съ болью въ сердцѣ и съ мученіями совѣсти призналъ онъ папу своимъ отцомъ и намѣстникомъ св. Петра, коего властію посолъ Иннокентіевъ, аббатъ мессинскій, въ присутствіи народа и бояръ, возложилъ королевскій вѣнецъ на главу его. Священный обрядъ коронованія Даніила совершился въ Дрогичинѣ.

Въ мантіи изъ греческаго пурпура, обшитой золотымъ галуномъ и золотымъ кружевомъ, въ зеленыхъ сапогахъ, шитыхъ тоже зóлотомъ, блистая дорогимъ оружіемъ, на которомъ, какъ жаръ, горѣли самоцвѣтные камни, онъ поражалъ восхищенную толпу своею красотою. Папскій легатъ вѣнчалъ его золотою короною, говоря: «прими отъ насъ сей королевскій вѣнецъ!» Потомъ, подавая скипетръ, прибавилъ: «и помощь имѣти будешь отъ святѣйшаго папы». Въ заключеніе обряда, легатъ папы помазалъ Даніила св. мѵромъ.

Но мрачно было чело, носившее слѣдъ латинскаго мѵропомазанія! Вопросительно смотрѣли глаза героя, жадно ожидавшаго исполненія блестящихъ обѣтовъ! Время шло! О помощи съ запада никто больше и не заикался. За то могучій владыка монголовъ почуялъ обиду себѣ въ сближеніи Даніила съ латынянами. Онъ послалъ къ Даніилу своихъ приближенныхъ вель-

можъ—Куремшу и Бурондая съ грознымъ словомъ «размечи города свои!»

Не подъ силу было ему самому исполнить жестокій наказъ. Онъ отправилъ брата Василька и сына Льва къ татарамъ. По ихъ приказу, галицкіе князья должны были не только разметать укрѣпленія галицкихъ городовъ,—Данилова, Стожска, Кременца, Луцка, Львова, но и помогать татарамъ грабить цвѣтущія богатыя княжества сендомирское и люблинское. А съ запада все не было никакой помощи! Пришла лишь папская булла отъ Александра IV съ укоромъ Даніилу, что онъ не оказываетъ должнаго повиновенія святѣйшему престолу!—На это даже и не отвѣтилъ русскій князь. Онъ снялъ съ себя личину, отрекся отъ связи съ Римомъ и презрѣлъ гнѣвъ папы. Смѣясь надъ злобою Александра IV-го, Даніилъ строго наблюдалъ уставы Православной Церкви и тѣмъ показалъ, что мнимое присоединеніе его къ Риму было одною государственною хитростію.

Онъ былъ далеко, на границахъ Литвы, билъ язычниковъ ятвяговъ (1256 г.), напиравшихъ на Болеслава IV, польскаго князя, его союзника. «Король еси ты, голова всѣмъ намъ», говорили ему польскіе князья, «изыди впередъ насъ!» И онъ ринулся съ отчаянія впередъ въ кровавую сѣчу, увлекая за собою малодушныхъ. Бился, покорялъ дикарей безъ устали, забывая себя, а главное, забывая ненавистный ему, столь лестный для нихъ, свой королевскій титулъ.

Невольное участіе Василька въ татарскомъ погромѣ Литвы и Польши вызвало месть великаго Миндовга. Въ союзѣ съ подручными ему князьями, онъ повелъ многочисленныя рати противъ волынскаго державца. Сразу имъ удалось ограбить Каменецъ, но

подъ Модниками, около города Небли *), литовцевъ на голову разбилъ Василько съ сыномъ Владиміромъ. Лѣтопись говоритъ, что въ живыхъ русскіе не оставили ни одного врага. Ликованію пинскихъ князей, родичей волынскихъ героевъ, не было предѣловъ. Они шумно праздновали побѣду надъ знаменитымъ литвиномъ. Къ Даніилу полетѣли послы съ радостною вѣстью и великолѣпными подарками изъ доставшейся побѣдителямъ безчисленной добычи. Великаго державца звали родичи въ Тарновъ—обсудить вопросы о благоустройствѣ и порядкѣ на Русской землѣ. Даніилъ охотно пріѣхалъ съ сыновьями Львомъ и Шварномъ. Вмѣстѣ съ другими были и Василько съ сыномъ Владиміромъ и краковскій князь Болеславъ. «Положиша рядъ между собою о землю Русскую и лядскую. Утвердишася крестомъ честнымъ и тако разъѣхашася во свояси», говоритъ Ипатіевская лѣтопись.

Тарновскій съѣздъ былъ послѣднимъ предсмертнымъ трудомъ князя Даніила на пользу любимой имъ Руси православной. Онъ скоро опасно заболѣлъ и скончался 63-хъ лѣтъ отъ роду, въ своемъ любимомъ Холмѣ. Его положили въ воздвигнутомъ имъ самимъ храмѣ Пресвятой Богородицы, въ 1264 году.

Угасъ Даніилъ, достойный сынъ великаго Романа, достойный современникъ Александра Невскаго. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ князей. Онъ успокоилъ галицкую землю, мудро, мягко укротилъ сварливыхъ бояръ. Основалъ множество новыхъ городовъ, украсилъ и укрѣпилъ старинные. Жизнь его съ самаго младенчества была непрерыв-

*) Мѣстечко Нобелъ пинскаго уѣзда, минской губерніи.

ной цѣпью опасныхъ, необычныхъ приключеній, переворотовъ, ратныхъ подвиговъ.

Нельзя ни перечесть, ни запомнить его военныхъ и опасныхъ приключеній. Нѣжнѣйшій, почтительнѣйшій сынъ, онъ былъ надежнымъ другомъ-союзникомъ, любящимъ братомъ и заботливымъ отцомъ. Лѣтопись говоритъ о немъ: «Се же король Данило, князь добрый, храбрый, мудрый. Онъ создалъ много городовъ, поставилъ церкви, разукрасилъ ихъ разными красотами, бяшетъ бо братолюбіемъ свѣтяся со братомъ своимъ Василько. Этотъ русскій князь Данило былъ по мудрости второй Соломонъ!» (Ипатіевская лѣтопись, стр. 202).

ИСТОЧНИКИ:

1) *М. Смирновъ.* Судьбы Червонной или Галицкой Руси до ея соединенія съ Польшей.

2) *Н. М. Павловъ.* Русская Исторія отъ древнѣйшихъ временъ. Т. III.

3) *Д. Иловайскій.* Исторія Россіи. II часть. Владимірскій періодъ.

4) *Зубрицкій.* Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества.

Многострадальный Владиміръ Васильковичъ, князь волынскій.

1288 г.

НОГО славныхъ воинскихъ подвиговъ совершали русскіе князья изъ доблестнаго дома Рюриковичей. Много было между ними мудрыхъ правителей, много ревностныхъ радѣтелей объ утвержденіи и распространеніи вѣры Православной по лицу земли родной! И все-же, до конца XIII вѣка, на страницахъ родной лѣтописи не встрѣчается болѣе великаго подвижника, безропотнаго страдальца на престолѣ, какимъ былъ князь Владиміръ Васильковичъ, прирожденный державецъ всей Волыни—до самыхъ татарскихъ кочевьевъ съ одной стороны, и земель черниговской, литовской, мазовецкой—съ другой. Въ его службѣ, т. е. подручными, какъ бы удѣльными князьями считались: Василько слонимскій, Юрій порусскій, Конрадъ черско-мазовецкій, пинскіе и туровскіе князья. Онъ же, болѣзненный съ молодыхъ лѣтъ, заботливо и любовно

правилъ Русью со смерти своего славнаго родителя Василька Романовича. Съ очень молодыхъ лѣтъ сталъ онъ хромать и сильно жаловался на боль въ ногахъ. Потомъ открылись раны и страданія усилились. Въ 1282 г. онъ уже не могъ лично сопровождать ханскаго вождя Телабугу въ его походѣ на Венгрію. Въ 1283 г. попробовалъ было двинуться съ нимъ на Сандомиръ, но не осилилъ пути далѣе р. Сана. Волынскіе бояре повели дружины своего державца. Онъ же лежалъ огорченный, страдающій, озабоченный судьбою своей бѣдной родины. Вѣрный его другъ, добрая, нѣжная супруга Ольга Романовна, дочь брянскаго князя, не отходила отъ страдальца. Тускло теплились лампады передъ святыми иконами. Заснула служилая челядь. Княгиня отпустила и врачей, и отроковъ, и тѣлохранителей. Одна осталась у изголовья страдальца. Тихо течетъ ихъ задушевная бесѣда. Глотая слезы, вслушивается царственная сидѣлка въ скорбныя рѣчи любимаго супруга. Господь не наградилъ ихъ потомствомъ. Некому, послѣ смерти, передать волынскую державу, поручить дорогую родину.

— «Такъ и чудятся мнѣ всѣ ужасы, междоусобицы, когда я закрою глаза», говорилъ князь. Съ запада угры, ляхи, литовцы, да и родичи любезные потянутъ каждый свой кусокъ, стараясь захватить, какъ можно, больше».— «Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, родной мой! Онъ, Милосердый, взмилуется надъ нами, облегчитъ твои страданія, продлитъ жизнь и силы», отвѣчала княгиня, не спуская заплаканныхъ глазъ со святыхъ иконъ.—«На Бога надѣйся, а самъ не плошай, говорятъ суздальцы», возразилъ князь. «Надо, надо загодя уладить дѣла наслѣдства. Обезпечить

тебя, мой вѣрный другъ, и нашу любимицу, княжну Изяславу. Я далъ обѣтъ ея матери,—прійдется отвѣтъ держать на томъ свѣтѣ, какъ опекалъ сироту».—«Ты бы вздремнулъ, родимый, ужъ ночь давно наступила».—«Тишина благодатная кругомъ. Всѣ отошли ко сну, и мои страданія какъ бы пріутихли. Могу мысли свои привести въ порядокъ. Хочу завтра созвать родичей и передать имъ мое духовное завѣщаніе».—«Духовное завѣщаніе?» ломая руки, простонала княгиня. «Да ты же не кончаешься? Твой недугъ давно тебя мучитъ; знаю, что тошно тебѣ, не въ моготу! Но и Господа не надо гнѣвить: вѣрую, что Онъ, Милосердый, пошлетъ тебѣ облегченіе. Владыко Евсигній ежедневно на литургіи слезно молится о твоемъ выздоровленіи. Плачутъ и люди наши, и дружина, и бояре. Слыхать, по всѣмъ городамъ и селамъ молятся, чтобы Господь сохранилъ тебя твоей отчинѣ».—«Тѣмъ болѣе долженъ я заботиться о Богомъ ввѣренныхъ мнѣ земляхъ. Не плачь, не горюй, Ольга, будь тверда и покорна Божіей волѣ! Безъ Него и волосъ съ головы не погибнетъ! Вѣрь же, что мои страданія, Имъ на меня посылаемыя, должны умудрять и приготовлять меня къ будущей жизни».—«Ну, ты и молись покойно, не заботясь о дѣлахъ», молила бѣдная княгиня. «Не могу, не долженъ! Еще завтра безъ проволочки соберу всѣхъ».

— «Не пригласить ли тоже и хановъ?» осторожно вставила княгиня. И, желая объяснить свою мысль, продолжала: «Татары грабятъ, обираютъ страну, но вѣры-то нашей православной не трогаютъ. Духовенства не угнетаютъ, не изгоняютъ изъ святыхъ храмовъ. Это не то, что латыняне».—«Отъ ляховъ-то я

бы и хотѣлъ схоронить родную Волынь. Умри я безъ наслѣдника, Левъ Даниловичъ и его сынъ Юрій начнутъ хозяйничать, обижать Мстислава Даниловича, а ляхи воспользуются, прійдутъ съ своими монахами. Отъ нихъ и угры не отстанутъ, прійдутъ тоже тянуть, что можно».—«Ну, ужъ дѣлай, какъ знаешь, только когда тебѣ полегчаетъ», глотая слезы, сдавалась княгиня.—«Какъ можно откладывать!» чуть не разсердился князь. «Завтра же пошлю звать обоихъ хановъ, Телебугу и Алгуя, да и князей братьевъ,—Мстислава и Льва съ Юріемъ. Первому передамъ мою отчину со всѣмъ тѣмъ, что къ тебѣ отойдетъ,—Кобрынъ съ людьми и данью, какую мнѣ давали, и села,—Городѣлъ, Садовая, Сомина, да мною основанная обитель Апостоловъ. Она обезпечена многими деревнями».

Бѣдная княгиня еле сдерживала рыданія при этихъ обстоятельныхъ предсмертныхъ распоряженіяхъ своего супруга, но не возражала, боясь раздражить, потревожить больного.

Всѣ позванные, даже татарскіе ханы, съѣхались издалека, въ одинъ день, чтобы исполнить волю владимірскаго князя. Около его страдальческаго ложа собрались всѣ отмѣченныя имъ лица и съ благоговѣйнымъ вниманіемъ выслушали его распоряженія.—«А се даю ти при царехъ и при ихъ рядьцехъ», сказалъ Владиміръ, передавая свою волынскую землю Мстиславу.

Хмуро выслушалъ высокомѣрный князь Левъ, что не онъ, а луцкій братъ Мстиславъ получаетъ столъ и земли многострадальнаго Владиміра Васильковича. Старѣйшимъ сыномъ незабвеннаго короля Данилы былъ онъ, галицкій Левъ, и думалъ, что можетъ на

львиную долю разсчитывать! Но, какъ умный князь и сдержанный, онъ сумѣлъ скрыть свой гнѣвъ при татарскихъ ханахъ.—«Хорошо! быть дѣлу такъ! Я не стану оспаривать твою волю! Всѣ мы во власти Божіей. Пусть благословитъ Онъ мнѣ обладать собственнымъ въ настоящее время». Мстиславъ же не зналъ, какъ достаточно благодарить своего благодѣтеля. Обѣщалъ не выходить изъ его повиновенія; не распоряжаться ничѣмъ въ его земляхъ при его жизни; свято выполнить завѣтъ, передавъ княгинѣ слѣдуемые ей города, села, земли, монастырь со всѣми его угодьями и не оставить своимъ попеченіемъ сиротку Изяславу.

Послѣ этого торжественнаго совѣщанія, успокоенный Владиміръ почувствовалъ себя настолько бодрѣе, что могъ пуститься въ обратный путь. Онъ ѣхалъ съ разстановками—сначала въ Любомлѣ, потомъ въ Берестѣ, наконецъ, въ Каменцѣ на Льстнѣ, гдѣ и поселился, не имѣя силъ двинуться далѣе.

Язвы покрыли тѣло и лицо страдальца. Лѣкарства не помогали. Недугъ усилился. Одна молитва и христіанская покорность волѣ Божіей давали силы безропотно нести такое ужасное испытаніе. Князь же ни на минуту не падалъ духомъ, неукоснительно заботился о благѣ Господомъ ввѣренныхъ ему земель. Тишины, мирнаго развитія желалъ онъ любимой Волыни. Ему казалась недостаточною на словахъ, при свидѣтеляхъ, выраженная воля. Онъ изложилъ ее письменно и послалъ епископа Евсигнія за Мстиславомъ. Тотъ пріѣхалъ, подписалъ бумагу и еще разъ повторилъ свою клятву.

Тогда Владиміръ, преслѣдуя мысль о закрѣпленіи спокойствія, послалъ своего наслѣдника въ столь-

ный городъ, чтобы тамъ торжественно присягнулъ править мирно и покойно волынскими землями по смерти всѣми любимаго, почитаемаго державца.

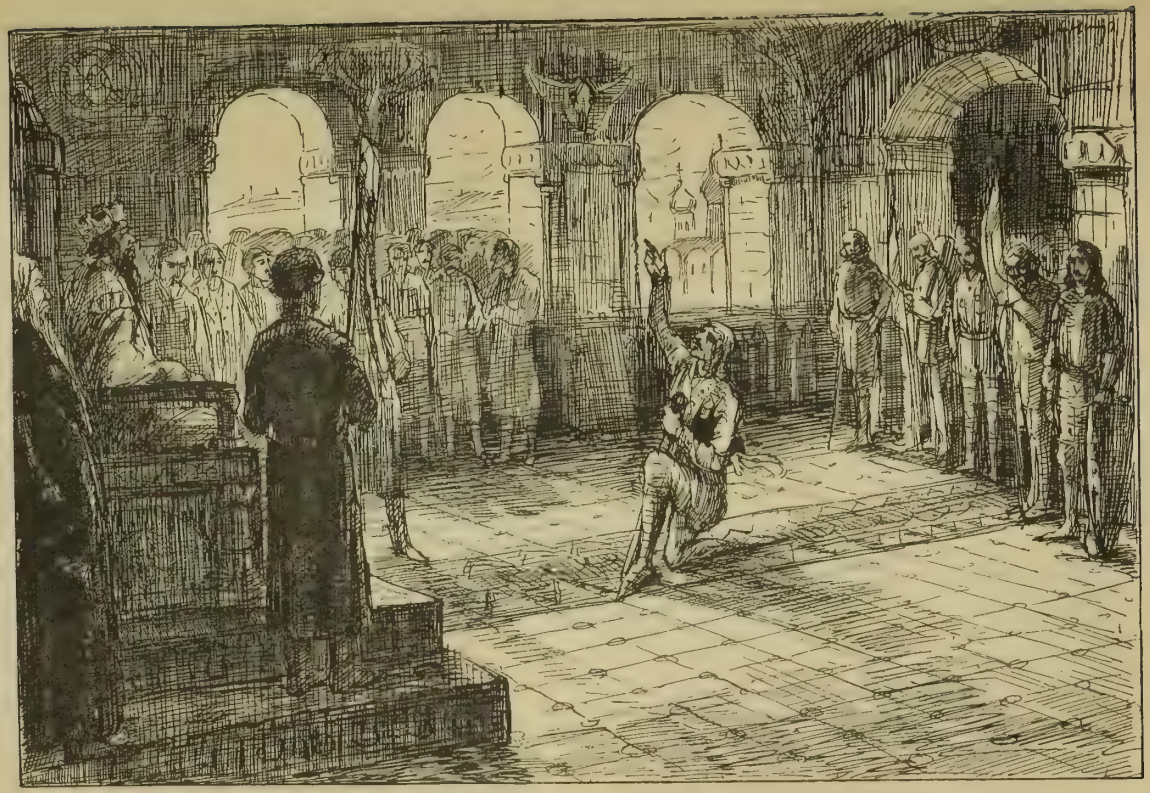
Съ испугомъ узналъ про то Пястовичъ, Конрадъ Семовитовичъ, князь черско-мазовецкій. Онъ покойно правилъ своею землею, зная, что за него всегда заступится его старшій владиміро-волынскій державецъ. Какъ быть теперь, при перемѣнѣ князя на волынскомъ престолѣ? Какъ отнесется Мстиславъ къ подручному Конраду? Въ какія станетъ отношенія? И обратился онъ съ плачевной грамотой къ болящему.— «Господине брате мой! Ты же ми былъ во отца мѣсто. Ты крѣпко держалъ меня подъ своимъ милостивымъ покровительствомъ. Твоимъ именемъ требовалъ я повиновенія у моихъ подданныхъ. Теперь слышу,— ты болѣешь, умираешь,—передалъ свои владѣнія брату Мстиславу. Пошли, будь милостивъ, къ нему своего посла вмѣстѣ съ моимъ и проси, чтобы онъ принялъ меня подъ свою защиту, не давалъ въ обиду, стоялъ бы за меня, какъ ты это дѣлалъ, благостный мой господинъ!»—«Охъ, уже всѣ эти подручные, друзья, плакальщики!» вздыхала княгиня: «не даютъ дожить покойно многомилостивому князю! Нѣтъ, чтобы поберечь, обойти. Право, владыка», обращалась она къ доброму совѣтнику—Евсигнію, «не скрыть ли просительную то грамоту?»—«И, нѣтъ, что ты, княгиня! Онъ, кормилецъ нашъ, лежа, страдаетъ, обо всѣхъ думаетъ, помнитъ, печалится! Ну, какъ самъ вспомнитъ худобнаго мазовецкаго князя? Что мы ему отвѣтимъ? Перестанетъ намъ, близкимъ, довѣрять,— хуже мучиться будетъ. Вотъ поотдохнетъ малость, войду къ нему съ утреннимъ благословеніемъ и снесу грамоту.

Епископъ былъ правъ! Очень снисходительно принялъ Владиміръ челобитную своего подручнаго князя. Сжалившись надъ его безпокойствомъ, прикинулъ своимъ добрымъ умомъ, какъ лучше поступить, и приказалъ немедленно отрядить двухъ-трехъ толковитыхъ изъ своихъ вельможъ, вмѣстѣ съ ляшскими послами, въ стольный Луцкъ. Они отправились съ просьбою отъ него, Владиміра, къ брату Мстиславу: «принять съ любовью просителя, Пястовича, подъ свою крѣпкую руку, и такъ же, какъ онъ, честить, дарить и вступаться за него при случаѣ».

Мстиславъ сразу согласился исполнить волю старшаго родича. Пригласилъ къ себѣ въ Луцкъ мазовецкаго князя на свиданіе. Конрадъ пришелъ въ восторгъ! По дорогѣ къ новому своему господину, онъ заѣхалъ поблагодарить болящаго благодѣтеля, который очень обласкалъ его, приказалъ угостить на славу въ своихъ палатахъ и подарилъ на память дорогого коня.

Въ Гаѣ, увеселительномъ дворцѣ луцкаго князя, былъ торжественно совершенъ обрядъ подчиненія черско-мазовецкаго державца. Окруженный блестящимъ дворомъ, многочисленными боярами, встрѣтилъ Мстиславъ Конрада. Пястовичъ произнесъ обѣтъ ленной подчиненности, а будущій владиміро-волынскій властелинъ, принимая на себя обязательство ему покровительствовать, сказалъ: «Какъ тя имѣлъ братъ и честилъ и дарилъ, и мнѣ дай Богъ такоже имѣть тя, и честити, и дарити, и стояти за тобою, во твою обиду».

Церемонія закончилась веселымъ пиромъ. Мстиславъ, по тогдашнему обычаю, щедро одарилъ своего подручнаго князя, мазовецкаго державца, и драго-



Окруженный блестящимъ дворомъ, многочисленными боярами, встрѣтилъ Мстиславъ Конрада.

(Къ стр 176).

цѣнными одеждами, и конями, и сбруей многоцѣнной и отпустилъ съ честью во свояси.

Темнымъ, чуть ли не грозовымъ облакомъ показались галицкимъ князьямъ веселыя празднества при луцкомъ дворѣ. Злою завистью забились недобрыя сердца Даниловыхъ потомковъ. Завѣщаніе Владиміра, подчиненность Конрада, все шло помимо ихъ! Галичъ и Волынь видимо разъединяются! Они же мечтали слить все подъ своимъ скипетромъ! Какъ истые Рюриковичи, они не могли мириться съ мыслію, что Мстиславу, а не имъ достанется богатая Волынь. Хоть бы свару какую завести, изловчиться, пооттянуть какую ни на есть частичку завиднаго наслѣдства! Подумали, раскинули умами, и рѣшились дѣйствовать. Юрій Львовичъ прикинулся, будто угнетенъ, обиженъ жестокимъ своимъ отцомъ, и отправилъ пословъ жаловаться великому волынскому страдальцу. — «Господине стрыю!» *) передавали они: «Богъ знаетъ и ты, какъ я тебѣ вѣрно служилъ и имѣлъ тебя вмѣсто отца. Сжались моей службы! Родитель отнимаетъ отъ меня Белзъ, Червень и Холмъ, требуетъ, чтобы я довольствовался Дрогичиномъ и Мельницею; но того не достаточно на мое содержаніе. Бію Богу и тебѣ, дядья **), челомъ, дай мнѣ Берестъ, пусть соединю эту волость съ своею областью!»

— «Опять его встревожатъ!» волновалась княгиня Ольга, дѣлясь своимъ горемъ съ милой Изяславой и тѣмъ же добрымъ совѣтникомъ, епископомъ Евсигніемъ. Дѣвочка расплакалась. Всю ночь онѣ не отхо-

*) Старшій въ родѣ, дядя.

**) Владиміръ Васильковичъ былъ двоюродный братъ Льва Даниловича, значитъ, дядя его сына Юрія.

дили отъ болящаго князя; онъ только что поуспокоился, и когда епископъ, послѣ ранней обѣдни, зашелъ навѣстить его въ опочивальню, тутъ какъ разъ явились и несносные послы изъ Галича. — «Это хуже мазовецкаго Конрада! Вотъ ужъ непрошенные гости!» — «А нельзя, дѣточка, не допустить, князь Левъ строптивъ, пожалуй, еще что недоброе выйдетъ», вздыхая, отвѣчала княгиня. Затѣмъ, войдя въ комнату страдальца, она скрѣпя сердце, передала ему о приходѣ пословъ Юрія Львовича.— «Они просятъ видѣть ясныя очи волынскаго владыки!» Призадумался Владиміръ; необычнымъ казалось ему это посольство. Раскинулъ своимъ яснымъ умомъ, переговорилъ съ епископомъ, ближними боярами и, наконецъ, приказалъ ввести пословъ.

Подобострастно вошли ловкіе галицкіе мужи въ скорбный покой. На образа помолились, земнымъ поклономъ привѣтствовали больного и передали грамоту своего юнаго князя. Спросилъ Владиміръ о здоровьи обоихъ родичей, отца и сына. Прислушался къ неясному, точно необычно составленному отвѣту, взялъ письмо, снялъ съ него печать и началъ читать.

Всѣ притихли,—ожидая.—«Не дамъ, сыновче!» какъ бы отвѣчая писавшему грамоту, твердо выговорилъ князь Владиміръ. Потомъ, подозвавъ епископа, просилъ его составить письмо къ Юрію, въ которомъ была бы точно выражена его мысль и воля. «Не дамъ сыновче!» письменно повторялось и въ грамотѣ. «Ты вѣдаешь, что я никогда не двоязычничалъ, никогда не лгалъ, слѣдовательно, не могу нарушить ряду и условій, заключенныхъ съ братомъ Мстиславомъ».

Ни съ чѣмъ вернулись въ Галичъ Юрьевы послы.

А изъ Любомля полетѣлъ гонецъ къ Мстиславу, съ увѣдомленіемъ о проискахъ и домогательствѣ Юрія.— «И ты, по моей смерти, не отдавай ничего, даже горсти соломы», приказалъ онъ сказать своему наслѣднику и, въ подтвержденіе своихъ словъ, послалъ ему пукъ соломы, которую самъ вытащилъ изъ постели, на которой лежалъ.

Сорвалось! не удалась хитро-сплетенная уловка! Но Левъ Даниловичъ не унялся. Попринатужился, подумалъ и изловчился употребить другой пріемъ.

Всему міру была извѣстна глубокая набожность Владиміра, его благочестіе и уваженіе къ памяти предковъ. Эту то струнку и задумалъ потянуть ловкій галицкій державецъ. Въ Любомль снова отряжены были посланцы. На этотъ разъ бояре галицкіе явились ужъ не одни. Съ ними, въ челѣ посольства, былъ и перемышльскій святитель-старецъ Мемнонъ. Несетъ онъ тихія рѣчи, теплые привѣты князя и свое молитвенное благословеніе вѣнценосному страдальцу. О мирѣ, любви, родственной дружбѣ, памяти незабвенныхъ покойниковъ, распространяется владыка. — «Князь Левъ заботится, чтобы не погасла свѣча въ храмѣ у Святой Богородицы въ стольномъ Холмѣ, гдѣ покоится прахъ короля Даніила. Тамъ же схоронены братья-князья Романъ и Шварнъ! Дай, княже, Берестъ, чтобы изъ его доходовъ всегда теплилась свѣча надъ ихъ могилами. За это и надъ твоей не погаснетъ никогда свѣтильникъ».—«Вотъ они—что!» думалъ Владиміръ, слѣдя за тихими, кроткими рѣчами духовнаго посла. И повелъ мудрыя рѣчи объ обязанности поминать усопшихъ, о загробной жизни, о духовныхъ, ученыхъ предметахъ: «зане бысть книжникъ великъ и философъ»,—говоритъ намъ лѣтопись,

«якого же не бысть во всей земли и ни по немъ не будетъ». Щедро одарилъ онъ мудраго старца, благодарилъ за утѣшительныя бесѣды и посѣщеніе, а Льву велѣлъ передать, что земля его велика, держитъ онъ три княжества: галичское, перемышльское и бельзское, да еще Бересты захотѣлъ? Это ужъ ненасытность! «Во Владимірѣ лежитъ усопшій князь Василько, твой дядя: много ли поставилъ ты ему свѣчей? Далъ ли ты хотя одинъ городъ, чтобы твоя свѣча теплилась надъ его могилой? Сначала ты подсылалъ ко мнѣ просить въ пользу живыхъ,—теперь ужъ за мертвыхъ взялся! Отлично понимаю твои хитрости и, отвѣчая на нихъ, говорю: не дамъ тебѣ не только го́рода, но и ни единаго села».

Ни съ чѣмъ отъѣхали послы, и премудрому Льву не удались его ухищренія.

На горе бѣдной Руси православной, силы мудраго Владиміра Васильковича слабѣли все больше и больше. Онъ совсѣмъ пересталъ вставать. Близкіе измучились, глядя на его нечеловѣческія страданія. Онъ искалъ, какъ Іовъ многострадальный, подкрѣпленія въ горячей, непрерывной молитвѣ. Щедро раздавалъ бѣднымъ и несчастнымъ свои несмѣтныя сокровища. Совсѣмъ обезсиленный, чувствуя приближеніе смерти и свое разрѣшеніе отъ мучительной болѣзни, онъ приказалъ снести себя въ церковь. Молясь съ умиленіемъ, причастился онъ Святыхъ Христовыхъ Таинъ и тихо предалъ Господу свою терпѣливую, многострадальную душу въ Любомлѣ, 10 декабря 1288 года.

Тѣло его, покрытое бархатными пеленами съ золотымъ кружевомъ, епископомъ Евсигніемъ торжественно перенесено было изъ Любомля во Владиміръ Волынскій, въ соборную церковь Пресвятой Богоро-

дицы и погребено рядомъ съ его родителемъ—славнымъ княземъ Василькомъ. Неутѣшная супруга, сестры-монахини, духовенство, бояре, народъ, съ горькими слезами, провожали гробъ. Вся земля волынская плакала, и никто не могъ утѣшиться въ утратѣ такого мудраго, добраго, благочестиваго отца-державца, котораго лѣтописцы прозвали Іовомъ многострадальнымъ на престолѣ.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Зубрицкій.* Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества.

2) *М. Смирновъ.* Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединенія ея съ Польшей.

3) *Д. Иловайскій.* Исторія Россіи. Ч. II. Владимірскій періодъ.

Галичанинъ митрополитъ и смерть князя Юрія Львовича.

1305—1316 гг.

СПѢШНО шелъ князь Юрій I Львовичъ на зовъ своей любимой супруги, дочери тверского князя Ярослава Ярославича. Чуяло сердце, что услышитъ онъ новость не малую отъ вѣрной подруги своей трудовой, государственной жизни. Умная, благочестивая русская княжна ярко блестѣла всѣми добродѣтелями супруги, матери, княгини на златокованномъ галицкомъ столѣ. Бракъ этотъ состоялся по мысли дальновиднаго князя Льва Даниловича, который всемѣрно и постоянно заботился объ усиленіи своей галицкой отчины: онъ усиливалъ ее и завоеваніями, и дружескими связями съ сильной сосѣдкой, быстро крѣпнувшей и развивавшейся сѣверной Русью.

Вслѣдствіе постоянныхъ княжескихъ междоусобицъ, татарскаго ига и усиленія Литвы, совершенно ослабѣла кіевская Русь. На сѣверѣ Суздаль, Владиміръ,

Тверь и Москва боролись за первенство. Выборъ галицкаго правителя палъ на племянницу славнаго Александра Невскаго, княжну изъ дома Мономаховичей. Богатыя сокровища съ береговъ Волги сопровождали избранную княжну, дочь великаго русскаго племени, на чудный, теплый югъ, къ подножію Карпатъ; они должны были свидѣтельствовать о той радости, съ которой сѣверные русскіе князья смотрѣли на счастливое усиленіе родства съ южными княжескими родами, подъ общею, священной охраной православной Церкви.

Святитель Максимъ, митрополитъ всея Руси, очень любилъ юную чету. Еще при жизни князя Льва Даниловича (сконч. 1301 г.), объѣзжая свою всероссійскую паству, онъ бывалъ и въ галицко-волынскихъ предѣлахъ. Память о посѣщеніяхъ милостиваго архипастыря жила среди благочестиваго народа. Въ бытность владыки въ Галиціи, въ 1255 году, пришелъ къ святителю просить себѣ и своей братіи архипастырскаго благословенія блаженный Петръ, настоятель только что имъ основанной Ратской обители. Преподобный отецъ Петръ поднесъ владыкѣ икону Успенія Пресвятыя Богородицы своего письма, такъ какъ онъ имѣлъ талантъ къ иконописанію и много занимался этимъ художествомъ. Любовно принялъ святитель благочестивый трудъ Ратскаго подвижника, украсилъ его золотомъ, драгоцѣнными камнями и до конца дней своихъ хранилъ въ келліи, какъ завѣтную святыню, «днемъ и ночью молясь передъ ней о спасеніи ввѣренной ему Земли русской».

И вотъ, въ 1305 году, княгиня галицкая, принявъ посланца съ родной стороны, узнала скорбную вѣсть, что почилъ митрополитъ Максимъ. Обливаясь слезами,

читала она грамоту съ родины и торопилась подѣлиться народнымъ горемъ съ любимымъ супругомъ.

— «Что приключилось, сердце мое, что такъ спѣшно пожелала меня видѣть?» заботливо спросилъ княгиню, входя въ ея горницу, князь Юрій Львовичъ.

— «Не стало нашего святителя на Святой Руси!» сквозь слезы выговорила княгиня, держа въ рукахъ полученное письмо, «опустѣла митрополія!»—Встревожился князь, сѣлъ къ столу и грустно склонилъ голову на крѣпко сжатыя руки.

— «Роднымъ писали изъ Владиміра», тихо продолжала княгиня, «что тамошнія мірскія и духовныя власти снаряжаютъ въ Царьградъ владимірскаго игумена Геронтія, съ просьбой къ патріарху—посвятить его въ митрополиты всероссійскіе».—«Такъ и зналъ», блеснувъ очими, заговорилъ Юрій,—«всероссійскій,—значитъ сѣверный! Кіева, по ихъ разсужденію, уже не существуетъ! Померкла слава матери городовъ русскихъ! Междоусобицы одолѣли, татары разорили, Литва тѣснитъ! Не до умаленнаго юга возвышающемуся сѣверу! Хотя бы о насъ-то подумали! Гдѣ же митрополиту изъ Владиміра блюсти галицкія дѣла? Гдѣ сѣверянину любить югъ? По желанію нашего великаго дѣда, упокоившагося князя Даніила Романовича, былъ поставленъ въ кіевскіе митрополиты владыка Кириллъ, но и тотъ ужъ мало жилъ въ Кіевѣ,—все его въ Суздаль тянуло,—у насъ же совсѣмъ тогда не бывалъ.—Святителя, подобнаго Максиму, не найти намъ, обездоленнымъ! Безпристрастный грекъ, онъ любилъ насъ; а другому не управиться съ тяжелой задачей упасти такое многочисленное духовное стадо! Намъ нуженъ свой галицкій митрополитъ, который носилъ бы наши тяготы, болѣлъ бы нашими горями, зорко охранялъ

цѣлость православія отъ пагубнаго напора Запада. Не посылать же намъ нашихъ епископовъ на посвященіе во Владиміръ? или не ждать же, когда митрополитъ изъ такой дали заѣдетъ къ намъ! Да и заѣдетъ-ли?»

Съ любовью внимала княгиня горячей рѣчи своего супруга. Уже сорока лѣтъ вступилъ онъ на престолъ. Зналъ свой народъ, свое отчее наслѣдіе—его нужды и печали. Конечно, онъ былъ правъ. Но какъ помочь дѣлу?—«Можетъ, съ Божіей помощью, и Геронтій выполнитъ возложенную на него задачу?»—«Да онъ не здѣшній», убѣдительно доказывалъ князь, «чужды ему наши опасенія, заботы, подходы западниковъ. Сама знаешь, какъ сильно ихъ давленіе на бояръ, служилыхъ и торговыхъ людей. Народъ одинъ крѣпко православенъ,—но онъ теменъ, и ему нужна опора. Максимъ любилъ насъ, нашу землю, духовенство, монастыри, а, все же, бывалъ у насъ очень рѣдко. Чего же ждать отъ нерасположеннаго къ намъ? Давно ужъ я подумывалъ съ близкими, единомышленными совѣтчиками, какъ бы намъ имѣть свою митрополію».—«Помолись, родной, пораздумай, только надо осторожно дѣло вести. Я же отпишу роднымъ, попеняю, покорю, что такъ скоро отправили Геронтія».

Но въ дѣйствительности дѣло не скоро уладилось, и чуть ли не прошло около двухъ лѣтъ, пока властолюбивый Геронтій отправился въ Царьградъ просить у вселенскаго патріарха посвященія въ санъ митрополита всероссійскаго. Съ многочисленною свитою торжественно пустился въ путь владимірскій ставленникъ. Онъ взялъ съ собою святительскую утварь, жезлъ и святую икону, писанную блаженнымъ галицкимъ игуменомъ Петромъ и поднесенную имъ усопшему святителю.

Все было обдумано, улажено человѣческимъ умомъ. Да не то рѣшило святое Провидѣніе!

Воды Чернаго моря враждебно вздымались по пути нашихъ судовъ, точно заслонить хотѣли путь русскимъ посламъ. Бури не прекращались; грозно бушевали стихіи во время плаванія Геронтія. «Самъ онъ и бывшіе съ нимъ не могли передохнуть отъ морского волненія». Наконецъ, въ одну ночь Сама Пречистая Дѣва явилась Геронтію. Сосредоточенно казалось святое чело, строгъ былъ гласъ Премилосердой Владычицы нашей, Всеблагой Царицы Небесной: «Напрасно трудишься, Геронтій! Санъ святительскій не достанется тебѣ. Но тотъ, кто написалъ Меня, Петръ, игуменъ Ратскій, служитель Сына Моего и Бога, возведенъ будетъ на верховный престолъ митрополіи русской, украситъ его, людей своихъ упасетъ и, такъ богоугодно поживъ, въ старости маститой, съ радостью перейдетъ къ своему желанному Владыкѣ и Верховному Архіерею».

Диву дался Геронтій. Разсказалъ сопутствующимъ ему друзьямъ все подробно, и они пришли въ недоумѣніе. Пожалуй, даже бурю позабыли. Ратскій Петръ? Гдѣ же Рать? Какой игуменъ Петръ? Откуда возьметъ его вселенскій патріархъ?» съ недоумѣніемъ твердили владимірцы. Кто-то вспомнилъ объ образѣ. Его осмотрѣли: «вотъ, вотъ такой ликъ былъ у Пречистой», заговорилъ Геронтій. Не по себѣ было игумену, но и отступать не хотѣлось. Ужъ очень заманчивъ санъ всероссійскаго митрополита! Можно для него позабыть и обѣтъ смиренія, уничиженія своей личности, отреченія отъ своихъ желаній, наклонностей, мечтаній. Окружающіе поддержали его, какъ могли и умѣли. Наконецъ, послѣ долгой и упорной борьбы

съ непривѣтливыми волнами, достигли путники желанной пристани у стѣнъ Царьграда.

Воля Пречистой Дѣвы исполнилась сама собою, помимо всѣхъ предположеній толковыхъ владимірцевъ. Благочестивая княжеская чета въ Галичѣ горячо, молитвенно отнеслась къ духовной нуждѣ православнаго юга. Совѣщались князь и княгиня съ своими лучшими совѣтниками и, благословясь, помолясь, отправили надежныхъ людей къ тому иноку Петру, игумену Ратской обители, котораго такъ милостиво благословилъ усопшій святитель въ послѣдній пріѣздъ къ своей галицкой паствѣ. И образъ его письма принялъ, и не разставался съ этою святыней до послѣдняго издыханія. Вся галицко-волынская земля преклонялась передъ смиреннымъ подвижникомъ Петромъ. Слава о его святой жизни далеко разносилась по лицу земли родной. Во множествѣ стекались въ его обитель благочестивые богомольцы. Не малое число ихъ и оставалось при немъ, подражая мудрому наставнику въ его молитвенныхъ трудахъ, постѣ, изнуреніи плоти, полномъ отрѣшеніи отъ всѣхъ житейскихъ заботъ и привязанностей. Къ нему-то въ монастырь, къ берегамъ тихой Рати, отправилъ Юрій Львовичъ довѣренныхъ людей—просить подвижника предпринять тяжелый путь въ Царьградъ ко вселенскому патріарху. Надо было доложить святителю о сиротствѣ галицкой паствы, объ отдаленности ея отъ сѣверной столицы, о трудности сообщеній. Надо было объяснить, какая жгучая необходимость именно на этой дальней окраинѣ южной Руси—имѣть своего духовнаго вождя, верховнаго блюстителя церковныхъ потребностей и религіознаго воспитателя народныхъ массъ. Смиренный инокъ долженъ былъ молить пат-

ріарха о дарованіи Галичу своего митрополита. Сильно смутился строгій монахъ. Не къ земнымъ заботамъ и человѣческимъ нуждамъ прилежало его сердце. Помыслы устремлялися къ небу. Душа рвалась къ молитвенному подвижничеству, отчужденію отъ всего, что мѣшало ему молиться, поститься, плакать надъ своимъ духовнымъ убожествомъ. А тутъ княжеская воля отрываетъ его, толкаетъ въ даль, въ чужую землю, блюсти мірскія дѣла и нужды! Но чувство смиренія, полное отрѣшеніе отъ своей воли, взяло верхъ. Божій рабъ, послушный инокъ склонился передъ велѣніемъ своего князя и покорно пошелъ въ тотъ-же Царьградъ, куда направлялось владимірское посольство. Но, конечно, Петръ и не подозрѣвалъ, что именно онъ предназначенъ въ митрополиты, и считалъ себя только княжескимъ посломъ.

Какъ изъ Владиміра съ Геронтіемъ, такъ изъ Галича съ блаженнымъ Петромъ поѣхали именитые, надежные бояре. Старѣйшему изъ нихъ князь Юрій вручилъ собственноручное посланіе къ патріарху. Въ немъ повторялась словесная просьба игумена и излагались заботы князя о религіозномъ воспитаніи галицкаго народа, уяснялись причины безпокойства за его будущее, необходимость имѣть ему особаго митрополита, а на игумена Петра указывалось, какъ на дѣйствительно достойнаго занять высокое положеніе духовнаго вождя, учителя православныхъ, живущихъ на границѣ съ схизматическимъ Западомъ.

Почти въ одно время, только отъ разныхъ пристаней, поплыли въ Царьградъ игумены, намѣченные людскою мудростью—быть достойными преемниками усопшаго митрополита.

Ясно небо, тихо море, и тѣ же волны, что такъ

Константинопольскій патріархъ встрѣчаетъ Ратскаго игумена св. Петра. *(Къ стр. 189).*

злостно вздымались, заграждая путь Геронтію, блестя и сверкая всѣми цвѣтами радуги, любовно ласкались вокругъ галицкихъ судовъ, неся ихъ мирно и торжественно къ величавымъ стѣнамъ вѣкового Царьграда.

Въ то время на константинопольской каѳедрѣ святительствовалъ благочестивый и добродѣтельный патріархъ Аѳанасій. Когда ему доложили о пріѣздѣ православнаго игумена съ именитыми боярами, посланными къ святѣйшему владыкѣ отъ галицкаго князя, онъ пошелъ имъ на встрѣчу и передъ дверьми своего пріемнаго покоя остановился въ изумленіи. Ему на встрѣчу неслось пріятное благоуханіе, наполнившее какъ бы ѳиміамомъ комнату, въ которой находился русскій инокъ съ своими путниками. Перекрестился святѣйшій и уразумѣлъ своимъ прозорливымъ умомъ, что Божіею благодатью отмѣченъ смиренный посланецъ галицкаго державца, привезшій ему сыновній привѣтъ и посланіе богобоязненнаго правовѣрнаго русскаго князя. Но, прочитавъ письмо, святѣйшій сильно призадумался... Геронтій-то ужъ тутъ, въ Царьградѣ, и друзья владимірскаго стола не безсильны среди греческаго духовенства! Пожалуй, чего добраго, втихомолку отъ патріарха они развяжутъ свою мошну: она потуже галицкой; дары будутъ поцѣннѣе. Заговорятъ, зашумятъ, испортятъ благое начинаніе. Пришлось созвать соборъ. Сторонники Геронтія выставляли на видъ его личныя достоинства, а главное, возрастающую мощь сѣверной, православной державы. Указывали на ея братскія отношенія къ Византіи и на всю выгоду дружить съ богатой, сильной Россіей! Галичъ слабѣе. Его бояре любятъ западъ, дружатъ съ Венгріей, Австріей, Римомъ! Княжеская власть

тамъ слабѣе. Выгоднѣе держаться сильнѣйшаго. Поднялся маститый патріархъ. Смолкло собраніе. Споры пріостановились. Мощно полилась его вдохновенная рѣчь. О святости сана митрополита заговорилъ онъ. Повѣдалъ о чудесномъ видѣніи. Не о земныхъ богатствахъ, не о хлѣбѣ насущномъ говорилъ старѣйшій іерархъ восточной Церкви. На Божіе предопредѣленіе, на Его Святой Промыслъ указывалъ онъ своимъ собратіямъ. Не могъ соборъ противиться горячимъ словамъ своего святителя; всѣ братски согласились съ его мнѣніемъ, выбрали Петра въ митрополиты и назначили для его посвященія торжественное богослуженіе. Самъ святѣйшій патріархъ совершалъ литургію съ сонмомъ греческихъ епископовъ. Во время обряда посвященія, весь священный соборъ былъ потрясенъ чуднымъ видѣніемъ: ликъ блаженнаго Петра обрамляло сіяніе въ формѣ блестящихъ солнечныхъ лучей. Воспрянулъ духомъ маститый первослужащій и пророчески объявилъ всему собору: «Истинно, повелѣніемъ Божіимъ пришелъ къ намъ дивный мужъ сей! Благодатію свыше упасетъ онъ достойно ввѣренное ему стадо». И поставилъ святѣйшій патріархъ цареградскій ратскаго игумена Петра во митрополита всея Руси. (1308 г.).

Геронтію пришлось уступить. Не искренно, но все же смиренно открылъ онъ свою душу, сердце, помыслы святѣйшему отцу. Тутъ же повѣдалъ о видѣніи, посѣтившемъ его на кораблѣ. Патріархъ взялъ отъ него жезлъ, икону, утварь, привезенную изъ Россіи, передалъ все это по принадлежности новому митрополиту, а Геронтію преподалъ строгій совѣтъ почтительной покорности новому владыкѣ, такъ чудесно указанному Самимъ Богомъ въ пастыри всей Русской земли.

Святитель же Петръ не возвращался болѣе на свою родину. Изъ Царьграда онъ поѣхалъ въ Кіевъ. Тамъ поклонился древнѣйшимъ святынямъ православія на Руси, проливая горькія слезы надъ испепеленными, разоренными остатками прежняго величія и славы. Оттуда отправился во Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ выбралъ себѣ мѣстопребываніе его предмѣстникъ, митрополитъ Максимъ, когда былъ вынужденъ покинуть до тла разграбленный Кіевъ, — матерь городовъ русскихъ.

Но козни враговъ, приверженцевъ Геронтія, не оставляли святителя Петра въ покоѣ. Въ Царьградъ сыпались на него доносы. Сѣверные князья ссорились изъ-за него между собою. Дошло до того, что пришлось, по волѣ патріарха, въ 1311 году собрать соборъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ изъ греческихъ и русскихъ іерарховъ, и на немъ разсудить всѣ обвиненія, взводимыя на Петра. Но Господь не далъ на посрамленіе своего избранника. Чистъ и оправданъ остался онъ отъ нечестивыхъ клеветъ и навѣтовъ. Только вернуться во враждебный ему Владиміръ не пожелалъ уже митрополитъ всея Руси! Онъ переселился въ юную Москву, предвидя прозорливымъ окомъ будущую славу и мощь православной русской столицы.

Всей душой, всѣмъ разумѣніемъ своимъ митрополитъ Петръ предался святительскому служенію на пользу Господомъ ввѣренной ему паствы. Объѣзжалъ онъ города и села, уча, утѣшая, наставляя, безъ отдыха руководя стадомъ Христовымъ. И старые, и молодые, и знатные, начиная съ князей земныхъ и до послѣдняго смерда, пользовались его благотворнымъ вниманіемъ. Галиція, нераздѣльно со всею обширною Рус-

скою землею, сливалась въ одно цѣлое въ его милостивыхъ заботахъ и трудахъ. Видимо, благодать Божія умудряла своего избранника, помогая ему въ его многотрудномъ святомъ служеніи. Нелегко было — устроеніе дѣла православной Церкви на такомъ необозримомъ пространствѣ, какое занимала тогда сѣверо-восточная и юго-западная Русь, — отъ береговъ Волги до подножія Карпатъ, подъ верховнымъ водительствомъ единокровныхъ князей Рюрикова дома.

Въ 1305 году, послѣ смерти Владиміра Васильковича и Мстислава Даниловича, князь Юрій I-й Львовичъ остался единственнымъ правителемъ всѣхъ земель, которыми владѣлъ дѣдъ его, князь Данило, — славнѣйшій среди славныхъ Рюриковичей, княжившихъ по постановленію Любечскаго съѣзда въ Галиціи. Благочестивый, разсудительный, сдержанный, онъ внимательно вглядывался въ будущія судьбы своего государства. Женатый на тверской княжнѣ, онъ жилъ въ мирѣ и согласіи съ своими сѣверными свойственниками.

Кажется, все складывалось для прочнаго и продолжительнаго процвѣтанія галицкихъ земель подъ скипетромъ мудраго, осторожнаго князя Юрія I. Господь же судилъ иначе! На горе всего православнаго юга, туча черная надвигалась съ сѣверо-запада, все отъ тѣхъ же прирожденныхъ, вѣковыхъ враговъ православія и русской народности—властолюбивыхъ, ненасытныхъ латынянъ!

Воинствующіе братья о Христѣ не переставали утѣснять языческую Литву, которою въ 1315 году правилъ Витенъ. Воинственный, славолюбивый, онъ съ перемѣннымъ счастіемъ отбивался отъ кровожадныхъ сосѣдей,

Смерть князя Юрія Львовича (1316 г.). (*Къ стр. 193*).

самъ же, въ свою очередь, тѣснилъ южныя русскія земли. Его войска, подъ предводительствомъ, великаго впослѣдствіи, Гедимина, отняли у Юрія Дрогичинъ, Брестъ и шли уже на Владиміръ (Волынскій). Какъ ни миролюбивъ былъ по душѣ Юрій I-й Львовичъ, но не могъ уступить родную отчину! Не поступиться же ему наслѣдіемъ Ростиславовыхъ потомковъ!

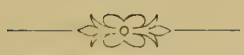
Онъ собралъ свои дружины, призвалъ на помощь татаръ и двинулся противъ литовцевъ. Подъ стѣнами древняго Владиміра, тамъ, гдѣ нашъ Равноапостольный князь благоговѣйно и усердно насаждалъ православіе и русскую гражданственность, его достойный потомокъ храбро сразился съ наступающимъ врагомъ. Битва была прежестокая. Литовцы напирали отчаянно. Ихъ велъ славный, храбрый, опытный воитель. Татарская конница не выдержала, пошатнулась, уступила, потянула за собою и нашихъ Напрасно Юрій лично бросился въ сѣчу, чтобы поддержать порядокъ. Его видѣли вездѣ, гдѣ была опасность, въ челѣ своихъ дружинъ. Ничто не помогало. Литовцы побѣдили, и несчастный князь, пронзенный стрѣлою въ самое сердце, палъ геройской смертью, отстаивая родную землю—святую Русь (1316 г.). Его сыновья-преемники Андрей и Левъ (сконч. 1324 г.) были слишкомъ слабы, чтобы, заступивъ мѣсто державнаго родителя, поддержать былую силу и славу галичанъ.

Въ горѣ, они прибѣгли къ нелюбимому народомъ средству,—позвали на помощь прирожденныхъ враговъ русской народности и православной вѣры—рыцарей католиковъ. Но и то не помогло. Гордый своими побѣдами, храбрый Гедиминъ справился съ западными находниками, своими злѣйшими врагами, разбилъ ихъ на голову и продолжалъ напирать на Волынь. Отнялъ

Луцкъ, отбросилъ князя Льва за Днѣпръ и, пользуясь тѣмъ, что сѣверная владиміро-суздальская Русь была занята борьбою съ татарами, продолжалъ побѣдоносно двигаться по Южной Руси, вплоть до Кіева. Въ 1333 году (по кіево-печерской лѣтописи) послѣ жесточайшей двухмѣсячной осады, палъ Кіевъ—матерь городовъ русскихъ. Не видя ниоткуда помощи, граждане въ отчаяніи собрались на вѣче и рѣшили поддаться литовскому князю, зная, какъ онъ великодушенъ къ побѣжденнымъ, милостивъ къ православному духовенству и щадитъ святые храмы. Настежъ распахнулись Золотыя ворота, заблестѣли на солнцѣ святительскія облаченія, съ крестами и хоругвями вышли на встрѣчу великодушному князю литовскому плачущіе жители. Вся ихъ надежда была сосредоточена на силѣ святого Креста Христова, да на честной душѣ Гедимина. Торжественно въѣхалъ князь литовскій въ древнюю столицу Владиміра Святаго.

По примѣру Кіева, передъ нимъ склонялись и другіе города. Онъ уважалъ, щадилъ святыя церкви, греческую вѣру, русскую народность. Ставилъ только всюду своихъ намѣстниковъ и при нихъ оставлялъ надежные гарнизоны. Совершенно по праву носилъ онъ и оставила за нимъ исторія титулъ «великаго князя русскаго и литовскаго», такъ какъ, подъ его скипетромъ, русскія земли занимали гораздо болѣе пространства, чѣмъ маленькое собственно литовское государство. Отдавая полную справедливость выдающейся образованности южной Руси, хорошо знакомый съ развитіемъ въ ней наукъ и искусствъ, онъ усердно привлекалъ оттуда въ свою родную Литву ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ. Покровительствовалъ миссіонерскимъ трудамъ православнаго духовенства и явно отдавалъ

предпочтеніе передъ всѣми другими—греческому вѣроисповѣданію. Поэтому галицкій историкъ вправѣ былъ сказать: «Литва покорила русскія земли силою оружія, за то Русь подчинила себѣ Литву, сдѣлавъ ее русскою по языку и вѣрѣ православной».



ИСТОЧНИКИ:

1) *Ѳ. Пв. Р.*, членъ Общества имени Михаила Кочковскаго въ Львовѣ.—Иллюстрированная народная исторія Руси.

2) *Н. М. Карамзинъ.* Исторія Государства Россійскаго. Т. IV.

3) *Зубрицкій.* Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества.

4) Протоіерей *А. Ѳ. Хвойницкій.* Патерикъ. Волынь. Почаевскъ. Отд. второй, стр. 65.

Судьбы Галича.

1377 г.

ЗВОЛНОВАНЪ вѣчный Римъ! Кардиналы, прелаты, патеры, весь синклитъ, даже до послѣдняго аббата, всѣ зашевелились, испуганно сообщая другъ другу, какое новое огорченіе постигло святѣйшаго отца!

Съ востока, изъ Польши, отъ мазовецкаго князя Владислава Локетка пріѣхалъ гонецъ, привезъ письмо съ угнетающею новостью. «Извѣщаю ваше святѣйшество», читалъ папа Іоаннъ XXII, «о кончинѣ двухъ послѣднихъ князей россійскихъ, бывшихъ для насъ твердою защитою отъ свирѣпости татаръ. Сіи жестокіе враги христіанства, безъ сомнѣнія, пожелаютъ нынѣ овладѣть Русью, смежною съ нашими землями, и мы будемъ въ величайшей опасности».

Такъ сильно было обаяніе великихъ галицкихъ державцевъ, что смерть Андрея и Льва Юрьевичей взволновала не только ближайшихъ сосѣдей, но и дальній западъ, царственный Римъ! Галицко-волынскіе князья, Андрей и Левъ, скончавшіеся около

1324 года, оставили малолѣтняго наслѣдника, именемъ Юрія II Андреевича (или Георгія), правнука Даніила.—Въ дружескихъ латинскихъ грамотахъ къ великимъ магистрамъ нѣмецкаго ордена онъ писался природнымъ княземъ и государемъ всей Малой Россіи и обязывался предохранять землю рыцарей отъ набѣга татаръ. Юрій II Андреевичъ употреблялъ печать Юрія I Львовича, дѣда своего, и жилъ то во Владимірѣ, то во Львовѣ. При немъ, значитъ, было соединеніе Волыни и Галиціи подъ одну власть. Грамоты Юрія II Андреевича, кромѣ его печати, скрѣплены печатями епископа, княжескаго пѣстуна и воеводъ бельзкаго, перемышльскаго, львовскаго и луцкаго. Слѣдовательно, въ Волыни и Галиціи, при Юріи II Андреевичѣ, бояре имѣли прежнее важное значеніе въ дѣлѣ управленія страною. Послѣдняя грамота Юрія II Андреевича относится къ 1335-му году. Послѣ Юрія II пресѣклось потомство Романа въ мужскомъ колѣнѣ. Мучительно страдала обездоленная Малая Русь, съ нею Волынь и Галичъ, когда почувствовали свое сиротство, безсиліе уберечься не отъ однихъ только татаръ. Страшны имъ были западные сосѣди, схизматики, венгры да поляки, которыхъ вооружала не рука языческихъ волхвовъ, но проповѣдь католическихъ монаховъ. Затихла, точно вся вымерла, въ своемъ безысходномъ горѣ третья столица Галицкаго княжества!

И какъ-же раскинулся красивый Львовъ по склону высокой горы надъ Палтвою! За́мокъ, какъ княжеская корона, вѣнчаетъ ея гребень. Кругомъ идутъ строенія дѣтинца, въ которомъ размѣщена стража князя, готовая, съ оружіемъ въ рукахъ, охранять его покой. Дальше, къ востоку, дворы бояръ,

ихъ богатые терема, окруженные роскошными садами. Много православныхъ храмовъ съ блестящими золотыми крестами. Есть два монастыря, мусульманская мечеть, армянская церковь святой Анны и маленькій костелъ святой Маріи для нѣмецкихъ купцовъ.

Въ тѣ времена, во Львовѣ перекрещивались дороги изъ Кіева въ Краковъ, т. е. изъ Россіи въ Польшу, отъ Чернаго моря до Балтійскаго, и дороги соединительныя водныхъ путей,—Днѣстра и Буга, значитъ, Венгріи, Волыни и Литвы. И въ военномъ, и въ торговомъ отношеніи положеніе было блестящее. Оттого такъ быстро разросталась любимая столица умнаго Льва Даниловича, привлекая подъ защиту своихъ надежныхъ стѣнъ видимо-невидимо чужого торговаго люда.

Въ этой-то славной, великолѣпной твердынѣ русскихъ князей, въ ихъ роскошныхъ, но теперь опустѣлыхъ, палатахъ водворилась печаль горькая, скорбь безысходная! Собрались осиротѣлые вельможи, когда то строптивые, кичливые, сварливые рѣшители судебъ своей бѣдной родины. Поникли буйныя головы, затихли громкія рѣчи. Позвали они на совѣтъ и епископа Ѳеодора; не довѣряютъ ужъ самимъ себѣ! Бояре, воеводы, тіуны и всѣ остальные «достойники» *) съ горя сплотились вокругъ владыки. Судятъ, рядятъ, тужатъ, ума не приложатъ, какъ горю, кручинѣ пособить. Умерли державцы прирожденные! Изсякъ родъ славныхъ Романовичей, крѣпкихъ защитниковъ земли родной, Церкви православной.—«Согрѣшили мы передъ Богомъ, повинны передъ родиной», вздыхая и утирая горькія слезы, говорилъ тіунъ княжескаго

*) Выраженіе галицкаго историка.

двора,—Григорій Косовичъ.—«Смиряетъ васъ Господь за ваши вѣковыя крамолы, неповиновеніе князьямъ, призваннымъ Его святымъ произволеніемъ княжить и володѣть землями галицкими», съ чувствомъ произнесъ епископъ.—«Ужъ и не поминай, святый владыко, грѣшны мы передъ родиной и прахомъ великихъ державцевъ! Что и говорить! повинны карѣ небесной! Только теперь-то не кори насъ! Помоги, благослови поразмыслить, какъ быть, какъ помочь въ горѣ и печали землѣ родной?» съ мольбой въ голосѣ вымолвилъ дядька покойныхъ князей, сѣдой, согбенный старецъ Михаилъ Эліазаровичъ.—«Идти развѣ на Москву или въ Тверь? Плакаться тамошнимъ молодшимъ князьямъ,—звать на нашъ великій столъ?» вставилъ перемышльскій воевода.—«Что намъ въ молодшихъ? Не оборонятъ они насъ ни отъ напора хищныхъ язычниковъ, ни отъ подвоховъ хитроумныхъ латынянъ!»—«Ну, а именитые не пойдутъ!—Родныя гнѣзда дороже!» съ явнымъ задоромъ вскипѣлъ бояринъ Ѳеодоръ Отекъ.—«По моему худобному разумѣнію», заговорилъ епископъ, — всѣ тотчасъ насторожились,—«нечего искать дальнихъ князей править родными землями, когда есть еще княжичъ крови покойныхъ державцевъ». Присутствовавшіе вслушивались.—«Да родъ-то изсякъ же!» пробѣжало въ собраніи не громкимъ шепотомъ.—«А сынъ мазовецкаго князя Тройдена и благовѣрной княгини Маріи, сестры Юрія II-го Андреевича, Болеславъ-то Тройденовичъ? Онъ окрещенъ по восточному обряду, съ именемъ преславнаго дѣда своего Юрія I-го. Вотъ и наслѣдникъ упокоившимся нашимъ великимъ князьямъ».—«Правда, матерь его очень любима на чужбинѣ, хотя и строго держится греческаго обряда,

ничѣмъ ни на волосъ не поступилась», сказалъ глубокомысленно тіунъ. Воевода луцкій опять огрызнулся: «пусть клятву даетъ! пусть присягнетъ, что не станетъ нарушать наши старыя права, обычаи! Вѣрно постоитъ за святую Церковь, за русскій народъ!» — «Да и казну галицкую, скопленную предками, самовольно да не расхищаетъ!» Епископъ обѣщалъ самъ привести князя къ присягѣ. Бояре, обсудивъ съ владыкою всѣ условія и чинъ присяги, послали отъ себя выборныхъ людей за мазовецкимъ княземъ Болеславомъ Тройденовичемъ, предлагая ему возсѣсть на престолъ дѣда—по матери.

Осторожные же бояре-вельможи выбрали изъ своей среды довѣренныхъ лицъ, родъ боярской думы, и возложили на нихъ обязанность блюсти права, хранить достояніе и пещись о нуждахъ родной земли.

Не заставилъ ждать себя юный княжичъ! Скоро узнали жители Львова о его приближеніи въ сопровожденіи почетной мазовецкой стражи. Съ образами, крестами, хоругвями встрѣтили избраннаго своего державца духовенство, дружина, бояре, народъ. За городскими воротами было приготовлено возвышеніе, поставленъ аналой, на немъ положено святое Евангеліе. Торжественно была обставлена церемонія присяги. Истово крестился сынъ православной русской княжны; внятно читалъ слова клятвы, даваемой имъ русскому народу подъ гостепріимнымъ галицкимъ небомъ, на глазахъ безчисленной благоговѣйной толпы. Пожалуй, даже искренно призывалъ князь Бога въ свидѣтели своего желанія жить и трудиться на благо народа, довѣрявшаго ему судьбы своихъ земель во славу Церкви православной. Епископъ окропилъ его

святою водой и благословилъ входъ державца въ стольный, великолѣпный Львовъ.

Сердечно радовались галичане, зорко слѣдили бояре за жизнью и дѣйствіями своего избранника. Самые недовѣрчивые—и тѣ начали успокоиваться. Епископъ горячо молился о новомъ правителѣ и его подданныхъ. При каждомъ недоразумѣніи, тревожномъ слухѣ, доносившемся до него, онъ отечески, осторожно наставлялъ Юрія III. Боярская дума была тоже дѣятельна, особенно зорко слѣдила за сношеніями съ западомъ.

Все, казалось, было улажено ко всеобщему благу. Даже женитьба князя на дочери славнаго Гедимина говорила въ пользу Юрія. Извѣстно, что ея братъ, христіанинъ, Любартъ Гедиминовичъ, женатъ былъ на дочери Льва Юрьевича владиміро-волынскаго князя, получивъ въ приданое за ней волынскій удѣлъ, и имѣлъ право на галицкое княжество. Такимъ образомъ все говорило, какъ будто, о заботливомъ отношеніи князя Юрія Тройденовича къ интересамъ страны, довѣрившей ему свои судьбы.

Отъ одного только не смогли уберечься осторожные галичане,—отъ зложелательнаго Рима, не дремлющаго врага восточной Церкви. Папа и сонмъ фанатическихъ его служителей сумѣли обойти зоркій боярскій надзоръ.

Съ дѣтства зная безхарактернаго Юрія-Болеслава, его постепенно обходили прежніе мазовецкіе друзья.—«Не князю же всея Малыя Россіи жить подъ опекою боярской думы!» говорили они. «Не имѣть права распоряжаться княжеской мошной въ свое удовольствіе! Да гдѣ же это видано? Хоть бы разобраться-то въ этихъ несмѣтныхъ, цѣлыми вѣками накопленныхъ со-

кровищахъ!» Слово за слово, шагъ за шагомъ, и прежній Болеславъ Тройденовичъ сталъ понемногу показывать свою волю, свои вкусы, наклонности. Постепенно онъ отдалялъ, потомъ сталъ все больше обижать, унижать русскихъ прирожденныхъ бояръ, служилыхъ людей. Замѣнялъ ихъ католиками, поляками, чехами, нѣмцами. Имъ раздавалъ дрязы *). Мало-помалу онъ и совсѣмъ бросилъ личину благочестія. Съ ужасомъ народъ увидѣлъ его отчужденіе отъ православной Церкви и явное желаніе ввести въ странѣ латинство, пренебреженіе къ роднымъ обычаямъ, галицкимъ законамъ. О казнѣ и говорить нечего,—всю забралъ и принялся расхищать.

Не тихаго десятка и всегда-то были галицко-русскіе бояре. Исконные крамольники, они теперь, за правое родное дѣло, встали поголовно. Закипѣло ретивое вельможъ и ратныхъ людей.—«Церкви поруганы! законы потоптаны! сокровища похищены! Спасти родину, вѣру отцевъ!» – рѣшили промежъ себя преданные сыны Россіи.

Дѣла ужъ были такъ обставлены, что русскому человѣку невозможно было и добраться до своего державца. Иноземная дружина крѣпко сплотилась вокругъ него. Приходилось дѣйствовать хитростью, обдумывать свое намѣреніе со всѣхъ сторонъ. Вѣрили крѣпко другъ другу именитые люди Галича, тайну сумѣли держать даже отъ владыки, такъ какъ боялись его евангельскаго незлобія, долготерпѣнія, всепрощенія.

Съ общаго согласія было рѣшено, что одинъ изъ самыхъ богатыхъ, родовитыхъ бояръ затѣетъ у себя пиръ на славу. И князя онъ пригласилъ вмѣстѣ съ епископомъ.

---

*) Мѣста.

Смерть Болеслава Тройденовича, послѣдняго державца Галицкой земли. *(Къ стр. 203).*

Роскошь пріема была сказочная: яствъ не перечесть, напитковъ разливанное море. Здравицы поднимались и выпивались одна за другою:—«За несокрушимость величія державы твоей, князь!»—«За родину святую! За Русь православную!» поднявъ золотые кубки, вызывающимъ голосомъ провозгласили хозяинъ и его друзья. Пришлые дружинники насторожились: ужъ очень внушительно звучали голоса. Мертвенно блѣденъ сдѣлался архипастырь. Онъ началъ догадываться, что готовится князю отплата, и страшно перепугался, хотя не понималъ, къ какой формѣ мести прибѣгаютъ его друзья. Ничего не подозрѣвая, живо поднялся Юрій; весело вторя здравицамъ бояръ, онъ высоко поднялъ блестящій кубокъ и, осушивъ его до дна, сѣлъ—и больше уже не всталъ. Навѣки опустилась рука, не умѣвшая служить благу русской державы. Смолкъ голосъ, измѣнившій клятвамъ. Поникло чело, не уразумѣвшее законныхъ требованій русскаго народа. Разорвалось сердце, не любившее православной галицкой земли. Въ кубкѣ съ виномъ былъ приготовленъ сильнѣйшій ядъ, какъ молнія убивающій тѣхъ, кто его проглотитъ. Молился архипастырь. Служитель Бога любви, мира, терпѣнія, онъ былъ уничтоженъ этимъ смѣлымъ, злымъ поступкомъ.—«Цѣль оправдываетъ средства!»—не русская мудрость. Ее не найти на страницахъ святаго Евангелія. Занесена она была въ Галичъ слугами Рима, изводившими ею русскихъ родовитыхъ мужей. Испытавъ на себѣ самихъ дѣйствія этого злого, не христіанскаго правила, вельможи Червонной Руси попробовали избавить родину отъ ставленника запада лукавою мудростью того же запада.

Съ воплемъ ужаса поднялись находники, друзья

князя. Что было имъ дѣлать у бездыханнаго трупа? Плакать надъ мертвымъ Юріемъ-Болеславомъ? Плачутъ тѣ, которые любятъ; любить же не могутъ иновѣрцы, заполоняющіе чужую землю изъ корыстныхъ цѣлей, по приказу могущественныхъ покровителей. Домой, на западъ, ринулись приспѣшники Юрія, клевреты злобнаго Рима. Спасать свои животы да разносить потрясающую новость своимъ покровителямъ спѣшили нѣмцы, поляки, чехи.

Поднялись двѣ черныя тучи надъ южной Русью, два сосѣда вновь осиротѣлыхъ галицкихъ земель,— волынскій князь Любартъ Гедиминовичъ, родственникъ покойнаго, и польскій король Казимиръ III, зять Гедимина, прозванный своими историками «Великимъ». Своякъ покойнаго Юрія-Болеслава Тройденовича—Казимиръ III—поднялъ надъ Галичемъ мечъ отмщенія. Взявъ съ собою наскоро собранную дворцовую дружину, онъ бросился на Львовъ. Городъ былъ вполнѣ беззащитенъ. Сразу польскія войска заняли пригороды. Грозно всталъ самъ Казимиръ передъ воротами крѣпости (дѣтинца), окаймлявшей гору и княжескія палаты. Немыслимо было никакое сопротивленіе. Приходилось сдаться. Галичане выговорили только нерушимость вѣры православной и цѣлость государственныхъ сокровищъ. Казимиръ на все соглашался, сознавая, что у него подъ рукой достаточная воинская сила. Какъ только открыли ворота, и онъ могъ войти внутрь, такъ сейчасъ же приказалъ забрать всю казну, крѣпость же сжечь. При яркомъ свѣтѣ зарева, преслѣдуемый воплями и проклятіями жителей, двинулся онъ домой, а за нимъ потянулись цѣлые караваны награбленныхъ сокровищъ. Увезены княжескіе доспѣхи, короны, троны, сосуды, богатыя одежды, сѣдла, сбруя,

все, украшенное золотомъ, серебромъ, жемчугомъ, драгоцѣнными камнями. Даже святыни не пощадилъ: увезъ два золотые креста съ частицами святаго древа Креста Господня *). Рѣшительно все достояніе великокняжеское обобралъ Казимиръ Великій и похоронилъ его, по выраженію галицкаго народа, на «Вавелѣ» **).

Вернувшись въ Краковъ, онъ собралъ большое войско и, чтобы уже безповоротно утвердиться въ Галиціи, сталъ разставлять свои сильные гарнизоны въ значительныхъ галицкихъ городахъ: Перемышлѣ, Любачевѣ, Галичѣ, Теребовлѣ. Правда, что сплотившійся народъ, подъ предводительствомъ князя Данилы Острожскаго, потомка туровскихъ князей, нѣкоторое время сопротивлялся хищническимъ планамъ Казимира, но отстоять своей свободы все-таки не могъ. Со всѣми справлялся Казимиръ. Кого хитростью изводилъ, кого лаской подкупалъ да блестящими посулами вербовалъ въ католичество. А то просто расправлялся силой оружія. Умный, предусмотрительный Пястовичъ основательно забиралъ въ свои цѣпкія руки нашу обездоленную, обезсиленную, несчастную окраину. Все обѣщая, ничего не выполняя, развѣ только благодѣтельствуя вновь обращеннымъ католикамъ, онъ очень умно удовлетворялъ притязанія вліятельнаго своего соперника и сосѣда, венгерскаго короля Карла-Роберта. Онъ откупился отъ его, хотя и мнимыхъ, но громко заявляемыхъ правъ на галицкій престолъ, во-первыхъ, сотнею тысячъ злотыхъ, и

*) Одинъ изъ нихъ, цѣнившійся дороже 10.000 червонцевъ, Казимиръ привезъ въ Краковъ и выставилъ на всеобщее поклоненіе въ каѳедральномъ соборѣ, гдѣ онъ и теперь находится.

**) Вавель—названіе королевскаго дворца въ Краковѣ.

во-вторыхъ, особо заключеннымъ съ нимъ договоромъ. Такъ какъ Казимиръ (женатый на дочери Гедимина Аннѣ Альдонѣ) не имѣлъ дѣтей, то онъ призналъ своимъ наслѣдникомъ родного племянника--принца Людовика, сына венгерскаго короля, женатаго на сестрѣ Казимира—Елизаветѣ. Хотя родство Людовика съ Казимиромъ было по женской линіи, но такъ какъ оба короля и ихъ супруги были католической вѣры, то, конечно, весь западъ крѣпко-на-крѣпко отстаивалъ за ними право на соединенныя короны Венгріи, Польши и Червонно-русскихъ земель.

Для полнаго спокойствія оставалось подвести итоги еще съ однимъ и не послѣднимъ по силѣ и вліянію сосѣдомъ. Это былъ зять Льва Юрьевича, князь Любартъ Гедиминовичъ, мужъ волынской княжны Любуши (Буши) Львовны. Съ нимъ труднѣе бороться. Литва была сильна: Ольгердъ и Кейстутъ не давали брата въ обиду. Храбро, твердо поддерживали они его права на Волынь. Къ нимъ на помощь приходили татары. Казимиру помогалъ Людовикъ, наслѣдовавшій отъ отца венгерскую корону, и крестоносцы. Эти жестокіе воители, оттѣснивъ поляковъ отъ Балтійскихъ береговъ, охотно помогали единовѣрному Казимиру поживиться южными православными землями. Съ перемѣннымъ счастіемъ и короткими промежутками, 37 лѣтъ длилась кровавая борьба.

Несчастныя наши родныя земли, переходя изъ рукъ въ руки, дробились на разныя части. Горѣли, гибли богатые города и села. Народъ православный стоналъ подъ игомъ католиковъ. Спасались только тѣ, кто принималъ латинскій обрядъ или бѣжалъ въ глубь Литвы или Россіи.

Умеръ король Казимиръ III; его законный наслѣдникъ, король Людовикъ, по праву соединилъ подъ своей державой престолы Венгріи и Польши; не могъ и не хотѣлъ онъ мириться съ мыслью отказаться отъ галицкихъ земель. Да и Римъ, во всеоружіи своей духовной силы, не допустилъ бы даже намека на ихъ уступку со стороны Людовика доблестнымъ Гедиминовичамъ, всегда благосклонно относившимся къ православнымъ своимъ подданнымъ.

Только въ 1377 году утихла наконецъ борьба. Перестала литься кровь нашихъ несчастныхъ единовѣрцевъ-галичанъ. Къ Польшѣ отошла собственно Галицкая земля съ Холмскимъ удѣломъ. Ольгердъ же отстоялъ за Литвою обладаніе Волынью.

Въ такомъ положеніи оставались дѣла родныхъ намъ по крови и вѣрѣ братьевъ до 1386 года, когда дочь и наслѣдница короля Людовика, красавица Ядвига, соединила чрезъ бракъ свой съ Ягайломъ, великимъ княземъ литовскимъ, подъ одною короною маленькую Польшу и еще меньшую Литву съ необъятными, исконно—православными, юго-западными русскими землями.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Н. М. Карамзинъ.* Исторія Государства Россійскаго. Т. IV.

2) *Иловайскій.* Исторія Россіи. II ч. Московско-Литовскій періодъ.

3) *Зубрицкій.* Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества.

4) *Ѳ. Ив. Р.* Иллюстрированная народная исторія Руси, изданная во Львовѣ.

5) *П. Дм. Брянцевъ.* Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ.

6) *Лелевель.* Исторія Литвы и Руси.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Утвержденіе Галицкой Руси за Ростиславичами на съѣздѣ русскихъ князей въ Любечѣ, въ 1097 г. 1

Галичъ при Владимiркѣ Володаревичѣ 11

Первые дни княженія Ярослава, прозваннаго Осмомысломъ 26

Князь галицкій Іоаннъ Берладникъ († 1161 г.). 40

Пиръ и смерть 58

Плѣнъ Владиміра Ярославича 70

Романъ Мстиславовичъ галицкій, самодержецъ всей Русской земли 84

Своеволіе галицкихъ бояръ 103

Коломанъ и Саломея на галицкомъ столѣ 117

Основаніе Холма. 1223 г. Татары. 1341 г. 131

Печальникъ о Русской землѣ 156

Многострадальный Владиміръ Васильковичъ, князь волынскій 170

Галичанинъ митрополитъ и смерть князя Юрія Львовича . 182

Судьбы Галича 196

93/4X5 6/8

Duke University Libraries
D028023301